

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ  
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ  
КОМИССИЯ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ  
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ  
НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ  
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РАН**

## **РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник статей  
Выпуск третий**

**Москва  
2014**

ББК 66.1(2) 6  
Р 89

Издание подготовлено  
Центром комплексных исследований российской эмиграции  
Института научной информации по общественным наукам  
Российской академии наук

Редакционная коллегия:  
Ю.В. Мухачёв (главный редактор и составитель),  
Ю.Н. Емельянов, А.В. Квакин, А.П. Козырев,  
Т.Г. Петрова (ответственный секретарь), Ю.С. Пивоваров,  
В.Н. Расторгуев, Е.П. Чельшев, В.Г. Шаронова

Редакторы-составители выпуска – Ю.В. Мухачёв, Т.Г. Петрова

**Русское зарубежье: История и современность:** Сб. ст. /  
Р 89 РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред.  
кол.: Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др. – М., 2014. – Вып. 3 / Ред.-сост.  
вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. – 246 с.  
**ISBN 978-5-248-00744-8**

Сборник посвящен изучению историко-культурного наследия  
русской эмиграции. В издании представлены материалы по истории  
идей и концепций, проблемам культуры и литературы, статьи по истории  
русской эмиграции, по разным странам и континентам. В значитель-  
ной части работ привлечены новые источники, освещены малоразрабо-  
танные вопросы истории русского зарубежья

Для научных работников и всех, кто интересуется историей рус-  
ского зарубежья.

ББК 66.1(2)6

ISBN 978-5-248-00744-8

© ИНИОН РАН, 2014

## **СОДЕРЖАНИЕ**

### **ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА**

*Ю.В. Мухачёв*

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е годы ..... 5

*М.А. Маслин, А.А. Лупова*

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ ..... 17

*Е.О. Розова*

В.Н. ИЛЬИН И ЕВРАЗИЙСКОЕ ТЕЧЕНИЕ ..... 76

*А.Н. Закатов*

«ЦАРЬ И СОВЕТЫ»: МЛАДОРОССКАЯ ПАРТИЯ ..... 87

### **ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ**

*А.М. Грачёва*

ИЗДАНИЕ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И НАУЧНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ ..... 108

*Т.Г. Петрова*

ОБСУЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ ..... 128

*Н.И. Голубева-Монаткина*

О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ..... 134

*Александр Чжичэн Ван*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ШАНХАЯ ..... 168

### **СУДЬБЫ И МИФЫ**

*В.Я. Вульф*

ТАЙНЫ ОЛЬГИ ЧЕХОВОЙ ..... 181

## ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РОССЫПЬ

ЛУБЯНКА ПРОТИВ ЕВРАЗИЙЦЕВ .....	193
---------------------------------	-----

## НАСЛЕДИЕ

<i>Н.С. Трубецкой</i> ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ .....	198
--	-----

## ЮБИЛЕИ

<i>Д.М. Шаховской</i> ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА БАКУНИНА-ОСОРГИНА .....	207
---	-----

## ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

<i>В.Г. Шаронова</i> ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ .....	217
<i>М.К. Меняйленко</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР .....	232

## МИР БИБЛИОГРАФИИ

«СИЦИЛИЯ! – ДРУГОЙ НАМ НЕ НАЙТИ!»: Рецензия .....	241
---	-----

Ю.В. Мухачёв

## ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е годы

Возникновение в российской эмиграции периода 1920–1930-х годов пореволюционных политических движений привело к широкому распространению в эмигрантских политических кругах термина «пореволюционность».

Какой смысл вкладывался в этот термин? Критики пореволюционных идеологических течений в большинстве – политические деятели дореволюционного периода, т.е. представители старых политических партий и идей, действовавших в эмиграции, выдвигали против этого понятия следующие аргументы:

- пореволюционность есть категория временная, в ней нет определенного, со всяким пореволюционным периодом связанного, идейного содержания;

- так называемый пореволюционный комплекс идей не несет в себе ничего нового – в действительности он чрезвычайно дореволюционен: это славянофильство во всех его разновидностях;

- так называемые пореволюционные организации и психологически, и методологически дореволюционны: «это все тот же интеллигентный утопизм в одной сфере – и все та же кружковщина, как метод, в другой»<sup>1</sup>.

Следует отметить, что термин «пореволюционный» даже сами представители этого течения понимали весьма условно, и те идеи, что было принято именовать пореволюционными, в сущности, не новы. Как метко отметил орган объединения пореволюционных течений – журнал «Утверждения»: «...вообще на свете ничего абсолютно нового не бывает; все “новое” есть всегда лишь новое сочетание извечно-наличествующего»<sup>2</sup>.

Поэтому создавая «новое сочетание» представители пореволюционных политических течений искали в данной, небывалой и потому новой исторической обстановке проекцию этого нового идейного сочетания на современную социальную действительность. «Пореволюционная идеология для нас истинна не потому, что она

*МУХАЧЁВ  
Юрий  
Владимирович,  
кандидат  
исторических  
наук,  
руководитель  
Центра  
комплексных  
исследований  
ИНИОН РАН*

революционна, т.е. возникла после революции (она для нас вечна, ибо имя ей: Российская Историческая Идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна стать пореволюционной, т.е. реализоваться после завершения революции, что она истинна и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через творчество старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Герцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева – до Блока, Есенина – проходит одна и та же идея: религиозно-культурной миссии России, “в пределе раскрываемой как мессианское призвание”<sup>3</sup>.

Какие же политические течения принято было относить к пореволюционным? «Таковыми (в неравной степени) надлежит признать евразийцев, устряловцев, национал-максималистов, неонародников (новоградцев), народников-мессианистов (русские фашисты) и, с известными оговорками, «неодемократов» и «младороссов»<sup>4</sup>.

Идеолог «национал-максимализма» князь Ю.А. Ширинский-Шихматов предпринял попытку организации политического объединения отдельных пореволюционных групп. В июле 1933 г. в Париже по его инициативе был созван съезд представителей национал-максималистов, неодемократов, «четвертороссов» и русских национал-социалистов, провозгласивший «Объединение пореволюционных течений»<sup>5</sup>. Свои идеологические положения «Объединение пореволюционных течений» сформулировало следующим образом: «Современное (пореволюционное) понимание Российской национально-исторической идеи настоятельно требует раскрытия:

а) христианской правды как правды социальной;

б) преобладания духовного начала как действительного преодоления всех форм современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);

в) понятия истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру на своих собственных исторических путях;

г) идеи пореволюционного государства как Союза Сотрудничества и Общего Дела;

д) христианской этики – как основы правосознания и права – как функций долга (право функциональное);

е) смысла Революции – как прорыва к творчеству новых форм жизни, – социальных, государственных и международных, соответствующих требованиям новой эпохи»<sup>6</sup>.

Печатными органами «Объединения» были журналы: «Утверждения» (издавался в Париже с 1931–1932 гг.), «Завтра» (издавался во Франции, 1933–1935, «Периодический Бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на юге Франции» (издавался на гектографе в Марселе в 1933–1935 гг.)<sup>7</sup>.

Все пореволюционные течения ставили перед собой единую цель – претворение в жизнь «Российской Исторической Идеи» (в разных ее преломлениях), солидарны были и в том, что просеивали эту Идею на современную им советскую действительность, в качестве исходной точки для дальнейшего строительства. Что касается путей этого строительства – то в этом вопросе имелся ряд вариантов, как идеологического, так и программно-тактического характера.

Но единой пореволюционной идеологии никогда не существовало, и она реально никогда не могла возникнуть и объединить русскую «пореволюционно настроенную» эмиграцию. Безусловно, можно установить комплекс идей, созвучных новой «пореволюционной эпохе» и принимаемых не как отдельные звенья чьей-то программы, а как фон для различных программ, как ряд утверждений, сближающих, в общем, представления о новой России людей самых различных направлений. Поэтому трудно признать только случайностью тот факт, что почти в одно и то же время, без всяких «предварительных до-

говоренностей», зазвучали одни и те же мысли в Харбине и в Софии, Берлине и Париже, отражая в разных аспектах одну и ту же реальность: назревшую актуализацию идеи исторической миссии России.

В конце 1921 г. заявляет о себе политическое течение «сменовеховцев», название которому дал сборник статей «Смена вех», вышедший в Праге в июле 1921 г. (авторы: Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин). Вскоре сборник был перепечатан в Советской России. Дальнейшие издания «сменовеховцев»: одноименный еженедельник «Смена вех» в Париже – 20 номеров – с 1921 по 1922 г. под редакцией Ю.В. Ключникова, газета «Накануне» – Берлин, 1922–1924 гг. Сменовеховские издания выходили в Софии («Новая Россия»), Харбине («Новости жизни»), Гельсингфорсе («Путь»), Риге («Новый путь»).

Один из участников сборника «Смена вех» Н.В. Устрялов в марте 1934 г. в статье «Сдвиги П.Н. Милокова» писал о своей политической позиции начала 1920-х годов, называя ее «национал-советской»: «...той, на которую пишуший эти строки перешел 14 лет назад, в начале 1920 г., и которая через год была закреплена так называемым «сменовеховским» движением...»<sup>8,9</sup>.

В 1920 г. Н.В. Устрялов издал книгу «В борьбе за Россию», в которой, по сути дела, определились основные направления «сменовеховства», развитые затем в сборнике «Смена вех» и позднее в его книге «Под знаком революции» (Харбин, 1925).

Основные проблемы, поставленные в сборнике «Смена вех» и ставшие одновременно основными проблемами, рассматриваемыми «сменовеховским» политическим течением:

1) русская революция, ее эволюция и эволюция большевизма;

2) национально-государственные задачи России;

3) проблемы возвращения русской эмиграции.

И Н.В. Устрялов и остальные участники сборника после размышлений над событиями недавнего прошлого пришли к однозначному выводу: «Россия переживает не переворот, не бунт, не смуту, а именно великую революцию со всеми характерными ее особенностями». Великой же она стала лишь к ноябрю 1917 г. В марте слышался только «революционный лепет» и виделись «робкие шаги родившегося общественно-политического обновления»; – буря пришла потом, и только на мрачном зловещем большевистском небе засверкали ослепительные зарницы»<sup>10</sup>.

Одним из основных положений «сменовеховства» было признание «национального характера русской революции». 13 августа 1920 г. в статье «Два страха» (газета «Новости жизни», Харбин) Устрялов писал: «...Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли. Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт “бессмысленный и беспощадный” и с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную “правду”? Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печеринской (чисто русской) “патриофобии”. От герценовского революционного романтизма (“мы опередили Европу, потому что отстали от нее”)? А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобинство ткачевского “Набата” (апология “инициативного меньшинства”)? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский? Достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? Или быть может, оба они – не

русские? А марксизм 1890-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями русской идеи, Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А “соловьёвцы” Андрей Белый и Александр Блок?.. Я мог бы органическую связь каждого из крупных интеллигентских течений прошлого и нынешнего века с духом великой русской революции подтвердить документально. Факт этой связи не подлежит никакому сомнению, как бы его не оценивать, как бы к нему не относиться»<sup>11</sup>.

Признание «национального характера русской революции» в то же время не означает, по мнению «сменовеховцев», необходимость полного и безусловного примирения с ним; должны лишь существенно измениться методы его преодоления. «Его не удалось победить силой оружия в гражданской войне – оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира...». Революционный процесс должен пойти в сторону от ортодоксального экспериментаторства к экономическому возрождению государства, процесс этот идет не против революции, а через нее, так как «большевики стали государственной и международной силой», «старая мощь России может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней»<sup>12</sup>.

Новая экономическая политика воспринималась вестниками пореволюционной идеологии как переход от революционного романтизма к будням повседневной жизни, как поворот пореволюционного большевизма от утопии к прозе жизни. Казалось, налицо все признаки этого поворота: раньше был «немедленный коммунизм», – «сейчас возрождается частная собственность, поощряется “мелкобуржуазная стихия”, и о государственном капитализме говорится, как о пределе реальных достижений. Была “немедленная мировая революция”: сейчас – в порядке дня “ориентация на мировой капитализм”. Был воинствующий атеизм; сейчас – в расцвете “компромисс” с церковью. Был

необузданный интернационализм; сейчас – “учет патристических настроений”. Был правожернейший антимилитаризм; но уже давно гордость революции – Красная Армия...»<sup>13</sup>.

Они с облегчением думали о том, что «максимальное каление революции, ее всепожирающий и всеочищающий огонь, позади»<sup>14</sup>.

Было ли «сменовеховство» пореволюционным течением российской политической эмиграции? Со всей категоричностью утверждать этого не следует, так как «сменовеховцы» строили свои прогнозы в русле дореволюционной, социал-демократической традиции, согласно которой будущая революция в России повторит основные характерные признаки Великой французской революции 1789–1794 гг. «Сменовеховцы» ошиблись во временном прогнозе как «Русского термидора», так и «Русского брюмера». Послереволюционное российское общество стало развиваться по иному сценарию. Компромисса с большевистской властью найти не удалось. Заслужить признательность в эмигрантской среде – тоже. Вместе с тем безусловная историческая заслуга «сменовеховства» состояла в том, что его представители осознали и довели до сознания русской политической эмиграции следующие идеи:

1) что Октябрьская революция 1917 г. явилась не бунтом, не заговором кучки экстремистов, а подлинной «великой революцией»;

2) что эта революция имеет «глубокий национальный характер»;

3) что, вопреки своей воле, большевики, отчасти, делают нужное для национальных интересов дело (территориальное и экономическое восстановление страны и ее оборонно-промышленного потенциала).

В 1921 г. на политическую арену эмиграции выдвигается группа «евразийцев». В основном, это наследники идей Данилевского и Леонтьева, наследники всего, что в русской мысли отталкивалось от демократического, «мещанского» За-



пада и утверждало особый путь России. Родоначальниками и интеллектуальными вождями его стали относительно молодые (им не исполнилось еще и сорока) ученые: филолог и лингвист Н.С. Трубецкой, музыковед и публицист П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, правоведы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев. Философ-богослов Г.В. Флоровский, историк М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. В последующие годы кое-кто, как например, Флоровский, отошли от этого движения, в то же время был постоянным приток новых людей, среди которых: Н.А. Клепинин, П.М. Бицилли, Н.П. Толь, В.П. Шапиловский и др.

«Евразийцы» начали свою издательскую деятельность в 1920 г. в Софии с издания сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». А затем выпускали монографические труды и тематические сборники: «Евразийская хроника» (Берлин, затем Париж; вышло 12 выпусков с 1925 по 1937 гг.), «Евразийский временник» (Берлин, Париж, вышло 4 выпуска), «Евразийский сборник» (Прага). В 1928–1929 г. они издавали в Париже еженедельную газету «Евразия» (вышло 35 номеров).

К программным документам евразийства необходимо отнести манифесты: «Евразийство. Опыт системного изложения» (Париж, 1926) и «Евразийство. Формулировки 1927 г.» (Париж, 1927).

Политическое течение евразийцев просуществовало до начала Второй мировой войны. Организационный развал начался гораздо раньше, и одной из его причин была активная деятельность за границей советских спецслужб. Организация теоретиков, пытавшаяся создавать политическую структуру и перенести работу из эмиграции в Россию, попала в орбиту операции «Трест»<sup>15,16</sup>. Разоблачение фиктивной, якобы антисоветской и подпольной организации «Трест» нанесло удар по движению евразийцев.

В историографии «евразийство» рассматривают «одной из ветвей более широкого движения, получившего название сменовеховства», его «правым флангом, идейно смыкающимся с монархическими группировками и другими крайне правыми движениями»<sup>17,18</sup>, или, напротив, совершенно отдельным от «сменовеховства» политическим течением<sup>19</sup>.

Сами же «евразийцы» в идейно-политическом плане относили себя к «пореволюционерам»: «Евразийство есть российское пореволюционное политическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»<sup>20</sup>. В политическом отношении они считали себя «непредрешенцами», т.е. людьми, у которых отсутствуют какие-либо партийно-политические симпатии. «Внешние формы, не вмещающие полноты процесса, – считали они, – имеют значение второстепенное, хотя и важное. Так как есть формы более совершенные и длительные»<sup>21</sup>.

Существенно большую роль, по их мнению, играет содержание «идеи-правительницы», т.е. господствующей в обществе доктрины-идеологии, «и в формулировании ее... обращенной к конкретной действительности сегодняшнего дня»<sup>22</sup>. Поиски они считали главной задачей своей деятельности. Также важна, по мнению «евразийцев», сила, организующая общество в параметрах «идеи-правительницы»: «Теоретическая разработка идеологии нужна, но не в ней центр тяжести. Необходимо создать новую партию, которая являлась бы носительницей этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической»<sup>23</sup>.

Мысля новую партию как преемницу большевиков, евразийцы придавали партию партии совсем новый смысл, резко отличавшийся от политических партий в Европе. «Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других та-

ких же партий. Она — государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии: но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики...»<sup>24</sup>.

Не придавая значения четким формам будущего государственного устройства России, евразийцы видели общую историческую тенденцию в том, что на смену старым, во многом искусственным моделям правления придет «органическая», при которой государственный строй отличается максимализмом, он требует, чтобы власть была максимально сильна, но чрезвычайно близко стояла к народу<sup>25</sup>.

Евразийцы были убеждены, что «всякое современное размышление о грядущих судьбах России» должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов самой постановки русской проблемы: «славянофильского» или «народнического», с одной стороны, «западнического» с другой<sup>26</sup>.

В период формирования концепций евразийства в 1921 г. Н.С. Трубецкой определял положение евразийской идеологии относительно «славянофильской» и «западнической» постановки проблемы следующим образом: «Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность»<sup>27</sup>.

С той же надеждой на исполнение Россией великой исторической миссии, что и большевики, в предисловии своего первого сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» евразийцы провозглашали: «Мы чтим прошлое и на-

стоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне мы чувствуем вместе с Герценом, что ныне история толкается именно в наши ворота. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо “зоологическое” наше “самоопределение”. Но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего»<sup>28</sup>.

Проблеме исторических судеб большевизма и его преодоления «евразийцы» уделяли внимание на протяжении всего периода существования своего движения. В 1922 г. в сборнике «На путях. Утверждения евразийцев. Книга вторая. Статьи: Петра Савицкого, А.В. Карташева, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П. Бицилли» (Берлин, 1922) была помещена весьма показательная статья Г.В. Флоровского «О патриотизме праведном и греховном». Автор статьи доказывал: «Как бы ни относиться к программе большевиков в смысле ее соответствия реальным потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководящего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и созидать заново»<sup>29</sup>.

Далее Г.В. Флоровский подверг резкой критике политические установки «дореволюционной» эмиграции: «В основе ходячего “неприятия” революции лежит в сущности антиисторический постулат действовать так, как будто с определенного момента жизнь и история остановилась и в некотором хронологическом интервале “ничего не случилось”, так что грядущую деятельность надо примыкать к какому-то, произвольно выбираемому, моменту прошлого, а не опирать ее на конкретное сочетание сил и возможностей, которое реально сложится ко времени настоящего “открытия действий”»<sup>30</sup>.

Приняв непреложный факт свершившейся российской революции за позитивно

закономерный (для «сменовеховцев» факт был скорее негативно закономерным), «евразийцы» считали, что «по внутреннему заложенному в нее, но не раскрытому ее смыслу», она была не социалистической, а «евразийской»<sup>31</sup>.

«Национальная» же миссия большевиков, по мнению евразийцев, заключалась в том, что они изолируют Россию от Запада, «находящегося в серьезном духовном и социальном кризисе», вопреки своим политическим целям, вывели страну на самостоятельные духовные пути («...Хотя и служа коммунистическому интернационалу, она (революция) силою вещей не может не проводить, в основном, евразийской внешней политики, защищая интересы того культурного целого, которое носит имя России-Евразии»)<sup>32</sup>.

«Евразийцы» были глубоко убеждены, что только система обоснованных в их учении идей может привести к разрешению и снятию основных противоречий русского революционного процесса: «Российская революция изобличает следующие, присущие ей и в ней раскрывающиеся противоречия: формально революция есть процесс религиозный — искание последней земной правды и стремление во что бы то ни стало ее осуществить; но по теоретическим учениям своим Революция оказалась безрелигиозной и даже более того: противорелигиозной и богоборческой»<sup>33</sup>.

Для преодоления противоречий революционного процесса евразийцы проповедовали «переключение революционной энергии» на созидательные цели и «евразийское», т.е. — «национальное углубление революции».

«Евразийцы» были первыми среди русских эмигрантов, кто определил характер своего движения именно как «пореволюционный», ибо, считали они, «его нельзя понять, не учтя факта Революции; его стремление и цели теснейшим образом связаны с развертыванием русского революционного процесса»<sup>34</sup>.

Давая оценку «сменовеховству» и «евразийству» с точки зрения их исторических, прогностических просчетов, нельзя пойти мимо работы известного русского философа и публициста Николая Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», вышедшей в 1924 г. В подтексте этой работы содержится достойная отповедь как «сменовеховцам», так и «евразийцам», — всем, кто помышлял и до сих пор помышляет о судьбе нашего многострадального Отечества в терминах «величия», не осознавая произошедшей с Россией и ее народами непоправимой катастрофы. Книга оказалась среди образованной части европейского общества не менее популярной, чем «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Бердяев писал: «“Новое средневековье” было переведено на 14 языков... Эта маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я, действительно, многое предвидел и предсказал. У меня есть острое чувство судеб истории, и для меня это противоречие, потому что я мучительно не люблю истории»<sup>35</sup>.

Подтверждают оценку Н. Бердяева и мнения российских эмигрантов, на которых эта книга оказала действительно большое влияние: «В те годы “Новое средневековье” явилось как раз тем, что было нужно уязвленному эмигрантскому сердцу. Вероятно, ни одна книга не оказала такого пагубного влияния на младшие поколения эмиграции, как именно эта. Из вторых и третьих рук, через литературу евразийцев, национал-максималистов, младороссов и других пореволюционных течений, идеи “Нового средневековья” попадали в сознание даже тех эмигрантов, молодых людей, которые никогда этой книги не читали»<sup>36</sup>.

Что же «предвидел» и «предсказал» Н. Бердяев в «Новом средневековье»? «Либерализм, демократия, парламента-

ризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия – все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории»<sup>37</sup>.

Что же идет взамен? Где же завтрашний день человечества? «Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистическая эпоха... Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе государств... И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм»<sup>38</sup>.

Россия, так и не выполнив, по мнению Н.А. Бердяева, своей основной исторической миссии – быть мировым объединителем «единого христианского космоса», – вошла, вслед за другими «цивилизованными» странами в новое средневековье, т.е. в своеобразное «новое варварство», «характеризующееся переразвитием государственного начала в общественной жизни и господством технократии»<sup>39</sup>.

Почему это произошло? Потому, считает Бердяев, что русский народ не смог противостоять «исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы».

Часть пореволюционеров, признававших «глубокую органичность советской революции, ее всемирную историчность и национальную оправданность» (сменовеховцы) была убеждена в том, что все «антинациональное» рано или поздно будет отторгнуто Россией, что Русская революция «приведет через кровь и страдания к великому обновлению»<sup>40</sup>. Для этого, полагают они, новой революции в России не потребуются. Рано или поздно остальной мир включит Россию в орбиту своего влияния, так сказать, выправит случайный зигзаг ее истории<sup>41</sup>.

Другие, напротив, считали, что вслед за «буржуазно-демократической» и «коммунистической» революциями начинается этап «национального углубления революции», который перерастет в «необходимость свершения в России новой – национальной революции (национал-революционеры)»<sup>42</sup>.

Как правило, определение – «национальные», политические организации используют для обозначения характера своей борьбы за национальную независимость своего народа и своей страны. В российской эмиграции определение «национальные» значило, прежде всего, – «антисемитские»<sup>43</sup>. В их представлениях «Россия Национальная» была в первую очередь «Россией, освобожденной от засилья еврейской власти»<sup>44</sup>.

Так, в борьбе против «исключительного интернационализма», которым соблазнились большевики, некоторые русские эмигранты соблазнились «исключительным национализмом», полагая, что в нем одном рецепт спасения России и русского народа.

Темы «антисемитские», «антимасонские», «русифобские»... поселились в российской публицистике и исторической литературе еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Но в российской эмиграции, особенно в первые годы ее существования, эти темы были одними из самых обсуждаемых: как на страницах эмигрантских журналов и газет, так и на специально устраиваемых диспутах и собраниях. Эти темы проникли на страницы программных документов различных эмигрантских организаций.

Одной из причин, приведших к созданию национал-революционного движения российской пореволюционной эмиграции была уверенность многих российских эмигрантов в том, что русский народ стал после революции нацией угнетенной, так что лишился свободы совести и духовного творчества. В этом мнении были едины как убежденные монархисты<sup>45</sup>, так и убежденные социал-революционеры<sup>46</sup>. Для

тех и других не было сомнений в том, кто привел «Святую Русь» к национальной катастрофе.

Четко формулирует эти настроения Василий Витальевич Шульгин, монархист, активный участник белого движения и политический лидер эмиграции: «...Тот, кто в условиях борьбы Белых с Красными не был антисемитом, тот, значит, не ощущал сущности дела, ибо он не способен был понять факта, выправившего совершенно явственно: организующей и направляющей силой в стране Красных были евреи»<sup>47</sup>.

В контексте «еврейского вопроса» в эмигрантской среде активно обсуждалась проблема масонов – представителей тайных, крайне могущественных (в финансовом и политическом отношениях) организаций, которые якобы стояли за ширмой «российской трагедии» в качестве ее подлинных сценаристов и режиссеров. При крайней скудости правдивой информации о тайных религиозных организациях Запада версия о «масонском следе» в русских событиях 1917–1920 гг. обрела столь фантастическими домыслами, о которых даже неловко говорить.

Так или иначе, антисемитская и анти-масонская подкладка национал-революционных русских эмигрантских организаций не вызывает никаких сомнений, являясь в то же время не более оригинальной и глубокомысленной, чем у немецких, итальянских, французских и прочих воинствующих националистов.

В Вестнике Высшего монархического совета (№ 7, 28 апреля 1927 г.) – «Двуглавый Орел» была напечатана заметка – «Колыбель патриотизма», которая рассказывала о возникновении при Юридическом факультете Харбина студенческого общества, и создании при нем российской фашистской организации: «Ничего нет удивительного, что сыновья героев, а некоторые и сами – участники священной войны за Россию, несмотря на крайнюю бедность свою и прочие невзгоды, время

своего изгнания посвятили на то, чтобы закалить свой дух для последней решительной борьбы.

Будучи объединены первоначально лишь на почве изыскания средств для учения, они вскоре же осознали необходимость связаться между собой более прочными узами для изучения причин постигших нас бед и для накопления сил спасения России. В результате все это вылилось в Российское фашистское движение. Организация примерно состоит из 300 студентов, т.е. половины числящихся на юридическом и экономическом отделах Юридического факультета. Почти все они входят в общество “фашистов”. Сюда же примыкают около половины студентов Политехнического института и некоторых других учебных заведений. В общей сложности всего харбинских фашистов можно считать около 500 человек»<sup>48</sup>.

В Югославии в конце 1920-х годов был создан «Национально-Трудовой Союз Нового Поколения». На допросе 1 ноября 1944 г., находясь в московской тюрьме, один из организаторов и впоследствии генеральный секретарь Союза, М. Георгиевский рассказал об истории его создания: «Вначале Союз назывался «Союзом Национальной молодежи», или как их в шутку называли «нац. мальчики» и входил в состав монархического Российского Общевоинского Союза (РОВС). С момента его возникновения он возглавлялся Байдалаковым В.М., бывшим корнетом Изюмского кавалерийского полка, окончившим в Белграде университет по сельскохозяйственному факультету. В 1929 г. я встретился с Байдалаковым, инженером Зинкевичем и другими. В беседе они рассказали, что при РОВСе имеется «СНМ» и они являются его руководителями... Считая РОВС организацией реакционной, и методы борьбы РОВСа при советской власти непригодными, я считал, что восстановить старую Россию невозможно, а потому поставил вопрос о создании новой организации, которая бы вела против со-

ветской власти иную, идеологическую борьбу, за создание другого государства на иной социальной основе. Я считал, что в России должна быть восстановлена не монархия, не старые социальные отношения. А новое государство, основанное на социальной справедливости»<sup>49</sup>.

Организаторами и активными участниками русских национал-революционных организаций, как правило, были молодые эмигранты. Незавидной была их участь: часто нищенские условия существования, проблемы получения высшего и специального образования, постоянные поиски работы и жилья и, конечно, униженность человека без гражданства и подданства. Небольшая часть молодых русских эмигрантов первого поколения ассимилировалась в национальной среде, но в подавляющем большинстве своем страдала мучительной ностальгией по утраченной Родине. Поначалу эмигрантская молодежь испытывала идейное влияние представителей старшего поколения.

Однако время шло, и новая смена выбиралась из этого плена с горьким чувством обманутого сына в душе. Действительно, сколько тяжких поражений, сокрушенных надежд, рухнувших иллюзий, ошибок. Неотвратимо слабел гипноз преданий, бледнели образы прошлого.

«Остатки радикальной интеллигенции – старшего поколения, очутившегося в эмиграции, не пользовались среди молодежи никаким влиянием. Скорее наоборот. Уход молодежи от них начался еще в годы гражданской войны. Уже тогда “правое” перестало быть символом зла и реакции, а “левое” в свете большевистского террора перестало быть притягательным и питало часто чувства горечи и отталкивания»<sup>50</sup>.

Немногочисленные, но активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков в первые годы эмиграции издавали основную массу эмигрантских газет и журналов, их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но эти остатки демократической и

социалистической интеллигенции не имели влияния на эмиграцию и были окружены враждой большинства эмигрантов»<sup>51</sup>.

Вражда эта основывалась на убеждении, что интеллигенция «сделала» революцию, и потому несет ответственность за все ее ужасы и разрушения, и именно она, ее политика привела большевиков к власти»<sup>52</sup>.

Этому отходу способствовал «рост религиозных настроений» в российской эмиграции: «Русское религиозно-философское возрождение начала века продолжалось и в эмиграции, приобретая здесь, может быть, даже большую способность вербовать души людей. Измученным, бездомным, изгнанным, видевшим гибель всего дорогого, всего составляющего смысл жизни нужна была опора в чем-то большем, чем смотреть, и они обращались к православной церкви, как к вечной святыне потерянной страны отцов»<sup>53</sup>.

Вместе с разочарованием в Западе, начавшемся еще в период Гражданской войны, у бесподанных и ненужных на Западе людей росло желание всем доказать, что, несмотря на теперешнее свое унижение, Россия духовно гораздо выше Европы и имеет особое, великое, мессианское призвание.

Перед людьми, пришедшими на смену, стояла задача указать новые пути более быстрого и верного достижения тех целей, которых не достигли их предшественники. Каков же политический облик этой эмигрантской среды? Политические разногласия разделяли не только старых, но и молодых людей эмиграции. И у Милюкова, и у Струве, да и у Керенского, помимо пожилых, были и молодые последователи. Не редки были молодые политики в монархической среде.

Но едва ли можно отрицать, что более характерны для молодого зарубежья были иные настроения, те самые, которые названы были «пореволюционными».

«Зарубежные дети хотят быть “пореволюционными” – это одно из их завет-

ных стремлений. Они не очарованы прошлым, не ноют по милым призракам и не хотят реставрации. Они рассуждают о “синтезе” дореволюционного тезиса с революционным антитезисом. Революция для них – не срыв, не жупел. Не постыдное историческое недоразумение, а громадный и осмысленный, хотя и страшный факт русской истории. Они чают плодотворного завершения революционной эпохи. Они проникнуты русским патриотизмом, но в то же время не чуждаются также интернациональные веяния нашего века. Его универсалистических возможностей, подчас воспринимая их в духе вселенской идеи прежнего славянофильства. Вслед за старыми “Вехами” отцов они упорно проповедуют “примат духовного начала перед материальным” и выдвигают на первый план идею духовно-культурной миссии России. И тут снова – их своеобразное касание миру русской революции. Но, с другой стороны, и большевистский

коммунизм во многом для них неприемлем. Их отделяет от него, прежде всего, марксизма – материалистический его облик. Они принимают проблематику русской революции, но отвергают ответы его текущего этапа и мечтают о “равновеликом преодолении большевизма”. Они утверждают новую “конструктивную пореволюционность”»<sup>54</sup>.

Давая характеристику пореволюционных политических течений, Н.В. Устрялов останавливается на одном из набирающих силу и популярность в среде эмигрантской молодежи: «...На очень дурной путь, к сожалению, стал единственный интересный невозвращенец Дмитриевский – в своей проповеди “национальной революции”. Худо, если он соблазнит некоторое количество малых сил и без того склонных к соблазну. Речь явно идет о русском Гитлере, о фашистских “национал-коммунистических” кадрах в зарубежье»<sup>55</sup>.

### Примечания

- <sup>1</sup> Бердяев Н.А. Новое средневековье. – М.: Феникс, 1992. – С. 22.
- <sup>2</sup> Периодический бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на Юге Франции. – Марсель, 1935. – № 3. – С. 6.
- <sup>3</sup> Там же. – С. 7.
- <sup>4</sup> Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август.
- <sup>5</sup> Там же. – С. 117.
- <sup>6</sup> Там же. – 1933. – № 1. – С. 119.
- <sup>7</sup> Там же. – С. 118.
- <sup>8</sup> Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994. – С. 114.
- <sup>9</sup> Устрялов Н.В. Сдвиги Милокова. – Харбин, 1934. – С. 45.
- <sup>10</sup> Устрялов Н.В. Под знаком революции. – Харбин, 1934. – С. 111.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 253.
- <sup>12</sup> Новости жизни. – Харбин, 1920. – 13 авг.
- <sup>13</sup> Устрялов Н.В. Под знаком революции. – Харбин, 1934. – С. 67–68.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 69.
- <sup>15</sup> Миссия русской эмиграции. – С. 212.
- <sup>16</sup> Никулин Л.В. Мертвая зыбь. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – С. 269–271.
- <sup>17</sup> Миссия русской эмиграции. – С. 223.
- <sup>18</sup> Там же. – С. 227.
- <sup>19</sup> Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 5.
- <sup>20</sup> Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. – София, 1921. – С. 332.
- <sup>21</sup> Там же. – С. 33.
- <sup>22</sup> Пути Евразии. – С. 13.

- <sup>23</sup> Исход к Востоку. – С. 313.  
<sup>24</sup> Там же. – С. 394–395.  
<sup>25</sup> Пути Евразии. – С. 6.  
<sup>26</sup> Исход к Востоку. – С. 313.  
<sup>27</sup> Там же. – С. 314.  
<sup>28</sup> Евразийская библиография. 1921–1931: Приложение к книге «Тридцатые годы». – Париж, 1931. – С. 285.  
<sup>29</sup> Евразийство. Формулировки. Тезисы. – Париж, 1932. – С. 10.  
<sup>30</sup> На путях. Утверждения евразийцев. – Берлин, 1922. – С. 35.  
<sup>31</sup> Евразийская библиография. – С. 287.  
<sup>32</sup> Евразийство. Формулировки. – С. 10.  
<sup>33</sup> Там же. – С. 10.  
<sup>34</sup> Там же.  
<sup>35</sup> Бердяев Н.В. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). – Париж, 1949. – С. 274.  
<sup>36</sup> Варшавский В. Незамеченное поколение. – М.: ИНЭКС, 1992. – С. 39.  
<sup>37</sup> Бердяев Н.В. Новое средневековье. – М.: Феникс, 1992. – С. 20.  
<sup>38</sup> Там же. – С. 21.  
<sup>39</sup> Там же. – С. 22.  
<sup>40</sup> Там же.  
<sup>41</sup> Периодический бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на Юге Франции. – Марсель, 1935. – № 3. – С. 6.  
<sup>42</sup> Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август.  
<sup>43</sup> Там же. – С. 117.  
<sup>44</sup> Там же. – С. 118.  
<sup>45</sup> Листовка «Дальневосточного монархического объединения». – Харбин, 1938. – Центральный архив ФСБ России.  
<sup>46</sup> Национальный Союз Нового Поколения, издание Исполнительного Бюро Совета Союза. – Б.м., 1935. – С. 40.  
<sup>47</sup> Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. – СПб., 1992. – С. 71.  
<sup>48</sup> Двуглавый Орел. – Берлин, 1927. – № 7, 28 мая.  
<sup>49</sup> Центральный архив ФСБ России. Следственное дело М.А. Георгиевского.  
<sup>50</sup> Варшавский В. Указ. соч. – С. 67.  
<sup>51</sup> Там же. – С. 69.  
<sup>52</sup> Там же. – С. 70.  
<sup>53</sup> Там же. – С. 71.  
<sup>54</sup> Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август. – С. 109.  
<sup>55</sup> Там же. – С. 113.



М.А. Маслин, А.А. Лупова

### ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ

*Мы знаем, что Дух Един, а дарований много:  
но знание это не усвоено нами, и нам всегда  
хочется признать только одно, привычное  
нам, дарование Духа настоящим, а все прочие  
умалить или вовсе не признать за плоды Духа*  
П.А. Флоренский. Записки о христианстве

К числу наиболее интересных и самобытных пореволюционных интеллектуальных течений русской мысли принадлежит евразийство, оформившееся в послеоктябрьской эмиграции и привлекавшее в свои ряды многих крупных русских мыслителей. Идеологами евразийства были: этнолингвист и культуролог Н.С. Трубецкой (1890–1938), географ и экономист П.Н. Савицкий (1895–1968), искусствовед П.П. Сувчинский (1892–1985), богослов Г.В. Флоровский (1893–1979), философ Л.П. Карсавин (1882–1952), историк Г.В. Вернадский (1887–1973), государствовед и правовед Н.Н. Алексеев (1879–1964), лингвист Р.О. Якобсон (1896–1982) и др. Отношение к новому идейному направлению не было однозначным – в лучшем случае нейтральным, зачастую критическим и негативным. Были и последователи: «евразийский соблазн» – это о заразительности евразийства. Большая привлекательность евразийского учения во многом объяснялась высоким профессионализмом его авторов, их безусловной научной честностью, широтой творческих помыслов. Однако уже вскоре после своего возникновения и на протяжении последующей истории евразийское течение обрастало тенденциозными интерпретациями. Оно нередко изображалось как стремление к отторжению Запада и утверждение восточного изоляционизма, как путь «из варяг в монголы», как сходный с большевизмом проект тотального устройства общества и установления в нем жесткой государственности и идеократии<sup>1</sup>. Среди оппонентов евразийства в среде русской эмиграции были такие видные русские мыслители как В.В. Вейдле, И.А. Бунин, С.И. Гессен, З.Н. Гиппиус, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, Д.С. Мережковский, П.Н. Милоков,

МАСЛИН  
Михаил  
Александрович,  
доктор  
философских  
наук,  
заведующий  
кафедрой  
философского  
факультета  
МГУ  
ЛУПОВА А.А.,  
кандидат  
философских  
наук

В.А. Мякотин, В.А. Рязановский, Ф.А. Степун, П.Б. Струве, Д.Д. Философов, В.В. Шульгин. Некоторые из оппонентов высказывались о евразийстве сочувственно (Н.А. Бердяев, А.С. Изгоев, Г.П. Федотов, Е.Ф. Шмурло). Особый интерес представляет критика со стороны П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского, разделявших некоторые из идей евразийства на первом этапе его существования, а затем отошедших от него. Евразийство привлекло внимание и зарубежных исследователей и критиков, среди которых Н. Сполдинг, Э. Радль, Г. Римша, Ш. Буржуа, Е. Ло Гато. Лекции евразийцев слушали Р. Арон, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, А. Тойнби и другие видные зарубежные мыслители. Не остались без внимания работы евразийцев и в СССР (М. Горький, В. Белов, Е. Вульф, Н. Иванов (Омский)). Евразийство оказало сильное влияние на советскую культуру (Л. Леонов, Б. Пастернак, Б. Пильняк, Ю. Рерих, К. Федин, А. Яковлев).

Идеи евразийства, взбудоражившие сначала умы, а затем почти забытые, ожили после Второй мировой войны в работах ленинградского ученого – историка, географа и этнолога – Л.Н. Гумилева (1912–1992). Привнесенные советским ученым новые элементы в евразийскую теорию, произведенная им трансформация евразийства позволили позднейшим исследователям подразделить это интеллектуальное течение на «классическое» (межвоенное) и «позднее» (после Второй мировой войны).

Возрождению интереса к евразийству в немалой степени способствовали работы отечественных и зарубежных исследователей. Среди зарубежных исследователей евразийства: О. Босс, Ч. Гальперин, А. Либман, Л. Люкс, М. Ларюэль, Н. Рязановский, П. Серио. Небольшие главы в своих исследованиях по истории русской общественной мысли и русской эмиграции посвятили евразийцам М. Агурский, Р. Виллиамс, В. Зеньковский, Ж. Нива, Р. Пайпс, М. Раев, Г. Струве, С. Утехин, М. Хаге-

мейстер. Евразийские идеи освещают в своих работах М. Бассин, А. Игнатов, Мадхаван К. Палат, Л. Суханек, Й. Томан, В. Хеделер, А. Янов. Евразийство изучалось и в СССР (Г.Ф. Барихновский, А.В. Гусева, Г.З. Иоффе, В.В. Комнин, М. Корбут, В.А. Кувакин, А.Г. Кузьмин, Н.Л. Мещеряков, М.Л. Павлович, В.Т. Пашуто, М.Н. Тихомиров, С.П. Толстов, М.И. Чемерисская, Д.П. Шишкин, Л.К. Шкаренков и др.). Однако зарубежные исследователи отмечают недостаток знания о евразийцах и интереса к ним в Советском Союзе. За последние годы это положение кардинально изменилось. Можно в известной мере говорить о буме евразийства. Среди современных отечественных авторов: Н.Н. Алеврас, М.Г. Вандалковская, О.Д. Волкогонова, Б.Л. Губман, А.Т. Горяев, З.О. Губбеева, С.И. Данилов, Г.В. Жданова, С.В. Игнатова, И.А. Исаев, Ю.В. Колесниченко, В.П. Кошарный, Е.Г. Кривошеева, С.Б. Лавров, Л.И. Новикова, Н.О. Омельченко, И.Б. Орлова, Т.Н. Очирова, В.Я. Пашенко, Л.В. Пономарева, С.Н. Пушкин, И.Н. Сиземская, Н.Е. Соничева, Р.А. Урханова, В.М. Хачатурян, С.С. Хоружий, В.А. Шнирельман и многие другие.

Евразийские идеи и концепции, преломленные сквозь призму современности, породили целый всероссийский современный неоевразийства. В нем выделяют несколько крупных течений: неоевразийство журнала «Элементы» (главный редактор А.Г. Дугин) и газеты «День» (позже «Завтра»), проект Н.А. Назарбаева, академическое неоевразийство (Б.С. Ерасов, А.С. Панарин и др.). Наряду с этими крупными течениями современной философской и политической мысли существуют также различные культурно-цивилизационные концепции и проекты, использующие в той или иной мере евразийское наследие: журнал «Евразия: народы, культуры, религии» (главный редактор Э. Баграмов), концепция «неосферной цивилизации» (А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин), социоестественная история Э.С. Кульпина, концепция Г.А. Югая

и др. Следует обратить также внимание на работы литературоведа и историка В.В. Кожина и выступления известного режиссера Н.С. Михалкова.

Ключевым моментом евразийского учения, по мнению большинства исследователей этого интеллектуального течения русской общественной мысли, является анализ русской революции<sup>3</sup>. Он резко отличает евразийцев от всех остальных мировоззренческих лагерей.

В эмигрантской среде наиболее распространены были два взгляда: монархический, рассматривающий революцию как результат заговора иностранных держав и «чужеродных элементов» внутри самой России, направленный на уничтожение последней христианской империи, и либеральный, считающий большевизм проявлением русского варварства, не способного на установление просвещенной демократии и извратившего ее до «буйства, дикости, разгула темных стихий».

Евразийцы рассматривали русскую революцию с принципиально новой точки зрения. Они сознательно отошли от других направлений эмиграции, чьи действия и средства были направлены на преодоление и отбрасывание революции. Они не видели для России выхода ни в демократической республике по западному образцу, ни в реставрации монархии. Русская революция была для них закономерным, а не случайным результатом тяжелой внутренней болезни, она воплотила в себе радикальный протест народа против петровских реформ, положивших начало европеизации русско-евразийской социокультурной модели. Октябрьская революция была логическим следствием раскола нации, вызванного политикой вестернизации, кульминационным пунктом противостояния раздвоенной, вследствие европейских влияний, русской сути. В ней они видели окончание европеизации с одновременным выходом России «из рамок современной европейской культуры», распад которой принял в России особенно резкие

формы. Эти формы, считали евразийцы, свидетельствуют о том, что Россия – это особый геокультурный мир, который является ни Европой, ни Азией, но органическим синтезом обеих – Евразией. С этой точки зрения, революция 1917 г. была в меньшей степени внешним социально-политическим явлением, а в большей – изменением культурных основ. То есть для евразийцев значение русской революции переместилось из социально-политической области в область культурно-метафизическую. Революция была для них русской по происхождению, смыслу и объективному содержанию. В ней они видели определенным образом осуществленный приговор истории над конкретным периодом русской жизни, так как революция подготовила конец не буржуазных структур эпохи капитализма, а петровской Руси, силившейся стать европейским государством.

Анализируя русскую революцию, евразийцы подчеркивали, что она не ограничивалась спонтанным протестом народных слоев против творения Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить и развить те из элементов петровского замысла, которые необходимы для развития русско-евразийской геокультурной целостности. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую Россию в передовое индустриальное государство.

Исход революции и Гражданской войны евразийцы рассматривали как компромисс между большевиками и русским народом. Русский народ принял единовластие большевиков, однако революция, задуманная ими как путь к окончательной европеизации, на деле привела к деэвропеизации. Таким образом, русский народ навязал свою волю большевикам, воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и геополитическую мощь своей страны. В этом факте русской истории евразийцам видел-

ся особый провиденциальный смысл. П.П. Сувчинский писал: «Революция, изолировав большевистский континент и выведя Россию из всех международных отношений... приближает, помимо воли ее руководителей, русскую государственность... к отысканию своего самостоятельного историко-эмпирического задания», «сама судьба... открывает возможность для русского народа найти свои самоначальные и самостоятельные пути и возможности, чтобы побороть в лице революции злосчастное свое “западничество” и начать создавать по-новому, хотя и в каком-то соответствии с самым старым, свою духовно-эмпирическую судьбу»<sup>4</sup>.

Из евразийского анализа русской революции следовало, что успеха в деле русского возрождения можно достичь лишь путем возвращения к первоначальной русской сути. Уяснение сущности особого культурного мира России-Евразии и стало основной задачей евразийства, привело к формированию евразийского корпуса идей, наиболее важные среди которых являются:

- концепция симфонической (соборной) личности, лежащая в основе евразийской онтологии и гносеологии и восходящая в своих истоках к религиозно-философским понятиям, находящимся в рамках Православия;
- геокультурная концепция, утверждающая принцип равноценности и качественной несоизмеримости культурно-исторических миров и содержащая методологию их анализа;
- социально-политическая доктрина, включающая в себя концепции идеократии и демотии, евразийскую концепцию права, концепцию хозяйнодержавия.

Комментируя евразийский корпус идей С.С. Хоружий замечает: «Евразийская идея – плод русской катастрофы... И первая реакция на катастрофу – ...отбросить то, что к ней привело. Евразийство не Тезис, а Анти-тезис... Объект, на который направлялся импульс отталкивания... За-

пад... И надо признать, что антизападная установка проведена в евразийстве удивительно неуклонно и всесторонне. По сути, она работает как методологический принцип: в каждом разделе евразийского учения позиция строится по принципу отличия и противопоставления западным позициям. Это придает учению единство и стройность, но вместе с тем и дух нетерпимого догматизма»<sup>5</sup>.

## 1. Религиозно-философские основания евразийства

*...Пусть голос наш будет  
словом о непреходящести религиозного начала,  
глубочайше  
укорененного в основных данных  
человеческой природы... Голос  
наш есть слово о внеклассовом  
и всеклассовом ядре религиозно-*

*го начала*

П.Н. Савицкий.

Единство мироздания

Для нас Православие

универсалистично

Л.П. Карсавин.

Ответ на статью

Н.А. Бердяева об «Евразийцах»

*Евразийцы хранили веру*

*во всеединство*

*Евразийцы провозглашали*

*преимущества синтетической*

*науки над наукой*

*аналитической*

М. Ларюэль.

Идеология русского евразийства,

или Мысли о величии империи

Задуманное как социально-философское учение, евразийство, вместе с тем, содержало существенный религиозный элемент. Свое движение евразийцы воспринимали как «род особого восточного ордена», близкого по своим целям и задачам к религиозным орденам. Поэтому неудивительно, что религиозные начала играли существенную роль при формировании евразийской доктрины. Предлагая свой новаторский подход к осмыслению многообразия человеческого мира, евра-

зийцы оставались глубоко православными людьми. Многие идеи евразийства напрямую восходят к построениям русских религиозных философов конца XIX – начала XX в. То обстоятельство, что у истоков евразийства стояли такие крупные религиозные мыслители, как Л.П. Карсавин<sup>6</sup>, Н.С. Трубецкой<sup>7</sup>, Г.В. Флоровский<sup>8</sup> лишний раз подчеркивает органическую связь евразийства с наследием русской религиозно-философской мысли.

Евразийцы рассматривали славянофилов как своих непосредственных предшественников. Так в статье «Евразийство» (1925) П.Н. Савицкий писал: «Определяя русскую культуру как “евразийскую” евразийцы выступают как осознатели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют... предшественников... Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления. Ближайшим образом эта традиция восходит к 30–40-м годам XIX века, когда начали свою деятельность славянофилы. В более широком смысле к этой же традиции должен быть причислен ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI века. Когда падение Царьграда (1453) обострило в русских сознание их роли как защитников Православия и продолжателей византийского культурного преемства, в России родились идеи, которые в некотором смысле могут почитаться предшественниками славянофильских и евразийских»<sup>9</sup>.

Вслед за славянофилами евразийство противопоставило материализму и позитивизму Запада теоцентризм христианского мировоззрения в форме Православия<sup>10</sup>. Христианство, воспринятое Русью в творениях Отцов восточной церкви, сформировало, по мнению И.В. Киреевского,

самый склад национального духа, главное достоинство которого русский мыслитель усматривал в цельности. Эти идеи развил А.С. Хомяков в своем учении о «соборности», нашедшем свое дальнейшее развитие в работах русских религиозных философов, развивавших философию всеединства как выражение христианского мировоззрения вселенской православной церкви (С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин и др.). Именно Л.П. Карсавину евразийство было обязано глубокой проработкой своих метафизических оснований.

Так же как и славянофилы, евразийцы отстаивали принцип цельного знания. «Это – ...лишь порожденный заблуждением западной науки предрассудок, будто вера и наука – две независимые друг для друга и даже взаимно враждующие области. Нет веры без науки и науки без веры»<sup>11</sup>, «в культурной деятельности... в частности, в современной науке... выяснилась и подтвердилась ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать так называемыми “научными методами” последние источники бытия... становится ясным, что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира»<sup>12</sup>.

По замыслу создателей, евразийство, подобно марксизму, представляет собой монистическую систему, но только системе не материализма, но духа, действующего в материи или, другими словами, номогенеза – эволюции на основе закономерностей, предустановленных Божественной Волей<sup>13</sup>. «Мы утверждаем единство мироздания – это положение имеет для нас и религиозный и позитивно-научный... смысл», – писал в статье «Единство мироздания» (1928) П.Н. Савицкий, – «...организация есть верховный закон, которому подчиняется сущее. Здесь обозначается религиозный упор современной науки...»<sup>14</sup>. Для евразийцев научная картина мира «раскрывается как “картина-система” – как грандиозный образ номо-

генеза или эволюции на основе закономерностей, не ставящий и не разрешающий вопроса, где источник и где причина того, что осуществлялась... организованная система, и кто есть тот Предопределиватель, которым “предопределено” номогенетическое развитие мира. Понятие организации в этом плане становится основным научным понятием. И можно сказать, что организация и есть дух, пребывающий в материи... Этим и утверждается единство мироздания, объемлемое общим понятием “номогенез”. Номогенез понимается здесь как заданность, как предопределенная способность материи к организации и самоорганизации... Отпадение от религиозной сущности мира есть помутнение и ущербление духа – “тупик эволюции”<sup>15</sup>.

Учение о православной церкви как о воплощении соборного начала, впервые обоснованное А.С. Хомяковым, всецело было воспринято евразийством, более того, оно стало органической частью евразийской доктрины. «Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью... Русская Церковь... есть цель... этой культуры. Она же является истинным центром тяготения всего потенциально-православного мира... Евразия понимается нами как особая симфонически-личная индивидуация Православной Церкви и культуры. Основание ее единства и существо его в Православной Вере»<sup>16</sup>.

Евразийцы распространили религиозные начала не только на интеллектуально-духовное, но и на общественное бытие. Религиозное, созерцательное отношение к жизни и миру, характерное для славянофилов, сочеталось у них с эмпирически обоснованной практичностью. В практической области для евразийцев, делающих акцент на религиозно-философской сфере, обретаемой вне сферы политической и экономической эмпирики, была снята сама проблема «левых» и «правых» политических решений. Таким образом, они пытались соединить традицию и революцию<sup>17</sup>.

22

Религиозные принципы православия, идея всеединства, понятие «соборность» пронизывают весь евразийский корпус идей – от концепции симфонической (соборной) личности, лежащей в основе евразийской онтологии и гносеологии, до евразийской концепции государства и права и хозяйственно-экономической доктрины. Православие рассматривается евразийцами как основа идеологии, как содержание культуры, как господствующая в культуре идея-правительница, наконец, как основа правовых гарантий государства. «Для нас Церковь и Православие являются главными устоями мирозерцания», – подчеркивали евразийцы<sup>18</sup>. В.В. Зеньковский в связи с этим писал: «Обращение к идее православной культуры как будто образует... положительное содержание евразийства, но оно так и осталось бедным и неразвитым»<sup>19</sup>.

Симфоническая (соборная) личность – понятие, ставшее фундаментом евразийства как философской школы. Вместе с тем оно – центральное понятие философии Л.П. Карсавина, развивавшееся в русле метафизики всеединства, начало которому было положено В.С. Соловьевым<sup>20</sup>. Однако в развитии идей метафизики всеединства Л.П. Карсавин основывается и на неоплатоническом направлении в истории западной философии. Кроме того Л.П. Карсавин при разработке темы личности опирается на ортодоксальную религиозную антропологию, святоотеческое пневматологическое учение, паламитскую традицию, используя при этом западноевропейские персоналистические подходы. Среди русских философов наиболее близким ему был С.Л. Франк, которого он называл среди своих учителей. Однако если С.Л. Франк развивал традиционные мотивы христианского платонизма и апофатики, акцентируя трансцендентальную природу, непостижимость всеединства, то у Л.П. Карсавина концепция всеединства оказывается также близкой построениям современного системного анализа. Совокупность всех частей,

элементов всеединства (именуемых его «моментами» или «качествами»), образует сложную иерархическую конструкцию, которая структурирована двояко: «по вертикали», на высшие и низшие моменты (где низшие суть части или, точнее, подсистемы высших), и «по горизонтали», на совокупности моментов одного порядка (уровня сложности). Строение и существование этой иерархической системы управляется двумя конструктивными принципами, которые Л.П. Карсавин заимствует у мыслителей Возрождения. Вертикальные связи описываются с помощью концепции «стяженности» (*cont-ractio*) Кузанского: высший момент как некоторое целое стяженно присутствует в низшем, в своей части; в свою очередь, низший стяженно актуализует или индивидуализует в себе высший. Горизонтальные связи описываются с помощью находимой у Дж. Бруно идеи «смазывания-размазывания центра» (*conglomeratio et exglomeratio centri*): два момента связываются не прямой связью, но через посредство общего центра – объемлющего их высшего момента («связь, индуцируемая цельностью»). Но при всех особенностях иерархическая модель всеединства Л.П. Карсавина все же может рассматриваться как одна из реализаций ступенчатой онтологической парадигмы неоплатонизма, вопреки стремлению автора покинуть русло платонической и неоплатонической мысли.

Принцип всеединства не остается самодовлеющим: Л.П. Карсавин подчиняет его принципу Троиинства, второму и более фундаментальному принципу своей онтологии, прямо восходящему к догмату троичности. Понятие Троиинства представляет сотворенное бытие как отражение божественной троичности (Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой) и вместе с тем как диалектический процесс, включающий этапы «первоединства», «саморазъединения» и «самовоссоединения». Онтология Л.П. Карсавина рассматривает бытие не в статике, а в динамике, рассматривая цело-

купную реальность как процесс, управляемый троичным принципом становления и развития. Всеединство же выступает как статический аспект этого динамического принципа: оно, по Л.П. Карсавину, «остановка и покой Троиинства», строение его статического среза, обладающего свойствами множественности и распределенности. Постулат о тождестве Личности, Бога и Троиинства служит дефиницией понятия личности. Их несовершенным отражением признается любая становящаяся цельность в здешнем бытии, субъект развития: не только индивид, но и социальная группа, нация, церковь, совокупное человечество. Такие коллективные цельности Л.П. Карсавин именует «симфоническими личностями», и их анализ на базе иерархической модели всеединства составляет основу его социальной философии и философии истории.

Личность для Л.П. Карсавина – синоним единства, активная стяженность элементов объективного целого. Л.П. Карсавин описывает тварное бытие как сложную систему взаимовключенных личностей различного порядка. «По идеалу и существу соборная личность есть всеединство своих индивидуальных и низших соборных личностей. Она и согласование своих индивидуаций, и их иерархическая (ибо ведь она едина!) и движущаяся (динамическая) система»<sup>21</sup>. В человеческом сообществе каждая симфоническая социальная личность (семья, социальная группа, народ, локальная культура) есть несовершенное выражение высшей божественной личности. Это несовершенство преодолевается через единение с Божественной реальностью как носителем единства. В движении к совершенству – смысл и назначение личности, а это предполагает осознание ею себя в качестве свободного осуществления высшей личности. Эмпирическое несовершенство соборного субъекта определяется эгоистическим самоупреждением всякой его «индивидуации», т.е. всякого из осуществляющих его инди-

видуальных или частно-соборных субъектов (социальных групп). В последней глубине своей эгоистическое самоутверждение человечества есть замыкание его в себе от Бога, разъединение его с Богом, которое и выражается в самом человечестве, как внутреннее его саморазъединение, что приводит к «умалению личности индивидуальной или соборной». Таким образом, полнота личного бытия достигается отказом от «всего своего», от себя самого ради других, заключается в «свободной жертве, самоотдаче».

В соответствии с метафизическими принципами всеединства Л.П. Карсавин в «Философии истории» (1923) обозначает основные начала исторического бытия и мышления, рассматривает вопрос о значении исторического в мире в его отношении к абсолютному бытию. «Высшей задачей исторического мышления является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта. В этом смысле весь мир в его целом — объект исторического изучения»<sup>22</sup>. Но и история в узком смысле этого термина изучает развитие человечества как всеединого, всепространственного и всевременного субъекта. Таким образом, субъектом истории является человечество как идеал, заложенный в первообразе и реализуемый в истории в постоянном соотношении с абсолютном. При этом человечество выступает не в качестве общего понятия, а как реальная симфоническая личность, существующая во всеединстве всех своих индивидуализаций в субъектах иерархического порядка: в культурах, народах, классах, группах, вплоть до эмпирически конкретной индивидуальности. В свою очередь, каждая из этих индивидуализаций субъекта существует не в смысле отвлеченной сущности, а как «качествование» высшей личности.

Л.П. Карсавин различает следующие периоды в эмпирическом развитии любой исторической индивидуальности: потенциальное всеединство исторической личности — «переход от небытия к бытию»;

первоначально дифференцированное единство; органическое единство, иначе говоря, период функционального ограничения и сравнительной стабильности индивидуальных черт; вырождение органического единства в систематическое единство, а затем его разрушение через дезинтеграцию<sup>23</sup>.

Под «развитием» Л.П. Карсавин понимает процесс, в котором некоторое «целое» постоянно изменяется. Это постоянство развития показывает, что развивающийся объект не состоит из отдельных частей, из атомов, а образует единый субъект (симфоническую личность). Развитие субъекта это переход от одного из его аспектов к другому, обуславливаемый диалектической природой самого субъекта, а не воздействиями извне. Л.П. Карсавин отвергает внешние отношения в сфере исторического бытия. Если две нации или два народа воздействуют друг на друга в ходе своего развития, то это возможно благодаря тому, что они составляют аспекты высшего субъекта, который их заключает в себе (локальная культура, человечество, космос). Л.П. Карсавин считает, что влияние природы на жизнь народа — не внешнее влияние: природа оказывает влияние на исторический процесс не как таковая, не как взятая изолированно, но лишь поскольку она отражена в сознании и преобразована в социально-психический элемент. Это возможно потому, что природа, подобно человечеству, есть индивидуализация высшего субъекта — макрокосма.

Цель развития есть реализация космического всеединства тварного существа как абсолютной индивидуальности. В эмпирическом мире эта цель недостижима, она реализуется в сверхэмпирическом порядке, поскольку абсолют как абсолютная благодать передает себя полностью миру, спасает мир через воплощение и делает мир совершенным. Таким образом, весь исторический процесс является божественно человеческим.

Совершенство не хронологический конец развития; с точки зрения несовер-



шенного субъекта идеальное всегда находится перед ним и вечно реализуется в бесконечном числе индивидуализаций, но это ни в малейшей степени не препятствует идеальному быть также некоторой реальностью, более высокой, чем аспект становления, который оно содержит, или выше, чем эмпирический исторический процесс. Во всеединстве, в любой его точке совпадают становление и завершение, совершенствование и совершенство.

Таким образом, концепция развития Л.П. Карсавина резко отличается от позитивистской концепции прогресса. Во всеединстве любой момент развития признается качественно равноценным любому другому и ни один не рассматривается просто как средство или стадия перехода к решающему концу; эмпирические моменты имеют различную ценность в соответствии со степенью, до которой всеединство раскрывается в них. История любого индивидуума содержит момент самого полного раскрытия всеединства, являющегося апогеем его развития. Критерий для определения момента этого апогея может быть найден путем исследования религиозного характера данного индивидуума, имея в виду его специфическое отношение к абсолюту (к истине, добродетели, красоте)<sup>24</sup>.

Понятие симфонической личности было введено в евразийский корпус идей в связи с решением вопроса об онтологическом статусе различных социальных групп<sup>25</sup>. В противоположность европейской традиции, согласно которой базисным понятием является личность, обладающая свойствами «самодостаточного социального атома», в евразийстве базовым понятием является симфоническая личность как единство многообразия, в котором то и другое отдельно не существует. Индивид становится личностью только в соотносительности с целым – семьей, сословием, классом, народом, человечеством. Каждому из этих надиндивидуальных образований приписывается облада-

ние формой личности, именуемой симфонической или соборной. «Основному понятию старого мирозерцания – понятию отдельного и замкнутого в себе социального атома – мы противопоставляем понятие личности как живого и органического единства многообразия; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы – понятие органического единства или, вернее и точнее, единства личного... Личность – единство множества и множество единства. Она всеединство, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям... мы признаем реальностью не только индивидуальную личность, а и социальную группу, и притом не только “сословие” и “класс”, как это делают марксисты, но и народ, и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской... культуры европейской и т.д.), и человечество. Заменяя понятие внешней связи понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но, в отличие от индивидуумов, личностями соборными или симфоническими... Эмпирическое единство симфонической личности сказывается в согласованности или соборном единстве составляющих ее симфонических же и индивидуальных личностей... Поэтому мы и пользуемся термином “соборная”, или “симфоническая” (т.е. согласованная, хоровая) личность. Эмпирическое несовершенство и сказывается как раз в том, что согласованность ее не вполне достигнута»<sup>26</sup>.

В такой тотальной концепции Н.А. Бердяев увидел глубоко метафизическое обоснование рабства человека<sup>27</sup>. С точки зрения Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской этот приговор философа-персоналиста оказался пророческим<sup>28</sup>.

Л.П. Карсавин разработал и гносеологическую основу понятия симфонической личности. Познавание личностью инобытия трактуется Л.П. Карсавиным как процесс соединения субъекта и объекта познания.

Двуединство познающей личности и познаваемого инобытия определялось Л.П. Карсавиным как симфоническая личность. Личностная основа бытия делает возможным познание в широком философском смысле слова (мысленного охвата всех времен и пространств) и самопознание всех элементов познавательного синтеза. Самопознание в евразийской трактовке выступает как основа для восхождения тварных существ к Богу через постижение себя и своей сути. Ю.В. Колесниченко отмечает определенное сходство гносеологических установок восточной традиции и евразийской православной религиозной философии<sup>29</sup>.

Такая мировоззренческая установка с необходимостью приводит к потребности «согласовать результаты, добытые отдельными науками, вдуматься в смысл этих результатов», к появлению, наряду с чисто описательными исследованиями, исследований осмысляющих фактический материал: «наряду с исследованиями историческими – исследования историсофские, наряду с этнографическими – исследования этнософские, наряду с географическими – исследования геософские и т.д.». Из таких осмысляющих работ, считают евразийские мыслители, и должна возникнуть особая «теория данной личности», устанавливающая внутреннюю связь между отдельными свойствами исследуемой симфонической личности и определяющая ее специфические особенности. Евразийцы считали необходимым формирование единой системы наук, подчиненных персонологии (учению о личности).

В то же время идея симфонической личности, близкая построениям современного системного анализа «доминируя в системе наук, не замыкается одними науками и за их пределами становится исходной точкой для системы философии». Эта же идея личности с точки зрения евразийства «призвана играть самую важную роль в системе богословия, где природа ее находит окончательное раскрытие»<sup>30</sup>. Эта же синтетическая установка

привела к возникновению оригинального понятийного аппарата евразийцев<sup>31</sup>.

Анализируя исторический процесс, евразийство обращалось к диалектическому методу, по-своему интерпретируя теорию стадий в развитии человечества. В общей исторической перспективе евразийцы различали три этапа мировой истории, которые следуют друг за другом как гегелевские тезис, антитезис и синтез. Первая эпоха, для которой характерна примитивность техники, прошла под символом господства религии и этики. Вторая эпоха принесла максимальное увеличение и усложнение техники, господство разума над религией и этикой. Третья, лишь находящаяся в стадии становления эпоха синтеза должна наряду с дальнейшим техническим прогрессом вновь установить господство религии и этики. Евразийцы были убеждены, что обширный синтез суждено провести российско-евразийской культуре. При этом религиозным смыслом истории евразийцы считали свободное становление творения к Богу, осуществляемое через культуросотворчество.

Синтетическая установка евразийства станет основополагающим принципом работ «последнего евразийца» Л.Н. Гумилёва<sup>32</sup> (полидисциплинарный подход к анализу исторических явлений – синтез истории, географии и естествознания), в чем исследователи его творчества увидят несомненное достоинство его концепции<sup>33</sup>. Л.Н. Гумилёв также отмечал близость методологических постулатов евразийства системному подходу, на котором основывался советский ученый в своих работах<sup>34</sup>. Однако такой плодотворный в философском смысле евразийский концепт как симфоническая личность будет значительно искажен и выхолощен в его трудах. Следуя евразийству, Л.Н. Гумилёв утверждал, что этнос (народ) есть личность на популяционном уровне, выраженная как самобытная культура<sup>35</sup>. Однако если для евразийцев симфоническая личность являлась качеством высшей божественной личности, т.е. была

наделена метафизическим смыслом, иными словами, концепты симфонии и соборности сочетались с системным подходом и органицизмом, то для Л.Н. Гумилёва это понятие означало, прежде всего, методологический подход, позволяющий анализировать сложносоставные этнические системы – системный анализ (А. Богданов, Л. Фон Бергаланфи, А. Малиновский)<sup>36</sup>. Следует также отметить, что из славянофильского наследия Л.Н. Гумилёва привлекали работы Н.Я. Данилевского; советский ученый более тяготел к органицизму (биологизму) Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Ф. Ратцеля, О. Шпенглера, нежели к метафизике Л.П. Карсавина. Потерю смысла всемирно-исторического процесса при этом возмещало биосферно-ноосферное учение В.И. Вернадского<sup>37</sup>, лежащее в основе этноисторической концепции Л.Н. Гумилёва<sup>38</sup>. Кроме того, Л.Н. Гумилёв использовал в своем творчестве научные идеи и научно-философские концепции ряда ученых (Л.С. Берг, А.А. Гурвич, Б.С. Кузин, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Л. Чижевский, С.М. Широкогоров и др.). В силу данных обстоятельств философское творчество Л.Н. Гумилёва может быть представлено как синтез нескольких направлений отечественной философии – евразийства, русского космизма, тектологии (первое из которых является центральным), дополненный современными естественнонаучными теориями; как связующее звено между дореволюционным, пореволюционным эмигрантским и советским фазисами развития русской философской мысли. Кроме того, гумилёвская теория испытала на себе влияние философских концепций зарубежных мыслителей, среди которых: Конфуций, Платон, Сыма Цянь, Плутарх, Ибн Хальдун, Дж. Вико, В. Парето, А. Бергсон, К. Ясперс, А. Тойнби и др.<sup>39</sup>

Многие из привнесенных Л.Н. Гумилёвым в евразийскую теорию новых элементов были уже намечены в трудах представителей «классического» евразий-

ства. Тем не менее некоторыми авторами не признается факт преемственности между «классическим» евразийством и творчеством Л.Н. Гумилёва (М. Ларюэль, Л.В. Пономарева)<sup>40</sup>. Другие говорят о «гротескном перерождении» евразийства в историософской концепции Л.Н. Гумилёва (Н.К. Гаврюшин)<sup>41</sup> или о «в высшей степени своеобразном преломлении «евразийской» мысли» в его трудах (Ж. Ни-ва)<sup>42</sup> или же о «рудиментах уже почти забытого раннеевразийского мифа» в гумилёвской интерпретации российской истории (В.Л. Цымбурский)<sup>43</sup>. Третьи не придают основополагающего значения влиянию евразийской традиции на творчество Л.Н. Гумилёва или вовсе не упоминают евразийства при изложении философских взглядов отечественного мыслителя (В.И. Затеев, М.А. Игошева, Н.Г. Лагойда, И.В. Можайскова, В.Н. Фурс и др.)<sup>44</sup>. А. Соболев считает, что не все евразийцы безоговорочно признали бы родство гумилёвской теории со своим интеллектуальным течением<sup>45</sup>. Сторонники другой точки зрения рассматривают Л.Н. Гумилёва как полноправного представителя евразийства, работы которого представляют собой реальное развитие евразийских идей и концепций (Л.П. Ахраменко, О.Д. Волгонова, А.Г. Дугин, А.Ф. Замалева, С.Ю. Ключников, В.В. Кожин, С.Б. Лавров, В.Я. Пашенко, Ю.В. Тихонов, Н.В. Трубникова, С.С. Хоружий и др.)<sup>46</sup>. Б. Парамонов определяет идеи Л.Н. Гумилёва как «советское евразийство»<sup>47</sup>. Ряд авторов считает Л.Н. Гумилёва неоевразийцем<sup>48</sup>. Сам Л.Н. Гумилёв называл себя «последним евразийцем».

Однако такие авторы как А. Либерман и М. Ларюэль скептически оценивают знание Л.Н. Гумилёвым евразийской теории<sup>49</sup>. А.В. Антощенко считает, что такие оценки являются преувеличением; также, по его мнению, следует признать преувеличением и противоположное мнение В.П. Нерознака<sup>50</sup>. Исследователи творчества Л.Н. Гумилёва В.И. Затеев и Н.Г. Лагой-

да обращают внимание на то, что «идейно-научный поиск евразийцев и автора концепции этногенеза шли параллельно, почти синхронно, но идеи Гумилёва и других ученых-евразийцев развивались абсолютно независимо друг от друга. Только в 50-х гг. они смогли получить информацию друг о друге...»<sup>51</sup>. В связи с этим необходимо заметить, что историософская концепция создавалась Л.Н. Гумилёвым на протяжении всей творческой жизни, а, кроме того, Л.Н. Гумилёв знал работы евразийцев и ранее 50-х годов<sup>52</sup>.

Наиболее объективной представляется точка зрения, согласно которой Л.Н. Гумилёв в своем творчестве осуществил развитие и трансформацию евразийской идеи. Так ученик Л.Н. Гумилёва В.Ю. Ермолаев в предисловии к книге Л.Н. Гумилёва «Черная легенда» пишет: «Меньше всего Л.Н. Гумилёв был эпигоном. “Последний евразиец” творчески синтезировал “евразийские” “предчувствия и свершения” с результатами своих собственных полувекowych трудов по изучению этнической истории Великой степи и таким образом превратил собственно “евразийство” из социально-культурологической утопии начала XX века в достаточно обоснованную научную доктрину конца нашего столетия»<sup>53</sup>.

При этом постулируется открытость евразийства к дальнейшей эволюции, а евразийство Л.Н. Гумилёва рассматривается в качестве одного из возможных направлений в развитии этого учения, что значительно расширяет как пространственно-временные и идейные рамки этого интеллектуального течения, так и его роль в развитии философии. Развивая историософские взгляды Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, евразийцев, Л.Н. Гумилёв рассматривает человечество как дискретную как в пространстве, так и во времени мозаичную систему (цельность) динамически изменяющихся цивилизаций (локальных культур). Полицентричное человечество (этносфера) является частью биосферы Земли как планеты Солнечной

системы и, вследствие этого, развивается в соответствии с законами эволюции Вселенной. Этническая история есть продолжение истории биосферы, переходящей в свое новое состояние – ноосферу. Таким образом, Гумилёв отталкивается от биосферно-ноосферного учения В.И. Вернадского, дополненного тектологией (системным анализом) А.А. Богданова и А.А. Малиновского. В данном контексте и должны интерпретироваться «верность» Л.Н. Гумилёва историческому материализму (эволюционное учение В.И. Вернадского) и его «опора» на диалектический материализм (неомарксизм А.А. Богданова), подмеченные некоторыми исследователями и оппонентами (Н.В. Трубникова, А.Л. Янов и др.)<sup>54</sup> и не отрицаемые им самим. То есть Гумилёв, подобно евразийцам, по-своему интерпретировал теорию стадий в развитии человечества.

Ключевым понятием философско-исторической концепции Гумилёва стало понятие этноса. Этнос, по Л.Н. Гумилёву, – природная общность (вид, порода людей), феномен биосферы, устойчивый, естественно сложившийся биосоциальный коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам; замкнутая система дискретного типа, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец (А.А. Малиновский, И. Пригожин, С.М. Широкогоров)<sup>55</sup>. Она, получая единый заряд энергии, называемый негэнтропийным (пассионарным) толчком, растрчивает его, переходя либо к равновесному состоянию со средой (гомеостазу), либо распадается на части. Данный процесс развития этноса Л.Н. Гумилёв назвал этногенезом. Группа близких между собой этносов составляет суперэтнос или этническую систему (аналог «цивилизации», «локальной культуры», «культурного мира»). Единство суперэтноса манифестируется в наличии общей ментальности (от лат. *Mens* – дух) – особенностях психического склада и мировоззрения людей, консолидирующей зачастую весьма разнообразные этносы.

Поэтому суперэтнос это, прежде всего, идейно-религиозная и культурная целостность. История возникновения, развития и распада этнических систем получила в теории Л.Н. Гумилёва название этнической истории и была отнесена советским ученым к естественным наукам, а естественнонаучная дисциплина, изучающая закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем была названа Л.Н. Гумилёвым этнологией (естественнонаучный аналог «учения о личности» «классического» евразийства). Под историческим временем Л.Н. Гумилёв понимал процесс уравнивания энергетических потенциалов между элементами этносферы, нарушаемый пассионарными толчками (флуктуациями биогеохимической энергии живого вещества биосферы Земли). Таким образом, в соответствии со смелыми гипотезами физики XX в., время у Л.Н. Гумилёва неоднородно, дискретно и тесно связано с энергетическими процессами, протекающими в биосфере Земли (В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский<sup>56</sup>): «время столь же неоднородно, как и пространство»<sup>57</sup>. Л.Н. Гумилёв полагал, что «выпешки этногенеза связаны не с культурой и бытом народов, не с их расовым составом, не с уровнем экономики и техники, не с колебаниями климата, меняющими экологию этноса, а с определенными условиями пространства и времени»<sup>58</sup>. Введенные в философскую и научную лексику новые термины и понятия, новый оригинальный подход к проблемам этнической истории, требовавший смены парадигмы мышления, привлекли к себе внимание многих авторов<sup>59</sup>.

Л.Н. Гумилёв считал, что всякая этническая система, подобно живому организму, проходит стадии юности (роста и экспансии), зрелости (максимальной активности), увядания (упадка и разложения) и старости. Здесь он развивает идеи Ибн Хальдуна, Ж. де Гобино, Г. Рюккерт, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева,

евразийцев, О. Шпенглера, А. Тойнби и других сторонников плнорально-циклического подхода к истории<sup>60</sup>. Для характеристики состояния этнического организма Л.Н. Гумилёв выделил четыре типа ощущения (восприятия) времени: статическое ощущение времени<sup>61</sup>, пассеизм<sup>62</sup>, актуализм<sup>63</sup>, футуризм<sup>64</sup>. Все описанные типы ощущения времени, по Л.Н. Гумилёву, редко встречаются в чистом виде, как на этническом, так и на индивидуальном уровне. Точнее говорить о преобладании одного из них.

Л.Н. Гумилёв различал три формы исторического движения: поступательное, породившее теории поступательного развития общества, вращательное, породившее теории циклизма истории, и колебательное, которое, по мнению отечественного мыслителя, отвечает параметрам этнической истории. Несмотря на то, что при разработке своей теории Л.Н. Гумилёв опирался на циклические модели истории, отечественный мыслитель считал, что предложенная им концепция всемирной истории позволяет преодолеть ограниченность двух противоположных исторософских парадигм – прямолинейность прогрессизма, при котором целые этнокультурные регионы остаются за бортом и цикличность с ее беспомощными попытками отыскать «фактор динамизма», который надо учитывать как параметр, выходящий за рамки локальности и действующий как всемирно-исторический фактор<sup>65</sup>. Такие авторы, как М.А. Игошева, Н.В. Скоробогатько усматривают в этом одно из основных достоинств теории Л.Н. Гумилёва<sup>66</sup>. Ю.В. Тихонравов считает, что «теория Гумилёва является на сегодняшний день сильнейшей философско-исторической концепцией, с которой не могут сравниться ни спекуляции таких известных и серьезных авторов, как Данилевский, Шпенглер, Тойнби, Коллингвуд, Ясперс, ни тем более такие поверхностные и сомнительные построения, как геополитика или “Конец истории” Фу-

куямы»<sup>67</sup>. По мнению академика А.М. Панченко, «в нынешнем историософском западе нет идей, которые могли бы конкурировать с теорией этногенеза»<sup>68</sup>.

Своеобразие развития и трансформации евразийской идеи, осуществленные Л.Н. Гумилёвым, во многом объясняется социально-политическими и культурными реалиями советского общества, в рамках которого протекали жизнь и творчество «последнего евразийца»: наукоцентризмом советской культуры, наличием идеологической цензуры, особенностями советского философского дискурса, недоступностью в полном объеме евразийской литературы, обстоятельствами жизни и т.п.

Это различие в интеллектуальных традициях «классического» евразийства и евразийства Л.Н. Гумилёва привело к неизбежному расхождению между ними. Исследователи отмечают, что если речь евразийцев философична и полна поэзии, если словарь евразийцев составлен на языке философии и религии, если в формировании евразийцев главную роль сыграли классические гуманитарные науки, то главные труды Л.Н. Гумилёва воплощают в себе тенденции биологизма и этнизма, понятия и термины своей теории Л.Н. Гумилёв заимствует из биологии, геологии и других естественнонаучных дисциплин, а кроме того, советский ученый ставит естественные науки выше гуманитарных, даже историю он рассматривает как естественнонаучную дисциплину<sup>69</sup>.

Здесь следует заметить, что Л.Н. Гумилёв был не просто популяризатором евразийства. Причисляя себя к евразийству, Л.Н. Гумилёв стремился облечь евразийские идеи в естественнонаучную форму, обосновать их правомочность с помощью современных ему философских концепций естествознания. Тем самым он пытался вывести концептуальные построения евразийцев из поля зрения советских обществоведов, признающих за истину в области философии истории только исторический материализм, в пик которого (а также всем другим «линеар-

ным» моделям истории) и создавалось евразийство. Л.Н. Гумилёв, базируясь на идеях русских космистов о взаимосвязи природы и общества, космоса и человека, привлекая новейшие достижения и гипотезы из области естествознания и формулируя оригинальную концепцию пассионарности вписал человеческую историю в контекст глобальных природных процессов, придав, тем самым, многогранность и своеобразную завершенность евразийской доктрине. Кроме того, правомочно говорить о влиянии, оказанном Л.Н. Гумилёвым на своих идейных учителей – Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого.

Необходимо отметить, что и историософия Л.П. Карсавина и эволюционное учение В.И. Вернадского, являющиеся фундаментом историософских построений Л.Н. Гумилёва, восходят в своих истоках к неоплатонизму. И В.И. Вернадский, и А.А. Богданов испытали на себе влияние русской религиозно-философской мысли<sup>70</sup>. Можно сопоставить также научно-философскую концепцию В.И. Вернадского и православный энергетизм – мистическое учение, возникшее в Византии и оказавшее сильное влияние на русскую культуру, в том числе и на философское творчество Л.П. Карсавина. Метафизические построения Л.П. Карсавина, по мнению исследователей его творчества, близки современному системному анализу, предшественницей которого была тектология А.А. Богданова.

Таким образом, античная философия, философская мысль Византии, русская религиозно-философская мысль являются имплицитными связующими нитями между «классическим» евразийством и евразийскими построениями Л.Н. Гумилёва, которые лишь выявили заложенные в «классическом» евразийстве, а также в трудах их предшественников, естественнонаучные интенции. В этом контексте определение, данное П.Н. Савицким евразийскому стилю философствования как «духовному синтезу восточных и западных начал», соответствующему геополитическому

тическим характеристикам<sup>71</sup>, в еще большей степени относится к историософии Л.Н. Гумилёва. Русская религиозно-философская мысль и русский космизм – вершины духовных исканий российско-евразийской культуры-личности, античная и византийская философия – продукт духовно-культурного творчества других евразийских культур.

Вместе с тем необходимо отметить, что использование научно-философских концепций В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, А.А. Богданова, А.А. Малиновского, евразийцев и других ученых без раскрытия их философского смысла привело к многочисленным обвинениям Л.Н. Гумилёва в «биологизаторстве», «географическом детерминизме», «этническом детерминизме», «социобиологизме», «расизме», «национализме», «использовании буржуазной теории геополитики», «сциентизме» и «грубом материализме»<sup>72</sup>. Нетрудно заметить, что некоторые из подобных упреков звучали (и звучат ныне) в адрес классических евразийцев, особенно П.Н. Савицкого, во многом повлиявшего на Л.Н. Гумилёва<sup>73</sup>. Исследователь евразийства С.А. Нижников в связи с этим замечает, что «Гумилёв еще более отяготил теорию евразийцев натуралистическими и геологическими определениями» и упрекает отечественного философа в том, что он увидел достоинства евразийства в том, в чем другие видели основные недостатки этого учения<sup>74</sup>. Обвинения в мистичности, мифологичности, фантастичности, идеологичности и т.п. концептуальных схем, направленные в адрес Л.Н. Гумилёва<sup>75</sup> также высказывались (и высказываются) «классическому» евразийству<sup>76</sup>. Учение евразийцев благодаря своей оригинальности казалось совершенно чуждым мировоззрению их соотечественников, то же самое можно сказать и о гумилёвской концепции этногенеза. Так в своем предисловии ко второму (первому массовому) изданию капитального труда Л.Н. Гумилёва «Этногенез и

биосфера Земли» Р. Итс писал: «Теория Льва Николаевича Гумилёва полностью оригинальна и самобытна, и, тем не менее, я не знаю никого среди советских этнографов, кто принимал бы ее»<sup>77</sup>. Современный исследователь творчества Л.Н. Гумилёва В.Ф. Мамонов замечает, что «Л.Н. Гумилёв, с его претендующими на универсальность глобальными построениями, выглядит или безнадежно устаревшим, или, быть может, ученым из весьма отдаленного будущего»<sup>78</sup>.

## 2. Геокультурная концепция евразийства

*Правильная... группировка исторических явлений приводит нас к тому выводу, что до сих пор развитие человечества шло не иначе как через посредство самобытных культурно-исторических типов ...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития*

Н.Я. Данилевский.

Россия и Европа

*...культуре нельзя научиться... ее нельзя «усвоить», «перенять», «унаследовать»... ее можно только создавать, творить свободным напряжением индивидуальных сил...*

Г.В. Флоровский.

О народах неисторических

*...это интеллектуальный бунт против абсолютизации одной культуры, отождествляемой с европейской, бунт против идола европоцентризма...*

В.Я. Пашенко.

Идеология евразийства

В основе евразийской методологии культурно-исторических исследований лежит принцип равноценности и качественной

несоизмеримости культурно-исторических миров, изложенный впервые в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920)<sup>79</sup>. На этом основании многие исследователи евразийского движения (Н.А. Омельченко, В.Я. Пашенко, С.М. Половинкин, Л.В. Пономарева, Н.В. Рязановский, Ю.И. Семенов и др.) считают датой возникновения евразийства 1920 г. Однако такие современные исследователи как М.Г. Вандалковская, И.В. Вилента, А. Игнатов, М. Ларюэль, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, Н.И. Толстой, Р.А. Урханова и др. оформление евразийства относят к августу 1921 г. – времени появления первого евразийского сборника «Исход к Востоку». Сам Н.С. Трубецкой считал, что «Несмотря на то, что “Европа и Человечество” вышла не под фирмой Евразии и что даже само евразийство зародилось во время споров и возражений против “Европы и человечества”, все же эту мою книгу считаю как бы первой ласточкой евразийства»<sup>80</sup>. В.Я. Пашенко в этой связи отмечает: «Можно с уверенностью сказать, что без “Европы и человечества” евразийская концепция не стала бы столь логично отточенной, ни столь оригинальной и в конечном счете ни столь привлекательной для широких слоев интеллектуалов»<sup>81</sup>.

По признанию самого Н.С. Трубецкого, книга была им задумана еще в 1909–1910 гг. как первая часть трилогии «Оправдание национализма». По замыслу автора, она должна была быть посвящена памяти Коперника. Вторая часть трилогии «Об истинном и ложном национализме» появилась в виде небольшой статьи в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку» и посвящалась памяти Сократа, а третья «О русской стихии», которая должна была быть посвящена Разину или Пугачёву, так и осталась ненаписанной. Впоследствии Н.С. Трубецкой изменил название первой части трилогии на более яркое – «Европа и человечество» и опустил посвящение Копернику.

Дата возникновения замысла книги имеет существенное значение при выяснении идейно-теоретических истоков евразийской концепции. Целый ряд современных критиков евразийства (В. Кантор, У. Лакер, В. Сендеров, А. Янов и др.) нередко пытаются изобразить последних как простых апологетов О. Шпенглера – автора знаменитой работы «Закат Европы», вышедшей в 1918 г. Подобные упреки в несамостоятельности выглядят довольно сомнительно в силу того факта, что Н.С. Трубецкой начал работу над своей книгой чуть ли не на десятилетие раньше. Евразийцы, конечно, были знакомы с творчеством О. Шпенглера, об этом говорят упоминания о нем в евразийских источниках, но не философско-исторические работы последнего стали фундаментом евразийской историософии.

Более объективной представляется та точка зрения, согласно которой творчество евразийских мыслителей находилось в русле современных им философских и научных тенденций. Плюральный (полицентричный) подход, являющийся фундаментом философско-исторических исследований, как евразийцев, так и О. Шпенглера, получил в конце XIX – начале XX в. широкое распространение в общественных науках: истории (концепция локальных культур-цивилизаций Ж. де Гобино, Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского и др.), этнографии (школа «культурной морфологии» Л. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера, «культурно-историческая школа» В. Шмидта и др.), этнологии (школа структурно-функционального анализа Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна, американская школа исторической этнологии Ф. Боаса и др.), социологии (французская социологическая школа Э. Дюркгейма, теория Л. Гумпловича и др.), археологии (исследования О. Монтелиуса, С.О. Мюллера, О. Менгина и др.)<sup>82</sup>. Кроме того, следует заметить, что тема кризиса европейской культуры после Первой мировой войны буквально



«виталя в воздухе», так же как и интерес к иным культурным мирам.

Назначение книги «Европа и человечество», говорит сам автор в письме Р.О. Якобсону, — чисто отрицательное. «Никаких положительных, конкретных руководящих принципов она давать не собирается. Она должна только свергнуть известные идолы... Существенное в книге — это отвержение эгоцентризма и эксцентризма (полагания центра вне себя...) главное... революция в сознании, в мировоззрении... сущность революции состоит в полном преодолении эгоцентризма и эксцентризма, в переходе от абсолютизма к релятивизму... Понять... что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, — вот все, что требует моя книга от читателя...»<sup>83</sup>.

В своей книге Н.С. Трубецкой ставит под сомнение такие прочно укоренившиеся в общественном сознании стереотипы как общечеловеческие ценности, линейный исторический прогресс, иерархия культур и цивилизаций, оппозиция космополитизм — шовинизм и т.д. Но главным мотивом всей работы Н.С. Трубецкого, является мысль о неправомерности, ненаучности абсолютизации европейской культуры, объявления ее высшей степенью исторического прогресса и ранжирования других культур по степени их близости к европейской. Обращаясь к духовной элите «неромано-германских» народов, он призывает к пониманию того, что «та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов»<sup>84</sup>.

Работа Н.С. Трубецкого предваряется исследованием общепринятых взглядов на проблему национального. Не соглашаясь с укорененной в общественном сознании оппозицией шовинизм — космополитизм как двух крайних пределов, заключающих любую позицию по национальному вопросу, Н.С. Трубецкой считает, что прин-

ципального различия между ними нет, что это есть не более как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления, основанного на эгоцентрической психологии. Считая, что эгоцентризм, являясь началом антисоциальным, антикультурным, заслуживает осуждения с точки зрения всякой культуры, Н.С. Трубецкой призывает к отказу от таких эгоцентрических предрассудков как «общечеловеческая цивилизация», «мировой прогресс» и т.д. Н.С. Трубецкой подчеркивает, что за всеми этими словами скрываются определенные и весьма узкие этнографические понятия.

Основная часть книги посвящена доказательству абсурдности притязаний романогерманцев на звание «цивилизационного человечества». Не принимая европоцентристскую однонаправленную схему исторического прогресса и отклоняя оценку народов и культур по степеням совершенства, Н.С. Трубецкой выдвигает принцип их равноценности и качественной несоизмеримости. Для евразийского мыслителя не существуют «высшие» и «низшие» культуры, а только «похожие» и «непохожие».

Позднее П.Н. Савицкий<sup>85</sup>, детализируя концепцию Н.С. Трубецкого, следуя во многом Н.Я. Данилевскому, предложил для оценки культурных достижений различных народов, расчлененное по отраслям рассмотрение культуры: «Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других... только рассматривая культуру расчлененно, по отраслям, мы можем приблизиться к сколь-либо полному познанию ее эволюции и характера. Такое рассмотрение имеет дело с тремя основными понятиями: “культурной среды”, “эпохи” ее существования и “отрасли” культуры. Всякое рассмотрение приурочивается к определенной “культурной среде” и определенной “эпохе”. Как мы проводим границы одной и другой, зави-

сит от точки зрения и целей исследования. От них же зависит характер и степень дробности деления “культуры” на “отрасли”. Важно подчеркнуть принципиальную необходимость деления, устраняющего некритическое рассмотрение культуры как недифференцированной совокупности... Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно “культурных” и “некультурных”. И что разнообразнейшие народы, которых “европейцы” именуют “дикарями”, в своих навыках, обычаях и знаниях обладают “культурой”, по некоторым отраслям и с некоторых точек зрения стоящей “высоко”<sup>86</sup>.

В своих работах Л.Н. Гумилёв также утверждал, что не существуют высшие и низшие культуры. С его точки зрения, этносоциальная система может быть только сложнее или проще, что и сказывается на интенсивности процессов культурогенеза. Но к делению на «проще» и «сложнее» качественные оценки неприменимы, это закономерный природный процесс, обусловленный необратимостью исторического времени<sup>87</sup>. Продолжая культурологические изыскания П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилёв предложил сравнивать культуры «диахронично» – по возрастам («эпохам существования»), учитывая при этом оригинальные черты развития («культурную среду») и потребности изучаемых народов<sup>88</sup>. Но даже в этом случае считать один народ «выше» другого нелепо. Л.Н. Гумилёв подчеркивал, что сама идея «отсталости» или «дикости» народов может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда сравниваются разновозрастные этнические целостности. Л.Н. Гумилёв выступал также против аксиологического подхода в оценке народов – деления их на «хорошие» и «плохие». «Спорить о том, какой этнос лучше, все равно, как если бы нашлись физики, предпочитающие катионы анионам, или химики, защищающие щелочи против кислот», – считал Л.Н. Гумилёв<sup>89</sup>. Такие авторы как

Н.Г. Лагойда, В.Ф. Мамонов, С.Б. Лавров считают предложенные Л.Н. Гумилёвым принципы и подходы в высшей степени актуальными<sup>90</sup>.

Источник «непохожести» народов различных культурно-исторических миров Н.С. Трубецкой видит в различии их этнопсихологии. Русский философ подразделяет психику человека на элементы врожденные, обусловленные наследственностью, и элементы приобретенные, связанные с социальным окружением человека. Благоприобретенные элементы психики с его точки зрения во многом трансформируют наследственно определенные. Н.С. Трубецкой также считал, что в психологии каждого человека нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общие у него с нами.

Л.Н. Гумилёв акцентировал свое внимание на окружающей природной и этнической среде. С его точки зрения, именно способы адаптации к «вмещающему ландшафту» оказывают влияние на формирование этнопсихологии. Единство этноса (народа, племени) в наибольшей степени выражается в общности фундаментальных стереотипов поведения, формируемых окружающей средой и накапливаемым прошлым (традицией и культурой)<sup>91</sup>. «Каждый... коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рождают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но, естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения – стереотипы. Усвоенные стереотипы составляют основное отличие одного этноса от другого», – считал Л.Н. Гумилёв<sup>92</sup>. В связи с этим правомочно говорить о «географии поведения». В то же время Л.Н. Гумилёв отмечал динамичность (закономерное изменение в историческом времени) данных стереоти-

пов поведения, обусловливаемую процессом этногенеза — «взрослением» («старением») этноса. Стереотип поведения служит фундаментом этнической традиции, включающей в себя культурные и мировоззренческие устои, формы общежития и хозяйства, имеющие в каждом этносе неповторимые особенности. Его изменение — смена этнической принадлежности. В этом Л.Н. Гумилёв следует Конфуцию<sup>93</sup>.

Развивая впоследствии этнокультурологические взгляды Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилёв считал, что принцип полицентризма, отстаиваемый Н.С. Трубецким в работе «Европа и человечество», сохранил свою методологическую ценность и в наши дни, именно мозаичность человечества придаст ему необходимую пластичность, благодаря которой оно как вид сумело выжить на планете Земля<sup>94</sup>. При этом он рассматривал мозаичность человечества как свойство живой материи, охваченной мыслью<sup>95</sup>.

Рассматривая вопрос о возможности полного приобщения какого-либо народа к культуре, созданной другим народом, без антропологического смещения обоих народов, Н.С. Трубецкой, опираясь на работы Г. Тарда<sup>96</sup>, приходит к выводу о невозможности такого приобщения. И, наконец, проводя анализ процесса европеизации, Н.С. Трубецкой заключает, что в результате приобщения иных культур к культуре европейской первые неизбежно пострадают в результате европейских заимствований. Европеизация, будучи «кривым зеркалом европейской цивилизации» неминуемо приведет к духовному и нравственному одичанию. Из-за этнопсихологических и этнокультурных различий народы этих культур никогда не смогут примкнуть к европейской цивилизации в качестве равноправных партнеров и в полной мере творчески развиваться в ее рамках. С точки зрения европейской культуры они всегда будут людьми второго сорта, в то время как их собственная

культура ни в коем случае не хуже европейской, она просто иная<sup>97</sup>.

П.Н. Савицкий в работе «Европа и Евразия», уточняя концепцию Н.С. Трубецкого, подразделил все культурные ценности на две группы, одна из которых принадлежит сфере «идеологии» (нормы права, философские концепции, моральные принципы и т.п.), а вторая к технике и эмпирическому знанию, и утверждал, что формулой национального существования может быть следующая: «своя идеология, безразлично, свои или чужие техника и эмпирическое знание»<sup>98</sup>. В этой формуле П.Н. Савицкий почти дословно воспроизводит вывод Н.Я. Данилевского, сделанный шесть десятилетиями ранее. Здесь мысли евразийцев следуют третьему закону развития культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского («непередаваемости цивилизации»). Л.Н. Гумилёв акцентировал свое внимание на искусстве. С его точки зрения, памятники искусства способны сильно влиять на психику созерцающих их людей. Предметы искусства формируют вкусы, а, следовательно, и симпатии представителей этнологических единиц, вступающих в межкультурные контакты. Отсюда идут разнообразные заимствования, что, либо усиливает межплеменные связи, либо ослабляет их<sup>99</sup>.

Таким образом, «Европа и человечество» содержала в себе серьезное обвинение западного мира, в ней утверждалось, что так называемая мировая цивилизация, прогресс и общечеловеческие ценности, которыми европейские колонизаторы якобы одаривают колонизируемые народы, являются интеллектуальной ложью Европы.

Столь же категорично, как и Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилёв отзывался об «общечеловеческих ценностях», под которыми, с его точки зрения, обычно понимается этническая доминанта<sup>100</sup> какого-то конкретного суперэтноса. Выбирая удобный масштаб исторического исследования<sup>101</sup> — рассматривая историю человечества как историю народов,

Л.Н. Гумилёв, не отрицая общего эволюционного характера человеческой истории, заданного парадигмой эволюционного учения В.И. Вернадского, считал, что следует интерпретировать историю смены этносов не как прогрессивное развитие, а как серию дискретных энтропийных процессов – возмущений живого вещества антропосферы<sup>102</sup>.

Считая европеизацию неизбежной из-за «ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников – романо-германцев, и от эгоцентризма, пронизывающего всю их пресловутую «цивилизацию», Н.С. Трубецкой призывает интеллигенцию («неромано-германских» народов произвести переворот в своем сознании, сбросить иго Европы, прозреть и увидеть всю фальшь и злонамеренность европейских требований и притязаний.

Начатое Н.С. Трубецким рассмотрение евразийцами колониальной проблемы, стало существенным элементом их теории. Евразийцы считали, что Россия-Евразия не одинока в своем противостоянии западной культуре. Другие общества и культуры по своей сути также противоположны этому мировому эксплуататору. Поэтому Россия-Евразия может вступить с ними в союз и даже, возможно, их возглавить. Евразийство отмечало дуальность России-Евразии: являясь неевропейской, она приняла христианство, но в восточном варианте, т.е. сочетала в себе преимущества Европы – силу своей религии и восточное мирозерцание. Благодаря обладанию такой двойственной природой, Россия-Евразия и могла встать во главе неевропейского мира. Идеология евразийства, хоть и связанная органично с Россией-Евразией, содержала и более широкий призыв к восстанию против Европы, во имя подлинных самобытных культур. Духовным элитам иных культурных миров нужно было именно то, чем владели евразийцы: умение распознать интеллектуальную ложь и ограниченность европейской цивилизации.

Исследователи считают, что, включив Россию вместе со странами третьего мира в понятие «человечество» и уравнивая ее с этими странами, евразийцы надеялись нанести удар таким серьезным конкурентам, как представители паназиятства, которые отбрасывали русский мир обратно в поле притяжения западно-европейского культурного ареала и оспаривали главенство России в Азии<sup>103</sup>.

Если О. Шпенглер предсказывал близкий конец фаустовской (западноевропейской) культуры<sup>104</sup>, то для Н.С. Трубецкого конец гегемонии Европы был отнюдь не очевиден. Н.С. Трубецкой опасался, что триумфальное шествие Европы в мире будет продолжаться и впредь, ибо неевропейские народы мира все больше поддаются под коварное очарование европейской культуры. Ни в духовном, ни в политическом, ни в экономическом отношении господство Европы не поколеблено. Большевицкая Россия также, по мнению Н.С. Трубецкого, становится все более зависимой от Европы. Эту зависимость не может устранить мировая социалистическая революция, о которой мечтают большевики, ибо тогда Россия оказалась бы в колониальной зависимости от более прогрессивных социалистических стран Запада. Единственную возможность обрести самостоятельность автор «Европы и человечества» видит в тесном сближении с освободительным движением колониальных стран. Предсказывая в статье «Русская проблема» (1922) России колониальное будущее, Н.С. Трубецкой считал, что оно в то же время, несет наряду с фактическим унижением и великую возможность повести за собой другие колонии, особенно своих «азиатских» сестер, на решительную борьбу против романо-германских колонизаторов<sup>105</sup>. Проблема «Европы» («западной либеральной модели», «стран “золотого миллиарда”», «апокалиптического мира космополитического всесмещения и либерального эгоцентризма», «техногенно-потребительской цивилизации Запада»,

«стран атлантического блока») и остальное «человечества», поднятая евразийцами, нашла свое дальнейшее, хотя и неоднозначное, развитие в трудах современных авторов – «неоевразийцев» (А.Г. Дугина, Г.А. Зюганова, А.В. Иванова, А.С. Панакина и др.)<sup>106</sup>.

Базируясь на методологическом принципе «равноценности и качественной несоизмеримости культур и народов» и рассматривая культуру как особую симфоническую личность, евразийская мысль предложила новую историософскую модель истории человечества как множественность процессов временного развертывания вонне культурно-личностей, проходящих периоды становления, подъема и упадка; как сочетание этнокультурных систем, существование которых определяется локальными флуктуациями биогеохимической энергии живого вещества, охваченного мыслью, говоря естественнаучным языком теории Л.Н. Гумилёва<sup>107</sup>. Человечество – «радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности». «Отдельные национальные культуры, сохраняя каждая свое неповторяемое индивидуальное своеобразие, представляют в своей совокупности некоторое непрерывное гармоничное единство целого... именно в сосуществовании этих ярко индивидуальных культурно-исторических единиц и заключается основание единства целого»<sup>108</sup>.

Евразийцы считали, что процесс временного развертывания культуросферы осуществляется не в однолинейном, а в различных направлениях. Картина мировой культуры принципиально плюралистична, многомерна, мозаична; культурные миры несводимы друг к другу и как бы «параллельны». Это и обуславливает многообразие культурно-исторических миров, «цветущую сложность» человечества. Н.С. Трубецкой писал: «...В однородной общечеловеческой культуре логика, ра-

ционалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией, этикой и эстетикой... интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием»<sup>109</sup>. Дополняя Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилёв утверждал, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее, как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна... этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества». «Известно, – пишет Л.Н. Гумилёв, – что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая «культура» возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы ее гибель. Напротив, система, обладающая значительным числом элементов... жизнеспособна и перспективна в своем развитии. Такой системе будет соответствовать культура отдельного «национального организма»<sup>110</sup>.

Таким образом, евразийство считало, что общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов невозможна, а если бы и была возможна, то представляла бы собой либо систему удовлетворения чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо привела к навязыванию всем народам тех форм, которые соответствуют жизни лишь какой-либо одной «этнографической особи», т.е. стала бы средством культурного обеднения, а не обогащения народов мира и человечества в целом.

Евразийцы мыслили человечество плюрально – как систему автаркических миров (культурно-исторических зон), каждый из которых является субъектом исторического процесса (культурно-личность). Каждый культурный мир или суперэтнос, по мнению евразийцев, со-

стоит из народов и племен (отдельных этнологических единиц – этносов и суб-этносов<sup>111</sup>), внутри которых можно выделить различные социальные группы (консорции<sup>112</sup> и конвексии<sup>113</sup>), состоящие в свою очередь из отдельных родов (семей). Между единицами, составляющими единую общность, с точки зрения евразийства, было больше культурных сходств и взаимопонимания, чем между теми, что входили в разные общности. Эти сходства порождались не столько общей генетической основой, сколько возникали в процессе культурных контактов согласно «взаимосимпатии», «сокровенному “сродству душ”» (положительной комплиментарности<sup>114</sup>) или наоборот «взаимному отталкиванию» (отрицательной комплиментарности) этнологических единиц и их составных частей. Устойчивость этнических систем обеспечивается их иерархичностью и мозаичностью, их единство – этническими (пассионарными) полями<sup>115</sup> (Л.Н. Гумилёв). Кроме того, Л.Н. Гумилёв считал, что соподчиненность этнологических единиц не есть раз и навсегда заданная жесткая структура, наоборот, этнические системы динамично изменяются в ходе необратимого исторического времени.

Этот пафос отрицания универсальной модели культурного развития тяготел к славянофильской концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, к историософским моделям Дж. Вико, И. Гердера, О. Шпенглера, нашедшим в дальнейшем немало последователей (А. Тойнби, С. Хантингтон). «Однако перекличка идей в данном случае, – считает С.В. Бушуев, – свидетельствует не об отсутствии оригинальности евразийцев... а о значимости и плодотворности их подходов, имевших предшественников и последователей»<sup>116</sup>.

В то же время евразийцы, в отличие от Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, не отрицали взаимовлияния культур друг на друга. Считая, что культуры подлежат «историческим изменениям, законам эволюции», Н.С. Трубецкой полагал, что

влияния эти связаны с самим существом развития культур, но при этом влияние одной культуры на другую не должно быть подавляющим, «чтобы культурные заимствования органически перерабатывались и чтобы из своих и чужих элементов создавалось новое единое целое, плотно пригнанное к своеобразной национальной психике данного народа»<sup>117</sup>. Л.П. Карсавин различал «личное усвоение чужого», когда личность (индивидуум или соборный субъект) преобразует усваиваемое в специфически свое, и «усвоение подражательное или внешнее», в котором личность утрачивает свою специфичность, а также утверждал, что «на гибель обрекает себя народ, замыкающийся в себе от других народов и лично... не осваивающий их труда»<sup>118</sup>.

Коллизиям, своеобразным зигзагам истории, возникающим при этнокультурных контактах были посвящены работы представителя позднего евразийства Л.Н. Гумилёва «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989), «Тысячелетие вокруг Каспия» (Баку, 1991) и др., в которых на широкой историко-культурной панораме анализировались последствия для культуры и природы диалога культурно-исторических миров. С его точки зрения сочетания этнокультурных систем бывают и кровавыми, и мирными, экономическими, идеологическими, эстетическими. Л.Н. Гумилёв выделил четыре принципиально различных варианта этнических контактов, понимая под последними процессы взаимодействия двух и более этнических систем, при которых ни одна из взаимодействующих систем не является подсистемой другой системы: взаимопользительный – симбиоз (добрососедство); нейтральный – ксении<sup>119</sup> (добровольное объединение без слияния); негативный – химера<sup>120</sup> (объединение без слияния путем подчинения одной этнической целостности другой, чуждой ей по доминанте); слияние представителей различных этносов в новую общность в результате пассионарного толчка.

Полагая, что всякая личность (индивидуум или соборная личность) есть свободное и своеобразное выражение ближайшей к ней высшей соборной личности, а также то, что последняя может быть действительной личностью лишь в том случае, если она не только выражается в своих низших соборных личностях, но и сама выражает в себе высшую соборную личность, Л.П. Карсавин считал, что локальные культуры могут обладать личным бытием своего субъекта только потому, что они своеобразно осуществляют человечество и сами осуществляются в ряде соборных личностей или наций. Всякая нация, в свою очередь, осуществляется в ряде дальнейших соборных личностей, из которых каждая определена своим особым качеством, своей особой по отношению к нации функцией, но для полноты личного бытия нуждается в многообразии своих проявлений. Тот же процесс, по мысли Л.П. Карсавина, продолжается и далее до первоначальных соборных личностей или первичных социальных групп, составленных непосредственно из индивидуумов. Таким образом, культура и раскрывается как личное иерархическое многоединство, а нация как функциональный организм, задачей которого является своеобразное осуществление многонациональной культуры как целого<sup>121</sup>.

Если Л.П. Карсавин полагал, что личное бытие высших симфонических личностей преимущественно обнаруживается не в человечестве как целом, а в локальных культурах, то Н.С. Трубецкой настаивал на том, что человечество вообще не обладает признаками конкретной живой личности, максимальной общностью ему представлялся автаркический мир<sup>122</sup>. В.А. Шнирельман считает, что различия между двумя евразийскими мыслителями в данном вопросе укоренены в их различной профессиональной подготовке, кроме того, по мнению данного автора, если Н.С. Трубецкой следует концепции Н.Я. Данилевского, то Л.П. Карсавина

больше вдохновляют идеи Вл. Соловьёва<sup>123</sup>. Л.Н. Гумилёв рассматривал человечество как гиперэтнос, признавая за ним свойства мозаичности и полицентризма. Ведь неравномерность развития и разнообразие элементов является обязательным условием устойчивости любой системы<sup>124</sup>.

Исследователи также отмечают, что в своем стремлении объяснить ход истории евразийцы, в отличие от О. Шпенглера и А. Тойнби, использовали не избирательный, а аккумулятивный подход (развитый впоследствии французской школой Анналов), родственному системному анализу<sup>125</sup>. Эти тенденции в наибольшей степени проявились в творчестве Л.Н. Гумилёва. Другое отличие от теорий предшественников и последователей – акцентирование личностной природы культуры, т.е. рассмотрение культуры как выражения высшей божественной личности хотя и несовершенного, в силу своей эмпиричности. Однако «позднее» евразийство (после Второй мировой войны) представленное работами Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилёва было лишено этой отличительной черты.

Евразийство считало, что каждая культуро-личность имеет свое собственное историко-культурное задание. Общая картина всемирно-исторического развития мировой цивилизации складывается из множества культурных заданий, возложенных историей на каждый отдельный культурно-субъект. Данной проблематике была посвящена вторая часть трилогии Н.С. Трубецкого – «Об истинном и ложном национализме» (1921). В этой работе Н.С. Трубецкой, вслед за В.И. Ламанским и А.А. Шахматовым, подчеркивает значение самопознания, символизируемое двумя жизненными правилами: «познай самого себя» и «будь самим собой», как для отдельного человека, так и для жизни народа. Рассматривая народ как соборную личность и считая, что общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, Н.С. Трубецкой видит выра-

жение истинного самопознания народа в созидании им самобытной и гармоничной культуры, наиболее ярко и полно выражающей его духовную природу. Философ утверждает, что между индивидуальным и национальным самопознанием существует теснейшая внутренняя связь и постоянное взаимодействие. Чем больше в данном народе существует людей, «познавших самих себя» и «ставших самими собой», тем успешнее идет в нем работа по национальному самопознанию и по созданию самобытной национальной культуры, которая, в свою очередь, является залогом успешности и интенсивности самопознания индивидуума. Только при наличии такого взаимодействия между индивидуальным и национальным самопознанием возможна правильная эволюция национальной культуры. В противном случае весь смысл самобытной национальной культуры пропадет. Культура утратит живой отклик в психике своих носителей, перестанет быть воплощением национальной души и обратится в ложь и лицемерие, способные затруднить, а не облегчить индивидуальное самопознание и индивидуальную самобытность.

Со стремлением к выработке самобытной национальной культуры связывает Н.С. Трубецкой «истинный национализм» как «безусловно положительный принцип поведения народа», противопоставляя его разновидностям «ложного национализма» – как тем, что подменяют желание «быть самим собой» желанием «быть как другие», так и тем, что связаны с воинствующим шовинизмом, а также с культурным консерватизмом, не допускающим отклонения от созданных в прошлом культурных ценностей или форм быта. Рассматривая иерархию этнических целостностей, объединяющими элементами которых являются единство исторической судьбы, совместная культура и общность автаркического мира (месторазвития культуры), Н.С. Трубецкой считал здоровым проявлением национализма отдельной этнической единицы такой его вид, который бы

комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы. Для евразийской культуры таким национализмом будет общеевразийский национализм, который является «как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех частных... национализмов воедино»<sup>126</sup>.

По мнению Н.С. Трубецкого, каждая культура должна иметь две стороны: одну обращенную к конкретному этнографическому народному фундаменту («нижний этаж культуры»), другую – обращенную к вершинам духовной интеллектуальной жизни («верхний этаж культуры») <sup>127</sup>. Это деление изображало не разные степени совершенства или ценности культуры, а лишь различные ее функции. При этом ценность и совершенство, с точки зрения Н.С. Трубецкого, зависят не от этих функций, а от одаренности творца, независимо от того работает он в «верхнем» или в «нижнем этаже» культуры. Для прочности и здоровья культуры («народной культурно-личности») необходимо, чтобы между этими двумя сторонами существовала органическая связь – чтобы вновь создаваемые ценности верхнего этажа культуры определяли собой направление дифференцированного и индивидуализированного творчества ценностей нижнего этажа и, наоборот, культурные творения народных индивидуаций, суммируясь друг с другом, нейтрализуя друг в друге специфически местные, частные черты, но подчеркивая общие, определяли собой дух культурной работы верхнего этажа. Это утверждение было направлено против рецидивов европеизации – «издержек плюралистических периодов в истории культуры» (Г.В. Вернадский) или «химизации этноса» (Л.Н. Гумилев). Также необходимо, чтобы каждая из этих сторон действительно отвечала своему назначению, т.е. чтобы сторона, обращенная к народным корням, соответствовала индивидуальным чертам данного конкретного этнографического фундамента для обеспечения постоянного



участия людей из народа в культурном строительстве, а сторона, обращенная к духовным вершинам, по своему развитию соответствовала духовным потребностям выдающихся представителей нации. Развивая четвертый закон культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского («разнообразия и силы составных элементов типа», – или, иначе, прямопропорциональной зависимости полноты цивилизации от богатства и разнообразия этнографических различий народа), Н.С. Трубецкой утверждал, что «верхний этаж» единой культуры крупной этнологической единицы будет всегда качественно совершеннее и количественно богаче, чем у тех культур, которые могли бы выработать отдельные части той же этнологической единицы, работая каждый за себя, независимо от других частей<sup>128</sup>. Исходя из постулатов системологии, Л.Н. Гумилёв считал, что мозаичность этнической системы придает ей устойчивость.

Дополняя Н.С. Трубецкого, Л.П. Карсавин в своей работе «Россия и евреи» (1935) выдвинул идею об этническом ядре и этнической периферии. На примере евреев он провел различие между теми представителями этнологической единицы, которые тесно связаны со своей культурной средой (этническое ядро); полностью ассимилированными представителями этнической группы и теми, кто, будучи оторванными от своей культурной среды, являются носителями идей абстрактного космополитизма, интернационализма и «общечеловеческой культуры» (этническая периферия). Л.П. Карсавин считал, что ассимилированные представители этнической группы не могут быть творцами, так как для того, чтобы создавать культурные ценности, необходимо творить в рамках собственной самобытной культуры. Подобно К.Н. Леонтьеву, Л.П. Карсавин полагал, что интернационализм, исповедуя абстрактные, безжизненные и вредоносные идеи, является опаснейшим врагом всего органически-

национального. Именно этническое ядро создает оригинальную культуру. Вслед за Л.П. Карсавиным Л.Н. Гумилёв также выделял этническое ядро и этническую периферию. Под этническим ядром Л.Н. Гумилёв понимал группу этносов, возникших в одном регионе в результате пассионарного толчка, объединенных вокруг этнической доминанты.

Развивая положения евразийской теории культуры Л.Н. Гумилёв разработал понятия «химера» и «антисистема». С точки зрения Л.Н. Гумилёва суперэтнические контакты (совместное проживание и тесное общение представителей разных культурных миров) иногда приводит к нейтральным последствиям, но чаще всего их результаты крайне негативны: возникают химеры и антисистемы, что приводит к упрощению (понижению плотности системных связей в этнической системе, снижению ее внутреннего разнообразия) или даже разрушению контактирующих целостностей<sup>129</sup>.

Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, каждый из которых отличается оригинальными этническими традициями и ментальностью. В химере же господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на место единой ментальности приходит полный хаос царящих в обществе вкусов, взглядов и представлений. В такой среде расцветают антисистемные идеологии. Потеря своеобразных для каждого этноса адаптивных навыков приводит к отрыву населения от кормящего ландшафта. Таким образом, химеру можно охарактеризовать как общность деэтнизированных, выпавших из этносов людей. В отличие от этноса химера не может развиваться, а способна лишь некоторое время существовать, впоследствии распадаясь – происходит своего рода этническая «аннигиляция». Возникшие в недрах химеры антисистемы (системные целостности людей с негативным миро-

ощущением, вырабатывающие общее для своих членов антибиосферное мировоззрение) выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов, либо химеры делаются жертвой соседних этносов<sup>130</sup>.

По мнению Л.Н. Гумилёва, все антисистемные идеологии и учения объединяются одной центральной установкой: они отрицают реальный мир в его сложности и многообразии во имя тех или иных абстрактных целей (торжество «справедливости», избавление от «зла» и т.д.). Следствия этой установки: либо призывы к коренному изменению мира, которое на деле разрушает его, либо данные учения требуют от людей вырваться из оков реальности, разрушая самих себя. Для антисистемы характерны известная скрытность действий и ложь. Среди адептов антисистем преобладают люди с футуристическим ощущением времени. Реализация целей антисистемы всегда отнесена к далекому будущему. Идеологии антисистем, складывающихся в зонах контакта несовместимых суперэтносов, противопоставляют себя любой этнической традиции. Распространяются антисистемы иногда далеко за пределы тех контактных зон, где они появляются.

С позиций предложенной Л.Н. Гумилёвым концепции этнического поля, колеблющегося с определенной частотой, или ритмом, химера представляет собой наложение двух различных ритмов, создающее какофонию. Эта какофония воспринимается людьми на уровне подсознания и создает характерную для химеры обстановку всеобщей извращенности и неприкаянности, а также порождает антисистемные умонастроения.

Химера может быть относительно безвредной (пассивной) либо же становится рассадником агрессивных антисистем. Приводя многочисленные примеры химер, Л.Н. Гумилёв отмечал, что большинство из них сложились за счет вторжения представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего

агрессор пытается жить не за счет активного освоения своего кормящего ландшафта, создающего самобытную культуру, а за счет побежденных. Результатом в конечном итоге всегда бывает распад и гибель химеры, так как победители деградируют не в меньшей степени, чем их жертвы.

«Классическое» евразийство признавало наличие культурной системы, состоявшей из различных взаимосвязанных сфер<sup>131</sup>. Л.П. Карсавин выделил три сферы: государственная или политическая сфера, в которой проявляется единство всех сфер культуры, духовная, как сфера духовного творчества, и материальная. Каждая из названных сфер, в свою очередь, состояла из более дробных подразделений; подобные культурные сферы тесно переплетались и накладывались друг на друга. Три основные сферы находились в определенной системе субординации, причем материальная сфера занимала низшую ступень, а государственная — высшую. Более того, для Л.П. Карсавина «культуро-личность» вовсе не могла существовать, не будучи оформленной государственно. С его точки зрения именно благодаря политической организации получают выражение и оформление сознание и воля культурно-субъекта, а сам он приобретает действительное личное бытие. Иными словами, государство являлось формой индивидуального существования и индивидуального выражения культуры. Средний элемент триады был центральным, так как с точки зрения евразийства обеспечивал свободный поиск истины, возможный лишь в рамках религии и церкви, что предотвращало раскол единой культуры на культуру «верхов» и культуру «низов».

Необходимо отметить, что «классическое» евразийство никогда не доходило до того, чтобы вслед за немецкими мыслителями считать государство главной целью культурной эволюции. Напротив, оно отмечало, как и Н.Я. Данилевский, что государство само по себе не обладает творче-

ской потенцией, будучи всецело орудием носителя культуры. Оно признавало, что безграничное расширение государственной сферы может затруднять свободное развитие культуры. Именно культура должна иметь приоритетное значение. И все-таки в отсутствие сильной политической организации культура не могла развиваться иначе, чем как в эмбриональной форме. Базируясь на предложенной им теории этногенеза, Л.Н. Гумилёв считал создание оригинальной социально-политической системы индикатором роста этнической системы, переходящей из периода становления (юности) в период максимальной активности (зрелости). Однако, с точки зрения Л.Н. Гумилёва, оригинальность социально-политической системы не обуславливает обязательного политического единства. В качестве примера отечественный мыслитель приволил романо-германский культурный мир<sup>132</sup>.

Эти постулаты евразийства можно считать развитием второго закона развития культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского – закона «политической независимости».

Н.С. Трубецкой, говоря о культурном строительстве, выделял следующие факторы ему благоприятствующие: психическая активность представителей нации, их одаренность, а так же этнопсихологический склад<sup>133</sup>. Развивая идеи Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеев считал, что выразителем идеалов культурно-субъекта определенной культурной эпохи данной культуры, создателем культурных канонов является, благодаря своей психической мощи, правящий (ведущий) слой (отбор). В работах Л.Н. Гумилёва психическая активность представителей нации стала носить название пассионарности.

Пассионарность – основное понятие теории этногенеза Л.Н. Гумилёва («Этногенез и биосфера», Л., 1974). Л.Н. Гумилёв считал, что единство этноса поддерживается энергией биосферы (В.И. Вернадский), эффект которой на этническом

уровне был им описан как явление пассионарности (пассионарность как энергия). Пассионарность (от лат. *passio* – страсть, *ionis* – движущийся) – устойчивый, инвариантный для разных эпох и этносов комплекс поведенческих и психических черт, генетически обусловленный (рецессивный) признак<sup>134</sup>, воспринимаемый как непреодолимое стремление к намеченной цели (часто иллюзорной); он определяет также способность к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. В целом пассионарность проявляется как потребность и способность изменять окружающую среду (пассионарность как характеристика поведения и психики). Носители данных качеств – пассионарии – характеризуются значительным доминированием социальных (прежде всего – потребности в лидерстве) и идеальных потребностей над биологическими (витальными), хотя последние могут быть ярко выражены. В соотношении потребностей развития и сохранения резко преобладают потребности развития. Именно пассионарии, по Л.Н. Гумилёву, и выступают в качестве фермента этногенеза, а также его движущей силы. Формирование нового этноса, связанное с ломкой старых моделей поведения и созданием новых, требует мощнейшего выброса человеческой энергии, «высокого энергетического накала». Поэтому оно осуществляется при очень высокой концентрации пассионариев в данной человеческой популяции.

Психологически пассионарность проявляется как жертвенный импульс подсознания (отрицательный), противоположный инстинкту самосохранения (положительный). В области сознания действуют взаимно противоположные импульсы аттрактивности и себялюбия («разумного эгоизма»). Аттрактивность (от лат. *attraction* – влечение, *ionis* – движущийся) – бескорыстное влечение к абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости. Данное понятие является

синонимом психологического термина «идеальные потребности». Л.Н. Гумилёв отмечал, что полное отсутствие идеальных потребностей – патологический случай, хотя крайне слабая их выраженность встречается у людей с любыми степенями пассионарности, чаще всего – у субпассионариев. Однако если уровень пассионарности является врожденным признаком, присущим человеку на протяжении всей его жизни, то аттрактивность меняется под влиянием других людей – учителей, друзей, собеседников и т.п., т.е. коллектива. Последним параметром человеческой психики, выделяемым Л.Н. Гумилёвым, является оппозиция позитивное – негативное мироощущение. При этом под мироощущением Л.Н. Гумилёв понимал подсознательную реакцию человека на окружающую его реальность; весь комплекс психических процессов и явлений, вызываемых внешними воздействиями на индивида, но не переработанных его сознанием. По мнению Л.Н. Гумилёва, мироощущение определяется как генетически обусловленными свойствами данного человека (его конституцией, степенью пассионарности и т.д.), так и влиянием окружающих.

Позитивное мироощущение, порождает жизнеутверждающие системы, в соответствии с которыми одухотворение материи (т.е. переход косного вещества в живое<sup>135</sup>) – благо, а противоположный процесс – зло. Негативное мироощущение, складывающееся у людей находящихся в зоне контакта несовместимых суперэтносов с взаимно отрицательной комплиментарностью, с резко различными стереотипами поведения и ментальностью, выражается в негативном отношении к объективным законам бытия и стремлении к упрощению окружающего мира. При наличии пассионариев среди таких людей складываются антисистемные целостности. Они могут быть соотносены с антиэлитой В. Парето. При этом только первый тип мироощущения может стать основой нормальной жизни этноса.

44

В двух разновидностях мироощущения людей (позитивное и негативное) и соответствующих им типах мировоззрения и поведения проявляется биполярность мира – понятие во многом отражающее сущность философских воззрений Л.Н. Гумилёва. Л.Н. Гумилёв считал, что мир обладает двумя полюсами: творческим началом, создающим Бытие в его многообразии, и бездной (небытием), проявляющейся через антисистемы, которые стремятся к упрощению Бытия вплоть до его уничтожения.

Философ полагал, что количество (степень) пассионарности как энергии в качестве аргумента определяет диапазоны изменения остальных исследуемых Л.Н. Гумилёвым параметров психики человека: пассионарности как характеристики поведения и психики, аттрактивности, способности к творчеству. В связи с этим Л.Н. Гумилёв сосредотачивает свое внимание на пассионарности как энергии.

В зависимости от соотношения пассионарного импульса (Р) и инстинкта самосохранения (J) Л.Н. Гумилёвым описано три характерных поведенческих типа:

- пассионарии ( $P > J$ ) или энергоизбыточные персоны, которым свойственен высокий уровень поведенческой активности (психическая и интеллектуальная активность, явление пассионарной индукции<sup>136</sup>);
- гармоничные люди ( $P = J$ ), которым свойственна полноценная адаптация к среде;
- субпассионарии ( $P < J$ ) или энергодефицитные персоны, люди не способные к адаптации и склонные к паразитизму.

Статистически в этносе преобладают гармоничные особи; доли пассионариев и субпассионариев в процентном соотношении невелики, но изменение их количеств определяет динамику этнической системы.

Нетрудно заметить сходство гумилёвских пассионариев с «творческим меньшинством» А. Тойнби, тем более что концепции обоих мыслителей восходят, с

одной стороны, к «жизненному порыву» А. Бергсона, а с другой – к платоновскому циклизму<sup>137</sup>, мировоззрение обоих мыслителей формировалось под воздействием «классического» евразийства. Такие авторы, как С.Б. Лавров, С.А. Панарин, В.А. Шнирельман видят корни концепции пассионарности в теории элит итальянского экономиста и социолога В. Парето<sup>138</sup>. Стоит заметить, что некоторые авторы критично относятся к предложенной Л.Н. Гумилёвым концепции пассионарности<sup>139</sup>. Однако большинство исследователей его творчества считают концепцию пассионарности основной заслугой Л.Н. Гумилёва, благодаря которой он вписал человеческую историю в контекст глобальных природных процессов (Л.П. Ахраменко, О.Д. Волкогонова, В.Д. Захаров, В.Н. Фурс и др.)<sup>140</sup>. Вместе с тем В.В. Кожин видит в концепции пассионарности «яркий, но скорее эстетический или художественный... смысл»<sup>141</sup>. А М.И. Чермерисская считает, что «пассионарность – лишь один из способов объяснить необъяснимое»; введенные Л.Н. Гумилёвым «пассионарность» и «комплиментарность» «не менее однообразны, нежели производительные силы и производственные отношения»<sup>142</sup>.

Евразийская концепция культуры предполагала исследование не механических комбинаций культурных моделей, не поверхностное описание тех или иных культурных форм, но, прежде всего, раскрытие и понимание духовных основ культуры. Культура (культуро-личность) в их понимании всегда характеризуется некоторым мирозерцанием, «организационной идеей», «символом» своего бытия. Чтобы понять глубинный метаязык культуры, необходимо за внешней формой искать духовный стержень, мировоззренчески организующий культурное целое. В каждой культуре господствует своя «идея-правительница», формирующая основные культурные постулаты и вводящая свою шкалу ценностей, конкрет-

ную для данной культуры, но относительно новую во времени. Эта духовная сторона культуры всегда динамична и связана с внутренними духовными, интеллектуальными и витальными ритмами культурного целого.

С точки зрения евразийцев, любой культуросгенный тип формирует собственный временной ритм («периоды экспансии и регрессии творческой активности»), соотносённый с категориями «судьбы», «национальной идеи», «исторической миссии культуры», и оказывающий влияние на соседние народы и культуры. Внутри каждого ритма существуют свои «подъемы» и «депрессии», определяемые особым «волновым» ритмом истории. Склонный к поэтическому творчеству П.Н. Савицкий так излагал свое видение исторического процесса:

Всех «волновых» моих теорий  
Трепетает чуткий, четкий ритм.  
Как вал в открытом, бурном море,  
Волна истории бежит.  
Вскипает гребень белой пеной.  
За ним – зияющий провал.  
И вновь вздымается над бездной  
Идей и сил могучий вал.  
Еще более показателен отрывок из стихотворения «Число и мера»<sup>143</sup>:

Ведь в ритмах стройных и простых  
Живет и движется природа.  
Растут, мужают, крепнут в них  
И государства и народы.

Его ученик Л.Н. Гумилёв, на мировоззрение которого оказали влияние идеи китайского мыслителя Сыма Цяня (квантование исторического времени)<sup>144</sup>, приводил стихи китайской царевны:

Предшествует слава и почесть беде,  
Ведь мира законы – круги на воде.  
Во времени блеск и величие умрут,  
Сравняются, сгладятся башня и пруд.  
Хоть ныне богатство и роскошь у нас –  
Недолго всегда безмятежности час.  
Не век опьяняет нас чаша вина.  
Звенит и смолкает на лютне струна.  
Я царскую дочь прежде была.

А ныне в орду кочевую зашла,  
Скиталась без крова и ночью одной,  
Восторг и отчаянье были со мной.  
Превратность царит на земле искони,  
Примеры ты встретишь, куда ни  
взгляни...

Комментируя данные стихи, Л.Н. Гумилёв писал: «Здесь течение времени рассматривается как колебательное движение, а определенные временные отрезки выделяются в зависимости от насыщенности событиями. При этом создаются большие дискретные “участки” времени. Китайцы называли все это одним... словом “превратность”. Каждая “превратность” происходит в тот или иной момент исторического времени и, начавшись, неизбежно кончается, сменяясь другой “превратностью”. Такое ощущение дискретности (прерывности) времени помогает фиксировать и понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность»<sup>145</sup>.

С точки зрения Л.Н. Гумилёва неоднородность исторического времени обнаруживает себя через насыщенность деяниями и событиями, в нем есть эпохи, богатые событиями, и эпохи «безвременья». Историческое время дискретно – оно состоит из автономных процессов этногенеза. Для философского обоснования своей идеи Л.Н. Гумилёв обращается к концепту «дления» А. Бергсона, к идеям А.Л. Чижевского.

Вводя концепцию «волнового» ритма истории евразийцы (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилёв) выделяли<sup>146</sup>.

- большие периоды, относящиеся к государствообразующему процессу на территории определенного геокультурного пространства (например, Евразии) и состоящие из фаз единой государственности (создание единой государственности) и фаз создания системы государств (распадение единой государственности);

- периоды, относящиеся к определённому культурно-субъекту (например,

России) и определяющие модели геополитического мышления правящего слоя государства (например: «борьба леса и степи», «объединение леса и степи», «собрание русской земли» и т.д.);

- «вековые подъемы» и «депрессии» («вековые приливы и отливы», «маятник столетий»);

- еще более мелкую ритмику истории, также определяемую некоторой «организационной идеей» или символом эпохи («Великая замятня», «экспансия Адашева», «экспансия патриарха Филарета», «катастрофа Смутного времени» и т.д.).

Понимая под событием процесс разрыва этнических связей, Л.Н. Гумилёв говорил о масштабе события (а, следовательно, и о масштабе ритма истории) в зависимости от иерархического уровня этнической системы: конвиксия (консорция) – субэтнос – этнос – суперэтнос.

По мнению евразийцев (Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий), каждый культурный период-ритм характеризуется определенной культурной «мутацией», видоизменением культурной традиции, при котором принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке, нарождаются новые элементы традиции – что само по себе свидетельствует об интенсивной духовной и интеллектуальной жизни. Эволюция культурной традиции происходит через чередование монистических стадий (периодов статики), когда основы духовной жизни едины во всех классах общества, и плюралистических стадий (периодов динамики), когда старые культурные основы заменяются новыми, в результате чего часто на передний план выходят внутренние противоречия, нередко сопровождаемые социальным размежеванием<sup>147</sup>.

Среди причин периодов подъема Г.В. Вернадским выделялись: здоровая экспансия, конструктивное политическое лидерство, работоспособная администрация, мудрая внешняя политика. П.Н. Савицкий выделял следующие показатели социально-экономических подъемов:

промышленный, сельскохозяйственный, торговый и финансовый рост, культурная экспансия (технические усовершенствования, создание транспортных магистралей, градостроительство, прозелитизм, создание произведений искусства, рост образования и культуры и т.д.), рост обороноспособности, колонизация, политическая стабилизация, внешнеполитическая активность, усложнение социальной структуры («ставка на сильных») и т.д. Среди причин депрессии назывались: истощающие войны, иностранная интервенция, социальные движения и стихийные бедствия. Ее признаки: экономический упадок, культурный регресс, политический распад (в том числе обусловленный «психологической „шаткостью“, свойственной депрессионным моментам»), снижение обороноспособности и территориальные потери, «выступления веча» и «факты с „демократической“ тенденцией», упрощение социальной структуры («удар по социальным верхам»).

С точки зрения евразийства неоднородность исторического времени («периоды экспансии и регрессии творческой активности») является проявлением пассивности этнических коллективов и отдельных людей (Л.Н. Гумилёв), ритма смены поколений или процента одаренных личностей (Г.В. Вернадский)<sup>148</sup>.

По мнению П.Н. Савицкого, установление последовательности, в которой чередуются «подъемы» и «депрессии», позволяет дать индивидуальную социально-экономическую характеристику каждому отрезку времени в пределах изучаемой исторической эпохи; характеристика эта выражается в сочетании признаков, которое специально свойственно именно данному временному отрезку. Кроме того, регистрация признаков, изучение отношения каждого признака ко всей наличной их совокупности и отношение такой совокупности к каждому отдельно взятому признаку способствует систематизации исторических данных, повышает их ин-

терпретируемость, помогает реконструкции изучаемой исторической эпохи.

С точки зрения Г.В. Вернадского, ритмическая периодичность в истории человечества зависит от действия космических, биологических, психических, географических, политических, экономических и социальных сил, а также климатических условий. В истории нации или региональной группы наций периодичность в развитии зависит не только от внутренних причин, но также и от ее (их) положения в мире и связей с соседями в периоды войны и мира<sup>149</sup>.

Развивая эти идеи П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилёв ввел в свою научную работу синхронистические таблицы, отображающие события лишь этнического масштаба, важные для характеристики процесса этногенеза и связанного с ним процесса культурогенеза. Синхронистические таблицы в отличие от простых хронологических таблиц повышают наглядность исторического материала, помогают сопоставлению разных историко-социальных процессов и этногенезов в различных регионах.

Детально рассматривая ритмы и «кванты» исторического процесса, П.Н. Савицкий, а вслед за ним и Г.В. Вернадский, выделяли следующие фазы в рамках определенного ритма: «депрессия» или «прогиб», «стабилизация» или «предподъем», «подъем», «надлом в подъеме», «преддепрессия» и т.д. Кроме этого П.Н. Савицкий различал подъем «восстановительный» и подъем «новый».

Эти элементы евразийской теории культуры были переосмыслены и углублены в теории этногенеза Л.Н. Гумилёва. Считая что причинами подъемов и депрессий являются флуктуации биогеохимической энергии живого вещества биосферы Земли, проявляющейся на этническом уровне через пассионариев, Л.Н. Гумилёв связал изменение количеств пассионариев, гармоничных людей и субпассионариев с геобиохимическим состоянием этноса

как закрытой системы дискретного типа (по классификации А.А. Малиновского). Л.Н. Гумилёвым была введена функция состояния этнической системы – пассионарное напряжение (доля пассионариев в этносе), которое сопоставимо однозначно с частотой событий этнической истории и числом подсистем в этносе. Пассионарное напряжение детерминирует одну из шести фаз этногенеза, соответствующую возрасту этноса и определяющую господство в стереотипе поведения единого для всех императива<sup>150</sup>.

Точкой отсчета возраста этноса служит на диахронической шкале времени пассионарный толчок, вызывающий микромутацию<sup>151</sup> и появление пассионариев с первоначальным императивом «Надо исправить мир, ибо он плох». Первая фаза (подъем) – фаза стабильного роста пассионарного напряжения после пассионарного толчка (создание спаянной пассионарной энергии новой этнической целостности, которая, расширяясь, подчиняет соседние народы). Данная фаза может быть соотнесена с «Веком Богов» Дж. Вико, периодом «первичной простоты» К.Н. Леонтьева. Характеризуется энергичной экспансией вновь возникшего этноса, резким ростом всех видов его активности, демографическим взрывом, быстрым повышением подсистем этнической системы. В фазе подъема формируются новая этническая доминанта и социальные институты. Для данной фазы характерно пассивистическое ощущение времени, а также общественный императив «Будь тем, кем ты должен быть». Эта формула отражает высокую дисциплину во вновь возникшей системе, где жесткой регламентации подвергается поведение членов коллектива, брачные отношения, использование ландшафта. Однако благодаря формирующемуся в фазе подъема новому стереотипу все эти ограничения воспринимаются людьми не как тягостная обуза, а как необходимое условие достойного образа жизни. Фаза подъема начинается с инкубационного периода, сначала

скрытого, а затем явного. Окружающие воспринимают фазу подъема как образование общности активных людей, отстаивающих непривычные идеалы и завоевывающих себе место под солнцем, часто за счет соседей. При этом границы новой этнической целостности определяются ареалом пассионарного толчка.

Переход в следующую фазу – акматическую – сопровождается императивом: «Не по-вашему, а по-моему». Данная фаза – «Век Героев» Дж. Вико, период «цветущей сложности» К.Н. Леонтьева, «осевое время» К. Ясперса – фаза максимального пассионарного напряжения этнической целостности. Этническая система в данной фазе характеризуется господством пассионариев жертвенного типа, наивысшим числом подсистем (субэтносов), предельной частотой событий этнической истории. Жертвенные пассионарии встречаются и в фазе подъема, но в акматической фазе у них появляется новый настрой – стремление к максимальному утверждению себя как личности, а не только к победе своего этнического коллектива в целом. Это означает, что в акматической фазе начинает меняться ощущение времени – появляются актуалисты. Все это определяет общественный императив: «Будь самим собой». Рост индивидуализма в сочетании с избытком пассионарности часто приводит этнос в состояние, именуемое пассионарным перегревом<sup>152</sup>. При пассионарном перегреве избыточная энергия, которая в фазе подъема тратилась на бурный рост и экспансию, начинает погашаться на внутренние конфликты<sup>153</sup>.

Л.Н. Гумилёв считал, что в фазе подъема складывается, а в акматической фазе кристаллизуется оригинальный для каждого случая культурный тип. Нетрудно заметить, что императивы этих фаз, сопоставимы с жизненными правилами: «Познай самого себя» и «Будь самим собой», применяемыми Н.С. Трубецким для характеристики процесса культуротворчества.



Переход из акматической фазы в следующую (фазу надлома) сопровождается господством в стереотипе поведения императива: «Мы устали от великих». Фаза надлома – фаза резкого снижения пассионарного напряжения, сопровождающегося расколом этнического поля<sup>154</sup>, ростом числа субпассионариев, острыми конфликтами внутри этнической системы. Все это приводит к существенному снижению резистентности системы в целом и повышению вероятности ее распада и гибели в результате смещения (негативного этнического контакта и действия антисистем). Характеризуется огромным рассеянием энергии и вместе с тем взаимным истреблением пассионариев, ведущим в конечном счете к «сбросу» излишней пассионарности и восстановлению в обществе видимого равновесия. Данной фазе свойственен императив: «Только не так как было». Обращаясь к историческим примерам, Л.Н. Гумилёв констатировал, что надлом – очень характерный этап в любом этногенезе, наступающий приблизительно через 600 лет после его начала. Философ считал, что его можно рассматривать как «возрастную болезнь» этнической системы.

Переход в четвертую (инерционную) фазу связан с императивом «Дайте жить..!» В данной фазе этногенеза наступает вначале некоторое повышение, а затем плавное снижение уровня пассионарного напряжения. Этот период жизни этноса может быть соотнесен с «Веком Людей» Дж. Вико, периодом «смесительного упрощения» К.Н. Леонтьева. Характеризуется укреплением государственной власти и социальных институтов, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей, активным преобразованием вмещающего ландшафта. Господствует общественный императив «Будь таким, как я», что означает ориентацию на общепринятый эталон для подражания (часто это обобщенный образ, отклонение от которого осуждается обще-

ственным мнением, иногда же этот императив выливается в обожествление правителя, преклонение перед которым – пусть даже внешнее – обязательное условие вхождения индивида в систему). Переход к инерционной фазе обычно выглядит, как успокоение и начало созидательной деятельности после катаклизмов фазы надлома. Соответственно, господствующим в фазе инерции становится характерный тип «золотой посредственности» – законопослушный работоспособный человек. Это означает доминирование в этносе людей гармоничных и с низкими степенями пассионарности. Однако в силу наличия мощного централизованного руководства, умиряющего внутренние конфликты, этнос в этой фазе, носящей также название «золотой осени цивилизации», производит грандиозную работу, создавая культуру, но часто при этом губя природу. В данной фазе происходит постепенная замена пассионариев людьми с пониженной пассионарностью, стремящихся избавиться не только от беспокойных пассионариев, но и от трудолюбивых гармоничных людей. При этом культура и порядок в инерционной фазе бывают столь совершенны, что кажутся современникам непреходящими – люди не знают, что следом за «золотой осенью» наступают «сумерки» – фаза обскура.

Во время перехода в фазу обскурации господствует императив поведения «Не будь ты моим благодетелем»<sup>155</sup>. В фазе обскурации пассионарное напряжение убывает до уровня ниже гомеостатического («нулевого») уровня пассионарного напряжения этнической системы) за счет значительного увеличения числа субпассионариев. Этнос существует за счет материальных ценностей и навыков, накопленных в предыдущую инерционную фазу. Расплодившиеся субпассионарии делают невозможной любую конструктивную деятельность, требуя только одного – удовлетворения своих ненасытных потребностей. Начинает господствовать

императив «Будь таким, как мы» – т.е. осуждается (а при возможности – уничтожается) любой человек, сохранивший чувство долга, трудолюбие и совесть. Собственный императив субпассионариев – «День, да мой», что отражает их полную неспособность к прогнозу. В результате общественный организм начинает разлагаться: фактически узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность, к власти приходят циничные авантюристы, играющие на настроениях толпы. Наступает депопуляция, численность населения к концу фазы обскурации значительно сокращается; частично этот процесс тормозится за счет притока представителей окраинных и чужих этносов, которые зачастую начинают доминировать в общественной жизни. Этническая система утрачивает резистентность и может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Фаза обскурации предшествует гибели этнической системы или ее переходу в состояние этнического гомеостаза, причем гомеостаза может достичь лишь незначительная здоровая часть этноса, сохранившаяся в «кровавом мраке» эпохи обскурации. Л.Н. Гумилёв говорил также о возможности фазы регенерации – восстановления этнической системы после фазы обскурации за счет сохранившейся на окраинах ареала пассионарности. Однако фаза регенерации – лишь короткий всплеск активности накануне завершения процесса этногенеза. Этническая система, неуклонно «старея»<sup>156</sup>, переходит в мемориальную фазу.

Переход в следующую фазу сопровождается императивом «Будь сам собой доволен...». Данная фаза, близкая к этническому гомеостазу, знаменует завершение процесса этногенеза. В мемориальной фазе этническая система уже утратила пассионарность, но отдельные ее члены еще продолжают сохранять культурную традицию прошлого. Память о героических деяниях предков продолжает жить в виде фольклорных произведений, легенд. Им-

ператив данной фазы: «Вспомним, как было прекрасно». По мнению Л.Н. Гумилёва, понятие «мемориальная фаза» применимо также к отдельным субэтносам, выпавшим из основного потока этногенеза и изолировавшим себя с целью законсервировать свой образ жизни и взгляд на мир. Переход от мемориальной фазы к законченной форме этнического гомеостаза имеет очень плавный характер и выглядит как постепенное забвение традиций прошлого; ее императив – «А нам ничего не надо». Само понятие «прошлое» теряет свое наполнение, так как воцаряется статическое ощущение времени. Наступает вырождение.

Через 1200–1500 лет с момента толчка процесс этногенеза завершается, динамическое состояние этнической системы (смена фаз) сменяется либо статическим состоянием – равновесие с природным ареалом в гомеостазе (немного гармоничных людей как реликт), либо этническая система исчезает (аннигилирует). Интересно сопоставить этот тезис Л.Н. Гумилёва с концепциями К. Леонтьева и О. Шпенглера, в соответствии с которыми срок жизни локальной культуры 1000–1200 лет<sup>157</sup>. В отличие от К. Леонтьева и О. Шпенглера, для которых срок жизни локальной культуры был овеян ореолом мистики, Л.Н. Гумилёв попытался дать естественнонаучное объяснение продолжительности этногенеза: устранение рецессивного признака – пассионарного признака – естественным отбором за шестьдесят поколений<sup>158</sup>.

«Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция, но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза...»<sup>159</sup>. Л.Н. Гумилёв отмечал, что «...новый пассионарный взрыв... или негэнтропийный импульс začínает очередной процесс этногенеза прежде, чем успеет иссякнуть инерция прежнего. Вот благодаря чему человечество еще населя-

ет планету Земля, которая для людей не рай, но и не ад, а поприще для свершений, как великих, так и малых. Так было в прошлом, предстоит и в будущем, во всех регионах земной поверхности»<sup>160</sup>.

По мнению Л.Н. Гумилёва, самые тяжелые моменты, как в жизни этноса, так и людей, его составляющих, это фазовые переходы («мутации» культурной традиции П.Н. Савицкого). Фазовый переход («смена цвета времени») всегда является глубоким кризисом, так как не только меняется степень пассионарности в системе, но и происходит глубокая психологическая ломка стереотипов поведения ради адаптации к новой фазе.

В рамках парадигмы биосферно-ноосферного учения В.И. Вернадского пассионарные энергии выступают в роли механизма микроэволюционных процессов в антропосфере, обуславливающих макроэволюционные изменения человечества. Они могут быть соотнесены с антиэнтропийными радиальными энергиями П. Тейяр де Шардена, а субпассионарность, в свою очередь, с «тупиками эволюции» П.Н. Савицкого<sup>161</sup>.

В целом концепция «волнового» ритма истории, предложенная евразийскими мыслителями, подчеркивала диалектический характер евразийской историософии, а также выдвигала на первый план идею культуры как живого организма<sup>162</sup>. Следует отметить, что данная концепция создавалась на протяжении всей истории евразийства. Влияние этой концепции можно проследить и в работах современных неоевразийских авторов (А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.).

Одной из важнейших категорий геокультурной концепции евразийства является понятие «месторазвития», введенное в философскую и научную лексику П.Н. Савицким. Его ученик Л.Н. Гумилёв также употреблял в своих работах сходные по смыслу понятия: «вмещающий» и «кормящий» ландшафт. П.Н. Савицкий, отталкиваясь от современных ему естест-

веннонаучных и геополитических концепций, определил в своей работе «Географический обзор России-Евразии» (1926) месторазвитие человеческих обществ как «географический индивидуум или ландшафт», представляющий собой цельность (нерасторжимость) социально-исторической среды и содержащей ее территории, взаимно влияющих друг на друга<sup>163</sup>. Проводя типологизацию месторазвитий в плане пространственном, П.Н. Савицкий говорит о многочисленном ряде месторазвитий: «Каждая... человеческая среда находится... в своей неповторимой географической обстановке. Каждый двор, каждая деревня есть "месторазвитие"». Подобные меньшие месторазвития объединяются и сливаются в месторазвития большие. Возникает многочисленный ряд месторазвитий». Для уровня развития человеческой цивилизации, соответствующего времени написания данной статьи, этот ряд завершался земным шаром, представляющим собой месторазвитие всего человеческого рода<sup>164</sup>. Проводя анализ месторазвитий во временном (динамическом) аспекте, Г.В. Вернадский отмечал, что «в разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории. Таким образом, может быть установлена система сменяющихся типов месторазвитий»<sup>165</sup>. «Последний евразиец» Л.Н. Гумилёв акцентировал свое внимание на колебаниях климата, оказывающих влияние на месторазвития, а через них на этническую историю. В своем поэтическом творчестве П.Н. Савицкий дал следующее толкование введенной им категории<sup>166</sup>:

Месторазвитие. Земли и неба чары,  
И сила властная волны, воды, травы.  
Тобой горят вечерних зорь опалы  
И дышат тайные преданья старины.

Энергий творческих тугой и крепкий  
слиток,

Всего сокрытого таинственный язык,  
Хранишь в себе и сил земных избыток,  
И пламенной души народной крик.  
Всего живущего великое единство,  
Живая общность жизни и борьбы,  
Нерасторжимый обруч тредиства,  
Природы, духа и судьбы, –  
Вот он – иероглиф месторазвития,  
В нем мало знаков, много сил.

Гляди, как на себе кипучий бег событий

Его черты отобразил.

Основываясь на понятии месторазвития, евразийские мыслители связали воедино культурное целое и, ему отвечающее, пространство. Среди всех типов месторазвитий евразийцы особо выделили ареал цивилизации (автаркический мир) – месторазвитие, связанное с генезисом культурно-личности, понимаемой как «совокупность индивидов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие, и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства»<sup>167</sup>.

Каждый культурно-субъект, по мысли евразийцев, развиваясь в определенной географической среде, вырабатывает свою этическую, правовую, языковую, политическую, хозяйственно-экономическую формы. Таким образом, евразийцы постулировали неотделимость истории развития культуры (историческое время) от того географического места, где оно происходит (географическое пространство). С их точки зрения, категория месторазвития как «стяжение воедино географических и исторических начал» обосновывает новую отрасль знания – геософию.

Иными словами, евразийцы показали, что время и пространство в существовании и деятельности органического целого культурно-личности различимы только в абстракции, так как в реальности они представляют собой цельность, которую,

применяя современную физическую терминологию, можно назвать культурным пространственно-временным континуумом. Месторазвитие, с точки зрения П.Н. Савицкого, формирует этническое целое, ему отвечающее. Этническое целое изменяет среду обитания, приобретая в ходе этого процесса устойчивый культурный тип, для формирования которого месторазвитие является более значительным фактором, чем этническое происхождение ее носителя: «раса создается, “взрачивается” месторазвитием и в свою очередь определяет его; месторазвитие формирует расу; раса “выбирает” и преобразует месторазвитие». Посредством подобных процессов «культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся “культурно-устойчивыми”, приобретают особый, специально им свойственный “культурный тип”»<sup>168</sup>. Вслед за П.Н. Савицким Л.Н. Гумилёв будет постулировать глубокую взаимосвязь между этносом (народом) и вмещающим ландшафтом (его месторазвитием), чем привлечет к себе внимание критиков<sup>169</sup>. Процесс этногенеза, с точки зрения Л.Н. Гумилёва, обусловлен сочетанием исторического и ландшафтного (хорономического) факторов. Как природные феномены этносы входят в состав динамических систем, включающих в себя наряду с людьми домашних животных и культурные растения, искусственные и естественные ландшафты, богатства недр, создаваемые трудом человека предметы его культурного мира. По аналогии с биоценозами Л.Н. Гумилёв назвал эти системы этноценозами. Этноценоз – геобиоценоз, в пределах которого к жизни адаптировалась этническая система, выступая в качестве его верхнего, завершающего звена. Человек участвует в циклических потоках вещества и энергии наряду с другими биологическими видами, составляющими геобиоценоз. При этом для этносов, находящихся в динамическом состоянии, характерно активное воздействие на этно-

ценоз, что заставляет природу перестраиваться. В условиях этнического гомеостаза человек утрачивает свою преобразующую роль и занимает определенную экологическую нишу. Вслед за П.Н. Савицким Л.Н. Гумилёв утверждал, что месторазвитие оказывает влияние на общественно-политические институты, формирование эстетических и нравственных ценностей.

Г.В. Вернадский, испытавший сильное влияние современных ему геополитических теорий (прежде всего французской географической школы) и биосферно-ноосферного учения своего отца – академика В.И. Вернадского, в отличие от П.Н. Савицкого, акцентировавшего свое внимание только на пространственном (географическом) аспекте геокультурной доктрины, отмечал, прежде всего, ее исторический (эволюционный) аспект. В своей работе «Начертание русской истории», содержащей историософию евразийского месторазвития, Г.В. Вернадский основывается на исходном тезисе о взаимодействии природы и человеческого общества как главном содержании всемирно-исторического процесса<sup>170</sup>. По мнению П.М. Бицилли, «изучая историю... не только во времени, но и в пространстве чего до сих пор не делали... Вернадский... восстанавливает права исторической реальности. Народ и место, на котором он развивается ("месторазвитие"), связаны неразрывной связью; "месторазвитие" так же "принадлежит истории", как и сам народ»<sup>171</sup>.

Основываясь на биосферно-ноосферной концепции, Л.Н. Гумилёв дополняет выделенные «классическим» евразийством параметры культурогенеза (пространство, время, этнокультурная целостность) четвертым – энергетической характеристикой (пассионарностью)<sup>172</sup>. Если П.Н. Савицкий и Г.В. Вернадский тяготели к политической географии, то для Л.Н. Гумилёва «месторазвитие» («этноместоразвитие») определяется, прежде всего, энер-

гетическими аспектами – возможностью пассионарного толчка. «Месторазвитие» для Л.Н. Гумилёва это, прежде всего, место появления (зарождения) качественно нового этноса («место с "гением места"»)<sup>173</sup>. В дальнейшем крупнейшие представители неоевразийства (А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.) будут рассматривать пассионарность в качестве важного геополитического фактора наряду с размером государства, его географическим положением и т.п.

Г.В. Вернадский выделяет два комплекса причин, обуславливающих своеобразие этнокультурного развития: внешнее влияние на этническую общность природно-географических факторов и внутреннее саморазвитие этносоциального организма, создающего своеобразие окружающей его ноосферы. Исходя из того, что формирование и развитие культуры сопровождается «покорением» природной среды, Г.В. Вернадский выдвигает концепцию в известной степени предвосхищающую знаменитый закон «вызова-и-ответа» А. Тойнби<sup>174</sup>. Г.В. Вернадский считает, что каждая народность оказывает психическое и физическое давление своей жизненной энергией на окружающую этническую и географическую среду. От силы этого давления и от силы сопротивления, которое это давление встречает, зависит создание народом своего государства и усвоение им территории. Отмечая в духе идей своего отца стихийность исторического процесса, Г.В. Вернадский постулирует глубокую взаимосвязь народа с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием<sup>175</sup>.

Вслед за Г.В. Вернадским Л.Н. Гумилёв исследовал антропогенное влияние на «вмещающий ландшафт» («психическое и физическое давление народа на вмещающую его территорию») и утверждал не только динамическое изменение месторазвития в историческом времени, но и рассматривал это давление по фазам этногенеза (в зависимости от уровня пассио-

нарности этнической целостности). При этом Л.Н. Гумилёв обосновывал принципиальное отличие своей концепции от географического нигилизма А. Тойнби и географического детерминизма Ш. Монтескье. С его точки зрения историческая судьба народности (этноса), являющаяся результатом ее (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта.

Под влиянием советского ученого Г.В. Вернадский несколько переформулирует свою прежнюю идею: «тремя основными факторами в истории нации являются ее: жизненная творческая энергия, географическое окружение (пространственная координата) и темп развития на протяжении последовательных периодов ее эволюции (временная координата). При этом изменение численности населения затрагивает все три основных фактора в истории нации»<sup>176</sup>.

Многообразие и эволюционное изменение «ландшафтных индивидуумов» лика Земли тесно взаимосвязано с многообразием культур, каждая из которых имеет свою логику развития. Отталкиваясь от этих теософских представлений, евразийцы считали, что в данном контексте учение о месторазвитии (ареале цивилизации) смыкается с понятием культурно-исторического типа Н.Я. Данилевского. Ряд культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского евразийцы продолжили евразийским культурно-историческим типом, которому соответствует своеобразное евразийское «месторазвитие». Различая в основном массиве земель Старого Света, не два, а три материка, дополняя, таким образом, традиционные Европу и Азию третьим срединным – Евразией, образующим целостное евразийское месторазвитие, как особый исторический и географический мир, евразийцы и выделяли отличную от иных культур – культуру евразийскую.

Вместе с тем евразийцы отмечали, что некоторые культуры развиваются на сты-

ке ландшафтов, одними сторонами своей природы отвечая формационным принципам одного, другими сторонами – таким же принципам другого «месторазвития». Значимость природного богатства и разнообразия месторазвития культуролучности («этноместоразвития»), отмеченная евразийскими мыслителями, позднее была осмыслена в работах «последнего евразийца» Льва Гумилёва. Л.Н. Гумилёв считал, что стимулирующие этногенез участки поверхности Земли являются на поверхности земного шара скорее исключением, хотя и встречаются во всех частях света. Эти одаренные в этногенетическом смысле ареалы («места с “гением места”») представляют собой неповторимые сочетания ландшафтов («сочетаниями разноодаренных»)<sup>177</sup>. «Монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный стимулирует в нем изменения, ведущие к появлению новых этнических образований»<sup>178</sup>. Необходимым условием этногенеза является также разнообразие исходных этнических компонентов. Ареалы взрывов этногенеза не связаны с определенными постоянными регионами Земли. Возникают пассионарные толчки редко – два или три за тысячу лет и никогда не проходят по одному и тому же месту.

Особенностью пассионарных толчков или негэнтропийных взрывов является их кратковременность и геометрия на поверхности Земли, близкая к геодезической линии. Последнее, по мнению Л.Н. Гумилёва, позволяет считать, что пассионарный толчок обусловлен взаимодействием центрально-симметричных (магнитных) полей Земли с внешним космическим источником мутации, порождающим пассионарное – этническое поле.

Исследователь творчества Л.Н. Гумилёва С.Б. Лавров замечает: «Воззрения Л.Н. Гумилёва – это далеко не традиционный географический детерминизм, а очень сложная система, в которой взаимодействуют не локальные объекты, а Космос и биосфера Земли в целом. В этой

системе представлен весь комплекс взаимоотношений этноса и “его” ландшафта. Достигнутый автором уровень обобщений и выводов просто поражает»<sup>179</sup>.

Стоит заметить, что предложенная Л.Н. Гумилёвым модель истории человечества как многомерного процесса, состоящего из асинхронных дискретных этнических процессов, обуславливаемых взаимодействиями Космоса и Земли<sup>180</sup> синтезирует интуиции П.Н. Савицкого о «единстве политическом, возникающем с неизбежностью некоего природного факта» и Г.В. Вернадского о «периодической ритмичности государствообразующего процесса», выводя их на качественно новый уровень. В этом контексте Л.Н. Гумилёв вывел евразийскую идею не только за рамки локальности евразийского месторазвития, но и за рамки земного шара, перейдя от геоцентризма, свойственного иудео-христианской мифологии, к подлинно космическому мироощущению, совершив в пространственно-историческом плане переворот аналогичный перевороту, осуществленному Н.С. Трубецким в плане культурно-историческом.

Если П.Н. Савицкий рассматривал месторазвития с точки зрения географии, Г.В. Вернадский – истории, а Л.Н. Гумилёв – космобиологии, то государствовед Н.Н. Алексеев анализировал месторазвития государств с точки зрения геополитики – величины, формы, местоположения, природных качеств месторазвития<sup>181</sup>. Следуя мыслям П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексеев считал, что именно государство-мир (автаркический мир, государство-континент) обладает наибольшим количеством природных возможностей для развития материальной и духовной культуры, для своего усовершенствования.

Соединение в автаркическом мире (ареале цивилизации) целого ряда народов, по мысли евразийцев, не означает полного растворения одного народа в других. То, что связывает этот народ с дру-

гими обитателями данного месторазвития, оценивается выше того, что связывает тот же народ с его братьями по крови или по языку, но не принадлежащими к данному месторазвитию. Пространство влияет на события и на людей, изменяет их, придает им смысл и, что имеет большое значение, соединяет между собой элементы различного происхождения. Эти почти мистические свойства пространства, по Л.Н. Гумилёву, связаны не столько с географическими особенностями месторазвития, сколько с физическими свойствами пространства-времени при пассионарном толчке.

По мнению французских исследователей (М. Ларюэль, П. Серио), здесь на евразийскую мысль оказали влияние идеи русского философа Л.С. Берга и его теория конвергенции – существуют связи «культуры», которые придают те же характерные особенности двум (биологическим) видам, не имеющим генетического родства, потому что они соседствуют друг с другом и живут в одной и той же среде. Другими словами, евразийцы не придавали большого значения роли родственных связей и расовым сходствам. Главное для них – общность «месторазвития»<sup>182</sup>.

Показательна в этом отношении евразийская лингвистика. Н.С. Трубецкой настаивал на том, что лингвистические группы формируются в зависимости от их геокультурной принадлежности, а не только происхождения. В статье «Вавилонская башня и смешение языков» (1923) Н.С. Трубецкой выдвинул понятие «языковой союз», в котором географически соседствующие друг с другом языки часто группируются и при этом независимо от своего происхождения. Иными словами, несколько языков одной и той же геокультурной области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием.

Р.О. Якобсон разработал собственную теорию языкознания в направлении значимости близкого подобия («общих тенденций») между языками одного и того же культурного ареала. Так, в лингвистике появился географический принцип «месторазвития». Родство между языками это не состояние, а динамический аспект, развивающийся в пространственном контексте. Языки одного культурного пространства постепенно начинают отличаться от языков того же происхождения и приближаются к другим языкам того же культурного ареала – все они идут «в одном и том же направлении». Учитывается не лингвистическое родство между ними, а только их близость с точки зрения геокультурного пространства, потому что «начало месторазвития преобладает над началом генетической близости»<sup>183</sup>. Эти идеи евразийства можно считать дальнейшим развитием первого закона развития культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского («сродства языков» или группы языков, как условие самобытности культурно-исторического типа).

Представитель «позднего» евразийства Л.Н. Гумилёв на основе концепции этнического поля попытался дать естественное объяснение феномену близкого подобия (в том числе и лингвистического) этнических групп, принадлежащих одному геокультурному ареалу. Причем само существование геокультурного ареала связывается им с особыми состояниями пространства и времени. Исследователь А.Е. Жарников полагает, что в данном моменте Л.Н. Гумилёву удалось заполнить самое слабое звено в концепции «классических» евразийцев – обоснование геополитической целостности с точки зрения этнической<sup>184</sup>.

Евразийство не отрицало, что существует соперничество между геокультурными пространствами, а также противоречивость в определении принадлежности некоторых пограничных районов. Евразийцы считали, что не бывает «абсолютных» и неподвижных границ. Г.В. Вер-

надский писал: «Географическое окружение может измениться – сжаться или расшириться в зависимости от движения населения и изменения политических границ. Нация может расшириться, поглощая новые этнические элементы и дополнительную территорию или же уменьшиться, теряя часть своего первоначального населения и территории политически и культурно в пользу соседствующей с нею нации»<sup>185</sup>.

Основываясь на концепции этнического ядра и периферии (Л.П. Карсавин) и привязывая этнос (нацию) к пространству, Г.В. Вернадский, а вслед за ним и Л.Н. Гумилёв, выделяли в геокультурном пространстве ядро (центр) и периферию (территорию зависимых, вассальных народов)<sup>186</sup>. Таким образом, несмотря на акцентирование природных, географических аргументов в определении границ ареалов цивилизаций они все же придавали решающее значение именно культурному (этнокультурному) принципу в их определении<sup>187</sup>. Однако почти все евразийские авторы отмечали соответствие между природными и социально-экономическими явлениями. В работах Льва Гумилёва будет сделана попытка (далеко не бесспорная) снятия противоречий между «культурой» и «природой», «социальным» и «биолого-географическим» принципами в определении границ ареалов цивилизаций. Отечественный философ соотнесет изменение границ ареалов цивилизаций с уровнем пассионарного напряжения этнической целостности<sup>188</sup>. При этом он будет отделять подлинную границу этнокультурной целостности (комбинация из природных и антропогенных элементов рельефа) и ландшафтную, колебания которой зависят от колебаний климата<sup>189</sup>. В свою очередь представитель современного неоевразийства А.С. Панарин, опираясь на идеи евразийцев, свяжет размер контролируемой территории с внутренними витальными ритмами социума.



Интересно подвергнуть анализу понятийный аппарат «классического» евразийства, относящийся к теософии: понятия Европа, Азия, Евразия, Запад, Восток, Север, Юг, Срединный мир. «Классическое» евразийство приписывало этим понятиям кроме географического, также некоторое культурно-историческое содержание. С точки зрения «последнего евразийца» Л.Н. Гумилёва все эти понятия относительно<sup>190</sup>.

Процесс развертывания человеческой цивилизации в культурно-географическом аспекте мыслился П.Н. Савицким как перемещение культурных сосредоточий из стран с мягким климатом (преимущественно Юг) в области более сурового климата (преимущественно Север), что само по себе, конечно, не утверждало культурно-исторического «устранения» ранее действующих центров<sup>191</sup>. В связи с этим, проводя аналогию с органическим миром, он различал «древние» (Месопотамия, Египет и др.) и «молодые» (Северная Америка, Россия-Евразия)<sup>192</sup> руководящие культурные центры человечества. Нарожждение руководящей культурной роли «молодых» стран не означало, по мнению П.Н. Савицкого, что центры «старых» культур теряют значение. Но, подобно общим законам органического мира, в мире культуры более «молодые» центры, хотя и не сразу, но постепенно устраняют значение «старых». Издержки данной концепции очевидны<sup>193</sup>. Однако в арсенале евразийства была и более плодотворная концепция видения человечества как системы автаркических миров (концепция многополярности), в основе которой лежал концепт многонародной культуроличности. В данном контексте «молодой» культурный центр, являясь синтезом традиций «старших» культурных центров заново организует и расширяет культурное пространство (ареал цивилизации). Такова западная цивилизация, которая не только перенесла свою традицию за океан, оказала мощное влияние на формиро-

вание культурных традиций Старого и Нового Света, но также смогла сохранить и развить свою исконную традицию в Европе. Вообще в евразийском дискурсе присутствовали два образа Запада: «старая» культурная традиция Западной Европы и «молодая» формирующаяся культурная традиция Северной Америки.

Евразийцы вслед за Х. Маккиндером рассматривали Россию-Евразию как Срединную землю, «сердце мировой истории», как синтез западноевропейской традиции с традицией старого «доевропейского» Востока. Эту точку зрения унаследовал и Л.Н. Гумилёв. Статус евразийских в дискурсе «классического» евразийства имели еще два древних культурных центра: эллинистический мир и византийский.

Рассматривая мир Азии, «классическое» евразийство выделяло три ее составляющие подпространства: китайское или конфуцианско-буддистское, индийское или буддистско-брахманическое и иранское или исламско-маздейское. Однако за последним также признавалась иногда и природа «срединного» пространства. Л.Н. Гумилёву была свойственна более детальная классификация месторазвитий (этноландшафтных регионов)<sup>194</sup>. Кроме этого, Л.Н. Гумилёв, мысля человеческую историю как смену этнических систем, выделял не столько пространства, сколько этнокультурные целостности, имеющие не только пространственные, но и временные границы.

Евразийцы различали «азиатское» и «азиатское». «Азиатским» они называли культурный круг Малой (Византия) и «большой» Азии. Именно «азиатство» стало корневой основой слова «Евразия»; в евразийском дискурсе его можно также иногда рассматривать синонимом понятия «Восток». При этом в сознании евразийцев межвоенного периода существовали, по крайней мере, два Востока, внешний (Персия) и внутренний (степной мир), и две Азии – одна азиатская (Китай, Индия и др.), другая русская. М. Ларюэль отме-

чает, что в сознании евразийцев Азия и Восток оставались неопределенными понятиями. Используемые как ключевые элементы в антиевропейском дискурсе они не представляли собой объектов изучения. Однако эти понятия способствовали поискам идентичности России-Евразии<sup>195</sup>. Неоднозначное восприятие «Востока» и «Азии» позволило евразийской школе представить свое движение как восточное, выступать антитезой Европе, сохраняя при этом традиционный русский мессианиззм. Следует отметить, что Африка, арабский мир, мир Латинской Америки и Австралии практически исключены из евразийской мысли межвоенного периода<sup>196</sup>. Работы позднего Г.В. Вернадского и особенно Л.Н. Гумилёва устранили эти недостатки евразийства межвоенного периода.

Несовпадение во взглядах евразийцев нашло свое отражение в современном неоевразийстве: идеи П.Н. Савицкого о миграции культурных центров, соперничестве западной и евразийской цивилизации (концепция биполярности)<sup>197</sup>, культурно-философских характеристиках теософской терминологии (понятия: Европа, Азия, Евразия, Запад, Восток, Север, Юг, Срединная земля) развиваются, прежде всего, в работах А.Г. Дугина; концепция многополярного видения мира Н.С. Трубецкого (человечество как система автаркических культурных миров) в работах А.С. Панарина, Н.А. Назарбаева, Э. Баграмова и др. Следует заметить, что Л.Н. Гумилёв придерживался концепции многополярности, однако ему была также свойственна «биолого-географическая» трактовка человеческой истории – жесткая детерминация продолжительности жизни этнокультурного организма (супер-этнуса), присутствующая и в рассуждениях П.Н. Савицкого о «старых» и «молодых» культурных центрах. Это противоречие разрешается Л.Н. Гумилёвым с позиций признания за особыми ландшафтными мирами («месторазвитиями») статуса стимулирующих этногенез («этноместо-

развития») и выдвижения принципа полицентричного образования новых народов. Концепция Л.Н. Гумилёва была положительно воспринята П.Н. Савицким, в связи с чем можно говорить об эволюции мировоззрения П.Н. Савицкого от биполярного видения мира, сформированного под влиянием англо-американской геополитической мысли, к концепции многополярности. Однако детерминизм более биологический (сциентистский), чем природный (философский) в его рассуждениях оставался.

Придавая категории месторазвития большое методологическое значение, евразийские мыслители отнюдь не стремились к ее абсолютизации. Концепция «месторазвития», по убеждению П.Н. Савицкого, «сочетаема с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, с выделением, наряду с географическим, самобытного и ни к чему иному не сводимого духовного начала жизни. Сторона явлений, рассматриваемая в понятии “месторазвития”, есть одна из сторон, а не единственная концепция сущего. Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувствование духовных принципов жизни»<sup>198</sup>. Только в свете этих принципов возможно, по мнению евразийцев, достижение цельного понимания мира. Таким образом, в отличие от многих современных евразийцам представителей европейской науки, евразийцы не придавали действию природно-географического фактора самодовлеющего значения, «...странственное видение жизни любого народа и государства не устраняет значимости социального начала, духовного богатства, но лишь дополняет историческое видение новой координатой, сообщает ему измерение глубины и объемности», – полагают современные исследователи евразийства И. Савкин и В. Козловский<sup>199</sup>. Однако осуществленная Л.Н. Гумилёвым попытка научного углубления данной категории, сопровождавшаяся элиминацией из рассмотрения духовных принципов жизни,

неминуемо привела к жестко детерминистской теории, потерявшей все обаяние исходной концепции «классического» евразийства.

Понятие месторазвития является базовым, связующим понятием евразийской геокультурной доктрины, его введение в научный оборот — несомненная заслуга евразийских мыслителей. «Именно концептуализацией “месторазвития”... выделялась евразийская концепция», — подчеркивает А.Т. Горяев<sup>200</sup>. Характерно, что даже противники евразийского движения не оспаривали этого факта. Так, П.Н. Милоков, резко критиковавший евразийское учение в целом, тем не менее признавал ценность понятия месторазвития, «которое даст впервые возможность научно обосновать причинную связь между природой данного месторазвития и поселившегося в нем человеческого общества», и считал, что необходимость «строить историю культуры на антропогеографическом базисе вытекает с неизбежностью из современного состояния науки»<sup>201</sup>. В то же время А.А. Кизеветтер называл построения П.Н. Савицкого «геополитической мистикой», а П.М. Бицилли «географическим фатализмом» или «одержимостью географией». Современная исследовательница евразийства М. Ларюэль считает, что понятие «месторазвития» призвано научно доказать существование мистической придуманной евразийцами связи между территорией и культурой, оно подтверждало телеологическую концепцию взаимосвязи человека с природой, показывало романтическое восприятие целостности природы и культуры<sup>202</sup>.

Методологическое значение этой категории весьма значительно и сегодня. Благодаря введению этой категории евразийцы с полным правом могут быть названы основателями русской геополитической школы. Евразийский государствовед Н.Н. Алексеев считал, что, устанавливая связь культурно-исторических фактов с географическими (которая отнюдь не сво-

дится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийство по существу проводит геополитические исследования<sup>203</sup>. Такие авторы как Н.Н. Алеврас, А.Г. Дугин считают, что в лице ученых евразийской школы представлена российская геополитическая наука. Современный российский геополитик А.Г. Дугин в своих работах проводит многочисленные параллели между принятыми в западной геополитической мысли концепциями и теософией евразийства (например, между концепцией «большого пространства» и евразийским понятием «особый мир»).

В целом, из пяти законов развития культурно-исторических типов, сформулированных Н.Я. Данилевским, евразийство опиралось на четыре первых, тогда как пятый — закон «краткости периодов цивилизации» воспринимался «классическим» евразийством в ином контексте, лишенном биологических коннотаций теорий Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. И все же Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий и Г.В. Флоровский, опираясь на аналогию между биологическим организмом (человеком) и культурой (культуро-личностью), тяготели к моделям циклизма (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф. Ницше, О. Шпенглер), в которых культурный организм (коллективный исторический индивидуум) проходит стадии зарождения, юности, зрелости (акме), постепенного угасания (финала)<sup>204</sup>. Менее свойственны биологические аналогии Н.С. Трубецкому: для него смерть культуры — это скорее гибель (несостоятельность) «организационной идеи» («идеи-правительницы»), лежащей в основе данной культуры.

Однако уже у П.Н. Савицкого, сформулировавшего концепцию «волнового ритма истории», историософская модель усложняется: подчиняясь ритмам истории, происходит эволюция (видоизменение, мутации) культуры как духовного феномена. В историософской модели Г.В. Вернадского «пульсу истории», оп-

ределяющему темп эволюции, подчиняются и культура, и народ, ее создающий.

В работах Л.Н. Гумилёва, заретушированная евразийством биологическая трактовка этнокультурных процессов, обрела свое второе рождение. Во многом следуя К. Леонтьеву и О. Шпенглеру, он жестко детерминирует срок жизни, отведенный суперэтносу. В то же время в его концепции нашла отражение идея ритмичности исторического процесса, предложенная П.Н. Савицким и развитая впоследствии в работах Г.В. Вернадского. Подчиняясь ритмам истории, происходит смена этнокультурных целостностей, оставляющих после себя культурную традицию.

Эволюция геокультурной доктрины евразийства шла в направлении постепенного сопряжения концепции симфонической личности (Л.П. Карсавин, Н.С. Трубецкой) и биосферно-ноосферной концепции (Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилёв). Это позволило современным исследователям евразийства охарактеризовать это течение как сциентистское (И.Н. Сиземская, Н.В. Скоробогатко и др.). В связи с этим, современными авторами поразному решается вопрос о структурообразующем элементе евразийского учения. Одни (З.О. Губбьева, Л.В. Пономарева,

М.Г. Вандалковская, Р.А. Урханова и др.) считают этим элементом «религиозное качество культуры» и концепцию соборной личности, тогда как В.М. Хачатурян выделяет среди евразийцев по крайней мере две группы: «...Г.В. Флоровский, Л.П. Карсавин, М. Шахматов на первый план выдвигали религиозно-нравственное начало. Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, высоко оценивая роль религии, все-таки больше тяготели к анализу геозитнического и геополитического аспектов культурного развития»<sup>205</sup>. М. Ларюэль отмечает двойственность и парадоксальность евразийства, обусловленных стремлением «с одной стороны, к научности, а с другой – к мистицизму»<sup>206</sup>.

В.А. Шнирельман считает, что, несмотря на различия в подходах евразийских авторов, они создали новую научную дисциплину, которая много позднее получила название «теория культуры»<sup>207</sup>.

Следует отметить, что наиболее ценным из принципов геокультурной доктрины евразийства большинство исследователей (А.Г. Дугин, В.Ф. Мамонов, В.Я. Пашенко, К.С. Сердобинцев, И.В. Трубинова, М.И. Чемерисская и др.) признают принцип полицентризма.

### Примечания

- <sup>1</sup> Подробнее см.: Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 161–216.
- <sup>2</sup> См.: О Евразии и евразийцах: (Библиогр. указ.). – Петрозаводск, 1997; Бельский И.А. Евразийство: материалы к библиографии // Россия и современный мир. – М., 2000. – Вып. 2. – С. 239–262; Вып. 3. – С. 222–238.
- <sup>3</sup> См.: Босс О. Учение евразийцев // Начала. – М., 1992. – № 4. – С. 89–92; Дугин А.Г. Преодоление Запада // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 14–17; Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. – М., 1993. – № 6. – С. 109–110 и др.
- <sup>4</sup> Сувчинский П.П. К преодолению революции // Наш современник. – М., 1992. – № 2. – С. 155, 159.
- <sup>5</sup> Хоружий С.С. Трансформации славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. – М., 1994. – № 11. – С. 56–57.
- <sup>6</sup> О Л.П. Карсавине см.: Карсавин Л.П. // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 1995. – С. 254–255; Кошарный В.П. Карсавин Л.П. // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 221–222; Хоружий С.С. Карсавин Л.П. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 249–252 и др.

- <sup>7</sup> Отцом Н.С. Трубецкого был знаменитый русский религиозный философ и общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета, С.Н. Трубецкой, родным дядей – другой выдающийся религиозный философ Е. Трубецкой, религиозно-философские концепции которых, несомненно, оказали сильное влияние на будущего идеолога евразийства. О Н.С. Трубецком см.: Антощенко А.В. Трубецкой Н.С. // Историки России. – М., 2001. – С. 657–668; Бочарова З. Трубецкой Н.С. // Литературная энциклопедия русского зарубежья: (1918–1940). – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – М., 1997. – С. 387–389; Кошарный В.П. Трубецкой Н.С. // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 523–524; Топоров В.Н. Николай Сергеевич Трубецкой – ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // Советское славяноведение. – М., 1990. – № 6. – С. 51–84 и др.
- <sup>8</sup> О Г.В. Флоровском см.: Кырлежеев А.И. Флоровский Г.В. // Русская философия: Словарь. М., 1995. – С. 588–590; Черняев А.В. Флоровский и евразийство // Русская философия: Многообразие в единстве. – М., 2000. – С. 232–236 и др.
- <sup>9</sup> Савицкий П.Н. Евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 83–84. Однако далее П.Н. Савицкий добавляет: «С точки зрения причастности к основным историко-софским концепциям «евразийство», конечно, лежит в общей со славянофилами сфере. Однако проблема взаимоотношений обоих течений не может быть сведена к простому преемству. Перспективы, раскрывающиеся перед евразийством, обусловлены, с одной стороны, размерами совершившейся катастрофы, а с другой – появлением и проявлением совершенно новых культурно-исторических и социальных факторов, которые, естественно, не участвовали в построении славянофильского мирозерцания. Кроме того, многое, что считалось славянофилами основоположным и непререкаемым, за истекшие десятилетия частью изжило себя или же показало свою существенную несостоятельность. Славянофильство в каком-то смысле было течением провинциальным и «домашним». Ныне, в связи с раскрывающимися перед Россией реальными возможностями стать средоточием новой европейско-азиатской (евразийской) культуры величайшего исторического значения, замысел и осуществление целостного творчески-охранительного мирозерцания (каковым и считает себя евразийство) должны найти для себя соответственные и небывалые образы и масштабы» (там же, с. 96–97).
- <sup>10</sup> С точки зрения В.Л. Цымбурского, в данном вопросе евразийство воспроизводит вечный спор русского православия с Римом, о том, какая из разошедшихся конфессий мистически несет в себе всю полноту христианства. Но этот спор инсценируется в геополитических терминах, образах и сюжетах (Цымбурский В.Л. Две Евразии: Омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. – М., 1998. – № 1–2(4–5). – С. 18). См. также: [Булгаков С.Н.] Письмо протоиерея С.Н. Булгакова А.В. Ставроскому от 1 октября 1924 г. // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 41–43; Герасимов Ю.К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. – СПб., 1995. – № 1. – С. 159–176; Очирова Т.Н. Евразийство и философия всеединства // Русская философия во второй половине XX века. – М., 2000. – С. 124–146; Пушкин С.Н. Евразийцы о православных основах отечественной цивилизации // Отечественная философия: Русская, российская, всемирная. – Н. Новгород, 1998. – С. 303–305.
- <sup>11</sup> Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 24.
- <sup>12</sup> Евразийство. (Формулировка 1927 г.) // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 168.
- <sup>13</sup> Номогенез (гр. номос – закон + генез – процесс образования) – теория, согласно которой эволюция организмов осуществляется не на основе естественного отбора, а на базе внутренних запрограммированных закономерностей. «Основной закон эволюции» в рамках теории номогенеза – изначальная целесообразность, внутренняя сила, независимая от внешней среды, направленная на усложнение морфофизиологической организации живого. Теория номогенеза была выдвинута Л.С. Бергом (1876–1950) в 1922 г. и противопоставлена им дарвинизму. Квалифицированная многими оппонентами как идеалистическая и «антидиалектическая», концепция номогенеза базировалась на философских представлениях Л.С. Берга, согласно кото-

- рым все живое, не являясь самоцелью, существует не само по себе, а для выполнения некой цели – осуществления идеи добра.
- 14 Савицкий П.Н. Единство мироздания // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 134.
- 15 Там же. – С. 135–136.
- 16 Евразийство (опыт систематического изложения)... С. 35–36.
- 17 В этом смысле евразийцев часто называют идеологами Третьего Пути, сравнивая их с консервативными революционерами. См.: Дугин А.Г. Философия политики. – М., 2004. – С. 353, 493; Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. – М., 1996. – № 3. – С. 57–69; Семушкин А.В. Организационно-политический статус евразийцев: партия или духовное объединение? // Отечественная философия: Русская, российская, всемирная. – Н. Новгород, 1998. – С. 197–199 и др.
- 18 Из письма П.Н. Савицкого Н.С. Трубецкому от 27.02.23 // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 26.
- 19 Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 1997. – С. 86.
- 20 См.: Брусенцова Н.В. Некоторые аспекты осмысления личности в русской религиозной философии в контексте творчества Л.П. Карсавина // Русская философия: Многообразие в единстве. – М., 2000. – С. 24–30; Крянев В.Ю. Понятие индивидуализации в историософии Л.П. Карсавина // Там же, с. 114–116; Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Ростов-на-Дону, 1999. – Т. 1. – С. 438–449; Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 348–366; Николаев А.Е. Историческое познание и творчество в философской системе Л.П. Карсавина // Культура и творчество. – Тверь, 1995. – С. 120–130; Хоружий С.С. Карсавин и де Местр // Вопросы философии. – М., 1989. – № 3. – С. 79–92 и др.
- 21 Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 115.
- 22 Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 81.
- 23 Карсавин Л.П. Философия истории... С. 204–205.
- 24 Н.К. Гаврюшин считает, что «по существу ни одному из русских религиозных мыслителей не удалось построить оригинальной, достаточно объемной и методологически по-своему выдержанной историософской концепции, кроме Карсавина. Его философия истории – это совершенно уникальное явление в истории русской религиозной мысли. Принципиально важно, что Карсавину – впервые в истории русской мысли – удалось хотя бы в общих чертах наметить пути сопряжения историософии с экклесиологией... Л.П. Карсавин предложил некоторый понятийный аппарат, который позволяет говорить историософии (в том числе и мессианской) с экклесиологией на общем языке... То, что философия истории возникла, может быть, не на гребне евразийства, но все-таки в его недрах, это факт показательный... (Гаврюшин Н.К. Евразийская идея: за и против, вчера и сегодня (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – М., 1995. – № 6. – С. 33).
- 25 О полемике по поводу концепции симфонической личности между идеологами евразийства см.: Савкин И., Козловский В. Евразийское будущее России // Ступени. – М., 1992. – № 2. – С. 101. Анализ евразийской концепции личности представлен в работах: Бабинина Т., Бейлин Б. Симфоническая личность // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 469; Колесниченко Ю.В. Концепция личности в философии евразийства: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1994; она же. Симфоническая личность // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 443–444; Лысков А.П. «Метафизика всеединства» и «учение о симфонической личности» Л.П. Карсавина // Проблемы русской философии и культуры. – Калининград, 1997. – С. 52–74 и др.
- 26 Евразийство (опыт систематического изложения)... С. 21–22.
- 27 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство кесаря. – М., 1995. – С. 19.
- 28 Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. – М., 1999. – С. 321.
- 29 Колесниченко Ю.В. Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестник Моск. ун-та. Сер. соц.-полит. исслед. – М., 1994. – № 1. – С. 71–77.

- 30 Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 97–98. О неудавшемся философском проекте евразийцев см.: Ванчугов В.В. Статус философии в евразийском движении // Вестник РУДН. Философия. – М., 1999. – № 1. – С. 64–75; Семушкин А.В. Метафизика евразийцев: законченная доктрина или ее неудавшийся проект? // Там же. – С. 76–83.
- 31 См.: Линник Ю.В. Евразийцы // Север. – СПб., 1990. – № 12. – С. 138–141.
- 32 О Л.Н. Гумилёве см.: Лавров С.Б. Лев Гумилёв. Судьба и идеи. – М., 2000; Курчки А. Л.Н. Гумилёв и его время // Поиски Вымышленного царства. – М., 1993. – С. 24–77 и др.
- 33 См., напр.: Сергеева О.А. Л.Н. Гумилёв и научные тенденции двадцатого века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – М., 1998. – № 6. – С. 71–83.
- 34 См.: [Гумилёв Л.Н.] «Если Россия будет спасена, то только через евразийство»: Интервью с Л.Н. Гумилёвым И. Савкина // Начала. – М., 1994. – № 2. – С. 7.
- 35 Гумилёв Л.Н. Заметки последнего евразийца. (Предисловие Л.Н. Гумилёва к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого) // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 39.
- 36 См.: Богданов А.А. К тектологическому преобразованию наук // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 111–134; он же. Эмпириомонизм. – М., 2003; Неизвестный Богданов: В 3 книгах. – М., 1995; Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. – М., 2000. Об А.А. Богданове и его философских идеях см.: Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры, исследования. – М, 1989. – Вып. 2: А.А. Богданов; Любутин К.Н. Змановский Г.Р. Прологомены к «Богдановщине». – Екатеринбург, 1996; Андреев А.Л. Богданов А.А. // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 54–56; Петренко Е.Л. Тектология // Там же. – С. 502–503; Плотто П. Богданов А.А. // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 65–67; он же: Тектология // Там же. – С. 502–503; Огурцов А.Л. Тектология А.А. Богданова и идея коэволюции // Вопросы философии. – М., 1995. – № 8. – С. 31–37; Пустильник С.Н. Принцип подбора как основа тектологии А. Богданова // Там же. – С. 24–30; Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А. Богданова // Там же. – С. 38–49; Гловели Д. «Страсть к монизму»: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. – М., 2003. – № 9. – С. 110–127; Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Там же. – С. 76–91; Садовский В.Н. Эмпириомонизм А.А. Богданова: опыт прочтения спустя столетие после публикации // Там же. – С. 92–109 и др.
- 37 См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988; он же. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М., 1987. О В.И. Вернадском и его биосферно-ноосферном учении см.: В.И. Вернадский: Pro et contra. – СПб., 2000; Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М., 1993; Росов В.А. В.И. Вернадский и русские востоковеды. Мысли. Источники. Письма. – СПб., 1993; Яншина Ф.Т. Развитие философских представлений В.И. Вернадского. – М., 1999; Аксенов Г.П. Мир по В.И. Вернадскому // Природа. – М., 1992. – № 5. – С. 92–100; он же. О научном одиночестве В.И. Вернадского // Вопросы философии. – М., 1993. – № 6. – С. 74–87; Моисеев В. Вернадский В.И. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995; Федоров В.М. Вернадский В.И. // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 84–85 и др.
- 38 Как попытку вернуть утраченный евразийством в работах Гумилёва метафизический смысл можно рассматривать напутствие, данное Г.В. Вернадским Л.Н. Гумилёву: «Я... приветствую, что он (Гумилёв) принимает постановку проблемы «биосферы» моим отцом – ...сюда надо добавить и «ноосферу»» (Цит. по: Лавров С.Б. Л.Н. Гумилёв и евразийство // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 10). Понятие «ноосфера» было впервые введено в научный оборот в 1927 г. французским философом, математиком и логиком Э. Леруа. При этом он сослался на соавторство идеи с другим крупным ученым, французом П. Тейяр де Шарденом – философом, палеонтологом и геологом. В дальнейшем эта идея получила осмысление в трудах русского естествоиспытателя и философа В.И. Вернадского, чьи лекции о живом веществе и законах биосферы прослушали Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден в 1922–1923 гг.

- 39 Об идеях истоках теории Л.Н. Гумилёва см.: Гумилёв Л.Н. Биография научной теории или Автонекролог // Гумилёв Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М., 1994. – С. 10–36; [он же.] «Повода для ареста не давал» / Интервью с Л.Н. Гумилёвым Л. Варустина // Аврора. – СПб., 1990. – № 11. – С. 3–30; Андреев А.Л. Гумилёв Л.Н. // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 124–126; Ахраменко Л.П. Биосферная концепция этногенеза Л.Н. Гумилёва: философско-методологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1994; Голованов Л.В. «Созвучие полное в природе». – М., 1977; Гумилёв Л.Н. // Философия России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 1995. – С. 164–165; Курчи А. Начало, конец и вновь начало // Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 1994. – С. 16–22; Лупова А.А. Идеи В.И. Вернадского в философии истории Л.Н. Гумилёва // Русская философия: многообразие в единстве. – М., 2000. – С. 133–136; Медведь А.Н. Идеи В.И. Вернадского и научное творчество Л.Н. Гумилёва // В.И. Вернадский: Pro et contra. – СПб., 2000. – С. 619–625; Миранский М. Гумилёв Л.Н. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 146–148; Носов С. Новое есть хорошо забытое старое // Русская мысль. – Париж, 1993. – № 3979. – 20 мая. – С. 12; Шабага А.В. Гумилёв Л.Н. // Культурология. XX век: Энцикл.: В 2 т. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 160–161 и др.
- 40 Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилёва и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. – М., 2001. – № 4(15). – С. 5–19; Пономарева Л.В. Типология евразийства // Евразийская перспектива. – М., 1994. – С. 66–67.
- 41 Гаврюшин Н.К. Евразийская идея: за и против, вчера и сегодня (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 32–34.
- 42 Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. – М., 1999. – С. 149.
- 43 Цымбурский В.Л. Две Евразии: Омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 28.
- 44 Игошева М.А. Культурологический статус концепции этногенеза Л.Н. Гумилёва: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д., 1998; Лагойда Н.Г., Затеев В.И. Л.Н. Гумилёв как ученый и философ. – Улан-Уде, 2000; Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: В 4 частях. – М., 2001. – Часть 2. – С. 365; Фурс В.Н. Гумилёв Л.Н. // Новейший философский словарь. – М., 2001. – С. 272–273.
- 45 Соболев А.В. Уроки евразийства // Евразийская перспектива. – М., 1994. – С. 50.
- 46 Ахраменко Л.П. Евразийские взгляды Л.Н. Гумилёва и перспективы развития российского суперэтнуса // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «За» и «против». – М., 1995. – С. 154–159; Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. – М., 1998. – С. 293–295; Дугин А.Г. «Он вернул нам две тысячи лет нашей судьбы» // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 534–540; Ключников С.Ю. «Восточная ориентация русской культуры» // Русский узел евразийства. – М., 1997. – С. 48; Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2002. – С. 223; Лавров С.Б. Л.Н. Гумилёв и евразийство; Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М., 2000; Трубникова Н.В. Л.Н. Гумилёв: преемственность евразийской идеи. – Томск, 1998 и др.
- 47 Парамонов Б. Советское евразийство // Звезда. – СПб., 1992. – № 4. – С. 195–199.
- 48 См., напр.: Ерасов В.С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. – М., 1994. – № 2. – С. 62–63; Шнирельман В. Евразийцы и евреи // Вестник еврейского университета в Москве. – М., 1996. – № 1 (11). – С. 20–37.
- 49 Liberman A. N.S. Troubetzkoy and His Works on History and Politics // Troubetzkoy N.S. The Legacy of Gengis- Khan. – Ann-Arbor, 1991. – P. 357.
- 50 Антощенко А.В. Споры о евразийстве. // Вопросы философии – М., 2000. – № 4. – С. 41.
- 51 Лагойда Н.Г., Затеев В.И. Л.Н. Гумилёв как ученый и философ // Вопросы философии – М., 2000. – № 4. – С. 140.
- 52 См.: [Гумилёв Л.Н.] «Если Россия будет спасена, то только через евразийство» // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 4, 7.
- 53 Ермолаев В.Ю. Черная легенда: Имя идеи и символ судьбы // Гумилёв Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. – М., 2006. – С. 14.



- 54 Трубникова Н.В. Концепция этносов Л.Н. Гумилёва и опыт ее интерпретации: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1998; Янов А.Л. Учение Льва Гумилёва // Свободная мысль. – М., 1992. – № 17. – С. 104–116.
- 55 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986; Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. – М., 1994. – № 2. – С. 99–106; Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. – М., 2003. – № 3. – С. 100–119 и др. Следует отметить, что из всех многочисленных значений греческого слова «этнос» Л.Н. Гумилёв предпочел «вид», «порода людей». В этом он следует римскому философу Цельсу.
- 56 См.: Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М., 1995. Интересная трактовка философии А.Л. Чижевского представлена в следующей работе: Мелентьева Н. Социалисты филадельфийского обряда // Элементы. – М., 1996/97. – № 8. – С. 15–18.
- 57 Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 2004. – С. 10.
- 58 Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1994. – С. 279.
- 59 Алексеев В.П. Этногенез. – М., 1984; Златкин И.Я. Не синтез, а эклектика // Народы Азии и Африки. – М., 1970. – № 3. – С. 35–44; Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа. – М., 1971. – № 2. – С. 17–23; Затеев В.И. К определению понятия «этносоциальная структура» общества // Вестник Бурят. ун-та. Серия 5. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 1998. – Вып. 2. – С. 25–35; Лагойда Н.Г. Социально-философские аспекты концепции этногенеза Л.Н. Гумилёва: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ, 1998; Мархинин В.В. Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса (философско-социологический аспект). – Томск, 1989 и др.
- 60 См.: Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. – М., 1990.
- 61 Статическое (циклическое) ощущение времени свойственно «старым» этническим системам, в которых отсутствует направленное развитие и господствует периодическое повторение жизненных циклов, что выражается также в отсутствии линейного летоисчисления. При статическом ощущении времени время фактически игнорируется как реальность и воспринимается только в связи с простейшими природными циклами.
- 62 Пассеизм характерен для молодых этнических систем, находящихся в стадии роста и становления. Каждая прожитая минута воспринимается человеком как приращение к существующему прошлому, к делам его предков и предшественников. Таким образом, прошлое ощущается как реальность, которая, накапливаясь, продвигается вперед. Люди с таким восприятием времени чувствуют себя частицами великой традиции и способны на бескорыстную деятельность ради нее. Преобладая в стадии роста и экспансии, этот тип ощущения времени встречается затем во всех последующих стадиях развития этнического организма, выполняя наиболее конструктивную работу.
- 63 При актуализме за реальность человек признает только настоящее, а за главную жизненную ценность – собственное состояние (удовольствие, славу, успех и т.д.) в данный момент времени. Является частью эгоистического мироощущения. Люди такого типа появляются на стадии зрелости этнической системы, когда на смену бескорыстным, самоотверженным борцам начинают приходить честолюбцы, стремящиеся к личному успеху. На смену подвижничеству постепенно приходит гедонизм, на смену накоплению ценностей – их растрата. Это восприятие времени господствует в стадии разложения.
- 64 При футуризме человек считает будущее единственно реальным, прошлое – ушедшим в небытие, а настоящее расценивает как преддверие будущего. При крайних степенях футуризма иллюзией представляется также настоящее. Это восприятие времени характерно для этнических систем, вступивших в негативный этнический контакт, приводящий к «болезни» этнической целостности. По мнению Л.Н. Гумилёва, в здоровом этносе футуризм встречается редко и воспринимается окружающими как чуждость.

- 65 Интересно сопоставить это утверждение Л.Н. Гумилёва с точкой зрения неоевразийца А.Г. Дугина. См.: Дугин А.Г. Метафизические корни политических идеологий // Милый ангел. – М., 1991. – № 1. – С. 90.
- 66 Скоробогатько Н.В. Л.Н. Гумилёв как представитель русской философии: за и против // К историко-философским исследованиям отечественной мысли. – М., 1997. – С. 9–14.
- 67 Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учеб. пособие. – М., 2000. – С. 238.
- 68 Панченко А.М. Идеи Л.Н. Гумилёва и Россия XX века // Гумилёв Л.Н. От Руси до России. – М., 1994. – С. 15.
- 69 См., напр.: Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилёва и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. – М., 2001. – № 4 (15). – С. 5–19.
- 70 Это обстоятельство хорошо иллюстрируется словами Л.П. Карсавина: «когда наука (философия) пытается обойтись без веры и найти свои основания, – она обнаруживает в глубине своей религиозную веру, ибо основа нашего бытия, нашей жизнедеятельности и нашего знания даны в вере, как всецелом причастии к Истине; только верою можно окончательно обосновать знание» (Карсавин Л.П. О началах. – Берлин, 1925. – С. 87).
- 71 Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 296.
- 72 См.: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М., 1981; он же. Этнос и этнография. – М., 1973; Каграманов Ю. Империя и ойкумена // Новый мир. – М., 1995. – № 1. – С. 140–171; Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. – М., 1974. – № 12. – С. 72–85; Кузьмин А.Г. Писатель и история // Наш современник. – М., 1982. – № 4. – С. 148–165; Новиков А. Брак в коммуналке. Заметки о современном евразийстве // Звезда. – СПб., 1998. – № 2. – С. 229–238; Парамонов Б. Желание быть деревом. Феномен постсоветского евразийства // Социум. – М., 1993. – № 28–29. – С. 96–100; «Публикации моих работ блокируются». Кто и почему отвергал Л.Н. Гумилёва // Источник. – М., 1995. – № 5. – С. 84–88; Раскин Д. Об одной исторической теории, унаследованной русским фашизмом // Нужен ли Гитлер России? – М., 1996. – С. 157–158; Шнирельман В.А. Этногенетические мифы и этнополитика // Власть – М., 1999. – № 4. – С. 55–61; Graham L.R. Science philosophy and human behavior in the Soviet Union. – N.Y. 1987; Laruelle M. Lev N. Gumilev (1912–1992): biologisme en eurasisme en Russie // Revue des etudes slaves. – P., 2000. – № 1–2 и др.
- 73 См.: Банных С.Г. Географический детерминизм от Льва Мечникова до Льва Гумилёва. – Екатеринбург. 1997; Раев М.М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1994. – С. 190, 211; Бердяев Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С. 292–299; Керимов В. Евразийство: перспективы и трудности // Евразийская перспектива. – М., 1994. – С. 146–151; Милоков П. Русский «расизм» // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции, «евразийский соблазн». – М., 1997. – С. 331–335; он же. «Третий максимализм» // Там же, с. 326–330; Сендеров В. Евразийство в России – победившая идеология // Русская мысль. – Париж, 2004. – № 4219. – 29 апр. – С. 10; Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. – М., 1991. – № 3. – С. 28 и др.
- 74 Нижников С.А. Между Западом и Востоком // Вестник РУДН. Философия. – М., 1999. – № 1. – С. 92.
- 75 См.: Глазунов И. Россия распятая // Наш современник. – М., 1996. – № 4. – С. 207–217; Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. – М., 1995. – С. 160–161; Клейн Л. Горькие мысли привередливого рецензента // Нева. – СПб., 1992. – № 4. – С. 231; Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилёва // Звезда. – СПб., 1994. – № 10. – С. 177; Хоружий С.С. О старом и новом. – СПб., 2000. – С. 134 и др.
- 76 См.: Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции, «евразийский соблазн». – М., 1997. – С. 341–348; Орешкин Д. География духа и пространство России // Континент. – М.; П., 1993. – № 74. – С. 108–126; Струве П.Б. [Набросок рецензии на сборник «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (1922)] // Исследования по истории русской мысли. – СПб., 1997. – С. 258–263 и др. Ин-

- 77 тересно также следующее признание Н.С. Трубецкого: «сильная доля мистицизма присуща нам всем (евразийцам)». (Цит. по: Толстой Н.И. Н.С. Трубецкой и евразийство // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. – М., 1995. – С. 8).
- 78 Итс Р. Несколько слов о книге Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» // Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – С. 4.
- 79 Мамонов В.Ф. Запад, Восток, Евразия (творчество Л.Н. Гумилёва и современность) // Уржумка. – Челябинск, 1995. – №1. – С. 51.
- Анализ евразийской историософии и концепции культуры представлен в работах: Серю П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. – М., 2001; Вилента И.В. Концепция равенства культур в наследии евразийства // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1996. – С. 595–604; Квасова И.И. Общечеловеческие ценности в евразийской концепции культуры // Актуальные проблемы гуманитарных наук. – М., 1995. – С. 13–14; Очинова Т.Н. Евразийская модель культуры // Цивилизации и культуры: Науч. альманах. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 191–208; Пашенко В.Я. Евразийцы и мы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Соц.-полит. исслед. – М., 1993. – № 3. – С. 79–89; Пушкин С.Н. Евразийские взгляды на цивилизацию // Социс. – М., 1999. – № 12. – С. 24–33; Пономарева Л.В. Евразийский синтез // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 120–123; Урханова Р.А. Философско-исторические основания евразийской культурологии // Философия и культура в России: Методологические проблемы. – М., 1992. – С. 115–124 и др.
- 80 Цит. по: Соболев А.В. О евразийстве как культуроцентричном мировоззрении // Россия XXI. – М., 2000. – № 1. – С. 85.
- 81 Пашенко В.Я. Идеология евразийства. – М., 2000. – С. 244.
- 82 Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 96–102.
- В то же время О. Шпенглер действительно оказал влияние на евразийство в лице Л.Н. Гумилёва, ученика Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого.
- 83 Цит. по: Топоров В.Н. Николай Сергеевич Трубецкой – ученый, мыслитель, человек... – С. 65.
- 84 Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 41.
- 85 О П.Н. Савицком см.: Вернадский Г.В. П.Н. Савицкий: (1895–1968) // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1968. – Кн. 92. – С. 273–277; Дугин А.Г. Евразийский триумф // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 433–453; Дурновцев В.И., Кулешов С.В. Жизнь и судьба П.Н. Савицкого // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 144–152; Кошарный В.П. П.Н. Савицкий // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 428–429; Розенталь И. П.Н. Савицкий // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 562–564; Степанов Н.Ю. Идеологи евразийства: П.Н. Савицкий // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 156–163 и др.
- 86 Савицкий П.Н. Евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 86–87.
- 87 Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 54–56.
- 88 Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М., 2003. – С. 101. По собственному признанию Л.Н. Гумилёва, идея «диахронии» была им заимствована у Плутарха.
- 89 Цит. по: Лавров С.Б. Лев Гумилёв. Судьба и идеи. – М., 2000. – С. 271.
- 90 Лавров С.Б. Лев Гумилёв. Судьба и идеи. – М., 2000. – С. 271–272; Лагойда Н.Г. К вопросу о концепции этногенеза Л.Н. Гумилёва // Вестник Бурят. ун-та. Серия 5. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Уде, 1998. – Вып. 2. – С. 123–130; Мамонов В.Ф. Запад, Восток, Евразия. (творчество Л.Н. Гумилёва и современность) // Уржумка. – Челябинск, 1995. – № 1. – С. 62.
- 91 При этом в своих работах Гумилёв проводил аналогию между культурной традицией и сигнальной наследственностью (М.Е. Лобашев). См.: Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. – М., 2003. – № 3. – С. 20–21.

- <sup>92</sup> Гумилёв Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 11–12.
- <sup>93</sup> Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М., 2003. – С. 537.
- <sup>94</sup> Гумилёв Л.Н. Заметки последнего евразийца. (Предисловие Л.Н. Гумилёва к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого) // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 39.
- <sup>95</sup> Гумилёв Л.Н. От Руси к России // Там же. – С. 11.
- <sup>96</sup> Тард Габриэль (1843–1904) французский криминалист и социолог. Считал, что исходным пунктом общества является психология индивида, а ключевыми процессами социальной жизни – подражание, конфликты и приспособление. Подражание свойственно индивидам и служит их приспособлению к среде. Общество существует как проявление всеобщего мирового закона повторения. Единственный источник его прогресса – открытия и изобретения, возникающие благодаря оригинальности и инициативе отдельных личностей и новому сочетанию существующих идей. Путем подражания индивид осваивает как уже известные, так и новые нормы и ценности. В своих исследованиях по социальной психологии Г. Тард показывает ее отличие от психологии индивидуальной. По его мнению, человек в массе, и особенно в толпе, гораздо более эмоционален, возбудим и менее интеллектуален, чем человек, взятый в отдельности. Отсюда у Г. Тарда критические оценки роли демократии и демократических форм правления. Необходимо отметить, что некоторые из идей Г. Тарда нашли отражение в работах А.Л. Чижевского, на которые опирался при разработке своей теории этногенеза Л.Н. Гумилёв.
- <sup>97</sup> Отвечая на вопрос Р.О. Якобсона о конечном смысле наблюдаемого «восстания племен», предводительствуемых Россией, против романогерманцев, Н.С. Трубецкой подчеркивает, что инстинктивная, подсознательная сущность «большевизма» состоит в том, что для русского народа слово буржуй означает не богача, а человека иной культуры, мнящего себя высшим в силу своей принадлежности именно к этой культуре (Цит. по: Живов В.М. Комментарии // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. – М., 1995. – С. 768).
- <sup>98</sup> Савицкий П.Н. Европа и Евразия // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 145.
- <sup>99</sup> Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 107–108.
- <sup>100</sup> Этническая доминанта, по Л.Н. Гумилёву, – система политических, идеологических или религиозных ценностей, создающихся при появлении любой этнической целостности и служащих для нее объединяющим началом. Положительной взаимной комплиментарности представителей этнической целостности соответствует близкий образ мысли. Доминанты блокируют слияние суперэтносов между собой. В силу этого слияние двух суперэтносов невозможно, но остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей этнической доминанты и замену ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса.
- <sup>101</sup> См. напр.: Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. – М., 1993. – С. 90–95.
- <sup>102</sup> Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 56.
- <sup>103</sup> См. напр.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 157.
- <sup>104</sup> Этой же точки зрения придерживалось и большинство евразийцев (Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилёв и др.).
- <sup>105</sup> С точки зрения известного американского исследователя Н.В. Рязановского евразийство явилось реакцией на обострение колониального вопроса, которую «можно рассматривать как решительную защиту единой и неделимой России в век крушения всех империй» (Riasanovsky N.V. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1964. – Band 12. – S. 214–215). По мнению М. Ларюэль: «Всемирная коалиция неевропейских народов являлась... носителем двойного смысла – с одной стороны, общего для всех народов колониальных стран и, с другой, собственного России-СССР в качестве средства осуществления ее национальной миссии. Деколонизация стран третьего мира, таким образом, неразрывно связана с воплощением судьбы России, которая заключает-

- ся в ее внутреннем превосходстве над Европой» (Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 158).
- 106 См.: Основы евразийства. – М., 2002; Зюганов Г.А. Глобализация и судьба человечества. – М., 2002; Иванов А.В. Евразийское мировоззрение и геополитические приоритеты России в XXI веке // Вестник Моск. ун-та. Серия Политические науки. – М., 2000. – № 3. – С. 3–21; Панарин А.С. Новое прочтение старой идеи // Этнополис. – М., 1995. – № 1. – С. 256–267 и др. См. также: Цыганков А.П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // Вопросы философии. – М., 2002. – № 8. – С. 3–23.
- 107 Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 22; он же, Древняя Русь и Великая степь. – М., 2006. – С. 362.
- 108 Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смещение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 376, 379.
- 109 Там же. – С. 370.
- 110 Гумилёв Л.Н. Заметки последнего евразийца. (Предисловие Л.Н. Гумилёва к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого) // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 61–62.
- 111 Термин Л.Н. Гумилёва. Этническая система, выделяющаяся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя окружению. Наличие разнообразных субэтносов – важный признак устойчивости этноса. Путем неантагонистического соперничества субэтносы делают внутреннюю структуру этноса наиболее гибкой, не нарушая его единства.
- 112 Термин Л.Н. Гумилёва (от лат. *sors* – судьба) – группы людей, объединенные одной исторической судьбой и единой целью. Устойчивые на протяжении нескольких поколений консорции становятся конквистами. Термин заимствован из биологии, где обозначает структурную единицу биоценоза.
- 113 Термин Л.Н. Гумилёва. Группы людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Устойчивые конквисты становятся субэтносами – структурными элементами этноса.
- 114 Термин Л.Н. Гумилёва. Ощущение подсознательной взаимной симпатии (положительная комплиментарность) или антипатии (отрицательная комплиментарность) членов этнических коллективов. Ср.: комплементарность в биологии (от лат. *комплементум* – дополнение) – взаимное соответствие в химическом строении взаимодействующих молекул, обеспечивающее образование вторичных связей между ними. Интересно соотнести концепцию комплиментарности Л.Н. Гумилёва с концепцией «асабийи» (чувства солидарности, возникающего на основе кровного родства) Ибн Хальдуна. О концепции Ибн Хальдуна см.: Игнатенко А.А. Ибн Хальдун. – М., 1980.
- 115 В своих работах Л.Н. Гумилёв убедительно показал, что попытки объяснить внутреннее единство и устойчивость этнических систем, особенно такого грандиозного образования, как суперэтнос, языковыми, расовыми, экономическими или чисто идейно-политическими факторами не приносят успеха. Разгадку дает только концепция пассионарного толчка, формирующего в определенном ландшафтном регионе активно усложняющуюся и растущую целостность с новым стереотипом поведения и ментальностью. Все существовавшие этнические системы восходят к такому «зародышу», сохраняя заданные им основные черты. Причем Л.Н. Гумилёв выдвигает гипотезу, что рост и развитие этнической системы регулируются единым этническим полем, подобно биополу, определяющему развитие организма. Понятие биополя было впервые введено в научную литературу А.Г. Гурвичем и развито впоследствии Б.С. Кузиным (см.: Белоусов Л.В., Гурвич А.А., Залкинд С.Я., Каннегисер Н.Н. Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954). – М., 1970; Кузин Б.С. О принципе поля в биологии. Из писем к А.А. Гурвич // Вопросы философии. – М., 1992. – № 5. – С. 148–190). Гипотеза этнического поля была предложена Л.Н. Гумилёвым с целью объяснения феномена единства этнических систем, координированного действия составляющих их элементов. Этнические системы лишь в некоторых случаях совпадают с едиными организациями, управляемыми централизованно, а определенное единство поведения и реакций на окружающую среду для членов одной этнической системы наблюдается всегда.

- Создавая концепцию этнического поля, Л.Н. Гумилёв опирался на более общие представления о биологических полях, сформулированные Б.С. Кузиным, который утверждал, что индивидуальное координированное поведение живых организмов, а также развитие систем, составленных этими организмами (стаи, колонии, виды) регулируется биологическими полями. Причем единство любых групп манифестируется не только через форму организмов, но и через их поведение. Серьезным аргументом в пользу гипотезы об этническом поле является феномен комплиментарности, труднообъяснимый с иных позиций. Л.Н. Гумилёв рассматривал этническое поле как поле биофизических колебаний с определенной (индивидуальной) частотой, или ритмом. Близость этих ритмов в определенной группе людей порождает у них чувство взаимной близости и противопоставления себя всем прочим («мы» и «не мы»). Столкновение с носителями другого ритма вызывает ощущение чуждости, несходства, иногда доходящее до резкой антипатии. Известно, что у людей, находящихся на чужбине, возникает особое психическое состояние – ностальгия. Для него характерны чувства тоски, тревоги, подавленности и т.д. С позиций гипотезы об этническом поле это вполне объяснимо: ностальгия вызывается воздействием на человека среды с чуждым ритмом этнического поля, а также отрывом от своей среды, где имел место резонанс с полями окружающих.
- 116 Бушуев С.В. История государства Российского. – М., 1994. – С. 32.
- 117 Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 378–379.
- 118 Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 119.
- 119 Ксения (ксенос – гость) – термин, заимствованный из геологии.
- 120 В биологии – система паразит – хозяин.
- 121 Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 118–124.
- 122 Трубецкой Н.С. Мысли об автаркии // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 516–517.
- 123 Шнирельман В.А. Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. – М., 1996. – № 4. – С. 3–16.
- 124 Гумилёв Л.Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы» // Гумилёв Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. – М., 2006. – С. 219.
- 125 См., напр.: Чиняева Е.В. Русские интеллектуалы в Праге: теория евразийства // Русская эмиграция в Европе. – М., 1996. – С. 177–198.
- 126 Трубецкой Н.С. Общевеэвразийский национализм // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 502. См. также: Урханова Р.А. Евразийцы и Восток: Прагматика любви? // Вестник Евразии. – М., 1995. – № 1. – С. 12–31; Карлов В.В. Евразийская идея и русский национализм // Этнографическое обозрение. – М., 1997. – № 1. – С. 3–13; Шнирельман В.А. Евразийство и национальный вопрос // Там же. – 1997. – № 2. – С. 112–125; Карлов В.В. О евразийстве, национализме и приемах научной полемики // Там же. – С. 125–132; Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. – М., 2002. – № 4. – С. 3–20.
- 127 Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 412–434.
- 128 Вообще все представители евразийства были сторонниками имперской структуры и отвергали этнический сепаратизм. Представленная выше концепция была использована евразийством против украинского сепаратизма. Евразийцы выдвигали оригинальный тезис о том, что европеизация России в XVIII–XIX вв. на самом деле заключалась в «украинизации». Петр Великий пытался разрушить евразийскую московскую культуру, развивая культуру украинскую, находившуюся под польским влиянием. Петр I превратил украинскую культуру в культуру столичную, в то время как она была лишь провинциальной культурой Польши, которая, в свою очередь, являлась провинцией романо-германского мира. Обыгрывая двойственный образ Украины, которая с одной стороны являлась фактором европеизации императорской России, но в тоже время – прямой наследницей Киевской Руси, евразийство реализовывало сразу две цели. Во-первых, оно предполагало, что украинский сепаратизм потеряет смысл (при украинизации русской культуры, эта культура из исключительно великорусской стано-

- вилась единой «всерусской»). Во-вторых, озападнивание России остается «внутренним» по отношению к всерусскому миру. Эти тезисы «классического» евразийства, обрамленные в рамках теории этногенеза, были повторены Л.Н. Гумилёвым в работе: Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 239–256.
- <sup>129</sup> Критику этих положений теории Л.Н. Гумилёва см.: Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (о концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилёвым) // Советская этнография. – М., 1990. – № 4. – С. 94–110. Контркритика: Бородай Ю.М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. – М., 1981. – № 9. – С. 124–126.
- <sup>130</sup> В геополитическом контексте можно рассматривать антисис темы как результат агрессивной идеологической политики одного суперэтноса, вступающего в борьбу с другими суперэтносами ради «жизненного пространства» (расширения своей экологической ниши).
- <sup>131</sup> См.: Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 124–130.
- <sup>132</sup> Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 2004. – С. 270.
- <sup>133</sup> Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 154–155.
- <sup>134</sup> См.: Словарь понятий и терминов по теории этногенеза Л.Н. Гумилёва // Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М., 1994. – С. 510–511. О биологических аспектах теории этногенеза, оставшихся неразработанными см.: Гумилёв Л.Н. Ответ Н.В. Тимофееву-Ресовскому // Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1994. – С. 621–626.
- <sup>135</sup> И далее, в соответствии с биосферно-ноосферным учением В.И. Вернадского, разумное живое.
- <sup>136</sup> Под пассионарной индукцией Л.Н. Гумилёв понимал изменение настроений и поведения людей в присутствии более пассионарных личностей. Пассионариям удается навязать окружающим свои поведенческие установки, сообщить им повышенную активность и энтузиазм, которые от природы этим людям не присущи. Они начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны, но как только достаточное расстояние отделяет их от пассионариев, они приобретают свой природный поведенческий и психический облик. По мнению Л.Н. Гумилёва, пассионарная индукция пронизывает все этнические процессы, будучи основой всех массовых движений людей, инициаторами которых являются пассионарии, увлекающие за собой менее пассионарных людей. Таковы политические движения, крупные миграции, религиозные ереси и т.д. На ряде примеров Л.Н. Гумилёв пронаблюдал, что пассионарная индукция гораздо сильнее действует на людей той же этнической принадлежности, что и пассионарии – источники индукции. Это позволило Л.Н. Гумилёву сделать вывод о том, что пассионарная индукция является одним из основных факторов, благодаря которому этнос действует как целое. Явление пассионарной индукции наряду с комплиментарностью заставило Л.Н. Гумилёва включить в его теорию этноса понятие поля. Л.Н. Гумилёв предположил, что проявления пассионарной индукции регулируются соответствующим видом биологического поля – пассионарным полем. В концепции пассионарной индукции наиболее полно проявились влияния А.Л. Чижевского, А.Г. Гурвича и Б.С. Кузина.
- <sup>137</sup> См.: Платон. Государство // Платон. Диалоги. – М., 2001. – С. 288–320.
- <sup>138</sup> Шнирельман В., Панарин С. Л.Н. Гумилёв – основатель этнологии? // Вестник Евразии. – М., 2000. – № 3. – С. 22 и др. О социологической концепции В. Парето см.: Добренков В.И., Рахманов А.Б. Система теоретической социологии Вильфредо Парето // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – М., 2002. – № 3. – С. 40–75.
- <sup>139</sup> Артамонов М.И. Снова «герои» и «толпа»? // Природа. – М., 1971. – № 2 – С. 23–28; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 213–215 и др.
- <sup>140</sup> Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. – М., 1998. – С. 293–295; Захаров В. Этнос и Космос // Человек. – М., 1995. – № 1. – С. 41–54. См. также: Козлов В.И. Л.Н. Гумилёв // Этнографическое обозрение. – М., 1992. – № 5. – С. 175.
- <sup>141</sup> Кожин В.В. История Руси и русского слова // Наш современник. – М., 1992. – № 11. – С. 165.
- <sup>142</sup> Чермерская М.И. Л.Н. Гумилёв и его научное наследие // Восток. – М., 1993. – № 3. – С. 165–181.

- 143 Савицкий П.Н. Число и мера // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 22.
- 144 Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М., 2003. – С. 559.
- 145 Гумилёв Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 13.
- 146 Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб., 2000. – С. 30–33, 37–40; он же. Киевская Русь. – Тверь; М., 2004. – С. 142–143; он же. Московское царство. – М., 2001. – С. 255–262; [Савицкий П.Н.] Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилёву // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 213–223; Савицкий П.Н. Ритмы монгольского века // Русский разлив. – М., 1996. – Вып. 3–4, Т. 2. – С. 575–616.
- 147 Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 322; Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь; М., 2004. – С. 264; он же. Московское царство. – М., 2001. – С. 256–257.
- 148 Безусловно, эта точка зрения Г.В. Вернадского была навеяна историческими работами Л.Н. Гумилёва. См.: Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М., 2000. – С. 326.
- 149 Вернадский Г.В. Московское царство. – М., 2001. – С. 255.
- 150 Термин Л.Н. Гумилёва. Идеальный принцип поведения индивида в этническом коллективе, который диктует ему этот коллектив. Он подсознательно воспринимается всеми людьми как негласная норма поведения, выход за пределы которой не позволяет индивиду удовлетворять свои социальные потребности.
- 151 В контексте указанной работы Н. Мелентьевой правильнее было бы говорить о «трансмутации».
- 152 Под пассионарным перегревом Гумилёв понимал избыток пассионарности в этносе, приводящий к внутренним катаклизмам и снижению резистентности системы. С точки зрения Гумилёва, резистентность системы, как способность сопротивляться внешним воздействиям (вторжениям иноземцев, разлагающему действию антисистем, экологическим катастрофам и т.д.), зависит, в первую очередь, от уровня ее пассионарного напряжения, который и определяет возможность системы энергично реагировать на воздействия извне, эффективно перестраивать внутреннюю структуру в зависимости от условий окружения. При пассионарном перегреве, соподчиненность элементов этнической структуры нарушается, возникает огромное количество различных направлений и группировок, которые интенсивно борются между собой даже в момент опасности внешнего вторжения.
- Гумилёв приводит примеры пассионарных перегревов: IV–V вв. н.э. в Византии (внутренние раздоры на религиозной почве), Смутное время в России. В этих условиях бывает трудно наладить централизованное руководство крайне сложной и разнообразной системой. Пассионарный перегрев сопровождается также активной борьбой в идеологической и религиозной сферах.
- 153 В рамках геополитической теории пассионарный перегрев (разложение правящей элиты) можно объяснить дипломатическими шагами властных элит сопредельных цивилизаций, желающих использовать в своих целях молодой пассионарный суперэтнос, а также ввести его в рамки должного (препятствовать его глобалистским замыслам, то есть осознать свои пространственные границы).
- 154 Данным понятием Гумилёв обозначил исторический феномен резкого расхождения стереотипов поведения и ментальности в рамках какой-либо этнической системы, сопровождающийся потерей ощущения комплиментарности между вновь возникшими целостностями. На уровне суперэтноса данное явление особенно ярко проявляется в фазе надлома. Так западно-европейский мир за время Реформации разделился на две части: католическую и протестантскую. Раскол был довольно глубоким: в дальнейшем протестантские и католические народы весьма различно вели себя в колониях и четко отделялись друг от друга. Однако чувство общей принадлежности к суперэтносу («Цивилизованному миру») не было потеряно. Если же раскол этнического поля сопровождается вторжением чуждых влияний и идей, то подвергшаяся этому явление система оказывается в серьезной опасности. Исходя из представлений об этническом поле раскол его означает возникновение на месте единой частоты колебаний (ритма) двух новых, отличных друг от друга частот, что и порождает потерю комплиментарности.



- 155 См.: Гумилёв Л.Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы» // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 225.
- 156 Термином «старение этнической системы» Гумилёв обозначил процесс потери инерции пассионарного толчка в этнической системе, заключающийся в постепенном устранении пассионарного признака из популяции путем естественного отбора. После того как система прошла фазы высокого пассионарного накала, начинается процесс длительного и неравномерного снижения пассионарного напряжения. При этом может сохраняться богатая культурная традиция, огромная территория и государственная структура, но потеря действенной энергии приводит систему в состояние фазы обскурации, после чего она сходит с исторической сцены.
- 157 Скоробогатко Н.В. Л.Н. Гумилёв как представитель русской философии: За и против // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 10. Следует отметить, что ограниченный столь жестко срок жизни этноса, в неясном виде содержит в себе идеологему отрицания наличия древних этнокультурных пластов в современных народах.
- 158 Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 2004. – С. 326–327.
- 159 Гумилёв Л.Н. От Руси к России.: Очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 18.
- 160 Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 1994. – С. 381.
- 161 См.: Савицкий П.Н. Единство мироздания // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 134.
- 162 Критика концепции: Афанасьев Ю. Прошлое и мы // Коммунист. – М., 1985. – № 14. – С. 110.
- 163 Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 282–288. Эти идеи опираются на географическую интерпретацию, которая была традиционно значимой в русской историографии и историософии (Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.И. Менделеев и др.), а также на биогеографическую аргументацию (исследования почвоведов В.В. Докучаева), на идеи Л.С. Берга и В.И. Вернадского. Вместе с тем геополитические модели России активно разрабатывались на Западе, на П.Н. Савицкого, несомненно, оказали влияние геополитические теории Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Х. Маккиндера, П. Видаль де ла Блаша и др.
- 164 Там же. – С. 284.
- 165 Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М., 2000. – С. 25.
- 166 Цит. по: Дурновцев В.И., Манихин О.В. Евразийство начиналось так... // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С. 9.
- 167 Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 521.
- 168 Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии. – М., 1998. – С. 289.
- 169 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983; Козлов В.И. Что же такое этнос? // Природа. – М., 1971. – № 2. – С. 71–74 и др.
- 170 См.: Соничева Н.Е. Г.В. Вернадский: Русская история в евразийском контексте // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). – М., 1993. – С. 94–117.
- 171 Цит. по: Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 204–205.
- 172 Гумилёв Л.Н. От Руси к России: Очерк этнической истории. – М., 1992. – С. 7–18.
- 173 См.: [Савицкий П.Н.] Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилёву // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 205–211.
- 174 По свидетельствам современников, А. Тойнби посещал лекции евразийцев, в частности Д.П. Святополка-Мирского в Лондоне (Пашенко В.Я. Идеология евразийства. – М., 2000. – С. 261).
- 175 Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М., 2000. – С. 21–22.
- 176 Вернадский Г.В. Московское царство. – М., 2001. – С. 251.
- 177 См.: Гумилёв Л.Н. «30-ть писем Васе». Публикация Г.М. Прохорова // Мера. – М., 1994. – № 4. – С. 102–143; Гумилёв Л.Н. Этногенез и этносфера // Гумилёв Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М., 1994. – С. 104–112. В письме Л.Н. Гумилёву от 1 января 1957 г. П.Н. Савицкий писал: «Да, конечно, Вы правы: “сочетание разнодарений” (или, как

- говорите Вы, “двух и более ландшафтов”) очень усиливает и ускоряет развитие. В этой Ва-  
шей мысли нет никакого противоречия моим мыслям. Я думаю, нет в ней противоречия и  
мыслям Г.В. Вернадского. Все 1920-е и 1930-е годы я бился над проблемой значения “соче-  
тания разноодарений” для исторического развития ... Вы с большей четкостью проследили  
значение “сочетания разноодарений” для этногенеза. Сказанное Вами... замечательно, инте-  
ресно и прямо-таки основоположно! Стимулирующее этногенез значение “сочетания разно-  
одарений” не подлежит сомнению...» ([Савицкий П.Н.] Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гуми-  
лёву // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 205–211).
- 178 Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2000. – С. 237. В этом контексте концепция  
месторазвития Гумилёва может быть соотнесена с концепцией Валло. См.: Стойкерс Р. Тео-  
ретическая панорама геополитики // Элементы. – М., 1992. – № 1. – С. 3. Критика этих поло-  
жений Л.Н. Гумилёва: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983 и др.
- 179 Лавров С.Б. Завещание великого евразийца // От Руси к России: очерки этнической истории. –  
М., 1992. – С. 306.
- 180 То есть всемирно-исторический процесс есть отражение (отзвук) музыки космических сфер  
(процессов, протекающих в глубинах Вселенной).
- 181 Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев  
Н.Н. Русский народ и государство. – М., 2003. – С. 408–425.
- 182 Seriot P. Aux sources du structuralisme: une controverse biologique en Russie // Etudes de lettres. –  
Lausanne, 1994. – P. 89–104. См. также: Гумилёв Л.Н. Этноландшафтные регионы Евразии за  
исторический период // Открытие Хазарии. – М., 1996. – С. 170–188.
- 183 Якобсон Р.О. Евразия в свете языкознания. – Париж, 1931. – С. 4.
- 184 Жарников А.Е. Евразийство: истоки, доктрина, перспективы // Евразия как полиэтническая  
система. – М., 1993. – С. 8–9.
- 185 Вернадский Г.В. Московское царство. – М., 2001. – С. 251. См. также: Гумилёв Л.Н., Ермолаев  
В.Ю. Горы от иллюзий // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1999. –  
С. 182.
- 186 Вернадский Г.В. Древняя Русь. – Тверь; М., 2004. – С. 227–228, 236–239; Гумилёв Л.Н. Древ-  
няя Русь и Великая Степь. – М., 2000. – С. 11. Интересно, что у евразийцев геокультурное ядро  
иногда имеет сложную структуру. Так, Г.В. Вернадский признавал наличие нескольких  
центров Древней Руси (Киев, Тмутаракань). Л.Н. Гумилёв рассматривал Древнюю Русь как  
полицентричное образование (Русь и половецкая степь). То есть «ядро» воспринимается не в  
геометрическом, а в структурном смысле.
- 187 В этом отношении показательна выдержка из письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилёву от  
1 января 1957 г.: «Я... думаю, что народы скорее выбирали и выбирают месторазвитие для  
своего образования и преобразования (как русские “выбрали” Великую тайгу “от Онеги до  
Охоты” для своего “преобразования” в величайший народ мира), чем создавались и создают-  
ся им» ([Савицкий П.Н.] Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилёву // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии:  
Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 210–211). Развивая геополитические идеи евразийцев,  
один из современных исследователей их творчества С.И. Данилов приходит к  
следующим выводам: геополитические интересы этноса – не есть установленный раз и наве-  
гда указатель, встречаемый народом на теле Земли в ходе своей истории; они возникают ка-  
ждый раз заново из взаимодействия конкретного народа и конкретной геосреды, когда народ  
пытается освоить данную область Земли и сделать ее своим месторазвитием. Когда сила да-  
вления этноса на среду превышает ее сопротивление, возникает положительный вектор геополитических  
интересов, способствующий дальнейшей пространственной экспансии социаль-  
ного субъекта в направлении данного вектора. Когда сила сопротивления среды превышает  
давление на нее этноса, этот процесс прекращается и может повернуть вспять: социальный  
объект уступает ранее освоенную среду. Очевидно, что оптимальным является такое отно-  
шение социального субъекта к его месторазвитию, при котором последнее приобретает ус-  
тойчивые очертания, целостность и автаркичность (см.: Данилов С.И. Социальная философия  
евразийства: истоки, сущность, современное состояние: Дис. ... канд. филос. наук. – М, 1994. –  
С. 91).
- 188 Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 2000. – С. 514, 588.

- <sup>189</sup> Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М., 1998. – С. 335.
- <sup>190</sup> Гумилёв Л.Н. Из истории Евразии // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. – С. 70.
- <sup>191</sup> Савицкий П.Н. Миграция культуры // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 371–382. См. также: Жигунин В.Д. Категория «евразийство»: географический и исторический аспект // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 112–114.
- <sup>192</sup> Таким способом еще раз подчеркивался русско-евразийский культурный мессианиззм.
- <sup>193</sup> С точки зрения немецкого исследователя О. Босса, созданная П.Н. Савицким концепция «миграции культур» имеет гипотетический характер и, кроме того, не учитывает исторических изменений климатических условий (см.: Boss O. Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. – Wiesbaden, 1961).
- <sup>194</sup> Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 188–191.
- <sup>195</sup> Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 160.
- <sup>196</sup> Р. Якобсон включал Африку в свое ареальное языкознание.
- <sup>197</sup> См. ранние предъевразийские работы П.Н. Савицкого.
- <sup>198</sup> Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 292.
- <sup>199</sup> Савкин И., Козловский В. Евразийское будущее России // Ступени. – М., 1992. – № 2. – С. 88–89.
- <sup>200</sup> Горяев А.Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. – М.; Элиста, 2001. – С. 51. См. также: Сердобинцев К.С. Русская идея и евразийство // Проблемы русской философии и культуры. – Калининград, 1997. – С. 84–89.
- <sup>201</sup> Цит. по: Пашенко В.Я. Идеология евразийства. – М., 2000. – С. 407.
- <sup>202</sup> Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 117.
- <sup>203</sup> Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 2003. – С. 406–407.
- <sup>204</sup> См. напр.: Карсавин Л.П. Русская философия истории // Ступени. – М., 1992. – № 3. – С. 50; он же. Основы политики; Флоровский Г.В. О народах неисторических // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 35.
- <sup>205</sup> Хачатурян В.М. Культура Евразии: Этнос и геополитика // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 93.
- <sup>206</sup> Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 192.
- <sup>207</sup> Шнирельман В.А. Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. – М., 1996. – № 4. – С. 9.

---

## ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

Е. О. Розова

### В.Н. ИЛЬИН И ЕВРАЗИЙСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Владимир Николаевич Ильин (1890–1974) – философ, богослов, литературный и музыкальный критик – являлся весьма активным и видным участником интеллектуальной жизни русского зарубежья. Эмигрировав в 1919 г., Ильин окончил богословский факультет Берлинского университета и был приглашен преподавать в Богословский институт в Париже. Здесь он активно печатался в эмигрантской периодике, в частности, сотрудничал в «Пути», в «Вестнике РСХД», в «Возрождении», в журнале «Новый град». С 1926 г. стали выходить его исследования по литургике: «Всенощное бдение», «Запечатанный гроб. Пасха нетления» и ряд статей. В 1929 г. вышла его работа «Загадка жизни и происхождение живых существ», а в 1930 г. – «Шесть дней творения». К евразийскому движению Ильин примкнул еще в Берлине, опубликовав статью «К проблеме литургии в Православии и Католицизме» в евразийском сборнике «Россия и латинство». На протяжении всего расцвета евразийского течения, вплоть до кламарского раскола, Ильин публиковал статьи в евразийских печатных органах, участвовал в их съездах и дискуссиях. После кламарского раскола евразийства Ильин отходит от евразийской тематики, однако, принимает участие в сборниках «Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы» и «Тридцатые годы».

Евразийство возникло в 20-х годах XX в. в среде русской эмиграции как идейно-политическое учение, имеющее важную геополитическую составляющую. Одно из ключевых понятий этого учения – Евразия – в географическом аспекте континент, основанный на трех равнинах – Восточно-Европейской, Сибирской и Туркестанской – таким образом, находящийся на стыке Европы и Азии (отсюда и происходит название этого континента и от него – название течения). Россия в этом пространстве занимает основную территорию, поэтому часто евразийцы использовали термин «Россия-Евразия». Евразия понималась не только в сугубо геополитическом смысле, но и в смысле культурно-историческом и социально-политическом, как

РОЗОВА  
Екатерина  
Олеговна  
кандидат  
философских наук,  
стажер кафедры  
истории русской  
философии  
философского  
факультета МГУ

реальность, образованная на стыке Европы и Азии и в то же время характеризующая особенности культуры России, впитавшей в себя как восточные, так и западные веяния. Ильин давал евразийству такое определение: «Евразийство лучше всего может быть определено – как наднациональная органическая установка являющаяся тем действенным выразителем (активным нуменом) нации, в котором сосредотачивается как мощь, как динамика сдвинутого революцией с мертвой точки народного массива Евразии, так и спокойная творческая работа, производимая веками истории и чуждая истерии текущего дня»<sup>1</sup>. По мнению Ильина, евразийство сочетало в себе положительное православие, предельный социальный радикализм, укорененность в рациональном прошлом и сверхнациональные перспективы для будущего<sup>2</sup>. «Основное историческое задание евразийства – это включение происшедшего в революции – в рамки русской и евразийской исторической традиции»<sup>3</sup>, – писал П.Н. Савицкий.

Ключевой идеей евразийской историософии было утверждение всемирно-исторического призвания России<sup>4</sup>. Эта идея была тесно связана с религиозной и церковной установкой евразийства, заключающейся в непоколебимой православной вере. Православие является основной идеологией евразийцев и, таким образом, согласно последним, «историческая задача русского народа заключается в том, что он должен осуществить себя в своей Церкви и должен, себя в ней развивая, т.е. осуществляя и познавая ее, путем исповедничества и самораскрытия создать возможность самораскрытия в Православии и для “неплодящей языческой церкви”, и для мира, отпавшего в ересь»<sup>5</sup>. А ересь – это, в понимании евразийцев, любое другое исповедание христианства, кроме православия, так как только последнее является исповеданием истинным. Интересно, что отношение евразийцев к язычеству более благосклонно,

нежели к различным христианским конфессиям; это объясняется тем, что язычество можно рассматривать как бы как потенциальное Православие, так как оно менее враждебно Православию и не является сознательно упорным отречением от Православия, а, следовательно, гораздо легче поддается его призывам.

Обращаясь к историософской концепции евразийства, важно отметить, что в ее основе находилось утверждение перемещения культурных средоточий современности в сторону Востока, в связи с чем П.Н. Савицкий писал: «Ибо в своем особом роде “небытии” Россия в определенном смысле становится идеологическим средоточием мира. В переводе на язык реальности это значит, что на арене мировой истории выступил новый, не игравший доселе руководящей роли культурно-географический мир. Напряженный взор прозирает в будущее: не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?.. не уходит ли к голодным, холодным и страждущим?..»<sup>6</sup>.

Этнографическое учение евразийцев по большей части развивал Н.С. Трубецкой. В статье «Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры)» он писал: «...в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем “славянства”. Русские вместе с угрофиннами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и с славянством и с “туранским” востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее. Связь русских с “туранцами” закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угрофинской, и тюркская кровь. В народном характере русских, безусловно, есть какие-то точки соприкосновения с “туранским востоком”»<sup>7</sup>. Евразийцы поддерживали идею о значи-

тельном влиянии монголов, при этом положительно оценивая татаро-монгольское иго, наследие Чингисхана в истории России. Широко известны в этом отношении слова П.Н. Савицкого: «...без “татарщины” не было бы России»<sup>8</sup>.

Отношение евразийцев к большевикам, к революции не было однозначным. Например, Г.В. Флоровский отмечал, что можно по-разному относиться к тому, что произошло, к той форме, в которой вершилась революция, к тому, чем она обернулась, но большевиками, замечает он в своей статье «О патриотизме праведном и греховном», руководил верный инстинкт – необходимость ломать и созидать заново. Он подвергает критике тех, кто не приемлет революцию как свершившийся исторический факт, живет прошлым, наивно упоывая на возможность его восстановления. Революция свершилась и надо это учитывать. Преодоление же революции, считают евразийцы, лежит в религиозной плоскости. Из исторического тупика можно выйти только путем веры, созидания православной культуры, в Церкви. Позднее многие обвиняли евразийцев в близости к идеологии большевиков: по этому поводу В.Н. Ильин в статье «Об “идейной близости” евразийцев к большевикам» отмечал, что вопрос заключается в том, что понимать под большевизмом. Если это «актуальная российская государственность, ее духовные и экономические нужды, вопросы безопасности границ и т.д...»<sup>9</sup>, то евразийцев можно отождествлять с большевиками. Если же речь идет о коммунистической идеологии, то евразийцы никак не могут принять «философию вульгарного и воинствующего атеизма, материализма и позитивизма»<sup>10</sup>, но они принимают «пафос социального и национального освобождения»<sup>11</sup>.

Впервые в евразийской печати статьи Владимира Ильина появляются в сборнике «Россия и латинство», который вышел в 1923 г. в Берлине. В сборнике были напечатаны статьи многих видных евразийцев (Савицкого П.Н., Сувчинского П.П.,

Бицилли П.М., Вернадского Г., Трубецкого Н.С., Карташёва А.В., Флоровского Г.В., Ильина В.Н.), рассматривающих проблемы взаимоотношения православия и католичества, России и католичества. Во вступительной статье Савицкого была проведена аналогия между латинством и большевизмом, фактически, они были поставлены в один ряд. Основной аргумент подобного сопоставления заключался в том, что и те и другие – против православия, а соответственно, и против России. Отношение их к России крайне враждебно и, следовательно, надо по возможности ограничивать любые с ними контакты. Основной упор евразийцы делали также на неприемлемость прозелитической деятельности католической церкви на территории России.

Многие восприняли подобную аналогию как оскорбительную и неуместную. В 1925 г. в журнале «Путь» в статье «Католический богослов о русской религиозной психологии» кн. Гр. Трубецкой и В.Н. Ильин написали письмо в редакцию журнала «Путь», где отметили, что данная аналогия была основана лишь на отношении латинства и большевиков к православию, а никак не утверждалось, что последние тождественны внутренне или религиозно. В этом же номере «Пути» был опубликован и ответ кн. Гр. Трубецкого на это письмо, где он писал, что если католики и большевики религиозно и внутренне не тождественны, то невозможно определить их отношение к православию каким-либо тождественным термином. Кроме того, отмечает он, помимо конфессиональной розни между православными и католиками существует еще и христианская солидарность. «Чтобы достигнуть “свершений” евразийцы должны

встать на почву строго проверенных фактов и проделать настоящую научную работу. Иного пути нет для течения, которое притязает на выработку нового мирозерцания и пересмотра всей русской истории»<sup>12</sup>. Негативная реакция на указанное сопоставление была у многих. Например, Сувчинский в письме Н.С. Трубецкому, описывая приглашение Зеньковского вступить в братство Святой Софии<sup>13</sup>, приводит такие его слова о Савицком: он «решительно не приемлем „до тех пор, пока он печатно не покается за свое вступление к «Рос. и Лат.», где он поставил рядом Римск. Церковь и большевизм»»<sup>14</sup>. Не совсем ясно мнение ли это лично Зеньковского или всего Братства. Согласно указанному письму, в Братстве уже были П.И. Новгородцев, В.В. Зеньковский, А.В. Карташев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.В. Флоровский<sup>15</sup>, С.Н. Булгаков. Карташев с Флоровским участвовали в самом сборнике, а последний позднее даже подпisał под выше упоминавшимся письмом, посланным в редакцию журнала «Путь». Вероятно, подобное мнение было характерно, прежде всего, для самого Зеньковского, Бердяева и Булгакова. Евразийцы, в свою очередь, обвиняли Братство в католицизме и отходе от православия. Н.С. Трубецкой в письме С.Н. Булгакову писал: «Для нас совершенно несомненно, что учреждение Братства Св. Софии является попыткой пересадить на православную почву католический институт орден»<sup>16</sup>. Вопрос о том, был ли В.Н. Ильин участником этого Братства остается неясным, однако он принимал участие в семинарах о С. Булгакова<sup>17</sup>, которые были тесно связаны с деятельностью братства, и многие участники которых являлись членами братства. Интересно, что Ильин, оставаясь последователем евразийства, поддерживал весьма близкие отношения, как в личном плане, так и в академическом, с основными критиками евразийства. Он продолжал тесное сотрудничество и с Н.А. Бердяевым<sup>18</sup>, печатался в «Пути»

и поддерживал хорошие отношения с Братством, участвуя в семинарах, проводимых его главой.

Для евразийцев было характерно в целом негативное, порой даже враждебное отношение к католицизму, и они вполне осознанно и намеренно проводили антикатолическую линию в своей печати. П.П. Сувчинский и в 1924 г. писал Бердяеву: «Реальная и сознательная противопоставленность латинства – православию представляется в наше время фактом такого же ответственного смысла, как и противопоставление революции – России»<sup>19</sup>. Однако Ильин был далек от столь резкой критики католицизма. В своей статье «К проблеме литургии в Православии и Католицизме», напечатанной в сборнике «Россия и латинство», критикуя папизм, который влечет за собой разобщение верующих<sup>20</sup>, разделение на церковь господствующую и на мирян, упрекая католицизм в измышлении новых догматов, которое есть «реализация своеволия римских первосвященников», все же пишет: «Благочестивые миряне-католики, вопреки пожеланиям и тенденциям папизма, остаются частью того собора, который, несмотря ни на что, хранит в глубине заветы истинной вселенскости»<sup>21</sup>. В этой же статье Ильин утверждает, что только православная и католическая церкви католичны в подлинном христианском смысле слова. Позднее, в 50-х годах, Ильин напишет предисловие к русскому изданию «Повести об одной душе» – духовной автобиографии Терезы Младенца Иисуса. В этом предисловии «Святая Тереза – заступница и молитвенница за Землю Русскую» Ильин будет развивать мысль о единых корнях православной и католической святости<sup>22</sup>. В это же время Ильин будет говорить о том, что «он считает себя принадлежащим к Церкви, возглавляемой Папой Римским, но при этом хочет оставаться в церковном общении с существующими православными юрисдикциями и почитать святых Русской Церкви»<sup>23</sup>.

В своих статьях Ильин не раз обращался к теме истоков евразийского учения. Влияние на евразийство, по мнению Ильина, оказали славянофилы, Н.Я. Данилевский (в особенности его идея о самоценности каждой национальной культуры), К.Н. Леонтьев и М.Л. Магницкий.

В статье «Евразийство и славянофильство» Ильин рассматривает общность славянофильских и евразийских идей и их расхождения. Он подчеркивает родственность славянофильского мировоззрения евразийскому, однако отождествление евразийства и славянофильства считает неприемлемым. Далеко не все положения славянофильства принимаются евразийством, пишет Ильин, и в евразийстве присутствуют такие положения, которых славянофилы просто не знали или частично отрицали. Общими мировоззренческими чертами для евразийства и славянофильства Ильин считает учение Хомякова о вселенскости церкви, взгляд на неправославное христианство как на отпавшее от вселенскости, теорию самостоятельных культурно-исторических типов (от Данилевского), отрицание романо-германской культуры как универсальной и основоположной и отрицание непрерывной линии исторического прогресса. Близки для евразийцев, по мнению Ильина, и такие славянофильские идеи как признание вселенской миссии Православия (Ильин отмечал, что именно славянофилы первыми выдвинули с «величайшей полнотой органическое видение вселенского Православия»), уникальность русской истории и необходимость самостоятельных путей развития России. Сходство этих течений Ильин также отмечал в неприятии западничества как отрицания самобытности. «Западники – провинциалы, отвергающие свое и не понимающие чужое»<sup>24</sup>, – писал Ильин.

Принципиальное отличие евразийства от славянофильства, по мнению Ильина, заключается в том, что оно «является системой историософской и государственно-правовой органики. Его задачи – творче-

ские и педагогические, воспитательные в широком смысле слова: ибо оно исходит из того факта, который свойственен нашей катастрофической эпохе и который не знало славянофильство. Факт этот есть рождение нового этнографического типа, возникающего в недрах России-Евразии, ныне, как и в некоторые прошлые века, являющейся вершительницей судеб человеческих»<sup>25</sup>. В связи с этим Ильин утверждал: «Понять евразийство во всем его своеобразии и исторической необходимости можно лишь будучи погруженным в современность, именно в том ее виде, который определяет кризис эпохи и все то, что в ней является новым»<sup>26</sup>. Позже Ильин напишет: «Сущность и смысл евразийства состоит в том, что в нем славянофильская идея возродилась в так называемом пореволюционном виде»<sup>27</sup>.

Одну из статей В.Н. Ильин посвятил М.Л. Магницкому<sup>28</sup>, которого считал предтечей евразийства. Подобное мнение весьма оригинально, ибо Магницкий был более всего известен своими выступлениями против философии; Магницкий был почитателем Казанского учебного округа, в связи с чем его призывы в преподавании философии руководствоваться посланиями апостола Павла и лишь в порядке исключения привлекать Аристотеля и Платона<sup>29</sup> имели определенные последствия. Магницкий призывал в буквальном смысле слова разрушить Казанский университет, обвиняя его в растрате казенных денег и безбожном направлении преподавания. Тем не менее Ильин оценивает его философию положительно и считает его влияние на евразийское учение весьма значительным. Основной заслугой Магницкого он считает «смелое и решительное перемещение точки зрения на Восток»<sup>30</sup>. Главным образом Ильин обращает внимание на его историософские идеи. Магницкий видел в татарском нашествии спасительное значение для России, так как это спасение от Европы и сохранение чистоты веры Христовой. Спасение от



Европы, считал Магницкий, необходимо, чтобы превзойти ее. Также Магницкий подчеркивал самобытность России и ее исторического пути и утверждал необходимость постоянного поддержания этой самобытности. Несомненно, эти идеи Магницкого были близки евразийскому учению. Кроме того, Ильин особенно отмечал православное направление мысли Магницкого. В области философии права Ильин обратил внимание на критику Магницким доктрины естественного права. Ильин писал, что современные евразийцы в принципе не выступают против естественного права, но они исходят из религиозных предпосылок, а просветительской формы естественного права также не принимают<sup>31</sup>.

В более поздний период евразийства к течению примкнул видный еврейский историк Я.А. Бромберг<sup>32</sup>, который стал активно разрабатывать еврейскую тему в русле евразийства. В своих начинаниях он нашел поддержку среди евразийцев, в частности, у В.Н. Ильина. В своих работах Бромберг противопоставлял восточное еврейство западному; крайне негативно характеризуя второе, видя в нем выражение западного рационализма, утверждая его отрицательную, вредную роль в судьбах России. Он пишет: «Наступает конец еврейского западничества, не в меру засидевшегося за столом истории, и последние остатки его духовных энергий быстро растрачиваются в идейном организме еврейско-интеллигентского фанатизма — как в лжесударственной, сионистской, так и в лжерелигиозной, коммуно-социалистической разновидности единой утопии»<sup>33</sup>. По отношению же к еврейскому восточничеству он, наоборот, отмечает культурную общность с Россией, множество исторических точек соприкосновения, «мета-историческую важность судьбы России», а также указывает на то, что восточное еврейство должно разделить судьбы России, что поможет вывести восточноеврей-

ский народ из его исторического тупика. «Восточному еврейству пришла пора отказать от роли равнодушного зрителя по отношению к ходу и исходу великого противоборства восточных и западных начал [...] должны обратить наши взоры опять к вечно немеркнувшему свету с Востока, ныне воссиявшему с костра самозаклания России [...] В данном конкретном случае можно уповать, что в евразийской концепции впервые получат органическое осмысление роковое, исполненное мистической и онтологической значительности сплетение судеб народа, пронесшего через века живое ощущение мессианского избрничества, с великой страной, в наши дни возложившей на себя перед лицом духовно скудеющего и погибающего человечества, тяжкое бремя вселенского призвания, в основных своих устремлениях выходящего за пределы чисто мирских планов и перспектив в область иного, чаемого Царства»<sup>34</sup>. В связи с этим он утверждает необходимость именно евразийской ориентации духовных сил восточного еврейства. В «Евразийском книгоиздательстве» в 1931 г. была издана книга Я.А. Бромберга «Запад, Россия и еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса» с предисловием В.Н. Ильина, посвященная «...углубленной феноменологии революционно-радикальной псевдоморфозы еврейского крыла русской интеллигенции»<sup>35</sup>. В.Н. Ильин, поддерживая предложенное Бромбергом решение «еврейского вопроса», в предисловии к его работе пишет: «Евразийство как религиозное, а потому целостное онтологическое мирозерцание, снабженное разработанной системой историософской гносеологии, поднимается над этими вульгарными низинами и счастливо соединяет в своей концепции как понимание мировой религиозно-космической темы Израиля, так и осознание этой темы в истории культуры России-Евразии»<sup>36</sup>. Савицкий также поддержал Бромберга. «Европа не есть единственный путь для рус-

ского еврейства. И западничество не есть единственная для него возможность. Возможно и необходимо появление и развитие еврейского восточничества. С восточничеством этим евразийство должно быть в сотрудничестве и союзе»<sup>37</sup>, – писал он.

В 1929 г. происходит так называемый «кламарский раскол» в евразийстве. В 1928–1929 гг. в Париже издавалась газета «Евразия», в редколлегиях которой входили П. Арапов, Л.П. Карсавин, А.С. Лурье, П. Малевский-Малевич, В. Никитин, Д.П. Святополк-Мирский, П. Сувчинский, С.Я. Эфрон. В ней печатались и В.Н. Ильин. В конце 20-х годов вокруг газеты образовалось левое крыло, которое активно симпатизировало сталинскому режиму; наиболее яркими активистами в этом отношении были Эфрон и Святополк-Мирский. Идеюную базу этого поворота обеспечивал Карсавин. Карсавин видел в Советском Союзе, в том, что происходит в России, в том, что делают большевики, действие то ли providения, то ли духа истории в гегелевском смысле; он был историком и для него, по всей вероятности, было характерно видеть за конкретными историческими фактами, пусть в данном случае неприглядными и жестокими, какой-то скрытый смысл, то, что должно быть, и то, что в итоге в любом случае ведет Россию к реализации ее предназначения<sup>38</sup>. И значит, большевики делают то, что нужно и должно; если в упоминавшемся выше понимании большевизма Флоровским большевики почувствовали и «уловили» только, так сказать, первый «зов» истории – необходимость ломать старое и строить новое, то у Карсавина они, пусть бессознательно, но все равно продолжают отвечать на этот зов и вершить историю. Стоит отметить, что Карсавин в 1929 г. внезапно уходит из движения.

Естественно, многие евразийцы порвали с ними всякую связь. В 1929 г. они выпустили сборник «О газете “Евразия” (газета “Евразия” не есть евразийский орган)», где были напечатаны статьи

П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, В.Н. Ильина, а также письма в редакцию газеты «Евразия» от Трубецкого и Пражской и Белградской групп евразийцев. Они обвинили газету «Евразия» в апологии марксизма, соответственно, отрицании религии, измене евразийству; также критике подвергся экономический отдел газеты, где проводилась явная просоветская линия («отдел этот – не выражение евразийства, но прямая профанация имени»<sup>39</sup>). Алексеев характеризует столь антиевразийский настрой газеты как внутреннюю самоликвидацию евразийства. Однако отмечается, что в газете все же были действительно евразийские статьи – В.Н. Ильина, П.Н. Малевского-Малевича, В.П. Никитина и др. В.Н. Ильин в этом сборнике написал статью «Социальные цели и достоинство Евразийства», где обвинил коммунизм российского типа в обскурантизме, русофобстве и паразитизме. Также Ильин, ссылаясь на идею Ю.Ф. Самарина о несводимости и одновременно с этим – неразделимости моментов социально-политического и религиозно-морального, пишет: «...ныне в одном из крыльев евразийства, представленном группой газеты “Евразия”, наблюдается нарушение равновесия в сторону несводимости и во вред нераздельности. Такое предпочтение, “выбор” одного из полюсов антиномии и полноты, превращающее ее в одностороннюю неполноту есть “ересь” (что значит – разделение). Нераздельности обоих моментов – нанесен ущерб, религиозно общественная перспектива искажена и достоинству евразийства, через умаление его содержания нанесен серьезный ущерб»<sup>40</sup>. Подобные проблемы надо преодолеть и устранить, ибо иначе, вместо «творческого преодоления марксизма», евразийцы вернутся к его «запоздалому рецидиву». А творческое преодоление марксизма, считает Ильин, возможно именно в русле евразийства, которое способно на радикальное решение социальной проблемы. Таким образом, произошел весьма существенный раскол в евразий-

ском течении, после которого евразийство пошло на спад.

После «кламарского раскола» Ильин отделяется от евразийства. Его статьи в евразийской печати появляются все реже; однако стоит заметить, что он принимает участие в создании главного идеологического сборника посткламарского евразийства – «Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы» 1932 г. и в сборнике «Тридцатые годы»<sup>41</sup>. В 1934 г. Ильин порывает с евразийством окончательно и публично. В газете «Возрождение» публикуют его письмо в редакцию, в котором он пишет: «Пользуюсь случаем заявить печатно, что я давно прекратил всякое сотрудничество в каких бы то ни было евразийских изданиях ввиду их явной для меня наклонности к большевизму – равно, как и вышел из евразийских группировок и прервал, как идеологическое, так и личное общение с ними»<sup>42</sup>. В ответ на это Савицкий в «Евразийской хронике» пишет «Открытое письмо В.Н. Ильину», в котором упрекает Ильина в таком отмежевании от евразийства и замечает, что Ильин не выполнил по отношению к их организации определенных денежных обязательств. Ильин опять же пишет письмо в редакцию газеты «Возрождение», где еще раз подчеркивает сугубо идеологическую мотивацию своего выхода, никак не связанную с денежными обязательствами. Позже Н.С. Трубецкой в письме к Савицкому, объясняя положение посткламарского евразийства, будет комментировать подобное отмежевание В.Н. Ильина следующим образом: «Спасибо за статью Ильина»<sup>43</sup>. Я «Возрождения» не читаю. [...] Впрочем, разбирая статью Ильина по существу, следует признать, что известная доля истины в ней имеется. Ведь не надо забывать, что он все время жил в Париже, что в Париже евразийство в свое время было ключом, захватив высококачественные круги, и что приезжавшие в это время в Париж иногородние евразийцы, как Вы да я, ни-

как не проявляли перед рядовыми парижскими евразийцами своего неполного сочувствия взятому в Париже курсу. Таким образом, у живущих в Париже евразийцев должно было создаться впечатление, что парижское евразийство и есть настоящее евразийство. Это парижское евразийство вполне логически привело к Кламару и к брюссельским откликам Кламара, и для людей, которым парижское евразийство всегда представлялось магистралью, а пражское – только провинциальной разновидностью, утверждение, что Кламар и есть подлинное евразийство, вполне естественно. Возможно, что Ильин в этом случае вовсе не кривит душой. Евразийская магистраль привела в «красную Каноссу» и на этом оборвалась; то, что делается после этого где-то в провинции небольшой горсткой людей во главе с уже раз провалившимися вождями, это – не магистраль, не движение, а перепевы и попытки оживить труп. Так думает не один Ильин, а большинство парижан, это – официальная точка зрения всей эмигрантской прессы, и вполне возможно, что Ильин искренне так думает. По существу, евразийство, как эмигрантское и политическое течение, действительно пришло к Кламару и погибло (как погибают одно за другим все эмигрантские политические движения – младороссы, нацмалычки и проч<sup>44</sup>). Не погибло евразийство только как явление русской культуры»<sup>45</sup>.

Таким образом, В.Н. Ильин прошел через всю историю классического евразийства. Появившись в евразийской печати в 1923 г., приняв участие в кламарском расколе, в 1935 г. Ильин уже писал о «мертвом теле евразийства»<sup>46</sup>. Участие В.Н. Ильина в евразийском течении исследовано мало, и, хотя нельзя признать его наиболее значительным идеологом евразийства, как, например, Л.П. Карсавина или Н.С. Трубецкого, его творчество в русле евразийского движения нуждается во внимании и исследовании.

## Примечания

- <sup>1</sup> Ильин В.Н. О евразийском патриотизме // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – № 8. – С. 15.
- <sup>2</sup> Ильин В.Н. Социальные цели и достоинство евразийства // Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). – Париж, 1929. – С. 22.
- <sup>3</sup> Савицкий П.Н. Задание евразийства // Евразийский сборник. Политика, философия, русскоеведение. – Париж, 1929. – Кн. 6. – С. 4.
- <sup>4</sup> П.Н. Савицкий писал по этому поводу: «В безмерных страданиях и лишениях, среди голода, в крови и в поте, Россия приняла на себя бремя искания истины за всех и для всех. Россия – в грехе и безбожии, Россия – в мерзости и паскудстве. Но Россия – в искании и борении, во взывании града нездешнего... Пафос истории почует не на тех, кто спокоен в знании истины, кто самодоволен и сыт. Пламенные языки вдохновения нисходят не на *beati possidentes*, но на тревожных духом: то крылья ангела Господня возмутили воду купели» (Савицкий П.Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921. – С. 2–3).
- <sup>5</sup> Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 366.
- <sup>6</sup> Савицкий П.Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921. – С. 3.
- <sup>7</sup> Трубецкой Н.С. Верх и низы русской культуры (Этническая база русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921. – С. 100.
- <sup>8</sup> Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Утверждение евразийцев. – Берлин, 1922. – С. 342.
- <sup>9</sup> Ильин В.Н. Об «идейной близости» евразийцев к большевикам // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – № 10. – С. 60.
- <sup>10</sup> Там же.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Письмо в редакцию «Путь» П.П. Сувчинского, Л.П. Карсавина, Г. Флоровского, П.Н. Савицкого, кн. Н.С. Трубецкого, Вл.Н. Ильина и ответ кн. Гр.Н. Трубецкого // Путь. – Париж, 1926. – № 2. – С. 136.
- <sup>13</sup> Братство Святой Софии возникло еще в России в 1919 г. и продолжило свою деятельность в эмиграции. В разное время в него входили о. С. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, П.Б. Струве, Л.А. Зандер, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, Г.В. Флоровский и др. Участником братства был и кн. Гр. Трубецкой, о статье которого выше шла речь.
- <sup>14</sup> Сувчинский П.П. Письмо Н.С. Трубецкому от 12.12.1923 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М., 1994. – Вып. (том) 5. – С. 481.
- <sup>15</sup> Флоровский занимался обсуждением с Булгаковым возможности издания совместного журнала с евразийцами, что, видимо, успехом не увенчалось (Флоровский Г.В. Письмо П.П. Сувчинскому от 31.8.1923 // Вестник РХД. – Париж, 1993. – № 168. – С. 61–65; Колеров М.А. Братство св. Софии: «Веховцы» и евразийцы // Вопросы философии. – М., 1994. – № 10. – С. 148).
- <sup>16</sup> Трубецкой Н.С. Письмо прот. С. Булгакову, начало 1924 г. // Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. – С. 196.
- <sup>17</sup> Например, в 1928 г. (см.: «Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939». – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. – С. 135).
- <sup>18</sup> Бердяев являлся одним из активнейших критиков евразийства (см. его статьи: Евразийцы // Путь. – Париж, 1925. – № 1; Утопический этатизм евразийцев. Рецензия на «Евразийство. Опыт систематического изложения» 1926 г. // Путь. – 1927. – № 8). Основным предметом критики были этатизм, понимание православия и близость к большевикам.
- <sup>19</sup> Сувчинский П.П. Письмо Н.А. Бердяеву от 24.04.1924 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1994. – Вып. (том) 5. – С. 490.

- 20 «И действительно, в Католицизме результат налицо: торжественная пышность, театральная помпа и вместе с тем необычайная внутренняя черствость, усугубляемая гордым отъединением "церкви учащей и правящей" от остальной массы верующих» (Ильин В.Н. К проблеме литургии в Православии и Католицизме // Россия и латинство. – Берлин, 1923. – С. 190).
- 21 Ильин В.Н. К проблеме литургии в Православии и Католицизме // Россия и латинство. – Берлин, 1923. – С. 191.
- 22 Козырев А.П. Ильин В.Н. // Католическая энциклопедия. М.: Издательство Францисканцев, 2005. – Т. 2. – С. 209.
- 23 Там же.
- 24 Ильин В.Н. Евразийство и славянофильство // Евразийская хроника. – Париж, 1926. – № 4.
- 25 Там же. – С. 20–21.
- 26 Там же. – С. 21.
- 27 Ильин В.Н. Евразийцы и их последыши (подп.: Сазанович П.) // Возрождение. – Париж, 1935. – № 3663. – С. 2.
- 28 Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) – общественный и государственный деятель, публицист. Внук Л.Ф. Магницкого – автора известного учебника «Арифметика». Интересно заметить, что при рождении Леонтий Филиппович имел фамилию Телятин, фамилию Магницкий он получил от Петра I, который под впечатлением от его познаний назвал его магнитом, т.е. притягивающим к себе.
- 29 См.: Павлов А.Т. Философия в Московском университете. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. – С. 50.
- 30 Ильин В.Н. М.Л. Магницкий // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – № 10. – С. 85.
- 31 Ильин посвятил этой теме статью «К взаимоотношению права и нравственности» (Евразийский временник. – 1925. – Кн. 4), где подверг критике естественное право, не имеющее религиозной базы. Необходимо, писал Ильин, найти общее основание для права и нравственности; этим общим основанием является правда, источник которой есть Бог. Она, в свою очередь, является источником и целью права и нравственности, и, таким образом, регулирует эмпирическую действительность. Таким образом и конструируется религиозная база права.
- 32 Бромберг Яков Абрамович (1898–1948) с 1921 г. жил в Чехословакии, окончил Пражский политехнический институт, работал сотрудником Кондаковского института (Прага), с 1929 г. жил в США. Был активным участником евразийского движения, печатался в «Евразийском сборнике» 1929 г. (статья «О необходимом пересмотре еврейского вопроса»), в «Тридцатые годы» 1931 г. (статья «Еврейское восточничество в прошлом и будущем»), а также в «Евразийской хронике».
- 33 Бромберг Я.А. Еврейское восточничество в прошлом и будущем // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. – Кн. 7. – С. 193.
- 34 Бромберг Я.А. О необходимом пересмотре еврейского вопроса // Евразийский сборник. Политика, философия, руссификация. – Париж, 1929. – Кн. 6. – С. 46.
- 35 Ильин В.Н. Предисловие // Бромберг Я.А. Запад, Россия и еврейство. Опыт пересмотра еврейского вопроса. – Прага, 1931. – С. II.
- 36 Там же. С. I.
- 37 Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. – Кн. 7. – С. 5.
- 38 См.: Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – М.: Ренессанс, 1992. – Т. 1. – С. 5.
- 39 Савицкий П.Н. Газета «Евразия» не есть евразийский орган // Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). – Париж, 1929. – С. 8.
- 40 Ильин В.Н. Социальные цели и достоинство евразийства // Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). – Париж, 1929. – С. 22.

- <sup>41</sup> В сборнике «Тридцатые годы» В.Н. Ильин напечатал статьи («Эйдохратическое преобразование науки» и «Под знаком диалектики»), в общем-то уже далекие от насущной евразийской проблематики.
- <sup>42</sup> Ильин В.Н. Письмо в редакцию // Возрождение. – Париж, 1934. – № 3431. – С. 5.
- <sup>43</sup> Не совсем ясно, о какой конкретно статье идет речь. Вероятно, это либо статья «Пореволюционная “бодрость”», где Ильин говорит о «мертвом теле евразийства», в котором «кишат младороссы», и упрекает оставшихся евразийцев в большевизме; либо же это статья «Евразийцы и их последыши», где Ильин также пишет о смерти евразийства, говорит, что евразийство, возникшее как контрреволюционная идеология, «закончилось как сталинский прислужник». Возможно, конечно, что имеется в виду письмо в редакцию «Возрождения», о котором только что шла речь, но назвать его статьей весьма сложно. Также стоит отметить, что приведенное письмо Трубецкого датировано 1938 г., предполагаемые же нами статьи публиковались в «Возрождении» в 1935 г.; а в 1935 г. Трубецкой также писал Савицкому: «До некоторой степени В.Н. Ильин прав, утверждая, что евразийство как общественное течение больше не существует» (Трубецкой Н.С. Письмо П.Н. Савицкому от 17 ноября 1935 г. // Соболев А.В. О русской философии. – СПб., 2008. – С. 429).
- <sup>44</sup> Речь идет о различных пореволюционных течениях русского зарубежья, организованных, главным образом, молодежью, «сыновьями» первой волны эмиграции. Младороссы и «нацмальчики» – два крупнейших молодежных пореволюционных течения в эмиграции. Движение младороссов было организовано в 1923 г. в Мюнхене на монархистском «Всеобщем съезде национально мыслящей молодежи», в 1925 г. было переименовано в «Союз младороссов»; лидером движения был А.Л. Казем-Бек, в Париже издавался журнал «Младоросс» и газета «Младоросская искра». В целом движение совмещало идеи монархизма, сменовеховства и, частично, евразийства. В 1939 г. Союз самораспустился. «Национальный союз русской молодежи», представленный «нацмальчиками» (также их называли «солидаристами»), был организован в 1930 г. и позже преобразован в «Национально-трудовой союз нового поколения». Это течение было родственно младороссам, суть основных расхождений заключалась в отношении к национал-большевизму и фашизму, который солидаристы активно поддерживали (Подробнее об идейных течениях эмиграции см.: Гачева А.Г., Казина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003).
- <sup>45</sup> Трубецкой Н.С. Письмо П.Н. Савицкому от 10 января 1938 г. // Соболев А.В. О русской философии. – СПб., 2008. – С. 483–484.
- <sup>46</sup> Ильин В.Н. Пореволюционная «бодрость» (подп.: В. Созанович) // Возрождение. – Париж, 1935. – 18 янв. – № 3516. – С. 2.

А.Н. Закатов

### **«ЦАРЬ И СОВЕТЫ»: МЛАДОРОССКАЯ ПАРТИЯ**

За рубежом России после революции 1917 г. оказался практически весь спектр политических течений, оформившихся в период с 1905 по 1917 г. — от крайне правых до большевиков-диссидентов. Это неизбежно влекло за собой продолжение борьбы, что практически полностью исключало возможность согласованных действий по борьбе с большевизмом и привело эмиграцию первой волны к вымиранию, сперва политическому, а потом и физическому. Вторая мировая война нанесла ей окончательный удар. Смерть видных лидеров, массовые выдачи союзниками эмигрантов из лагерей беженцев советским войскам, возвращение в СССР на волне послевоенного советского патриотизма обескровило и разрушило явление «первой волны».

В послевоенный период последние осколки этой эмиграции растворились во «второй волне». Хотя отдельные представители дореволюционной России или их потомки еще играли некоторую роль, большинство течений политической жизни эмиграции, даже традиционных, в это время состояло из бывших советских граждан. Это, конечно, была уже новая эмиграция, с особенностями, свойственными только ей и отсутствующими у эмиграции старой.

На фоне этой картины совершенно особо стоит организация, возникшая в середине 1920-х годов и носившая название Союз младороссов (позднее Младоросская партия). Ее идеология, не имевшая аналогов в дореволюционной России, впитавшая постулаты из разных доктрин, но не лишенная оригинальности, представляет большой интерес для исследования. Монархическая группировка, состоявшая преимущественно из эмигрантской молодежи, не побоялась взять на вооружение шокирующие старую эмиграцию лозунги, заимствованные из фашистской и советской практики, типа «Царь и Советы», с целью приблизить монархическое движение к реальной жизни в Советском Союзе. За 18 лет своего существования младороссы сформулировали совершенно особую идеологию, дали

*ЗАКАТОВ  
Александр  
Николаевич,  
кандидат  
исторических  
наук,  
доцент*

эмиграции ряд видных лидеров, а во время Второй мировой войны внесли свой вклад в борьбу с нацизмом в движении Сопротивления. Масштабы распространения младоросского движения, его состав и активность говорят о том, что это был феномен, заслуживающий глубокого и вдумчивого подхода и изучения.

Свое происхождение сами младороссы возводили к 1917 г., когда в России, якобы, существовала организация «Молодая Россия», или «Зеленый шум». Впрочем, возможно, эта «генеалогия» носила легендарный характер и была призвана лишь укрепить сознание близости к Родине. Во всяком случае, реальной организации младороссов положено начало в 1923 г., когда в Мюнхене состоялся «Всеобщий съезд национально мыслящей русской молодежи» под председательством С.М. Толстого-Милославского. На этом съезде «обнаружилось полное единодушие всех участников его по основному вопросу о необходимости скорейшего водворения в России ее исконного монархического строя и восстановления в ней власти законного Царя из Дома Романовых»<sup>1</sup>.

Решения съезда отразили недовольство эмигрантской молодежи деятельностью «отцов», в частности их съездом 1921 г. в Рейхенгалле. В «Наказе» съезда 1923 г. провозглашалось, что «люди старших поколений, живущие в прошедшем, не понимают настоящего. В будущем руководящее творческое значение будет у молодежи»<sup>2</sup>.

Однако оригинальной идеологии, которая столь сильно выделяла в дальнейшем младороссов из ряда других эмигрантских организаций, съезд 1923 г. еще не сформулировал. Его лозунги были достаточно традиционны.

Тем не менее, образовав союз «Молодая Россия» и избрав его председателем А.Л. Казем-Бека, съезд 1923 г. заложил основу будущей Младоросской партии. Задачами союза были названы следующие: «а) заботиться об образовании русских молодых людей за границей, а в осо-

бенности о сообщении им государственных и политических знаний;

б) заботиться о воспитании молодежи в духе Православной веры, любви к Родине, братской дисциплины и рыцарской чести»<sup>3</sup>.

В.С. Варшавский, размышляя о судьбе младоросского движения в своей книге «Незамеченное поколение», отмечает: «из наказа видно, что молодые эмигранты пришли на съезд с настроениями и готовыми идеями той традиционно-монархической среды, в которой они выросли, и в то же время с сознанием, что нужно стремиться «вперед, а не вспять», к каким-то новым идеям, определить которые они еще сами не могли»<sup>4</sup>. Но именно определением и развитием этих витавших в воздухе идей и занялся Союз «Молодая Россия».

Положив в основу идеологии монархизм, хотя и в новом его осмыслении, младороссы практически сразу нашли тот авторитет, в котором они нуждались для освящения своей деятельности. Старший в династическом отношении член Дома Романовых великий князь Кирилл Владимирович, бывший с 1922 г. Блестителем престола, 31 августа 1924 г., убедившись в тщетности надежд на спасение императора Николая II, его сына и брата, принял в эмиграции императорский титул. Младороссам был необходим легитимный символ, историческое знамя, под которым они могли бы разворачивать свою программу, застраховавшись от упреков в полном разрыве с традицией. Лучше символа, чем законный император в изгнании, нельзя было придумать. Помимо этого, личность Кирилла Владимировича импонировала младороссам сравнительной молодостью, мужественностью (он был героем Русско-японской войны, чудом спасшимся во время гибели броненосца «Петропавловск») и широтой взглядов. С самого начала Союз «Молодая Россия» заявил о себе как о верноподданных нового государя.



В 1925 г. «Молодая Россия» переименовывается в «Союз младороссов». С этих пор звучное слово «младоросс» прочно входит в лексикон русской эмиграции.

Успех «Союза младороссов» и стремительный рост его рядов в немалой степени связан с личностью главы этой организации. Александр Львович Казем-Бек родился в Казани 2 февраля 1902 г. в дворянской семье, имевшей родоначальником выходца из Персии. Дед А.Л. Казем-Бека был военным агентом в Италии, а отец директором Дворянского банка в Прибалтике. С 1904 по 1907 г. Александр жил с семьей в Вильно, затем до 1910 г. в Калуге, и в 1910–1914 гг. – в Ревеле (Таллинне). Такие частые переезды были вызваны работой отца, служившего тогда в Министерстве земледелия. Лето маленький Александр проводил в имениях отца и бабушек (одна из которых, Мария Александровна, была из рода Толстых) в Казанской и Тульской губерниях. Родители и бабушки брали его за границу – в детстве он побывал во Франции, Италии, Швейцарии, Германии и Австрии.

С началом I Мировой войны отец А.Л. Казем-Бека ушел добровольцем в действующую армию, в чине корнета, в Уланский Императрицы Александры Федоровны полк. Мать его переехала в Царское Село, где был развернут лазарет этого полка. Там Александр поступил в гимназию, и к началу революции успел закончить 6 классов.

Лето 1917 г. Казем-Беки провели в казанском имении. В ноябре семья переехала в Казань, где с ними соединился отец. Оттуда они через Москву выехали в Минеральные Воды, затем в июне 1918 г. в Одессу. Оттуда Л. Казем-Бек отправился в Киев, рассчитывая проехать в Ревель, а Александр с матерью переехали в Ростов-на-Дону, а потом в Екатеринодар. Вскоре отец был назначен уполномоченным Красного Креста на Сочинский район, и лето 1919 г. семья провела в Сочи. Там Александр болел малярией и ездил ле-

читься в Кисловодск. В ноябре он был мобилизован в Белую армию, но в декабре заболел заражением крови от прививки против сыпного тифа. Три недели его лечили в екатеринодарском военном госпитале, а потом эвакуировали в Новороссийск, где находилась его семья.

19 февраля 1920 г. на борту парохода «Иртыш» Казем-Беки покинули Россию и прибыли через Константинополь и Салоники в Белград. В мае того же года Александр выдержал экзамен на аттестат зрелости в г. Панчево, а в сентябре поступил в Белградский университет. Параллельно он работал переводчиком в Комитете по делам русских беженцев в Белграде, так как быстро сумел освоить сербо-хорватский язык. В мае 1921 г. он переехал в г. Печ, вскоре, по результатам плебисцита, отошедший к Венгрии. Тогда Александр Казем-Бек переехал в Будапешт, а в ноябре – в Польшу, где женился на Светлане Александровне Эллис. В декабре с женой он уехал в Мюнхен, где поступил в политехникум на факультет политической экономии.

Именно там, по причине сравнительной дешевизны, и состоялся по инициативе русского студенчества Виленского, Рижского, Гельсингфорского, Пражского, Карлова и Белградского университетов февральский съезд 1923 г., избравший почти единогласно Казем-Бека главой созданной там организации. Побыв некоторое время в Мюнхене, Казем-Бек переехал во Францию, где обосновался уже окончательно. Туда же, естественно, переместился и центр возглавляемой им организации. Однако ряд трудностей материального плана не позволял Союзу развернуть широко свою деятельность вплоть до 1929 г. Сам Казем-Бек в конце 1925 г. сдал экзамены в высшей Социальной и Политической Школе в Париже и устроился начальником отдела размена иностранных валют в банке Монте-Карло (Монако).

В Париж Казем-Бек вернулся в 1929 г., когда обстоятельства позволили активизировать работу организации, что потребовало его присутствия.

Император Кирилл Владимирович обращает свое внимание на Союз младороссов и одобряет их деятельность в своем октябрьском обращении 1929 г. Постепенно младоросские идеи получают все большее развитие на страницах младоросской печати. Первая газета «Младоросс» начала выходить еще в 1928 г. Одновременно вводятся в практику другие виды деятельности, в частности, проведение собраний или участие в собраниях других организаций. 16 октября 1929 г. в «Возрождении» появляется заметка Л.Д. Любимова «Праздник младороссов», посвященная банкету в ресторане на бульваре дю Тампль по случаю 5-летия Манифеста 1924 г. «Младороссы, – представляет читателям эту организацию Л. Любимов, – довольно оригинальная политическая организация, группирующая несколько десятков молодых людей. По своей идеологической сущности, она, отчасти, родственна фашизму, отчасти евразийству и национал-большевизму. Но в то же время младороссы монархисты, более того, они убежденные и непреклонные легитимисты»<sup>5</sup>. На банкете присутствовали около 300 человек, в том числе представители югославской миссии и известные журналисты Клод Анэ и Фаралис; а также великий князь Андрей Владимирович, начальник Парижского округа Корпуса Императорских армии и флота генерал П.П. Дьяконов, начальник Канцелярии его императорского величества капитан 2-го ранга Г.К. Граф; заместитель председателя Государева совещания А.А. Башмаков и представители крайне-правых – П.Н. Крупенский и Л.Б. Билинский.

Во главе организаторов собрания были А.Л. Казем-Бек, генеральный секретарь Союза младороссов К.С. Елита-Вильчковский и светлейший князь В.А. Романовский-Красинский, сын великого князя Андрея Владимировича отmorganatiche-

ского брака с М.Ф. Кшесинской. Речи на банкете были написаны заранее и раздавались в напечатанном виде.

Младороссам удалось организовать целую серию такого рода мероприятий. В 20-х числах ноября 1929 г. в кафе «Ротонд» в саду Пале-Рояль проходит первое открытое собрание младороссов, на которое Л. Любимов откликается заметкой «Неомонархические совдепы»<sup>6</sup>. На собрание пришло около 100 человек, среди почетных гостей был вновь великий князь Андрей Владимирович. Выступали А.Л. Казем-Бек, К.С. Елита-Вильчковский, Ю.В. Арсеньев, светл. кн. В.А. Романовский-Красинский и К.Г. Шевич. Последний резко критиковал лозунг «непредрешенчества», взятый на вооружение РОВСом и рядом других эмигрантских организаций. А.Л. Казем-Бек говорил о «неомонархизме», в чем Л. Любимов усмотрел влияние французского правового мыслителя и политика Ш. Моррасса. Выступали и гости, причем представители крайне правых Н.Е. Марков-II и П.Н. Крупенский мягко критиковали некоторые чересчур нетрадиционные моменты в выступлениях младороссов, а конституционный монархист Е.А. Ефимовский похвалил их за «новое слово».

Что же нового содержалось в идеологии младороссов? Прежде всего, они отказывались от безоговорочно отрицательной оценки революции как явления. Несчастье в том, что революция пошла по антинациональному пути, что руководство ею оказалось в руках безбожников и инородцев, чуждых интересам России. Однако сама по себе революция была вызвана объективными причинами. Возврат к старому невозможен – необходимо лишь направить революцию на национальный путь и осуществлять ее под покровительством легитимной власти императора из Дома Романовых. Для того чтобы донести эту идею до советского народа, нужно не отгораживаться от него, не проклинать огульно все, что существует в Советской России, а постараться понять психологию

и чаяния «нового человека». Этот «новый человек», появившийся в России, представлялся младороссам весьма привлекательно. Они склонны были доверять советской пропаганде, но видели в успехах, подлинных или мнимых, свидетельство не преимуществ коммунистического строя, а силу «нового человека», который должен стать опорой грядущей «социальной монархии».

Взгляды младороссов эволюционировали в сторону все большей увлеченности процессами, происходившими в СССР. Так, на конференции «К молодой России или к советской Европе», состоявшейся в мае 1931 г., младороссы, в частности А.Л. Казем-Бек, М.В. Штенгер и А.К. Ляпунов, говорили о пятилетке, как о плане, влекущем увеличение уровня производства для создания базы дальнейшей коммунистической экспансии, но за счет снижения жизненного уровня. В августе 1931 г., однако, К.С. Вильчковский в № 11 «Младоросса» публикует статью «Строительство душит коммунизм», где о советском строительстве уже говорится положительно.

Критик младороссов солидарист Р.П. Рончевский (Р. Петрович) язвительно замечает: «Итак, за два месяца “создание базы мировой революции” превратилось в “народное строительство”»<sup>7</sup>.

Свое развитие младоросская идеология получила в центральном органе Союза «Младороссской Искре», первый номер которой вышел 1 августа 1931 г. Единомыслие младороссов и главы династии с самого начала нарочито подчеркивалось. В № 1 приводятся слова Кирилла Владимировича, произнесенные во время всеподданнейшего доклада Главного совета Союза младороссов 13 июля 1931 г.: «Я неоднократно подтверждал, что вера моя в русский народ непоколебима. Я всегда был убежден, что коммунизм изживет себя, и на его развалинах вырастут новые, живые силы народа, которые и возьмут власть в свои руки. Это теперь и начинает

сбываться. Эти силы выведут Россию на путь возрождения и создадут ей великое будущее. Моя задача и заключается в том, чтобы помочь выявлению этих русских народных сил»<sup>8</sup>.

В № 10 «Младороссской Искры» от 15 декабря 1931 г. опубликовано «Извлечение из руководящих указаний Канцелярии его императорского величества» (№ 4 от 27 августа 1931. – А.З.), в котором звучит тот же мотив: «Каждый патриот должен гордиться, что русский народ, несмотря на весь ужас установившегося режима, проявляет стремление к воссозданию своей страны». «Если отрицать зарождение в России нового человека и новой жизни и считать, что весь народ превратился в стадо угнетенных рабов, безличных и неспособных на творчество, то это будет равносильно признанию гибели нашей Родины. Но к Нашему великому счастью это не так»<sup>9</sup>. В «Указаниях» подчеркивалось, что «нельзя и ныне продолжать верить в то, что эмиграция вернется в Россию силою оружия и там «наведет порядок»<sup>10</sup>. Деятельность Союза младороссов одобрялась открытым текстом: «Все вышеизложенное характеризует работу, проводимую ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ и то одобрение, которым пользуется работа Союза младороссов, всецело исповедующих ЕГО взгляды и жертвенно и энергично работающих в направлении их осуществления. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО не делает никакого различия между младороссами и другими верноподданными, между старым и новым поколением, ЕМУ все одинаково нужны, поскольку они стремятся понять ЕГО мысли и содействовать проведению ЕГО предначертаний и не мешать ЕГО работе»<sup>11</sup>.

Одобрение со стороны главы династии играло огромную роль для младороссов. Император Кирилл неизменно отвергал все попытки скомпрометировать в его глазах младороссов<sup>12</sup>. Брат императора великий князь Андрей Владимирович на первых порах помогал Союзу, а великий

князь Дмитрий Павлович и князь императорской крови Дмитрий Александрович с воевода Кирилла I вступили в 1934 г. в Младоросскую партию, причем первый принял руководство Главным советом и Спортинным отделом Младоросской партии. Великий князь Дмитрий Павлович симпатизировал младороссам с самого начала. «Волнительно видеть тот огонь, который в вас горит, ту искру, которая собрала вас воедино, тот порыв, который всех увлекает, ту работу, которую вы так самоотверженно ведете на благо Родины, — говорил он на собрании Парижских очагов Союза младороссов 12 мая 1931 г. — Ваше имя — “младороссы”... сколько поэзии, сколько глубокого, волнующего душу смысла в этом слове, выражающем вашу веру и стремление к грядущей молодой России. Сколько обещаний в этом слове»<sup>13</sup>.

Младороссы принимали участие в составлении ряда актов, изданных императором Кириллом Владимировичем. В особенности это относится к нашедшемуся в 1932 г., вызвавшему бурю протестов со стороны крайне-правой эмиграции. В газете «Возрождение» заметка по этому поводу была озаглавлена «Трагедия русского монархизма»<sup>14</sup>. В ней Обращение было охарактеризовано как «удар по династии», и содержались намеки на младоросское авторство. Заметка была написана Л. Любимовым, который не подписал ее (подпись под заметкой стояла «Русский»), и признал свое авторство лишь в феврале, полемизируя с проф. А. Геруа, защищавшим Обращение<sup>15</sup>.

Бывший дворцовый комендант Николай П. В.Н. Воейков в своих воспоминаниях «С царем и без царя» называл Обращение туманным «сочувствием уничтожению капитализма и одобрением новым социалистическим путем»<sup>16</sup>. Это было, конечно, явной натяжкой, так как Обращение выдержано, в общем, в антикоммунистическом духе, хотя содержит также и антикапиталистические тенденции: «Капитализм

выродился в форму порабощения народных масс незначительным меньшинством. Народы начинают прозревать, и разгорается борьба против порабощителей»<sup>17</sup>. То есть Обращение составлено скорее в духе идей фашизма, претендующего на роль третьей силы, чуждой крайностям и порокам капитализма и коммунизма. Характерно, что далеко не все представители крайне правого сектора эмиграции восприняли само Обращение отрицательно. Н.Е. Марков-ИИ, перешедший к тому времени в лагерь легитимистов и возглавивший «Комитет призыва к объединению вокруг Главы императорского дома», даже выпустил специальное обращение в защиту Новогоднего Акта 1932 г.<sup>18</sup> Правда, те же представители крайне правых из числа верноподанных не одобрили интерпретации, которую императорское Обращение получило у младороссов и вообще проявляли все сильнее свою враждебность к монархической молодежи. 7 февраля император Кирилл прибыл из Сен-Бриака в Париж и на квартире П.Н. Крупенского встретился с представителями правых легитимистов (ок. 50 человек). Младороссы приглашены не были. Генерал Н.А. Лохвицкий и А.А. Башмаков выражали преданность, но критиковали некоторые положения Новогоднего обращения, высказывали претензии к младороссам. Затем последовала заметка в «Возрождении», в которой Кириллу Владимировичу приписывались слова: «Младороссы часто делают своими писаниями и заявлениями повод к неправильному толкованию моих слов, прикрывая, как выражаются моряки, “свой груз” моим флагом»<sup>19</sup>.

Но симпатии главы династии лежали на стороне младороссов. Заметка в «Возрождении» 8 февраля 1932 г., инспирированная П. Крупенским и Д. Любимовым, вызвала высочайшее негодование. Начальник Канцелярии его императорского величества Г.К. Граф писал И.И. Горбову: «Государь считает этот случай величайшим предательством со стороны означенных лиц, своего рода ударом ножом в спину»<sup>20</sup>.

11 февраля в почто-телеграмме на имя А.Л. Казем-Бека Кирилл Владимирович объявил, что «Союз может быть спокоен, что несправедливыми нападениями не может быть поколеблено мое доверие к нему»<sup>21</sup>.

Позднее, как уже говорилось, именно с санкции императора в Младоросскую партию вступили великий князь Дмитрий Павлович и князь Дмитрий Александрович, чему Кирилл Владимирович выразил одобрение в поздравлении младороссам от 18 июня 1935 г.<sup>22</sup>

Когда в 1931 г. А.Л. Казем-Бек серьезно заболел, он был помещен в санаторий в Сен-Бриаке, неподалеку от резиденции Кирилла Владимировича, и императрица Виктория Федоровна лично за ним ухаживала. Это красноречиво говорит о том, что императорская семья испытывала симпатию как к идеологии младороссов, так и лично к самому А. Казем-Беку.

Подавляющее большинство аспектов идеологии младороссов базировалось на принципах, высказанных Кириллом Владимировичем еще до его контактов с Союзом. Так, надежды на то, что сама Красная армия свергнет коммунистов, содержались еще в Манифесте 1924 г.<sup>23</sup> А в обращении 1 января 1925 г. Кирилл Владимирович заявил: «Я ни в коем случае не могу стать на точку зрения тех вождей, которые сочли бы возможным поддаться искушению воевать со своими соотечественниками, опираясь на иностранные штыки, как бы еще ни заблуждались в данное время русские народные массы. Под лозунгом борьбы с большевиками, вожди эти принесут нашему Отечеству порабощение его самобытности, расхищение его природных богатств, и может быть, и отторжение еще новых областей и оттеснение от выходов к морям»<sup>24</sup>.

Все это было одним из главных составляющих младоросской идеологии, которая сама сформировалась позже издания цитированных обращений. Поэтому

соответствуют действительности слова памятки «Что каждый должен знать о Союзе младороссов» о том, что «Государь Император Кирилл Владимирович определил основные пути будущей Монархии, разработка которых является предметом программы Союза младороссов»<sup>25</sup>. Подвести итог этому обзору отношений младороссов с Главой Дома Романовых можно словами Великого князя Дмитрия Павловича: «Династия связывает вас непосредственно с традицией прошлого, давая младоросскому движению право на наследие российской исторической традиции».

С начала 1930-х годов начинается стремительный взлет Союза Младороссов, достигший своего пика к 1935 г. Лозунг «Лицом к России» неудержимо привлекал в ряды младороссов эмигрантскую молодежь, активную, энергичную, готовую к жертвенной работе. Но в отличие, например, от Национально-трудового союза нового поколения, младороссы видели эту активность не в террористической деятельности, а в подготовке кадров для переустройства России в рамках национальной революции под скипетром легитимного монарха. И советская действительность в их сознании оказывалась окруженной романтическим ореолом, так как они понимали, что донести свои идеи до советского народа смогут лишь говоря на его языке. «Наши идеи перевести на язык, которым изъясняется новый человек в России»<sup>26</sup>. Этот язык, заимствованный из тщательно изучаемых младороссами советских газет, использовался и в программных документах, и в делопроизводстве, и в газетных статьях. Иногда это звучит даже забавно, как-то слишком покомсомольски: «Очаги подтягиваются. Из Праги 19-й очаг рапортует Главе Союза. 19-й Пражский агитационно-пропагандистский Очаг Союза младороссов, закончив работу по выполнению задания первой четвертьгодовки Союза младороссов в Чехословакии ко дню всесоюзного

младоросского праздника шлет Вам горячий привет и свои заверения, что благодаря достигнутому количественному увеличению кадров Очага и поднятию их квалификации, задание второй полугодовки Союза младороссов будет выполнено ударным темпом на все 100 процентов точно и своевременно. Старшина 19-го Очага старший младоросс П. Агапов. Секретарь М. Ленкевич»<sup>27</sup>.

Л. Любимов в «Возрождении» иронизирует и над отношением младороссов к советскому строительству и пятилетнему плану. В заметке «Социалисты-капиталисты и монархисты-социалисты» о прениях по докладу А. Керенского, с которым полемизировали младороссы Добужин и Штенгер, Любимов пишет: «В заключение проф. Марков прочел младороссам и прочим находившимся в зале молодым людям лекцию о несостоятельности пятилетки, несомненно, однако, не произведшую на этих молодых людей никакого впечатления»<sup>28</sup>.

Листая подшивку «Младоросской Искры», можно четко увидеть, как формировалась идеологическая база младоросского учения. В № 2 провозглашался лозунг «К Социальной Монархии» со следующими тезисами: «Принцип не умирает – умирает форма. Революция есть смерть старого типа Монархии и рождение Монархии нового типа»<sup>29</sup>. В № 3 заявлялось «Пролетариат будет опорой Монархии», ибо к 1930 г. «РУССКАЯ НАЦИЯ ФАКТИЧЕСКИ СТАЛА НАЦИЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ»<sup>30</sup>. В № 6 напечатано воззвание «РУССКИЙ ЦАРЬ освободит трудящихся от ига красных и золотых паразитов»<sup>31</sup>, а в № 7 уже обращаются к «завтрашним соратникам» – «первым читателям “Младоросской Искры” на Русской земле»<sup>32</sup>. К этому времени младороссы полагали, что их идеи уже начали доходить до советских граждан. Вероятнее всего, это была абсолютная иллюзия, если, конечно, не считать работников специального отдела ГПУ.

В декабре 1931 г. А.Л. Казем-Бек выступил с обширным программным докладом «Генеральная линия Союза младороссов»<sup>33</sup>. На собрании, где он был оглашен, присутствовали представители всех течений – от Н.Е. Маркова-II и П.Н. Крупенского до эсеров и кадетов. «Крайне правые и эсеры, – пишет Л.Д. Любимов, – тщательно записывали все, что говорил Глава младороссов, видимо, на будущих собраниях собираясь его “раскатать”»<sup>34</sup>. В докладе А. Казем-Бек определил «генеральную линию» как «направление усилий Союза младороссов к определенным планам действий, согласование отдельных решений и сведение их в одну систему». В докладе объявлялось категорическое неприятие «непредрешенчества». Русская национальная революция должна идти «по пути наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности». Рассуждая о «воле или судьбе», А.Л. Казем-Бек утверждал, что «в каждый данный момент исторических возможностей несколько». В том, что произошло и происходит в России, есть и судьба, и результат воли. «Значение сознательной воли и заключается в выборе одной из исторических возможностей».

Революционность духа эпохи привела старое государство к неизбежному крушению. На его развалинах возникли «временные системы». Параллельно с этим выработался «новый тип» человека – «человека социальной эпохи». Большую роль А. Казем-Бек отводил пролетариату. «В связи пролетариата с коммунизмом заключается вся сила нынешней власти в Советском Союзе». Но коммунизм – не жизненная сила, и лишь мешает народному строительству, «тормозит общую эволюцию страны». Он сам из экономической доктрины переродился в «религиозное учение», стал консервативен, что противоречит «прогрессивности нового человека». То, что режим еще пользуется поддержкой, есть лишь трагическое временное недоразумение, и «вся пропаганда сознательных борцов за национальную революцию

должна быть направлена на разрушение именно этой противостественной и временной связи между задачами коммунистической доктрины и реальной России». Эмиграция должна понять, что она есть лишь «вспомогательная сила», а решаться все будет «там». В решительный момент Национальной Революции, эмиграция должна будет «дать России не только чеканные идеи и точные лозунги, но и обученных, отчетливых людей». Враждебность к «советскому» недопустима — «ров между русскими людьми должен быть засыпан». Подводя итог всему сказанному, Казем-Бек утверждал, что младоросская генеральная линия — единственно возможная в условиях эмиграции, чем, безусловно вызвал гнев всех прочих организаций. Нападки на младороссов уже стихли. Появилась и информация о первой реакции на младоросское движение в СССР. «В России младороссов пытаются изобразить зловещими зубрами, несущими расправу и реставрацию. За рубежом младороссов пытаются изобразить пособниками и чуть ли не наймитами коммунистов. Кому нужно скомпрометировать младороссов по обе стороны рубежа? Ответ ясен: это нужно тем, кому младороссы могут быть опасны. Это нужно коммунистической власти — писала «Младоросская Искра». — Мы располагаем множеством данных, свидетельствующих о намерении коммунистических агентов за рубежом покончить с младоросским движением»<sup>35</sup>.

Впрочем, и без происков советских агентов у «старой» эмиграции было достаточно причин ненавидеть младороссов. Последние горячо отбивались от обвинений в провокационности, причем иногда в буквальном смысле слова. В этих действиях чувствуется какой-то юношеский задор. Например, 10 января 1932 г. произошёл нашумевший инцидент, когда старший младоросс ротмистр Флери нанес пощечину светлейшему князю М.К. Горчакову, владельцу антисемитского изда-

тельства «Долой зло». Дело обстоит так: Горчаков публично обвинил младороссов в том, что они финансируются большевиками. Светлейший князь В.А. Романовский-Красинский потребовал извинений, но Горчаков лишь продолжал повторять свои обвинения и отказался говорить с Красинским. Тогда Флери влепил ему пощечину. Горчаков прислал к Красинскому двух представителей, требовавших извиниться. В ответ на это Руководящий центр Союза младороссов предписал старшим младороссам кн. М.Н. Чавчавадзе и Ю.В. Дарагану довести до сведения Горчакова, что они не будут вести с ним переговоры, пока он не откажется от клеветы, а ротмистр Флери вдобавок послал Горчакову письмо, в котором подтверждал, что пощечину нанес именно он. Эта история нашла отражение в № 12 «Младороссской Искры» от 1 февраля 1932 г. Правда, после этого Казем-Бек запретил младороссам рукоприкладство под угрозой исключения из организации.

В отношении стран, ставших центрами русского рассеяния, младороссы придерживались принципа полной лояльности. Характерна их реакция на убийство 6 мая 1932 г. французского президента П. Думера русским эмигрантом-маньяком П. Горгуловым. После ранения президента лично А.Л. Казем-Бек и несколько младороссов явились в госпиталь Божон, чтобы предоставить свою кровь для переливаний. Казем-Бек направил телеграмму премьер-министру А. Тардье, изъявляя готовность и впредь давать кровь. Когда же президент скончался от ран, А. Казем-Бек во главе делегации прибыл 11 мая к его гробу, чтобы возложить венок от Союза младороссов. Венок от императора Кирилла Владимировича также возложили члены Центрального совета Союза младороссов Б.К. Лихачев и светлейший князь В.А. Романовский-Красинский.

Наряду с различными публичными акциями младороссы продолжали свои теоретические разработки. 3 октября 1932 г. в

Париже на общем собрании парижских очагов Союза младороссов в присутствии Казем-Бека и членов Руководящего Центра с докладом «Наши Ставки»<sup>36</sup> выступил К.С. Елита-Вильчковский. В выступлении звучат те же мысли, что и в докладе Казем-Бека: «В России нет еще ничего постоянного и окончательного. Определенны сейчас только тенденции процессов». «Общая тенденция эволюции – в сторону мирного труда и национального сознания. В одной этой эволюции лежит опыт анархии и опыт импортированного социализма. Под знаком этих тенденций должна пройти национальная революция». Интересные мысли К. Елита-Вильчковский высказывает по поводу пятилетки и явления «ударничества». Оно, по его мнению, явление само по себе ненормальное и вредное с точки зрения экономики. Но «психологически ударничество в России – положительный симптом», «ударничество экономически вредно, но ударник – ценный работник». Трудно не согласиться с этими словами.

К. Елита-Вильчковский констатирует конец «старой гвардии» большевизма. В этом он находит следствие постепенного отрезвления основной массы народа, которая, будто бы «на опыте открывает ценности, которые считали выдумкой буржуазии».

К. Елита-Вильчковский находит, что в самой ВКП(б) зреют национальные силы. В качестве исторического прецедента он ссылается на статистику Тэна, подтверждающую, что после французской революции многие ее деятели поддержали монархию и остались на своих местах.

Где же в первую очередь видел эти национальные силы К. Елита-Вильчковский? Дадим ему слово: «...Одна спокойная и самоуверенная сила – Реввоенсовет. За ним армия. Армия – единственный аппарат, построенный на естественных здоровых основаниях, – единственный аппарат, где есть гармония между массой и вождем». «Молодая сила комсомола не столько поддерживает власть, сколько

давит на нее. Она несет свой стиль – крестьянский, собственнический, с романтикой и духовными запросами».

Итак, армия и комсомол. Но есть, оказывается, еще и народившиеся новые слои нации. Пятилетка, якобы вызвала процессы зарождения этих слоев. «Упомяну о двух – говорит Елита-Вильчковский – 1) о процессе “крестьянизации”, т.е. прилива крестьян в города, вследствие нужды в рабочих руках; 2) о процессе образования слоя мелких капиталистов – держателей государственных займов и сберегательных книжек». «Они не коммунистические, но советские, – члены того переходного мира, который уже не коммунистичен, и еще не национален». Мы не можем не заметить, что в ряде моментов здесь К. Елита-Вильчковский рисует картину «с точностью до наоборот». В его выступлении выдавание желаемого за действительное достигает максимальных размеров. В самом деле, не «крестьянизация», а раскрестьянивание происходило в Советском Союзе, и никаких «мелких капиталистов» не было и в помине.

Подводя черту под своими размышлениями, Елита-Вильчковский говорит, наконец, на кого собирались «ставить» младороссы в СССР: «Мы приветствуем:

- тех вождей, которые от коммунизма переходят к национализму;
- тех, кто стремится найти новые пути – ударников и энтузиастов;
- нового интеллигента и спецов;
- верующих;
- молодежь;
- кулака и колхозника (!? – А.З.)
- красноармейца-националиста и рабочего труженика».

«Эти силы будут объединены в день Национальной Революции. Их сотрудничество – наша программа»<sup>37</sup>.

Выступление К. Елиты-Вильчковского, при всех его необоснованных моментах, дает четкое представление о взглядах младороссов. К этому же периоду относится и начало декларирования родства идеологии младороссов и итальянских



фашистов. В «Младоросской Искре» начинают публиковать переводы статей Б. Муссолини и других лидеров фашистской Италии, а также статьи самих младороссов с обоснованием фашизма. Как уже говорилось, в итальянском фашистском движении, не порвавшем с традицией (прежде всего с монархией), младороссы черпали источник вдохновения и надежд.

А. Казем-Бек, выступая на собрании Парижских Очагов 3 октября, в докладе «Монархия» дал ряд четких формул понимания младороссами будущего государственного строя России: «Государство должно быть исключительно мощным, исключительно организованным, предельно простым, т.е. органическим, безусловно беспристрастным, надгрупповым, надпартийным, надклассовым, надсословным, а в России даже – наднациональным». «Роль Монарха полностью выражается в нескольких словах: множественность, преломляясь в личности, создает единство». Этими постулатами определяется отношение младороссов к потенциальному диктатору, призванному свергнуть коммунизм: «Младороссы поддержат всякого правителя, который возглавит новый этап государственного возрождения, но они поддержат его постольку, поскольку его водительство будет приближать Россию к логическому и естественному завершению революционного процесса, т.е. к возглавлению нации природным Царем». Таким образом, младороссы ожидали появления «российского дуче», которого они готовы были поддержать.

Если итальянская модель фашизма была для младороссов привлекательна, то германский национал-социализм вызывал нарастающую тревогу. В 1933 г. нацисты пришли к власти в Германии. Подводя итог ушедшему году, «Младоросская Искра» называла его «переломным» и предостерегала: «Германская революция превращается в угрозу для России»<sup>38</sup>. В ближайшее время России предстоит не только «освободиться изнутри», но и «за-

щититься вовне»<sup>39</sup>. Антигерманский пафос сохранялся у младороссов с самого начала до самого конца. И хотя А. Казем-Бек в конце сентября 1933 г. и принял участие во встрече в Берлине с князем П. Бермондт-Аваловым, возглавлявшим прогермански ориентированный Российский обще-национальный союз и лидером Всероссийской фашистской организации А. Вонсяцким, сами итоги (вернее их отсутствие) этой встречи говорят о позиции младороссов.

К 1934 г. Младоросская партия приобрела более или менее законченный вид, как в организационном, так и в идеологическом плане. Интересные данные приводит «Младоросская Искра» № 35 и № 38. Очагами и ячейками Союза младороссов к началу 1934 г. были охвачены Италия, Персия, Болгария, Сирия и Ливан, Египет, Эстония, Норвегия, Польша, Литва, вольный город Данциг, Южная Америка, Австрия, Чехословакия, Соединенные Штаты, Бельгия, Франция, Швейцария, Англия, Югославия, Германия, Дальний Восток, Финляндия, Греция, Латвия, и даже... СССР (что, впрочем, весьма сомнительно, если не считать потенциальных младороссов в лице комсомольцев и колхозников. Всего существовало 57 очагов и 39 ячеек, а еще 25 ячеек были в стадии формирования. В административном отношении Союз младороссов делился на представительства (по странам), бригады, очаги, ячейки (или звенья) и посты (или пикеты). Над всей этой довольно сложной системой стоял пожизненный несменяемый глава, осуществлявший руководство посредством Руководящего центра, состоявшего из Генерального секретариата, отдела личного состава, отдела подготовки кадров и генерального контроля. Кроме этого, из числа руководящих органов существовал Казачий центр в Праге и отделы – агитационно-пропагандистский, информационный, иностранный и связи с СССР. Союз младороссов издавал ряд газет, крупнейшими из которых были

«Младоросская Искра» (центральный орган), «Казачий Набат» (орган Казачьего центра), «Молодое Слово» (Болгария, орган Руководящего центра); «Новый Путь» (орган Р.Ц. на Дальнем Востоке); и два журнала – «Норд-Ост 23» – орган Военно-Морского Очага и «Народно Руско» (на чешском языке, орган РЦСМ в Праге). Выходили и внутрисоюзные органы связи – различные «Оповещения» представительства; «Инструкции» и т.д.

Младороссы сформулировали в окончательном виде и свои программные документы. Именно в 1934 г. опубликованы «Младоросские установки»<sup>40</sup>; «Тезисы Младоросских доктрин» (национальной и «доктрины Российской Союзной Империи»<sup>41</sup> и «Что каждый должен знать о Союзе младороссов»<sup>42</sup>.

Получила оформление и внешняя символическая сторона Союза младороссов. Формой и отличительным знаком младороссов были синие рубашки. Казем-Бека они приветствовали возгласом «Глава!» К началу 1934 г. была принята и эмблема – серебряная держава на синем фоне, которая изображалась «на всех знаменах, отличиях и печатях Союза младороссов»<sup>43</sup>. Кроме того, существовала особая награда в виде нагрудных знаков, где на черно-золото-белом фоне помещалось изображение Романовского герба – грифона.

Вызывают интерес статистические данные младороссов о своей организации. Опять же на январь 1934 г. средний возраст членов составлял 36 лет. Из них участниками I Мировой войны были 48%, 27% участвовали в Гражданской войне и 25% не проходили военной службы, 61,8% младороссов имели среднее образование, 13,2% – высшее и 25,8% – низшее.

Представляя, таким образом, довольно большую и свежую силу в русской эмиграции, Союз младороссов тем не менее испытывал, конечно, финансовые затруднения. В 1934 г. начались перебои с выходом «Младоросской Искры». Тогда с 1 ноября 1934 г. младороссы предпринимали новое издание – «Бодрость», мало-

форматный дешевый бюллетень (первоначально он стоил всего 25 сантимов). Редакция во главе с Б. Скрыльниковым располагалась в «Младоросском Доме» на рю д'Аллерз, 24.

1935 год стал для младороссов вершиной их развития. 12 июня на собрании в Париже А. Казем-Бек провозгласил создание Младоросской партии, претендующей на роль «второй советской партии», призванной совершить наконец национальную революцию. На том же собрании была оглашена Программа этой партии. «Программа-максимум» заключалась в «Социальной Монархии», а «Программа-минимум» являла условия сотрудничества с властью – прекращение религиозных гонений, признание доминирующей роли русской национальности и отказ от лозунга «классовой борьбы»<sup>44</sup>.

Совещательным органом при главе партии стал Главный совет. Его возглавил вступивший в партию в 1935 г. великий князь Дмитрий Павлович. Тогда же в партию вошел и князь императорской крови Дмитрий Александрович. Это было огромным плюсом для престижа Младоросской партии.

В конце октября 1935 г. по инициативе Дмитрия Павловича прошел съезд младороссов в Сен-Бриаке, где 20 октября состоялся банкет с церемонией представления членов партии императору Кириллу, наследнику цесаревичу Владимиру Кирилловичу и великой княжне Кире Кирилловне. Этим актом была подкреплена поддержка младороссам со стороны династии.

Тяжелым ударом стала для младороссов кончина 3 марта 1936 г. императрицы Виктории Федоровны. Виктория Федоровна чрезвычайно высоко ценила младоросское движение, защищала его, а младороссы в свою очередь были ей особенно преданы. В своем Обращении к младороссам по поводу кончины императрицы А. Казем-Бек говорил о ее смерти, как об «исключительно тяжелом моменте»<sup>45</sup>.

Сильнейшим потрясением стал скандал, разразившийся в августе 1937 г. и нанесший серьезный ущерб репутации Казем-Бека. 31 июля его видели в кафе «Руаяль» около церкви св. Магдалины в обществе графа Алексея Алексеевича Игнатьева, бывшего военным атташе Российской Империи в Париже, а потом представителем СССР и будущим главным инспектором военно-учебных заведений в Советском Союзе. Свидетелями свидания А.Л. Казем-Бека с советским эмиссаром стали бывший посол в Вене Н.Н. Шебеко, редактор «Возрождения» Ю.Ф. Семенов, полковник Генштаба С.С. Писаревский с супругой и корреспондент «Возрождения» М. Алексеев<sup>46</sup>.

Встреча с Игнатьевым была расценена эмиграцией как неопровержимое доказательство связи А. Казем-Бека с ГПУ. Отныне эти обвинения, ранее чисто голословные и откровенно вызванные идейными разногласиями, приобрели реальную почву. Справедливости ради надо отметить, что инцидент в кафе «Руаяль» очень похож на провокацию, особенно учитывая собрание там в этот момент столь большого числа свидетелей.

Младороссы всегда искали контакта с советскими представителями. Это логически требовалось всей их идеологией и тактикой. Император Кирилл был проинформирован об этом виде деятельности, не запретил ее, но считал, что подобные связи могут иметь смысл только при условии строжайшей конспирации. Младороссы должны были найти союзников внутри СССР, но не «засвечивать» их, к тому же компрометируя себя. Казем-Бек получил строгий выговор, однако исправить уже ничего было нельзя.

Еще в июле 1937 г. А. Казем-Бек подал в отставку с должности докладчика при императоре по иностранным делам, сознавая что «не имеет права обременять великой ответственностью Государя своими действиями». Одновременно начальник канцелярии Е.И.В. Г.К. Граф был

освобожден от обязанностей Начальника административного управления Младоросской партии. Официально этот вопрос был решен еще до инцидента в кафе «Руаяль», но для общественного мнения происшедшие события нерасторжимо связывались между собой.

Со смертью 12 октября 1938 г. императора Кирилла Владимировича связь Партии младороссов с Династией прервалась. Новый глава Дома Романовых великий князь Владимир Кириллович был настроен значительно более консервативно. Хотя ни с его стороны, ни со стороны младороссов не наблюдается взаимной неприязни (в своих воспоминаниях «Россия в нашем сердце» великий князь упоминает Союз младороссов как монархическую организацию, «которая... какое-то время играла довольно важную роль в жизни эмиграции»)<sup>47</sup>, ни о какой слаженной работе речи уже быть не могло. Великий князь Дмитрий Павлович был отозван из Младоросской партии. Молодой государь возложил на своего двоюродного дядю курирование всех молодежных организаций русской эмиграции.

Оценка событий у главы династии и Младоросской партии перестала совпадать. Так, великий князь осудил СССР в войне с Финляндией, усматривая в ней попытку коммунистической экспансии<sup>48</sup>, а младороссы полагали, что действия Советского Союза объективно служат национальным интересам России. Монархическая тема постепенно затухает в младоросских изданиях. Начинается агония — то, о чем еще в 1934 г. писал начальник Канцелярии Е.И.В. Г.К. Граф: «Союз (младороссов) настолько тесно связан с легитимным движением своей идеологией, что его уход из движения невозможен, как, скажем, уход фашистской партии от Муссолини. Если бы Союз ушел из движения, то ему пришлось бы отказаться от всех своих принципов и, следовательно, перестать быть Союзом

младороссов, что повлекло бы полный ракол и умирание Союза»<sup>49</sup>.

С началом II Мировой войны А. Казем-Бек, в согласии с ранее высказанными мыслями, что русские патриоты должны в этой ситуации поддержать Англию и Францию, направил телеграммы французскому и английскому премьер-министрам, предоставляя Партию в распоряжение союзных армий. Такая позиция младороссов было вызвана их несомненной уверенностью, что следующий удар Германии нанесет по России. «Россия будет, конечно, ближайшей целью германской экспансии, — пишет А. Казем-Бек. — Скоро стране нашей придется сдавать самый ответственный экзамен всей ее истории»<sup>50</sup>.

Однако и антикоммунистические лозунги младороссы не снимали до самого конца. Фраза «Против Сталина и против Гитлера», обычно приписываемая власовцам, принадлежит на самом деле младороссам, которые устами своего генерального секретаря К. Елиты-Вильчковского еще в 1940 г. провозгласили: «Против Сталина и против Гитлера — наш лозунг»<sup>51</sup>. Причем у младороссов он звучал гораздо более искренно, чем у тех же власовцев.

Мы видим, что обвинения младороссов в том, что они выступили на стороне Франции лишь под угрозой репрессий со стороны французских властей, совершенно неосновательны. Аресты начались гораздо позже, и были вызваны, скорее, обратной причиной — перед капитуляцией Франции отделяться от лиц, одиозных для Германии.

А. Казем-Бек был арестован «на расвете 3 июня 1940 года, менее, чем за две недели до капитуляции французской армии»<sup>52</sup>. Всего же за весну 1940 г. было заключено в концлагеря свыше 30 лидеров младороссов. Они находились под угрозой выдачи Германии, но все же были освобождены из лагеря Вернет при участии некоторых депутатов и адвокатов, и в том числе премьер-министра правительства Виши П. Лаваля. (А. Казем-Бек был

знаком и с ним, и с маршалом Петэнном). Начались хлопоты по выезду в США при содействии американских младороссов. Помощь оказали английское и швейцарское посольства (а португальское посольство, напротив, отказало в визах). После нападения Германии на СССР Казем-Бек с семьей был вновь арестован, но поскольку американские визы у них оказались на руках за несколько недель до этого, их все-таки выпустили при условии немедленного выезда в США. 4 октября 1941 г., после тяжелого путешествия, они, наконец, высадились в Нью-Йорке. В тот же день Казем-Бек получил телеграмму из Сан-Франциско от издателя газеты «Новая заря» Г.Т. Сухова, предлагавшего свое издание в полное распоряжение А. Казем-Бека. «Издательство принимало все мной написанное без изменений или какой-либо редакторской корректуры, так что, действительно, «Новая Заря» могла называться моим органом», — пишет Казем-Бек<sup>53</sup>.

Он опубликовал там несколько сот статей, многие из которых были журнального объема, и все они посвящены одной теме — поддержке СССР в войне с Германией.

В начале февраля 1942 г. А. Казем-Бек официально объявил о полном роспуске Младоросской партии на совещании в Детройте: «дабы дать полную возможность каждому из ее членов проявить по крайнему разумению свой патриотический долг в отношении воюющего Отечества нашего»<sup>54</sup>. Сотни младороссов вступили в движение Сопротивления, некоторые погибли (наиболее известны Павел Зисерман и Александр Иванов-Тринадцатый).

После окончания войны и победы Советского Союза младороссы, естественно, оказались в числе первых, кто поверил в национальное преобразование власти в России и вернулся на Родину. Из наиболее видных деятелей Младоросской партии, вернувшихся в первые послевоенные годы, можно назвать шурина А.Л. Казем-Бека — князя М.Н. Чавчавадзе с семьей,

графа И.И. Толстого и его сына графа Н.И. Толстого (последний – академик), священника Бориса Старка, М. Штейнгера, К.А. Шевича (в монастыре о. Сергия), ну и, конечно, самого А.Л. Казем-Бека. Все они оказались под жестким надзором, а некоторые подверглись репрессиям.

На судьбе А.Л. Казем-Бека необходимо остановиться особо. После войны он преподавал русскую литературу в Коннектикутском колледже. В условиях обострения советско-американских отношений после начала «холодной войны» он испытывал неприязненное внимание со стороны американских властей. Он написал письмо на имя Г.М. Маленкова с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. Через некоторое время генеральный секретарь постоянного представительства СССР при ООН Емельянов передал положительный ответ. Однако американские власти чинили Казем-Беку препятствия, в результате чего он сумел выехать в СССР только в 1956 г. через Швейцарию и без семьи. Возможно, эта задержка спасла его, ибо лидера дальневосточных фашистов К. Родзаевского расстреляли, несмотря на то, что и он выступал в последнее время с просоветскими заявлениями.

Вернувшись, Казем-Бек столкнулся, наконец, со столь вожаденной для него и овеванной ореолом советской действительностью. Это, безусловно, было для него шоком, хотя до конца жизни он оставался лояльным гражданином и никак не проявлял неприятия режима. И в СССР, и в эмиграции широко известной стала публикация его письма в «Правде»<sup>55</sup>, где содержались признания в стремлении Младоросской партии возродить буржуазный строй и ее работе на иностранные разведки. Нет никакого сомнения, что письмо в «Правду» было написано самим Казем-Бекон, но, возможно, его в немалой степени «дополнили». По словам вдовы Казем-Бека Сильвы Борисовны, Александр Львович долго не мог прийти в себя.

В самом деле, он мог признаться в чем угодно, но только не в шпионской прокапиталистической деятельности. Зная хотя немного историю младороссов, нельзя не признать полное отсутствие логики в этих «признаниях».

А.Л. Казем-Бек стал сотрудником Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, где и проработал до самой смерти. Он вступил во второй брак. С первой семьей, с детьми он очень долго не имел возможности встретиться. Был случай, когда сын Казем-Бека – Александр пролетал из Египта в США через Москву и не решился позвонить отцу из аэропорта Внуково, опасаясь навредить ему. Лишь за два года до смерти Казем-Бек получил разрешение поехать во Францию для встречи с детьми в Канах. Во время этой поездки он виделся и с одним из бывших младороссов Крыловым, разбогатевшим и имевшим шикарный особняк в Сен-Тропе. Встречая своего бывшего главу, Крылов вывесил на крыше дома младоросский штандарт. Это было как бы последним отблеском былой славы Младоросской партии.

Казем-Бек интересовался появлявшимся в зарубежье откликами на историю своей партии и собрал ряд книг, где она упоминалась. Но больше проявить свои убеждения он не мог ничем.

В феврале 1977 г. с Казем-Бекон произошел удар. Уже во время болезни его кабинет в Патриархии был опечатан сотрудниками КГБ. 16 февраля 1977 г. бывший глава Младоросской партии скончался в своей московской квартире.

Считается, что младоросское движение потерпело полный крах и бесследно исчезло после войны. В этом усматривают и одно из доказательств провокационной роли младороссов – как только они перестали быть нужны «ГПУ», то полностью «испарились» из жизни эмиграции. На деле положение было иным.

Анализируя причины краха Младоросской партии, конституционный монархист

Е.А. Ефимовский полагал, что «политического значения капитуляция Казем-Бека не имеет никакого: все младоросское движение закончилось уже больше десятилетия тому назад; похоронному протоколу не хватало надлежащей печати. Теперь она приложена самим инициатором попытки соединения монархической идеологии с фашистской практикой. Как известно посвященным, попытка выдумать российского Гитлера или Муссолини натолкнулась на сопротивление нынешнего молодого Главы династии (тогда – великого князя Владимира Кирилловича. – А.З.). Избалованный эмигрантскими успехами А.Л. Казем-Бек не захотел, вместо опеки над Государем, ограничиться ролью верноподданного советника. Результат оказался неожиданным: монархическое движение выросло, а младоросское обратилось в нулевую величину. Ни Казем-Бек, ни его свита не сумели понять, что не они создали монархическое движение, а оно вынесло их на вершину своей волны. Это была ошибка; но как известно, в политике ошибка – хуже преступления»<sup>56</sup>.

Младоросская партия после войны не возродилась. Но ряд бывших младороссов продолжали играть активную роль в жизни эмиграции. Из них можно упомянуть князя Сергея Сергеевича Оболенского и Николая Владимировича Станюковича. Характеризуя этих лиц, близко знавший их эмигрантский публицист, эмигрант второй волны В.А. Рудинский пишет: «Станюкович ушел из организации, когда наметился ее скат к большевизму; Оболенский остался до конца, стал советским патриотом, но потом одумался и вернулся к монархизму»<sup>57</sup>. Князь С.С. Оболенский был впоследствии редактором журнала «Возрождение». Большинство бывших младороссов в послевоенный период сохраняло верность великому князю Владимиру Кирилловичу. Нужно, правда, отметить, что их вряд ли можно рассматривать как продолжателей младоросского движения, ибо их послевоенные взгляды основаны целиком на традиционном монархизме.

102

Если говорить о последнем осколке Младоросской партии, то это, конечно, Русские революционные силы – монархическая организация в Греции, возглавлявшаяся бывшим младороссом Николаем Валерьевичем Шейкиным. Во время переворота «черных полковников» Шейкин выступил активным защитником греческой монархии. «Он участвовал в борьбе греческих монархистов за монархию; был заключен в тюрьму, но выпущен, поскольку из-за болезни сердца казался обреченным на скорую смерть. Тем не менее он продолжал работу»<sup>58</sup>, – пишет В.А. Рудинский, бывший одно время представителем РРС во Франции. Идеология РРС и их отношение к традиционной эмиграции целиком совпадали с младоросскими установками.

Особенную неприязнь члены РРС испытывали к солидаристам – давним заклятым врагам младороссов. Но и о традиционных монархистах Шейкин был весьма невысокого мнения: «Слава Богу, что есть РРС, а то если бы ждать от старых п.....в защиты Монархии, то определенно далеко не уедешь. Жалкие паразиты, ни к чему не способные, коптящие зря небо»<sup>59</sup>. РРС выпускали листовки и даже пытались перебросить их в СССР. Их настрой был вполне младоросским – энергичным, переходящим в агрессивность. Организация держалась целиком на вожде – со смертью Шейкина Русские революционные силы прекратили существование. Но факт их появления говорит о том, что младоросская идеология имела определенную силу и приверженцев в послевоенный период.

Подводя черту под историей Младоросской партии, можно сделать ряд выводов. Несомненно, что эта организация представляла собой яркое и неординарное явление в жизни русской эмиграции первой волны. Возникнув в 1923 г., она получила стремительное развитие, приведшее к оформлению стройной организации, вооруженной оригинальной идеологией и пользующейся популярностью. Партия младороссов знала ряд ярких моментов –

политический триумф 1935 г. и участие в движении Сопротивления германскому нацизму. Без знания ее истории невозможно воссоздать картины обстановки того времени.

Роль младороссов, часто оцениваемая отрицательно, не может считаться однозначной. Не доказано (хотя и не опровергнуто) обвинение А.Л. Казем-Бека в сотрудничестве с ГПУ. Вообще, вряд ли можно отрицать, что среди младороссов были и советские агенты. Но ни одна эмигрантская организация не избежала этой участи. И та сила и влияние, тот взлет, который пережила Партия Младороссов в 1930-е годы ни в коем случае не позволяют сводить все это движение к простой провокации агентов ГПУ.

Хорошо знавший ситуацию Е. Ефимовский пишет: «Я всегда был и остался противником подозрений и вот как отозвался в “Грядущей России” на сообщение советской прессы о переходе главы младороссов А.Л. Казем-Бека на ту сторону политической баррикады: “Разгадка Казем-Бека”. Советская печать сообщает, что бывший глава младороссов А.Л. Казем-Бек вернулся в Россию и принес повинную в ошибочности своей контрреволюционной деятельности в эмиграции.

Я не склонен видеть в этом факте банального случая советской контрразведки; его моральная оценка зависит от степени его искренности. Самый факт имеет прецеденты: капитуляция Казем-Бека морально ничем не отличается от пресловутой поездки в советское посольство и осушения там бокалов под возглас адмирала Кедрова (руководитель РОВСа. – А.З.) «Виват Сталин». Это не помешало им продолжать занимать большие посты в эмигрантской общественности. Вердикты ее суда поражают своей однобокостью»<sup>60</sup>.

Младоросская партия имела и на идейном уровне, и на уровне организации прочную основу и серьезные предпосылки. Во многом она сказала новое слово, ее деятельность отличалась жертвенностью и патриотизмом. Исчезнув как политическое явление, она оставила после себя неумирающую идею органичного сочетания монархизма с насущными требованиями современности. Можно согласиться с Е. Ефимовским, утверждавшим: «Вся политическая секция младороссов доказала, что легитимно-монархическая идеология в соединении с народничеством представляют в общественном восприятии огромную политическую силу»<sup>61</sup>.

### *Примечания*

- <sup>1</sup> Цит. по: Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – С. 53.
- <sup>2</sup> Цит. по: Варшавский В.С. – Указ. соч. – С. 54–55.
- <sup>3</sup> Цит. по: Варшавский В.С. – Указ. соч. – С. 55.
- <sup>4</sup> Варшавский В.С. – Указ. соч. – С. 55.
- <sup>5</sup> Любимов Л. Праздник младороссов // Возрождение. – Париж, 1929. – 16 окт.
- <sup>6</sup> Любимов Л. Неомонархические совдепы // Возрождение. – Париж, 1929. – 23 нояб.
- <sup>7</sup> Петрович Р. Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. – Онтарио: Заря, 1973. – С. 9.
- <sup>8</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 1 авг.
- <sup>9</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 дек.
- <sup>10</sup> Там же.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> См. напр.: Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 1 марта.
- <sup>13</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 авг.
- <sup>14</sup> Возрождение. – Париж, 1932. – 14 янв.

- <sup>15</sup> Возрождение. – Париж, 1932. – 18 февр.
- <sup>16</sup> Воейков В.Н. С царем и без царя. – М., 1994. – С. 159.
- <sup>17</sup> Обращение Государя Императора к русским людям // Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 янв.
- <sup>18</sup> См.: Новый Путь. – Шанхай, 1932. – 12 июля.
- <sup>19</sup> Возрождение. – Париж, 1932. – 8 февр.
- <sup>20</sup> Архив Российского Императорского Дома (АРИД). Ф. 8, оп. 1, д. 114. Письмо № 243, 14 февраля 1932.
- <sup>21</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 1 марта.
- <sup>22</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1935. – 25 авг.
- <sup>23</sup> Бажбеук-Меликов П.З., кн. Сборник Высочайших Актов и исторических Материалов. – София, 1925. – С. 19–20.
- <sup>24</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 5 апр.
- <sup>25</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 25 мая.
- <sup>26</sup> Казем-Бек А.Л. Генеральная линия Союза младороссов // Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 янв.
- <sup>27</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 1 авг.
- <sup>28</sup> Возрождение. – Париж, 1931. – 28 нояб.
- <sup>29</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 авг.
- <sup>30</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 1 сент.
- <sup>31</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 окт.
- <sup>32</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 1 нояб.
- <sup>33</sup> Возрождение. – Париж, 1931. – 18 дек.
- <sup>34</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 янв.
- <sup>35</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 1 февр.
- <sup>36</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 окт.
- <sup>37</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 1 нояб.
- <sup>38</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 1 янв.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 1 янв.
- <sup>41</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 22 апр.
- <sup>42</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 25 мая.
- <sup>43</sup> Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 1 янв.
- <sup>44</sup> Новый Путь. – Париж, 1935. – 14 окт.
- <sup>45</sup> Бодрость. – Париж, 1936. – 15 марта.
- <sup>46</sup> Возрождение. – Париж, 1937. – 6 авг.
- <sup>47</sup> Владимир Кириллович, вел. кн., Леонида Георгиевна, вел. княг. Россия в нашем сердце. – СПб., 1995. – С. 26.
- <sup>48</sup> Казачий Набат. – Париж, 1940. – 20 янв.
- <sup>49</sup> Архив Российского Императорского Дома (АРИД). Ф. 8, оп. 1, д. 118. Письмо № 481, 5 апреля 1934.
- <sup>50</sup> Казем-Бек А.Л. К новому миру // Бодрость. – Париж, 1939. – 12 нояб.
- <sup>51</sup> Бодрость. – Париж, 1940. – 1 февр.
- <sup>52</sup> Казем-Бек А.Л. Автобиография // Личное собрание С.Б. Казем-Бек. – С. 5. – Машинопись.
- <sup>53</sup> Там же. – С. 8.
- <sup>54</sup> Там же. – С. 9.
- <sup>55</sup> Казем-Бек А.Л. Письмо в редакцию газеты «Правда» // Правда. – М., 1957. – 16 янв.
- <sup>56</sup> Ефимовский Е.А. Встречи на жизненном пути. – Париж, 1994. – С. 104.
- <sup>57</sup> Рудинский В.А. – Закатову А.Н., 31 дек. 1994 г. // Собрание А.Н. Закатова. (Личная коллекция.)
- <sup>58</sup> Рудинский В.А. – Закатову А.Н., 23-ХІ-94, л. 6 // Собрание А.Н. Закатова. (Личная коллекция.)
- <sup>59</sup> Шейкин Н.В. – Д.Ф. Петрову (В.А. Рудинскому), 3 мая 1953, № 1 // Собрание А.Н. Закатова. (Личная коллекция.)
- <sup>60</sup> Ефимовский Е.А. Указ. соч. – С. 103–104.
- <sup>61</sup> Там же. – С. 104.



## **Список источников и литературы**

### ***1. Источники***

1. Архив Российского Императорского Дома (АРИД). Ф. 8, оп. 1: Дела Канцелярии Блюстителя Государева Престола (1922–1924), Канцелярии Его Императорского Величества (1924–1938), Управления по делам Главы Российского Императорского Дома (1938–1941) и Секретариата Главы Российского Императорского Дома (1941–1944).
2. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. – М.: Мысль, 1969. – 374 с.
3. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. – 387 с.
4. Волков А.П. Сборник Обращений Главы Династии Великого князя Владимира Кирилловича. – Нью-Йорк. 1971. – 111 с.
5. Гавриил Константинович, Вел.кн. В Мраморном дворце. – СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 283 с.
6. Гаганидзе И.Н. Наш подход к предрешенчеству // К Молодой России. – 1936. – 10 марта.
7. Гаганидзе И.Н. Русская революция и младоросские движения // К Молодой России. – Чикаго, 1935. – 31 дек.
8. Гирилович Ю.Ю. О программе младоросской партии // К Молодой России. – Чикаго, 1935. – 31 дек.
9. Дмитрий Павлович, Вел. кн. Речь на собрании Парижских очагов М.П. // Новый Путь. – Шанхай, 1935. – 6 сент., № 90.
10. Элита-Вильчковский К.С. Наши ставки // Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 окт., № 23.
11. Ефимовский Е.А. Встречи на жизненном пути. – Париж, 1994. – 134 с.
12. Ефимовский Е.А. Статьи. – Париж, 1994. – 230 с.
13. Извлечение из Руководящих Указаний Канцелярии Его Императорского Величества // Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 14 дек., № 2.
14. Казем-Бек А.Л. Автобиография // Личное собрание С.Б. Казем-Бек. – М., 1965–1970. – 11 с. – Машинопись.
15. Казем-Бек А.Л. Второй акт трагедии // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1940. – 3 сент.
16. Казем-Бек А.Л. Генеральная линия Союза младороссов // Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 янв., № 11.
17. Казем-Бек А.Л. Дахаусские могилы // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 1 окт.
18. Казем-Бек А.Л. Июль 1914 г. // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 30 июля.
19. Казем-Бек А.Л. К младороссам // Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 22 июня, № 37.
20. Казем-Бек А.Л. К новому миру // Бодрость. – Париж, 1939, № 251, 12 ноября.
21. Казем-Бек А.Л. Компромисс со злом // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1948. – 13 марта.
22. Казем-Бек А.Л. Кто виноват // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 20 авг.
23. Казем-Бек А.Л. Наследие 14-го года // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 27 авг.
24. Казем-Бек А.Л. Наша линия сегодня // Бодрость. – Париж, 1939. – № 250, 5 ноябр.
25. Казем-Бек А.Л. Обращение Главы // Бодрость. – Париж, 1936. – 15 марта, № 72.
26. Казем-Бек А.Л. О поклонении хаосу // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1948. – 20 марта.
27. Казем-Бек А.Л. Открытое письмо // Правда. – М., 1957. – 16 янв.
28. Казем-Бек А.Л. Политика человекоистребления // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 24 сент.
29. Казем-Бек А.Л. После чуда Сталинграда // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1943. – 5 янв.
30. Казем-Бек А.Л. Россия, младороссы и эмиграция. – Париж.: Издание Младоросской Партии, 1936. – 150 с.
31. Казем-Бек А.Л. «Священный национальный эгоизм» // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 15 окт.
32. Казем-Бек А.Л. Трагедия на Филлмор-Стрит // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1949. – 8 окт.
33. Казем-Бек А.Л. Чудо Сталинграда // Новая Заря. – Сан-Франциско, 1942. – 30 сент.

34. Карузо И., гр. Монархия и революция // Бодрость. – Париж, 1936. – № 72, 16 марта.
35. К завтрашним соратникам // Младоросская Искра. – Париж, 1931. – ноябр., № 7.
36. К Молодой России: Сборник Младороссов. – Париж, 1928. – 162 с.
37. К Молодой России. – Чикаго, 1935. – 31 дек.
38. К познанию Новой России // Бодрость. – Париж, 1936. – № 90.
39. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. – М.: Русский путь, 1999. – 288 с., ил.
40. Любимов Л.Д. Боевое собрание монархистов // Возрождение. – 1931. – 22 июня.
41. Любимов Л.Д. Великий Князь Кирилл Владимирович о своем Обращении к Русскому народу // Возрождение. – Париж, 1932. – 8 февр.
42. Любимов Л.Д. Генеральная линия младороссов // Возрождение. – Париж, 1931. – 18 дек.
43. Любимов Л.Д. Младоросские речи // Возрождение. – Париж, 1931. – 6 июня.
44. Любимов Л.Д. На чужбине. – Ташкент.: Узбекистан, 1965. – 414 с.
45. Любимов Л.Д. Неомонархические совдепы // Возрождение. – Париж, 1929. – 23 ноябр.
46. Любимов Л.Д. Праздник младороссов // Возрождение. – Париж, 1929. – 16 окт.
47. Любимов Л.Д. Социалисты-капиталисты и монархисты-социалисты // Возрождение. – Париж, 1931. – 28 ноябр.
48. Любимов Л.Д. Эсеры против Бунакова и младороссов // Возрождение. – Париж, 1931. – 11 дек.
49. Мейснер Д.И. Исповедь старого эмигранта. – М., 1963. – 250 с.
50. Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М., 1966. – 303 с.
51. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939 / Пер. с фр. И. Попова, Н. Поповой. – М.: «Кстат», 2001. – 248 с., ил.
52. Младоросские установки // Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 1 янв., № 35.
53. Младороссость – русский национализм XX века // Бодрость. – Париж, 1935. – 17 ноябр., № 55.
54. На пороге 1934 г. // Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 1 янв., № 35.
55. Наша программа-максимум // Новый Путь. – Шанхай, 1935. – 14 сент., № 91.
56. Наша ставка в России // Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 1 дек., № 9.
57. Неославизм // Новый Путь. – Шанхай, 1935. – 6 окт., № 90.
58. Оболенский С.С., кн. Тучи на Дальнем Востоке // Бодрость. – Париж, 1936. – № 73, 22 марта.
59. Обращение Государя Императора к русским людям // Младоросская Искра. – Париж, 1932. – 15 янв., № 11.
60. Партия и движение // Новый Путь. – Шанхай, 1935. – 14 окт., № 91.
61. Петрович Р. Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. – Онтарио: Заря, 1973. – 41 с.
62. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛADOC, 1999. – 776 с.: ил.
63. Попандопуло С. Запах клеветы и подлости // Бодрость. – Париж, 1936. – № 90.
64. Путятин А., кн. Еще об эволюции // Бодрость. – Париж, 1936. – 15 марта., № 72.
65. Путятин А., кн. О русской национальной традиции // Бодрость. – Париж, 1936. – 22 марта, № 73.
66. Русский Царь освободит трудящихся от ига красных и золотых паразитов // Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 окт., № 6.
67. Тезисы младоросских доктрин // Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 22 июня, № 4.
68. Цели «Младоросской Искры» // Младоросская Искра. – Париж, 1931. – 15 сент., № 4.
69. Что каждый должен знать о Союзе Младороссов // Младоросская Искра. – Париж, 1934. – 25 мая, № 38.

## **2. Литература**

1. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. – Калинин, 1979. – 61 с.
2. Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977. – 120 с.
3. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. – М.: Текст, 1994. – 431 с.

4. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 416 с.
5. Солоневич И.Л. Народная Монархия. – М.: Феникс, 1991. – 512 с.
6. Стефан Д. Русские фашисты. – М.: Слово, 1992. – 441 с.
7. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб.: РИСО, 1992. – 480 с.
8. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – 3-е изд. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.
9. Massip M. La verite est fille du temps. Alexandre Kazem-Beg et l'emigration russe en Occident. – Chene-Bourg: Georg editeur, 1999. – 758 p.

А.М. Грачёва

### ИЗДАНИЕ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И НАУЧНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

После исторических катаклизмов начала XX в. ряд писателей, чье творчество определяло характер литературного процесса в России, по разным причинам покинули родину и стали эмигрантами. Среди них можно назвать И. Бунина, А. Куприна, Б. Зайцева, И. Шмелева, А. Ремизова, З. Гиппиус, Д. Мережковского и др. После этого по внелитературным причинам их творчество было либо вообще вычеркнуто из круга чтения обычного читателя, либо разрешалось к чтению в ограниченном и препарированном виде.

С начала перестройки в России начался издательский бум публикаций ранее недоступных и запрещенных текстов, куда автоматически вошли и произведения писателей Первой волны русской эмиграции. Бум этот приобрел характер как бы «девятого вала», в котором смешались и качественные публикации отдельных текстов, и, что, к сожалению, составляло большую часть волны, – плоды лихорадочных судорог людей, стремящихся «успеть первым» опубликовать неведомый шедевр. Анекдотическим примером может служить первое постсоветское издание романа «Санин»<sup>1</sup> М.П. Арцыбашева, издание, осуществленное в 1990 г. журналистом Леонидом Колосовым, перепубликовавшим репринт американского репринта тома из дореволюционного собрания сочинений писателя. При этом при перепечатке был сохранен только титульный лист американского издания 1969 г., а воспроизведение дореволюционного титульного листа было отброшено. В связи с чем после указания на публикацию с издания 60-х годов XX в. читатель далее с изумлением обнаруживал текст с ятями и ерами. Другой характерный пример – издание также когда-то знаменитого романа в 6 книгах «Ключи

ГРАЧЁВА  
Алла  
Михайловна,  
доктор  
филологических  
наук,  
ИРЛИ РАН

счастья» А.А. Вербицкой, чье творчество было запрещено в СССР. Произведение было опубликовано в 1994 г. в издательстве «Северо-Запад» в виде 2 книг [sic!], представляющих собой краткую выжимку из полного текста, «составленную» Е.О. Путиловой<sup>2</sup>.

В дальнейшем этот «девятый вал» не схлынул, а приобрел иные формы. После множества малоквалифицированных публикаций отдельных произведений началось время мутного потока столь же недоброкачественных изданий Собраний сочинений, в том числе Собраний сочинений писателей-эмигрантов, ныне по праву включенных в список классиков ушедшего XX в. Можно привести несколько анекдотических, и в то же время печальных примеров.

Собрание сочинений Б.К. Зайцева (составление и комментарий Тимофея Прокопова), том 2 (М., 1999). Комментарий к рассказу «Бездомный» (с. 115): «...лиможские эмали в Клуни. — <комментарий:> Во французском городе-музее Клуни [sic! — А. Г.] богато представлены изделия из меди с росписью непрозрачной эмалью, изготовлявшиеся в Лиможе».

Собрание сочинений З.Н. Гиппиус (составление и комментарий того же Тимофея Прокопова), т. 1 (2002). Комментарий к роману «Без талисмана» (с. 533): «*Васильевский остров* — <комментарий:> самый большой остров в дельте Невы, где расположены многие историко-культурные центры Петербурга: Академия художеств, университет, Кунсткамера, Биржа, Ростральные колонны [sic! — А. Г.]». Дальнейшие комментарии к подобным комментариям, как говорится, — излишни. Полны ошибок и сами тексты публикуемых произведений.

К сожалению, Собраний сочинений подобного «типа» (иначе не скажешь) издается все больше и больше.

Один из столпов русской текстологии XX в. Борис Викторович Томашевский

отмечал: «Проблема издания есть цель текстологии. Возникает вопрос о типах издания; они различны. У нас есть два типа: академическое и популярное; к сожалению, отсутствует третий тип изданий — учебный (прокомментированный для средних школ и вузов). Академическое издание адресуется к исследователю. Оно в некоторой степени упускает из виду момент простого чтения, у него задача изучения. Академическое издание — это подготовка популярного издания»<sup>3</sup>.

Да, классическая последовательность такой и остается: академическое — «учебное» — популярное. Но в применении к изданию собраний сочинений писателей-эмигрантов данный тезис из догмата превращается лишь в чаемый постулат.

Какие основные научные проблемы встают при обращении к изданию сочинений писателей-эмигрантов Первой волны? Назову лишь некоторые из них, сразу же отметив, что в каждом конкретном случае имеется своя дополнительная специфика.

Первая и основная из них — это проблема изучения дореволюционной и печатной истории текста.

Архивы писателей-эмигрантов в основном рассредоточены между несколькими странами. В лучшем случае целостный комплекс архивных материалов только дореволюционного периода творчества литератора находится в России. Возвращение на родину архива писателя-эмигранта — явление крайне редкое. На настоящий момент в России крупнейшим хранилищем архивных материалов писателей-эмигрантов Первой волны является РГАЛИ.

Названная проблема тесно связана со второй — с проблемой полноты издания.

Применительно к наследию писателей-эмигрантов, в большинстве случаев отсутствуют полные персональные библиографии регистрационного типа, еще хуже дело обстоит с персональными библиографиями литературы о писателях.

Однако в современных условиях академическая наука не может отстраниться от издания сочинений писателей-эмигрантов, классиков XX в., мотивируя свое решение отсутствием базы для создания собрания сочинений академического типа, и целиком отдать наследие этих писателей на откуп дилетантам и халтурщикам. Представляется, что в данной ситуации надо идти по пути, обратному указанному Томашевским, не от академического к, пользуясь термином ученого, «учебному» и популярному, а от «учебного» к академическому. В издании, относящемся к типу, условно названному Томашевским «учебным», публикуются точно выверенные авторские тексты в редакции, имеющей наибольшую значимость в истории литературного процесса. Эти тексты сопровождаются научными, близкими к академическим комментариями, текстологическими историями и информационными сведениями о печатных и рукописных источниках. Думается, что в современных условиях подготовка собраний сочинений такого типа должна стать одним из направлений работы академических учреждений литературоведческого профиля. Параллельно с этим надо продолжать вести работу над изданиями академического типа, которые ориентированы на более узкую специализированную аудиторию, и, соответственно, должны иметь иные тиражи и финансироваться как фундаментальные научные проекты.

Реализацию идеи издания, представляющего собой академическое и представляет собой осуществленное в период с 2000 по 2003 г. в Пушкинском Доме 10-томное Собрание сочинений одного из мастеров русского авангарда XX в. Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957). Собрание издано государственным издательством «Русская книга» при финансовой поддержке «Федеральной программы книгоиздательства России».

Как главный редактор и один из основных исполнителей осуществленного издания, постараюсь на примере анализа

работы по его подготовке определить некоторые ключевые вопросы подготовки такого рода изданий.

\* \* \*

Остановимся на *текстологических проблемах* издания Собрания сочинений писателей первой волны русской эмиграции.

Предварительно несколько слов об организационных принципах формирования и функционирования научного коллектива Собрания сочинений А.М. Ремизова, принципах, обеспечивших эффективность научной работы. В него вошли высококвалифицированные специалисты по творчеству Ремизова из ИРЛИ, а также привлеченные к участию в Собрании ученые-ремизоведы из США (университет Бэркли), Италии (университет Салерно) и Эстонии (Тартуский университет). Всего восемь участников проекта, включая одного технического сотрудника. Издание осуществлялось в тесном контакте с наследниками части эмигрантского архива Ремизова во Франции и кураторами его архива в США (сотрудниками Центра Русской культуры Амхерст-колледжа, Бахметевского архива). Подготовка каждого тома поручалась в основном одному, максимум трем сотрудникам, что обеспечивало высокую степень личной ответственности за доверенное дело. В издании были максимально задействованы современные возможности электронной связи, обеспечившие быструю передачу текстов для редактирования и сверки.

Подготовленное в ИРЛИ Собрание сочинений является первым посмертным собранием сочинений писателя. Единственным прижизненным было его Собрание сочинений в 8-ми томах 1910–1912 гг.

Целью создания собрания сочинений Ремизова было представить свод основных художественных произведений писателя, дать как широкому кругу читателей, так и исследователям выверенные и прокомментированные тексты. При этом был учтен опыт академического Полного собра-

ния сочинений и писем А.А. Блока в 20 томах<sup>4</sup> – первого научного издания наследия писателя-символиста.

В каждом томе последовательность размещения материалов такова: текст произведений, послесловие, комментарий.

Произведения располагаются по томам в жанрово-хронологическом порядке. При этом учтены разработанные самим Ремизовым принципы публикации своих произведений и специфика эстетической системы его творчества – «жанрово-ансамблевый» характер ремизовского художественного мышления, когда автор рассматривал текст цикла произведений или сборника (книги) как особый, пользуясь термином акад. Д.С. Лихачева, «жанр-ансамбль». Например, сборник «Николины притчи» (1917) представляет собой целостную художественную структуру, составленную из последовательно расположенных переработок легенд о св. Николае Угоднике. В Собрании сочинений Ремизова отдельные произведения, вошедшие в «жанр-ансамбль», печатаются в составе такого художественного единства. Поскольку это издание не является академическим, в нем не ставится задача раскрыть во всей полноте творческую историю текстов произведений, принадлежащих как к «каноническим» жанрам, так и к «жанру-ансамблю». В целях дать в рамках ограниченного объема собрания сочинений максимальное количество текстов Ремизова, авторы издания сознательно пошли на непоследовательность подачи текстов. Зачастую текст «жанра-ансамбля» представляет собой художественное целое, смонтированное из частей – произведений малых жанров, неоднократно повторяющихся в составе разных сборников или циклов. Например, в сборник сказок «Докука и балагурье» (1914) вошел цикл сказок «Русские женщины», который в дальнейшем составил основу сборника сказок «Русские женщины» (1918). В подобных случаях составители не воспроизводили сборники или

циклы в целом виде, а представляли читателям составляющие их тексты в хронологическом порядке, указывая в комментарии на последовательность их вхождения в состав того или иного «жанра-ансамбля». В конце томов такого состава приведены перечни содержания отдельных сборников и циклов.

В связи со спецификой представлений Ремизова о процессе создания произведения в Собрании сочинений выбор текста для воспроизведения определялся не принципом издания текста по последней авторизованной публикации или рукописной версии, а принципом его издания в редакции, сыгравшей наиболее существенную роль в развитии литературного процесса. Так, например, повесть «Крестовые сестры» была одним из наиболее ярких явлений русской литературы начала 1910-х годов. В связи с этим она опубликована по редакции этих лет, а не по берлинской редакции 1922 г., являющейся «последней прижизненной», но имеющей значение лишь для индивидуальной творческой биографии Ремизова. Одной из задач будущего академического собрания сочинений Ремизова будет последовательное рассмотрение литературной истории каждого текста, анализ каждой редакции. Настоящее собрание такой задачи перед собой не ставило. Краткие сведения о публикациях и автографах произведений даны в комментарии. Исключение сделано лишь для тех текстов, принципиально различные редакции которых сыграли свою особую роль в литературном процессе. Такие редакции печатались целиком, как отдельные автономные произведения.

Основным принципом публикации текстов была выверка их по первоисточникам (изданию, корректуре, рукописи). Произведения, не опубликованные при жизни Ремизова, публиковались по рукописям с учетом прижизненных публикаций их частей. Устранялись цензурные

искажения, а также другие неавторские изменения. Явные опечатки печатного текста (пропуск и перестановка букв и т.д.) исправлялись без оговорок. В сомнительных случаях текст печатался в исправленном виде, но с оговоркой в комментариях. В необходимых случаях производилось конъектурное (не опирающееся на документальные источники) восстановление текста. Допускалось восстановление в угловых скобках ошибочно пропущенного автором или типографией слова. При сомнении после восстановленного слова внутри редакторских скобок ставился вопросительный знак. Неточные цитаты в текстах у Ремизова не исправлялись. В тексте сохранялись и отмечались в комментарии фактические ошибки автора.

Общий орфографический принцип издания – максимальное применение общепринятой современной орфографии с сохранением существенных морфологических и фонетических особенностей языка Ремизова. Во всех сомнительных случаях предпочтение отдавалось авторским написаниям, учитывая принципиальную позицию в этом вопросе самого Ремизова: «Пишу по-русски и ни на каком другом. Русский словарь стал мне единственным источником речи. Слово выше носителя слов! Я вслушиваюсь в живую речь и следил за речью по документам и письменным памятникам. Не все лады сложены – русская книжная речь разнообразна, общих правил синтаксиса пока нет и не может быть. Восстанавливать речевой век не думал и подражать не подражал ни Епифанию Премудрому, ни протопопу Аввакуму, и никому этого не навязываю. Перебрасываю слова и строю фразу как во мне звучит»<sup>5</sup>. В соответствии с волей автора и пунктуация Ремизова, выявляющая ритмико-мелодический строй речи, передавалась как можно более точно. Сохранялись авторские знаки, не мотивированные стандартами современной пунктуации, и индивидуально-авторские комбинации знаков (сочетание запятой и тире, сочетание более трех точек, не-

скольких тире и т.п.), имеющие интонационное значение.

Все тексты сопровождаются подробными комментариями, целью которых было дать читателю сведения, помогающие адекватно понять сложные ассоциативные связи, исторические и культурные реалии, а также символику текстов Ремизова.

Как известно, в связи со спецификой эмигрантской издательской практики ремизовские законченные произведения большей эпической формы («Подстриженными глазами», «В розовом блеске», «Плачущая канава», «Иверень», «Учитель музыки», «Петербургский буерак») в основном печатались в периодике лишь главами и отрывками. Из шести произведений пять так и не были целиком опубликованы при жизни писателя. В их научном издании заключалась одна из главных научно-практических целей осуществленного проекта.

Решение текстологических проблем издания крупных неопубликованных произведений Ремизова осложнялось рядом факторов, носящих как собственно текстологический характер, так и связанных с историей творческого наследия писателя.

Во-первых, личный архив Ремизова оказался раздроблен не только между общественными хранилищами (университетами, библиотеками, научными институтами) и частными собраниями, но и между разными странами. Основная масса архивных материалов сосредоточена в России, Франции и США.

Во-вторых, текстологические трудности связаны с многоплановостью авторских методов создания наборной рукописи целостного произведения крупной прозаической формы.

Один из методов авторской подготовки наборной рукописи представлял собой *движение от большого к малому*.

Финансовые, а также идейные обстоятельства творческой работы Ремизова – не только необходимость, но и последовательное стремление самого писателя зарабатывать на жизнь исключительно лите-



ратурным трудом – привели к возникновению парадоксальной ситуации – рождению критического, а затем и литературоведческого мифа о Ремизове как мастере малых форм, в дальнейшем собиравшихся в циклы и книги. Этот миф основывался на том, что писатель, создавая большое прозаическое произведение, был вынужден по ходу работы над ним, а также и после завершения целостного текста, брать из него отдельные главы, разделы, части, придавать им форму автономных законченных произведений и публиковать их в периодике. Таким образом, в ряде случаев путь создания произведения проходил не в движении от малой формы к большой, как виделось на основе анализа только печатных источников, а был диаметрально противоположным – заключался в дроблении значительного по объему художественно законченного текста на автономные тексты, представляющие собой целостные структуры произведений малых жанров. Например, такова была литературная история его «каторжной идиллии», «стоглавой повести» «Учитель музыки»<sup>6</sup>.

Другой метод работы Ремизова над текстом был противоположен первому – то было движение *от малого к большому*.

Зачастую работа писателя над произведением крупной прозаической формы шла методом монтажа. Сам Ремизов для обозначения одной из микроформ художественной структуры своих макроформ использовал кинематографический термин «court-métrage», подчеркивая тем самым монтажный принцип, как одну из основ своей поэтики. В ряде случаев формирование автором наборной рукописи объемного произведения шло методом синтеза разнообразных по характеру источников текста: беловых и черновых автографов; авторизованной машинописи; вырезок печатных публикаций изначально автономных произведений с добавлением авторских исправлений; а также (это ха-

рактерно для последнего периода творчества) в добавлении в наборную рукопись чистых листов с авторской пометой, что те или другие главы надо взять из такой-то ранней книги. Результатом подобного метода работы писателя является, к примеру, создание последнего произведения большой экспериментальной формы – «Петербургского буерака».

Полный авторский текст «Петербургского буерака» был впервые опубликован только в 2003 г. в 10-м томе Собрания сочинений А.М. Ремизова. Это – произведение, выполненное в технике «court-métrage», созданное из новых текстов и, используя термин М. Погодина, из «обрывышков» – из уже опубликованных статей, заметок, некрологов. Не случайно первым вариантом названия были слова «Шурум-бурум» – выкрик петербургских торговцев старьем.

Сам факт работы над этой книгой представляет собой творческий подвиг Ремизова. Процесс создания произведения продолжался с конца 40-х годов до 1957 г., под конец в условиях полной слепоты. И, тем не менее, книга получилась, и является произведением, продуманным по композиции и обладающим законченной идейно-художественной структурой.

Остановимся подробнее на истории текста «Петербургского буерака», которая еще ждет детального научного рассмотрения. Творческий замысел произведения относится к концу 1940-х годов. В письме Н. Кодрянской от 19 апреля 1949 г. Ремизов отметил: «И решил для отдыха: подберу рассказы для моей посмертной книги Шурум-Бурум»<sup>7</sup>. Примечательно, что первоначальное название задуманного *последнего* произведения является воспроизведением названия комплекса самых *первых* произведений Ремизова, уничтоженных в начале 1900-х годов в период ссылки писателя на Русском Севере.

Согласно изначальному замыслу, «Петербургский буерак» должен был пред-

ставлять собой книгу, монтажную по своей художественной структуре, состоящую из уже публиковавшихся текстов и «обреченную» на печатание по частям в газете «Новое Русское Слово» у С.Ю. Прегель. Об этом Ремизов писал Кодрянской 21 апреля 1949 г.: «... пришла С.Ю. [Прегель. — А. Г.] <...> я ей рассказал о содержании “Шурум-Бурума” и когда соберутся все рассказы, я ей покажу: пусть берет на выбор, не поминая, что все они из “Шурум-Бурума”»<sup>8</sup>.

Первоначально книга «Шурум-Бурум» должна была состоять из 33 рассказов. Центральным в ней являлся рассказ «Эрмитажная редкость»<sup>9</sup>. К августу книга была в целом сформирована. 23 августа Ремизов писал Кодрянской: «Что же я сделал за 3 года, кроме Шурум-Бурум и о Достоевском, Ихнелат и Грудцын. Но ведь это пламень отчаяния. Какой же просвет? Ведь как-то, все-таки я существую, не окостенел <...> это поймут историки литературы, если мною будут заниматься»<sup>10</sup>.

В 1950 г. Ремизов писал рассказы-воспоминания о современниках — людях, знакомство с которыми состоялось в эпоху, завершавшую петербургский период русской литературы. Работа над ними способствовала формированию новой концепции книги. Соответственно изменились и ее идейно-художественная структура, и название. 5 сентября 1950 г. Ремизов сообщал Кодрянской: «Строю книгу “Петербургский буерак”»<sup>11</sup>. В 1950–1951 гг. он продолжал работать над рассказами-воспоминаниями об ушедших знакомых, память о которых была значима не только для русской культуры как таковой, но прежде всего для самого меуариста.

В 1953 г. творческий замысел претерпел новую эволюцию. Об этом вновь свидетельствуют письма Ремизова Кодрянской: 1) от 15 февраля 1953 г.: «Сделал новую редакцию моей петербургской памяти: “Моя литературная карьера”, показывал благочестивым людям и повесть не вызвала никакого “соблазна”. Я дал фор-

му законченного рассказа около какой-то таинственной вещи, взбаламутившей Петербург своей таинственностью»<sup>12</sup>; 2) от 18 октября 1953 г.: «...“Выхожу на широкую дорогу литературы” готово»<sup>13</sup>; 3) от 11 декабря 1953 г.: «Посылаю “На большую дорогу”. Общее заглавие, как и “Статуетка” — “Моя литературная карьера”. Этот архивный материал имеет значение для моей литературной биографии, в которой отражается и все мое житейское “кувырком”. Если Вайнбаум не захочет печатать, покажите рукописи Сазоновой. По внешности рукописи судите о моей беспомощности: сколько неумелых рук мудровали, исправляя. А я терял терпение. <...> как мне горько это писать»<sup>14</sup>.

На новом этапе книга стала логичным продолжением предшествующих крупных произведений («Подстриженными глазами», «Иверень», «Учитель музыки», «Мышкина дудочка»), в совокупности представляющих собой историю самопознания писателя. К началу 1954 г. книга «Петербургский буерак» была готова, о чем опять-таки свидетельствуют письма Ремизова его постоянному confidentу — Н. Кодрянской: 1) от 28 февраля 1954 г.: «...другие подготовленные мои книги <...> “Петербургский буерак”» (Кодрянская. Письма. С. 352); 2) от 30–31 марта 1954 г.: «...из прежнего отвергнутого у Вайнбаума: <...> 3) Шурум-бурум»<sup>15</sup>.

Поскольку созданная книга не была опубликована, то в период 1954–1957 гг. Ремизов продолжал работать над ней, изменяя ее состав и усложняя идейно-философскую концепцию. На последнем этапе в состав книги вошли эссе о природе сновидений «Полудни ночи» и «Тонь ночи». Таким образом, к моменту смерти Ремизова отдельные вновь написанные части, а также главы и подглавки книги были опубликованы в различных периодических изданиях без упоминания о том, что они входят в состав единого произведения.

В конце 1957 г. в парижском архиве писателя оставалось несколько закончен-

ных вариантов книги, единых по общей композиции, но отличающихся составом отдельных подглавок. Согласно решению душеприказчиков Ремизова с основных крупных произведений писателя были сделаны ксерокопии, но только в том случае, если не имелось вариантов, которые при поверхностном рассмотрении представлялись дублетами. История разделения единого архива Ремизова между душеприказчиками и исполнения завещания писателя заслуживает особого научного исследования. В случае с «Петербургским буераком» один полный вариант произведения остался в Собрании семьи Резниковых (Париж). Другой, также полный, но не идентичный по составу, оказался в руках журналиста и писателя Б.Б. Сосинского и, в конце концов, поступил в РГАЛИ (Москва). Друг Ремизова и одна из его душеприказчиц – Н.В. Резникова неоднократно предпринимала попытки выполнить последнюю авторскую волю – добиться публикации неизданных произведений Ремизова. Она принесла наборную рукопись «Петербургского буерака» в парижское издательство «LEV». По свидетельству родственников Резниковой, владелец издательства самовольно расформировал целостное произведение Ремизова, разделив его на разделы, часть из которых сохранила авторские названия, часть была названа иначе, чтобы сделать текст «доступнее для понимания». Актом волюнтаризма явилось появление общего безликого названия книги – «Встречи». В этом плане также характерна введенная, неприемлемая для поэтики ремизовского творчества рубрика «Разное», куда вошли произвольно перемешанные подглавки. Финальная часть, посвященная снам, была попросту выброшена. Книга была издана в Париже в 1981 г. с массой опечаток и неправильных прочтений авторской наборной рукописи. Одним из наиболее вопиющих фактов такого рода является публикация авторских примечаний к под-

главке «Максим Горький» в виде отдельной подглавки под названием «Примечания». В дальнейшем рукопись была возвращена Резниковой, но не в целостном виде, а частично, в форме разрозненных и расформированных частей и глав. Таким образом, фактически экземпляр Собрания Резниковых перестал существовать как наборная рукопись единого законченного произведения. Книга «Встречи» не может рассматриваться как издание произведения Ремизова, а только как непрофессионально составленная антология текстов из «Петербургского буерака». Наборная рукопись РГАЛИ сохранилась лучше, хотя Сосинский, желая популяризовать творчество Ремизова в СССР, также вынимал из нее некоторые части (например, гл. «М.М. Пришвин» была изъята для публикации в журнале «Вопросы литературы»). В экземпляре РГАЛИ отсутствует также раздел «Петербургская русалия», но в оглавлении книги имеется пометка, что этот раздел есть в опубликованной книге Ремизова «Пляшущий демон». Однако в экземпляре РГАЛИ целиком сохранена авторская структура книги. Большую часть текстов составляют авторизованные машинопись и печатные тексты. Поэтому именно вариант РГАЛИ был избран для публикации книги в Собрании сочинений. Надо отметить, что по составу подглавок варианты Собрания Резниковых и РГАЛИ не совпадают (в экз. РГАЛИ нет подглавок «Вечный», «Восточный», «Леший», «Акробат», «Голландец», «Золотые туманы», «Три волхва», «Лупа», «Портфель» («Я ничего не знаю, какой он был новый...»), «Le courtier graphique», «П.Е. Щеголев (1877–1935)», «Памяти Льва Шестова», «Над могилой Болдырева-Шкотта»). Подобное различие свидетельствует о продолжавшемся до смерти писателя изменении состава того набора малых повествовательных форм, которые в совокупности составляли единую большую жанровую

форму, целостную по своей идейно-художественной структуре. Изданная Г. Чижевским-Холмским книга: Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. (Париж, 1983) – это датированный «24/V. 1945–1946 г.» один из первоначальных вариантов главы «Статуетка», к которой присоединен текст легенды «Что есть табак». Эта публикация также изобилует опечатками, но учитывается как один из дополнительных источников текста. В итоге в Собрании сочинений «Петербургский буерак» был опубликован по наборной рукописи РГАЛИ со сверкой по материалам Собрания Резниковых.

Наконец, существенные текстологические проблемы, связанные с публикацией произведений Ремизова, обусловлены его воззрениями на историю бытования своих текстов. Представление писателя о процессе художественного воплощения того или иного сюжета не соответствовало идее однонаправленного «прогрессивного» движения от прошлого к будущему, как от худшего к лучшему. В применении к его творчеству определение редакций, основанное на хронологическом принципе (1, 2, 3 и т.д.) – условно. Оно фиксирует лишь временную последовательность создания текстов. Но последняя не равнозначна движению от первоначального варианта к основному тексту (в классическом понимании этого термина – как к наиболее полному, «лучшему» и законченному отражению творческого замысла).

*Для Ремизова каждая редакция была эстетически равноценной.* В художественном сознании писателя отсутствовало понятие «окончательный текст» в традиционном понимании этого термина, поскольку это означало бы подведение черты под «жизнью» произведения. Поэтому до конца своего бытия Ремизов создавал новые и новые редакции своих «старых», уже опубликованных произведений.

Характерный пример – история редакций романа «Пруд».

Первая редакция романа «Пруд» (1902–1903, опубли.: 1905) – это начальный

ремизовский опыт эстетической аккумуляции онтологических и гносеологических представлений, сюжетов и образов апокрифической литературы, а также новаций поэтики европейского, и прежде всего польского, модернизма.

Для Ремизова герои и факты из своей реальной жизни стали исходными художественными составляющими текста, равнозначными «чужим» (вымышленным или заимствованным) героям и сюжетам. Уже в «Пруде» писатель в полной мере использовал принцип монтажа, включив в художественную структуру произведения и «чужие» тексты, и свои произведения (стихотворения в прозе, разделы из цикла лирических миниатюр «В плену» и т.д.). На первый взгляд, сюжет «Пруда» был основан на перипетиях судьбы молодого героя – Николая Финогенова, и внешность, и биография которого во многом совпадали с авторскими. Но по сути «Пруд», появившийся задолго до создания высшего достижения русского символистского романа («Петербург» Андрея Белого), как бы «перешагнул» символизм, и его можно назвать одним из первых русских авангардных романов.

В романе «Пруд» каждый из персонажей является частью, частицей или микрочастицей авторского «я» – единственного самодостаточного и все заполняющего героя романа. Сюжет романа – внефабульный, это – история изменения авторского самосознания. В связи с этим движение сюжета понятно только в контексте развития мировосприятия Ремизова, исходящего симультанно процессу работы над произведением. И здесь существенную роль сыграло усвоение автором (ссылным революционером) космогонических, антропологических и эсхатологических представлений, сохраненных в апокрифической литературе. Именно она стала базой для формирования идейной концепции произведения и непосредственным источником его отдельных сюжетных мотивов. В основе архитектоники романа лежал последовательно проведен-

ный циклический принцип. Цепь сюжетных звеньев – это система замкнутых кругов, фактически являющихся ипостасями одного и того же круга. Моделируя макрокосм романа, Ремизов опирался на апокрифические легенды о начале и конце света. Авторский метод заключался в последовательной трансформации объекта художественного творчества: от реальности к символу, от символа к мифу. В романе «реальная» – социальная тема революционного переустройства мира была сопряжена со своей мифологической параллелью – темой грядущего Мессии и преобразования мира. Сюжетная кульминация произведения – попытка насильственным методом преобразить мир – дана Ремизовым через систему символических соответствий. Высшая ступень символического обобщения – совершенное Николаем убийство дяди «Антихриста» – это зашифрованное в «реалеподобных» образах сакральное действие – попытка свержения Антихриста, уже правящего этим миром. Николай ассоциировал себя с Мессией, но в системе символических соответствий он был лишь ложным претендентом на роль Христа. Это подтверждалось характерным «художественным жестом» – формой гибели героя, который выбрасывался из окна – т.е. низвергался вниз, в бездну невоскресения.

Роман «Пруд» не был понят современниками ни с эстетической, ни с теологической стороны. Так адепт нового религиозного сознания и последовательница новых путей в искусстве З.Н. Гиппиус отказалась публиковать роман в журнале «Новый Путь» и по материальным, и по эстетическим, и по идеологическим соображениям, высказав пожелание автору: «пусть он пристроит его [“Пруд”]. – А. Г.» с большой для себя выгодой в одном из новых или нарождающихся журналов, где и за “декадентство” его не так сурово вызышут»<sup>16</sup>.

Когда началась публикация романа в журнале «Вопросы жизни», ближайшие знакомые Ремизова (Вяч. Иванов, Лев Шестов) с напряжением следили за развитием идейной концепции произведения, видя основной интерес произведения не в романной интриге, а в развитии философско-религиозных воззрений автора. Так, Вяч. Иванов, ознакомившись с началом романа, почувствовал его еретический подтекст и воспринял произведение крайне настороженно. В письме от 25 мая 1905 г. Ремизову он отмечал: «Пока буду молчать и ждать продолжения. Ведь должен же скоро открыться нам и белый мир – мир тех белых монастырских стен, что стоят, как некий Mont Salvat над магическим четырехугольником Вашего Inferno...»<sup>17</sup>. Примечательно, что Вяч. Иванов сразу же понял художественный замысел Ремизова – создать циклическую композицию романа, подобную строению дантовской «Божественной комедии» (часть «Inferno»). Печатный отзыв на журнальную публикацию романа принадлежал жене Вяч. Иванова – Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Она писала: «Роман, несомненно значительный, по смелости и широте захвата, не производит, однако, целостного эстетического впечатления. Психологический анализ подавляет анализ характеров. Нагромождены ужасы социальных зол с какой-то, может быть, и жизненной, но не художественной правдой». Единственно ценным в произведении рецензент сочла «порыв из подполья <...> прямо в гордые, золотые небеса»<sup>18</sup>, т.е. усмотрев в финале намек на возможное мистериальное разрешение центральной романной антиномии между силами Добра и Зла.

Наиболее глубоко произведение было понято другим писателем, философом Львом Шестовым. В июньском письме к Ремизову 1905 г. он сообщал: «Знаю, что нужно тебе давно уже отчет о романе твоём дать. Прочел уже все (и отгиск). И вот впечатление: художественное дарование у

тебя несомненное. Часто, очень часто слышится собственный голос. Но – не всегда. <...> мат<е>риал богатый и любопытный, но обработан местами недостаточно, так что выходит громоздко. <...> Заметен вкус к подполью – и окна что-то не видать. В отличие от меня у тебя вкус (к подполью) так сказать природный, наследственный <...> Я в подполье, но всегда готов выпрыгнуть – только висит на шее камень тяжелый, не дает подняться. У тебя же иной раз кажется, что ты и подниматься не стал бы, если бы мог»<sup>19</sup>. В своем отзыве Шестов отметил осознанность авторского пессимизма, лежащего в основе идейно-художественной концепции произведения.

В итоге можно сделать вывод о том, что новаторский и по идейной концепции, и по поэтике роман Ремизова оказался не воспринятым даже товарищами по новому искусству. Это произошло прежде всего потому, что в области оценки произведений романного жанра они находились в плену русской социокультурной мифологии, устойчиво связывавшей жанр романа с одним из его видов – а именно с социально-психологическим романом «великих стариков» XIX в.

Реакция Ремизова на неприятие его первого романа была двойственной. С одной стороны, писатель на десятилетие прекратил называть свои следующие произведения «романами», именую их «повестями» («Часы» (1908), «Крестовые сестры» (1910), «Пятая язва» (1912)). С другой, он включил роман «Пруд» в свое Собрание сочинений (1911–1912) в новой редакции, «причесав» его сообразно привычной критикам и читателям традиции «идейного» реалистического социально-психологического романа<sup>20</sup>. Позднее литератор объяснял это требованиями редактора, но частично это был и его шаг навстречу читателю и критику.

В начале 1920-х годов Ремизов переехал в Париж в период утверждения во Франции нового литературного движения – сюрреализма. Первым парадоксальным

результатом восприятия новых течений французской литературы было его решение переиздать свой первый роман «Пруд». Вспомним, что еще в 1904 г. З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский отказались публиковать этот роман в журнале «Новый путь», отметив, что он написан в чересчур «декадентской» форме.

В 1925 г. Ремизов решил переиздать не редакцию 1911 г., а раннюю, «нереалистическую», не понятую и не принятую в начале века. Он не только сохранил черты своего «странного текста» 1900-х годов, но усилил их, еще более отдалив произведение от канонов традиционного романа. Новая редакция сопровождалась программным предисловием, с одной стороны, полемически направленным против сакрализованного в русской литературе идейного романа, унаследованного как любимый жанр русской эмигрантской литературой, а с другой, утверждавшим, что в условиях современной культурной ситуации этот роман эстетически адекватен нынешнему времени.

«“Пруд” отпугнул “странностью” и “непонятностью”, теперь совсем не странной и вполне понятной [курсив мой. – А. Г.]. Правда, у меня не было “вальдшнепов”, я, по пылу молодости, наоборот – хотел все обозначить по-своему, назвать каждую вещь еще не названным именем. И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное [курсив мой. – А. Г.]: каждая глава состоит из лирического вступления, описания факта и сна; при описании же душевного состояния – как борьбы голосов “совести” – я пользовался формой трагического хора. И само собой, как тогда говорили [курсив мой. – А. Г.], “наворотил”»<sup>21</sup>. Предлагая читателю «новый “Пруд”», Ремизов отметил, что он удалил из текста насильственно введенное объективно-авторское повествование; далее по пунктам перечислил «невыносимые для прозы вещи» (черты поэтики традиционного романного жанра) и сделал итоговый вывод: «“Пруд” автобиографичен, но не автобиография. Круг моих на-

блюдений <...> из жизни. Но самые центральные места романа <...> вышли из подлинных снов»<sup>22</sup>.

Ситуация с новым изданием романа «Пруд» объясняется не маниакальным, как считали недоброжелатели, стремлением Ремизова все время издавать и переиздавать свои книги, но осознанием писателем созвучия своих ранних эстетических поисков художественным принципам нового литературного движения – сюрреализма.

Как известно, в 1924 г. Андре Бретон опубликовал «Манифест сюрреализма», одним из программных положений которого было ниспровержение традиционной романной жанровой формы. Для писателя именно она являлась наиболее концептуальным выражением «реалистической точки зрения», вдохновляемой позитивизмом.

Бретон утверждал: «Если стиль простой, голой информации <...> господствует ныне в романе, это значит <...> что претензии их авторов идут недалеко. Сугубо случайный, необязательный, частный характер любых их наблюдений наводит меня на мысль, что они попросту развлекаются за мой счет. От меня не утаивают никаких трудностей, связанных с созданием персонажа <...> А описания! Трудно представить себе что-либо более ничтожное; они представляют собой набор картинок из каталога <...> Ну вот я и дошел до психологии <...> Автор принимается за создание характера, а тот, раз возникнув, повсюду таскает за собой своего героя. Что бы ни случилось, герой этот, все действия и реакции которого замечательным образом предусмотрены заранее, обязан ни в коем случае не нарушать расчетов (делая при сем вид, будто нарушает их), объектом которых является. <...> Жажда анализа одерживает верх над живыми ощущениями. Так рождаются длиннейшие рассуждения <...> Истолкование попросту убивает всякое действие <...>

Мы все еще живем под бременем логики <...> Логические цели, напротив, от нас ускользают»<sup>23</sup>. Подобным «настоящим» романам Бретон противопоставляет романы «фальшивые» – т.е. фальшивые с точки зрения традиционной жанровой формы. «Начинайте писать роман. Сюрреализм даст вам такую возможность <...> Вот персонажи весьма разношерстного вида: вопрос об именах сведется для вас к вопросу о прописных буквах <...> будучи наделены небольшим числом физических и нравственных качеств, эти существа, на самом деле мало чем вам обязанные, уже не смогут уклониться от определенной линии поведения, так что вам не надо будет ей заниматься. Так возникнет интрига, <...> шаг за шагом приводящая либо к бурной, либо к спокойной развязке, до которой вам нет никакого дела»<sup>24</sup>.

Обратившись к постулатам сюрреализма, определяемого в «Манифесте» Бретона, как «чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить <...> реальное функционирование мысли», можно обнаружить целый ряд типологических совпадений с программными выводами ремизовского «Подорожия» 1925 г. Бретон говорил о роли воображения и о значении соединения сна и реальности для постижения сюрреальности; о новом типе психологизма; о диалоге как наилучшей форме сюрреалистического языка. Ремизов, учитывая реалии французской культурной ситуации (манифестированной в предисловии словом-термином «теперь»), акцентировал внимание на отраженных в переработанном романе эстетических принципах, как на принципах, имеющих «избирательное сродство» с устремлениями молодых французских писателей-сюрреалистов. Примечательно, что это «сродство» отметила и Н.В. Резникова, «изнутри» наблюдавшая взаимоотношения Ремизова и сюрреалистов: «В своих ранних писаниях (*Пруд* <...>) Ремизов доходит до самого темного

дна жизни. <...> У него сознательная и смелая идея, он пишет о ней в 1902 году С.П. Довгелло в письме, где он излагает свои мысли о *Пруде*: он будет говорить о зле своим голосом и, может быть, что-то повернет в мире. Аналогичные мысли высказывались французскими сюрреалистами»<sup>25</sup>.

Ремизовский замысел издать новую «сюрреалистическую» редакцию «Пруда» в 1925 г. остался не осуществленным. Текст увидел свет только в 2004 г. Публикатор – проф. Роджер Кей отказался предоставить его для издания в Собрании сочинений Ремизова 2000–2003 гг., и произведение было напечатано отдельной книгой в издательстве университета Беркли<sup>26</sup>. В связи с подобной судьбой ремизовского замысла 1925 г. смысл затейного писателем переиздания раннего романа остался не замеченным и не оцененным до настоящего времени. Надо также отметить, что одним из последних, оборванных смертью замыслов Ремизова конца 1950-х годов было создание очередной новой редакции «Пруда».

Работа писателя с неопубликованными текстами большой формы была аналогична его многолетним трудам по созданию все новых и новых редакций опубликованных произведений. В связи с этим в разных архивохранилищах имеется ряд наборных рукописей, представляющих собой *равнозначные для автора*, разновременные, а иногда и одновременные *редакции* неопубликованных произведений.

При существовании вышеуказанных текстологических трудностей издания ремизовских произведений крупной формы, а также при учете специфики представления писателя о «жизни» своих текстов, можно обозначить следующие пути решения существующих текстологических проблем, пути, которыми следовали участники издания.

Во-первых, сличение всего круга авторизованных изданий отдельных глав, частей произведений и их автографов.

Во-вторых, анализ косвенных источников (писем, воспоминаний и т.п.), в которых могла содержаться необходимая информация для реконструкции истории текста – для выяснения последовательности формирования и изменения состава произведения.

В-третьих, (это особенно актуально для произведений позднего периода творчества Ремизова) при наличии нескольких одновременных вариантов наборных рукописей монтажного типа проведение критики текста и выбор варианта, состоящего из максимального количества авторизованных текстов. В 10-томном Собрании сочинений именно этот вариант брался для публикации, хотя при создании собрания сочинений академического типа необходимо будет печатать полностью все редакции произведений, зачастую кардинально текстологически и концептуально расходящиеся друг с другом.

\* \* \*

При работе над изданием Собраний сочинений писателей Первой волны русской эмиграции возникают *проблемы, связанные с научным комментированием* публикуемых произведений.

Одним из основных является *вопрос полноты и меры интерпретационности*. Как известно, наиболее развернутым комментарием предстает в издании академическом или стремящемся к таковому. Однако и тут сохраняется опасность перейти черту между сообщением информации, точно истолковывающей текст, и пленительной для сердца филолога тягой к интерпретации. Подобный соблазн особенно возрастает при комментировании произведений русского модернизма, как правило, являющихся интертекстами. Данные проблемы были актуальны и для участников Собрания сочинений Алексея Ремизова в 10 томах.

Задачей авторов настоящего Собрания было – дать историко-литературный комментарий, максимально приближенный к



академическому и в то же время избежать интерпретационности, к которой так провоцируют тексты Ремизова. Останемся на примере комментария к публикуемому впервые в авторской редакции тексту романа Ремизова «Плачущая канава».

Этот роман был создан Ремизовым в 1914–1918 гг. При жизни писателя в разные годы в разных периодических изданиях публиковались только отдельные главы произведения. В 1991 г. А.А. Данилевский, контаминировав эти публикации, издал текст под навязанным в свое время Ремизову названием «Канава» в «Лениздат». Совокупность объективных и субъективных причин привела к тому, что ученый смог сопроводить текст лишь минимальным комментарием, в котором, в частности, были кратко пояснены восходящие к гностицизму реалии – имя философа Василида и понятие «Абракас».

При публикации сохранившейся в парижском архиве Ремизова наборной рукописи «Плачущей канавы» в Собрании сочинений была возможность дать развернутый историко-литературный комментарий к произведению. При его подготовке был выявлен целый пласт прямых и скрытых цитат, семантически относящихся к наследию раннехристианских гностиков. Знание специфики творческого метода Ремизова позволило выдвинуть гипотезу, что, как и всегда, цитатный пласт «Плачущей канавы» основывался на конкретном, доступном писателю источнике. Для литератора, не знавшего классических древних языков, при обращении к написанным на них текстам было характерно использование источников второго уровня, а именно – их научных или научно-популярных изложений или переводов на немецкий, французский и, прежде всего, на русский язык. В данном случае предстояло установить источник ремизовских сведений по гностицизму, обильно представленных в романе.

Как было нами ранее установлено<sup>27</sup>, Ремизов интересовался гностическими учениями еще в 1900-е годы, когда он столкнулся с их отражениями в древнерусских переводных апокрифах. Тогда информацию о присутствующих в них богомильских интерпретациях еретических концепций писатель почерпнул из трудов А. Пыпина, А. Веселовского, П. Щеголева и др. ученых. Но в случае «Плачущей канавы» речь шла о сохранившихся первоисточниках – содержащих сведения о гностических системах II–III вв. н.э. греческих и латинских трудах раннехристианских и средневековых ересеологов.

Напомню, что согласно авторской датировке работа над «Плачущей канавой» началась в 1914 г. Этот год – начало Великой войны – был воспринят Ремизовым как осуществление древних апокалипсических пророчеств, занимавших столь важное место в кругу апокрифических видений, хранящих воспоминания о философско-религиозных концепциях гностиков. А незадолго до этого произошло знаменательное событие – в 1913 г. в Санкт-Петербурге было опубликовано и получило широкий резонанс в научно-художественных кругах исследование Юрия Николаева (Юлии Николаевны Данзас) «В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма»<sup>28</sup>. Это была первая серьезная русская научная работа по данной проблематике. Она была написана прекрасным литературным языком и основана на изучении первоисточников из собраний европейских архивов и библиотек.

Ознакомление с книгой Юрия Николаева позволило сделать вывод о том, что именно она является тем источником второй степени, которым Ремизов пользовался в процессе создания романа «Плачущая канава». В приведенных там отрывках гностических текстов, во многом впервые переведенных на русский язык, а также в авторском изложении теоретических по-

стулатов различных ответвлений гностицизма писатель искал объяснений проблемы теодицеи, истолкования причин существования мирового зла, проявлением которого для него было начало Великой войны.

В романе «Плачущая канава» можно наметить следующую динамику использования книги Юрия Николаева.

По мере движения повествования к финалу восходящая к источнику текста скрытая образная символика сменяется его открытым цитированием и нарастающим называнием собственных имен и нарицательных обозначений сакральных сущностей.

В начале произведения рассказ о жизни персонализированных героев – жителей Петербурга – потомков «обойденных» судьбой персонажей Лескова и Достоевского, чья литературная наследственность маркирована скрытыми цитатами из указанных авторов, завершается обобщением – *упоминанием* о лежащей на всех героях «Каиновой змеиной печати»<sup>29</sup>. Сведения о ней Ремизов почерпнул из книги Юрия Николаева. Печати такого рода использовались каинитами – одним из ответвлений гностической секты офитов. Они почитали мистического Офиса-Змея – образ, принятый Верховной Премудростью, чтобы сообщить людям истинное знание. Раскрывая далее причины несчастной участи каждого из персонажей романа, Ремизов переходил к вопросу о возможности спора героев с судьбой, спора, переходящего в протест против Создателя – Бога. И здесь писатель обратился к *пересказу* осмысления Юрием Николаевым сведений ересеологов о личности легендарного спорщика – Симона Мага, соперничавшего с апостолом Петром. Ремизовский «человек из подполья» Антон Петрович Будылин излагал стене – брандмауэру – сказание о Симоне Маге, являющееся близким к тексту *переложением* трактовки этого предания Юрием Николаевым, увидевшим в легенде отголосок спора ветхозаветной ветви христи-

анства, символизируемой апостолом Петром, с побежденной новохристианской ветвью, представленной апостолом Павлом и сохранившейся только в признанных еретическими концепциях гностиков. «Вы знаете, – подмигивал он [Будылин. – А. Г.] брандмауэру, – сказание о апостоле Петре и Симоне волхве, как в Риме препирались, и как побежденный волхв низвергнут был на землю? А знаете ли вы, что волхв-то тут совсем ни при чем, а спорил апостол Петр с Павлом! Первоверховные-то, вместе поминаемые и празднуемые, врагами, оказывается, были, вы понимаете? А еще скажу вам, наверняка-то никто не возьмется сказать, был или не был апостол Петр в Риме, – а, скорее всего, никогда и не был»<sup>30</sup>. В данном случае комментарий к тексту состоит в констатации того, что здесь перед читателем экстракт из соответствующего раздела такой-то главы книги «В поисках за Божеством».

В дальнейшем Ремизов осмысляет судьбу спорящего с Богом Будылина через призму библейского и литературного сюжетов (Иов, бедный Евгений), но главным остается сопоставление героя с Симоном Магом, трактованным согласно концепции Юрия Николаева как еретик-философ.

По мере развития повествования конкретные перипетии сюжета начинают интерпретироваться писателем как проявления «грубого» видимого мира. Осознать его телеологический смысл, по Ремизову, можно только расценив его как один из трех видов бытия, в котором «материальное» сосуществует с «идеальным» и «духовным». И тут писатель представляет читателю знаковые имена философов-гностиков, в чьих теориях центральной является проблема теодицеи. Первым в романе возникает имя философа Секунда. Будылин долго рассуждает о беспредельности проявлений зла в России. «Все оплевано, омелено и сапожищем растерто, – горячился Антон Петрович <...> Вот она Россия – русская правда. / – Вы, Антон

Петрович, как некий философ Секунд, рассуждаете»<sup>31</sup>. В нашем комментарии имя этого гностика *толкуется не объективно-безлично, а через цитату* из сочинения Юрия Николаева. Осмысление этой цитаты Ремизовым явилось основой для упоминания имени мыслителя в контексте философского спора героев романа: «Секунд признавал валентинианское учение о падении последней эманации Божества и материализации ее недостаточным для разрешения проблемы мирового зла»<sup>32</sup>. Также цитатно, через контекст книги Юрия Николаева комментируется упоминаемое далее имя философа Василида, в чьей религиозной системе проблема мирового зла является центральной.

Учение Василида, подробно изложенное в исследовании «В погоне за Божеством», стало ядром идейной концепции романа «Плачущая канава». Семантическая роль этого религиозно-философского «ключа» к произведению маркируется самим писателем. Изложение сути системы Василида в источнике – книге Юрия Николаева – столь важно для Ремизова, что он отказывается от пересказа и прибегает к методу *прямого цитирования*. Сравним:

1. Текст «Плачущей канавы»: «Очень отдаленно начал Антон Петрович и туманно – сначала о гностике Василиде – “о бесстрастном отдыхе от муки существования с его вечным гнетом хотения и воли”, – потом о Руссо <...> – а потом уж о решении жениться на Нюшке»<sup>33</sup>.

2. Текст Юрия Николаева: «Все сущее страдает и чаёт избавления. Но в этом ~ Василид ~ видел ~ лишь бесстрастный отдых от муки существования ~ когда все сознание очистится от гнета хотения и воли ~ тогда наступит конец мировой драмы»<sup>34</sup>. В данном случае задачей комментатора было не только указание конкретного процитированного отрывка, но и приведение полного текста цитируемого

источника. Тем самым осуществлялось раскрытие смысла ремизовского текста.

По мере развития сюжета несчастные судьбы героев «Плачущей канавы» осмысляются автором как частные проявления единого космогонического процесса.

Перед концом произведения эпическое повествование превращается в философскую публицистику. Перечисление негативных впечатлений от посещения Ремизовым стран Западной Европы (Франции, Италии, Германии) летом 1914 г. сменяется обобщением – оценкой начавшейся Великой войны как закономерной конечной мировой катастрофы – телеологически предустановленного апокалипсиса. «Демииург скликал демиургов: “Придите! Сотворим человека по образу нашему и подобию!” И медленно змей из его уст проникал в уста безобразной ~ человечины»<sup>35</sup>.

Для точного комментирования этого текста оказалось необходимым указать на подразумеваемую Ремизовым ключевую гностическую концепцию и, одновременно, отметить присутствующую в нем цитату. В Собрании сочинений данный пассаж откомментирован так: «Изложение космогонической доктрины гностической секты офитов, доктрины, получившей развитие в учении Василида. Текст Ремизова основан на книге “В поисках за Божеством” с включением точной цитаты из источника. Ср.: “Все мировые начала были поражены этим раздавшимся свыше гласом <...> Тогда молвил к ним Иалдаваоф: “Придите, сотворим человека по образу и подобию нашему”. (Быт. I, 26). (Т.е. он, Иалдаваоф, желает завершить мировую эволюцию созданием высшего ее типа <...>). Иалдаваоф оживил человека, дав ему частицу змеообразного Ума и вдохнув в него “дыхание жизни” (Быт. II, 7), – т.е. частицу Духа” (В поисках за Божеством. С. 198)»<sup>36</sup>.

Финал романа представляет собой единение архаического повествовательного приема – информационного авторского

сообщения об участии по-разному встретивших войну немногочисленных героев произведения с введением финального загадочного слова-символа, истолкование которого в комментарии позволяет раскрыть авторскую концепцию происходящей на его глазах мировой катастрофы. «Плачущая канава» завершается так: «Когда объявили войну и начались всякие победы и поражения, Антон Петрович только руки потирал от удовольствия: все-то оправдывалось, как по-писанному <...> И когда в феврале в Петербурге вышли на Невский с революцией, Антон Петрович даже перекрестился: – Грядет! <...> И смерч, взвитувшийся над Россией – он верил – летел на запад – <...> Человек <...> выступал перед ним во всей своей наготе <...> И уж с ожесточением кивал он брандмауэру <...> Но под жалостью <...> он гавкал, выговаривая на злых духов и свои черные мысли последнее и единственное всесокрушающее заклинание: “Абракас!”»<sup>37</sup>.

Более или менее однозначное значение гностического понятия «Абракас» можно найти в любом философском энциклопедическом справочнике. Там оно и было обнаружено и далее использовано в комментарии А. Данилевским. Однако точный историко-литературный комментарий к роману заключается в информировании читателя об истолковании этого понятия в конкретном источнике Ремизова – книге Юрия Николаева. Там это – символическое обозначение концептуально-значимого зерна космогонической концепции Василида. В связи с этим в нашем издании комментарий к слову «абраксас» представляет собой точное цитирование книги «В поисках за Божеством»: «у Василида ~ число 365 космических сил, или сфер (или «небес» ~) обозначается таинственным словом Ἀβραάξ. Это слово ~ обозначает совокупность Творческих сил, проявляющихся во вселенной, и разгадка его смысла в том, что по цифровому значению букв греческого алфавита сумма букв слова Ἀβραάξ равнялась цифре 365.

124

<...> число 365 относилось не только к числу дней в году, но и к иным, неизвестным нам вычислениям в области высших сфер космоса. Все мистические учения рассматривали низший мир как отражение высшего <...> На основании этого закона, число суточных оборотов в году, т.е. цифра, определяющая отношение земли к солнцу, должна была соответствовать какому-то численному проявлению высших сил, недоступных разумению непосвященных. Это число – 365 – имело мистическое значение во многих древних культах <...> У Василидиан же мистическое значение слова Ἀβραάξ заключалось в обозначении *проявлений Творческих сил Божества в мире* [здесь и далее курсив Ю.Н. – А.Г.], полноты Жиздительной Силы, творящей реальный мир и одухотворяющей эволюцию сознания из низшей материи в высшую область духа. Это – мировая *воля*, направляющая эволюцию мирового сознания, и соприкасающаяся с Непознаваемой Сущностью Божества. <...> слово Ἀβραάξ <...> было вообще известно (как символ власти над элементарными силами природы) в древней народной магии, и было отсюда заимствовано Василидом»<sup>38</sup>.

Подобное комментирование гностического понятия пространной точной цитатой дает читателю возможность соединить развернутое истолкование загадочного термина в главном источнике Ремизова с его метафорическим, образным раскрытием в произведении и прийти к выводу, что в «Плачущей канаве» все трагические события современной истории, как частной, материализованной в судьбах персонажей, так и мировой, осмысляются писателем как составные части «Абракаса» – проявления Творческих сил Божества, соединяющего акт разрушения с актом созидания. Такая трактовка поясняет эффект катарсиса, который испытывает читатель, как бы сопresentствующий на таинстве совершающейся мировой мистерии. Отметим, что прямое введение вышесказанного в комментарий было бы излиш-

ним, поскольку вводило бы в него элемент интерпретации текста. Однако читатель, получив в свои руки точный источник, поясняющий загадочный термин, может далее сам объективно истолковать финал произведения.

При жизни Ремизова судьба его эзотерического романа была фатально трагичной. В дневниковой записи от 22 декабря 1956 г. писатель отмечал: «“Плачущая канава” роман в 4 частях. “Плачущая канава” написана с 1914 по 1918 г. Переписывалась не раз, нигде было напечатать. При переезде за границу, в августе 1921 года, рукопись пропала: один добрый человек взялся перевозить рукопись со своим драгоценным добром. На границе при обыске забрали у него драгоценности и заодно мою рукопись. Много было хлопот освободить – немалый срок прошел, и только в Париже 1923 г. вернулась ко мне “жемчужная” рукопись. “Плачущую канаву” принял П.Б. Струве и под заглавием “Канава” начал печатать в Русской мысли. С прекращением Русской мысли не могли окончить печатания рукописи. “Плачущая канава” написана 42 года тому назад. <...> В “Плачущей канаве” я умничаю»<sup>39</sup>. В 1957 г. ряд журналов откликнулись на смерть Ремизова публикацией частей «Плачущей канавы», как отрывков из *неопубликованного* произведения.

При публикации романа в Собрании сочинений задачей научного комментария было раскрытие источников ремизовского «умничанья». Было выявлено, что основным ключом к «гностическому коду» произведения стала книга Юрия Николаева «В поисках за Божеством».

Основная проблема, связанная с комментированием «Плачущей канавы», состояла в соблюдении точного баланса между соположением и дистанцированием оригинала (произведения Ремизова) и источника (исследования Юрия Николаева). Учитывая сложность изложенных в

последнем философских концепций, при комментировании надо было избежать опасности трактовки самого источника текста – т.е. подачи толкования толкований. С другой стороны, существовала возможность впасть в иную крайность – развернуть в комментарии интерпретацию ремизовского произведения. Выходом из подобной непростой ситуации стало максимально-корректное прямое цитирование текста-источника, а в случае протяженности использованного материала – его безличное краткое аннотирование с указанием точных данных о имеющихся в виду главах, разделах и страницах.

В процессе издания Собрания сочинений Ремизова его участникам не раз приходилось сталкиваться со сложными проблемами комментирования и находить подчас новаторские пути их решения. Представляется, что предпринятый опыт комментирования наследия Ремизова не только служит задаче полного раскрытия содержания текстов писателя для современного читателя, но также имеет методологическое значение для дальнейших трудов по квалифицированному изданию произведений писателей XX в.

\* \* \*

Подводя итоги, можно отметить, что в Собрании сочинений Ремизова фактически впервые опубликованы точно выверенные авторские варианты таких произведений, как «Плачущая канава», «Иверень», «Учитель музыки», «Петербургский буюрак». Участники Собрания рассматривают данные издания текстов, как введение в научное и читательское сознание представления о Ремизове как об одном из значимых русских писателей XX в. – мастере крупной прозаической формы.

Осуществленные в Собрании публикации текстов, сопровождаемые подробным комментарием, текстологическими историями и сводками печатных и рукописных источников, являются базой для

дальнейших исследований и последующих изданий ремизовских произведений.

К сожалению, общий объем издания (десять томов) был априорно задан издательством, обеспечивавшим финансовую поддержку проекта. Поэтому, несмотря на максимальное использование допустимого объема предустановленных томов, ряд важных художественных произведений Ремизова по данным причинам не вошли в состав Собрания сочинений. Также по тем же причинам в Собрание нельзя было поместить ремизовские письма, имеющие особую эстетическую и научную ценность (например, письма к И. Бунину, Б. Зайцеву, Н. Бердяеву, Л. Шестову и

многим другим деятелям русской культуры).

В настоящее время научное издание собраний сочинений писателей первой волны русской эмиграции, литераторов, чьи архивы в большинстве находятся и в России, и за ее пределами, реально осуществимо только при соединении научных трудов ученых российских академических институтов, российских архивистов, а также специалистов и архивистов из других стран. Только дорога научной интеграции ведет к важному «духовному деланию» – сохранению для современников и потомков наследия русской культуры XX в.

### Примечания

- <sup>1</sup> Арцыбашев М. Санин / Послел. Л. Колосова. – М.: Вся Москва, 1990. – 313 с.
- <sup>2</sup> Вербицкая А. Ключи счастья: В 2 т. / Подгот. текста, составл. и послеслов. Е. Путиловой. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – Т. 1 – 512 с.; Т. 2 – 510 с.
- <sup>3</sup> Томашевский Б.В. Писатель и книга. – М.: Искусство, 1959. – С. 218.
- <sup>4</sup> Блок А.А. Полное Собр. соч.: В 20 т. – М.: Наука, 1997.
- <sup>5</sup> Кодрянская Н. Алексей Ремизов. – Париж: [1959]. – С. 42.
- <sup>6</sup> Подробнее см.: Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 2002. – Т. 9: Учитель музыки / Подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия. – С. 465–472.
- <sup>7</sup> Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. – Париж, 1977. – С. 116.
- <sup>8</sup> Там же. – С. 119.
- <sup>9</sup> Там же. – С. 121–122.
- <sup>10</sup> Там же. – С. 144.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 170.
- <sup>12</sup> Там же. – С. 310.
- <sup>13</sup> Там же. – С. 333.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 336.
- <sup>15</sup> Там же. – С. 354.
- <sup>16</sup> РО ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 712-726. Письмо 3.
- <sup>17</sup> Переписка В.И. Иванова и А.М. Ремизова. Вступ. ст., примеч. и подготовка писем А. Ремизова – А.М. Грачевой; подготовка текстов писем Вяч. Иванова – О.А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. – М.: 1996. – С. 87.
- <sup>18</sup> Весы. – М., 1905. – № 9–10. – С. 85.
- <sup>19</sup> Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым. / Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. – СПб., 1992. – № 2. – С. 144.
- <sup>20</sup> См.: Данилевский А. О романе А. Ремизова «Пруд» // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: 2000. – Т. 1. – С. 508–524.
- <sup>21</sup> Ремизов А.М. Подорожие. История моего «Пруда» // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1: Пруд. – С. 505.
- <sup>22</sup> Там же. – С. 507.
- <sup>23</sup> Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М., 1986. – С. 42–45.
- <sup>24</sup> Там же. – С. 61.

- <sup>25</sup> Резникова Н.В. Огненная память. – Berkeley, 1980. – С. 135.
- <sup>26</sup> Aleksei Remizov's Prud (The Mere). The final text of the novel. / Ed. by Roger J. Keys. – Berkeley, 2004. – 389 p.
- <sup>27</sup> См.: Грачева А.М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. – СПб., 2000. – С. 30–70.
- <sup>28</sup> Юрий Николаев [Данзас Ю.Н.] В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма. – СПб., 1913. – 526 с.
- <sup>29</sup> Ремизов А.М. Плачужная канава // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 2001. – С. 323.
- <sup>30</sup> Там же, с. 323.
- <sup>31</sup> Там же, с. 359.
- <sup>32</sup> Юрий Николаев [Данзас Ю.Н.] В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма. СПб., 1913. – С. 333.
- <sup>33</sup> Ремизов А.М. Плачужная канава. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 4. – С. 429.
- <sup>34</sup> Юрий Николаев [Данзас Ю.Н.] В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма. – СПб., 1913. – С. 261, 268.
- <sup>35</sup> Ремизов А.М. Плачужная канава // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 2001. – Т. 4. – С. 447.
- <sup>36</sup> Там же, с. 542.
- <sup>37</sup> Там же, с. 452.
- <sup>38</sup> Юрий Николаев [Данзас Ю.Н.] В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма. – СПб., 1913. – С. 264–266.
- <sup>39</sup> Цит. по кн.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. – Париж, [1959]. – С. 303–304.

Т.Г. Петрова

### ОБСУЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ

Эмигрантская литературная критика первой волны (межвоенного периода) в первую очередь продолжала отечественные традиции символистской критики, сменившей на рубеже XIX–XX вв. позитивистски ориентированную критику. Символистская критика создала свой уникальный опыт интерпретации, но эта традиция, прерванная в советский период, нашла свое продолжение в эмиграции.

Начиная с Белинского, нигде критика не имела такого влияния, как в России, писал Ю. Иваск, в 1950-е годы размышлявший об отечественной критике и критиках: именно Белинский «увел русских взрослых детей (интеллигенцию) в начальную школу социальной этики», потом Писарев... «Михайловский был последний учительствующий критик». Еще при его жизни появились декаденты в журнале «Северный Вестник». «Правда многие декаденты, открывая эстетику, открыли религию – но без этики, как Мережковский или Вяч. Иванов. Для всех людей Серебряного века красота – двусмысленная красота, больше значила, чем добро или правда. Еще больше значило творчество»<sup>1</sup>. Но настоящее искусство, по мысли Ю. Иваска, «живо знанием о своем пределе – о границе творческих сил», а «настоящее понимание литературы» есть у четырех критиков, с мнением которых «необходимо считаться» в первую очередь – К. Леонтьев, В. Розанов, Ин. Анненский и пошедший «по следам их» Г. Адамович (пятой названа – З. Гиппиус), ибо все они «не забывают о границе искусства, и, поэтому, лучше, зорче видят», «фальшь режет их слух», а «секрет писательства» для них заключается, по словам В. Розанова, «в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может “сделать из себя писателя”. Но он не писатель... что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? Почему? Кто знает? – меньше всего автор»<sup>2</sup>.

ПЕТРОВА  
Татьяна  
Георгиевна,  
старший  
научный  
сотрудник  
ИНИОН РАН



Самоосмысление (саморефлексия) эмигрантской литературной критики приходится уже на начало 1920-х годов – период, когда происходило становление самой эмигрантской литературы и критики, создание эмигрантских газет и журналов. Литературная жизнь русской эмиграции протекала в многочисленных дискуссиях и одной из важнейших была *дискуссия о литературной критике*, ее роли, проходившая не только в 1920–1930-е годы, но и продолжавшаяся в послевоенные 1950-е вплоть до начала 1960-х годов. В полемике приняли участие Г. Адамович, А. Бахрах, А. Бем, А. Крайний (З. Гиппиус), М. Осоргин, Н. Оцуп, Д. Святополк-Мирский, М. Слоним, Б. Сосинский, Ю. Терапиано, Г. Федотов, В. Ходасевич, М. Цветаева, М. Цетлин, а в 50-е годы – Ю. Иваск, Г. Струве, Д. Кленовский, В. Новак, И. Тартак, А. Элькан (т.е. в послевоенные годы в полемику включаются и литераторы второй волны эмиграции). Эта полемика велась на страницах журналов: пражского «Воля России», брюссельского «Благонамеренный», парижского «Новый корабль», газет: парижских «Возрождение», «Последние новости», «Дни», «Новая газета», берлинского «Руля», варшавской «За свободу!». В 1950-е годы к ним добавились: парижская газета «Русская мысль», нью-йоркская газета «Новое русское слово» и журнал «Грани» (Франкфурт-на-Майне). В общей сложности этой проблеме посвящено свыше 30 статей названных критиков русского зарубежья. В этой статье рассматривается первый этап дискуссии, когда были поставлены ее основные вопросы.

Начал обсуждение Марк Слоним в 1924 г. в пражском журнале «Воля России», назвав современных ему эмигрантских литературных критиков «плакальщиками на похоронах России», которые видят «на всем, идущем из России, печать гибели, знак уничтожения», полагая, что литературы в России нет, а что осталось

от «прежнего богатства», «перенесено в Европу русскими эмигрантами»<sup>3</sup>. Он полемизировал с З. Гиппиус (А. Крайним), напечатавшей в парижском журнале «Современные записки» статью «Полет в Европу» о том, что с 1918 г. русской литературе пришел конец и чаша русской литературы из России выброшена: «Русская современная литература (в лице главных ее писателей) из России выплеснута в Европу. Здесь ее и надо искать, если о ней говорить»<sup>4</sup>. М. Слоним остро спорил с А. Крайним о судьбе русской литературы в метрополии и в зарубежье, упрекая в предвзятости и субъективизме.

Рассмотрев литературу эмиграции и советской России последних шести лет, и отдав предпочтение советской, а также заметив об А. Крайнем, что «политика лишила его чувства меры и художественного чутья», М. Слоним в этой пражской статье выступил *против подмены литературной критики тенденциозной публицистикой* (против которой, как отметил М. Слоним, сам А. Крайний и боролся в славные дореволюционные времена «Нового пути», «Вопросов жизни» и «Скорпиона») <sup>5</sup>.

В статье 1926 г. М. Слоним продолжил тему, напомнив о том, что «в искусстве, как и в жизни, происходит постоянная смена, непрерывное обновление» и символистская критика во имя «искусства ради искусства» выступала «против гражданской поэзии тенденциозно прогрессивной литературы»<sup>6</sup>. Он призвал А. Крайнего продолжать бороться «за новое, молодое, но еще непонятное, еще не канонизированное», как он до революции «разрушал авторитеты и возмущался, если кучка старых писателей заявляла: литература – это мы»<sup>7</sup>. А по мысли М. Слонима, именно такая, молодая и ищущая литература появляется в советской России, критик также пришел к выводу о том, что «политикой, а не художественными оценками» продиктованы и критические отзы-

вы Бунина в парижской газете «Возрождение» (о журналах «Версты» и «Своими путями»). Однако необходимо отметить, что полемический задор в равной степени присущ был и самому М. Слониму, например, скандально объявившему Бунина «мертвым писателем», «застывшим и принадлежащим к завершенной главе истории русской литературы»<sup>8</sup>.

Близкий по взглядам М. Слониму, критик Д. Святополк-Мирский в статье «О нынешнем состоянии русской литературы»<sup>9</sup> подчеркнул, что журнал «Благонамеренный» начал выходить в свет именно для того, «чтобы отстоять право литературной критики судить по литературным признакам. С другой стороны, при оценке явлений новых и по возрасту молодых, первая обязанность критика... отрешиться от своих личных вкусов и традиционных предрассуждений и постараться изнутри понять и оценить эти явления»<sup>10</sup>. Критик, по мысли Мирского, должен подходить к русской словесности с точки зрения объективной оценки «силы» того или иного писателя. Так, например, он имеет право не любить Достоевского и Чехова, предпочитая им Писемского и Куцевского, но утверждать, что Писемский больше Достоевского, а Куцевский – Чехова, абсолютно неверно. Подходить к литературе с политическими мерками бессмысленно. «Политические (и религиозные) идеи и симпатии писателя, – как полагает Мирский, – не имеют никакого политического (или религиозного) значения. Такое значение имеет только его *волевая заразительность*, часто не зависящая даже от художественного, а тем более психологического сознания самого писателя»<sup>11</sup>. Так, Гоголь, вопреки своей воле, стал знаменем радикализма, а толстовца Лескова мы справедливо считаем азбукой православной этики<sup>12</sup>. Критик отметил воспитательную роль литературы.

М. Цветаева в известной статье «Поэт о критике»<sup>13</sup> писала о том, что «материал произведения искусства» – не звук, не слово, а – дух, поэтому он бесконечен, и

его невозможно учесть. Стихи «уже при создании несут в себе абсолютное суждение о себе», и «совпасть с этим внутренним судом вещи над собою, опередить, в слухе, современников» – «задача критика, выполняемая только при наличии *дара*». Отсюда и ее определение критики, как «абсолютного слуха на будущее»; ибо, по ее мнению, «кто, в критике, не провидец – ремесленник. С правом труда, но без права суда»<sup>14</sup>. Кроме того, «критик: абсолютный читатель, взявшийся за перо»<sup>15</sup>. В этой статье (с дополнением в виде «Цветника», составленного из цитат разных критических выступлений Г. Адамовича, демонстрировавших произвольность оценок критика) Цветаева выступила не только против Адамовича-критика, но задела также Бунина-критика и таких маститых критиков, как Ю. Айхенвальд, З. Гиппиус, А. Яблоновский, А. Чёрный.

В том же 1926 г. Д. Мережковский провозгласил критику «самой насущной потребностью» русской литературы, вчерашней, сегодняшней и завтрашней.

В 1927 г. литературной критике был посвящен доклад М. Цетлина, опубликованный в парижском журнале «Новый корабль»<sup>16</sup>. Он отметил, что «русская критика всегда была трибунской, водительской, человеческой. Она была представительницей личности, хотя чересчур поглощенной общественными целями. Но, уводя читателя от искусства в общественность, она все же обходным путем приводила его обратно к искусству»<sup>17</sup>. Вместе с тем, «у критика есть страшное право – суда и осуждения», откуда вытекают и обязанности – «беспристрастия и осторожности»<sup>18</sup>.

В. Ходасевич в статье «О формализме и формалистах»<sup>19</sup> не принимал теоретического новаторства русского формализма. Как позднее заметил Г. Адамович, также не принимавший формализм, в эмиграции на формализм «часто смотрят свысока» и произносят имена формалистов «с улыбкой сожаления».

В 1928 г. наблюдается резкая интенсивность полемики. К этому времени надежд на скорое падение советского режима и в связи с этим возвращения на родину практически не остается, происходит осознание того, что эмиграция – это пожизненно. М. Осоргин в статье «Литературная неделя» поставил вопрос о возможности существования независимой и объективной русской критики в условиях эмиграции<sup>20</sup>. И возвращался к этой теме неоднократно, отстаивая свою позицию. Критик в «тесных» условиях эмиграции, по мнению участников дискуссии, был так скован разнообразными связями и отношениями, что становилось «трудным оградить независимость критической мысли». Поэтому эмигрантский критик, по мысли М. Осоргина, не может писать непредвзято о советской литературе, тем более что критики в своих оценках должны были учитывать политическое направление газет и журналов, в которых они печатались. Таким образом, Осоргин отрицал возможность объективной эмигрантской критики.

А. Крайний (З. Гиппиус) (статья «Положение литературной критики»<sup>21</sup>), вслед за М. Осоргиным, литературным редактором парижской газеты «Дни», полагал, что положение литературной критики в эмиграции «весьма печальное» и рассмотрел причины этого. Одна из них – чрезвычайно суженный круг («лежим все... на одной соломе»), что вызывает в критике обилие «дружеских излияний». Однако противостоять этому, по мнению А. Крайнего, могут память о русской критической традиции, «любовь к слову, мысли и жизни; и непреодолимое желание говорить о них всю правду».

Г. Адамович был решительно не согласен с теми, кто считает, что в эмиграции нет и не может быть критики. Он был согласен лишь с тем, что в эмигрантской критике нет «беспристрастных оценок», но при этом утверждал, что оценка в кри-

тике не нужна, ибо в половине случаев неизбежно ошибочна. «Единственно важно» в литературной критике «его собственное творчество, его построения и “узоры” вокруг творчества чужого, его тропинки около проложенной дороги, то уводящие, то соединяющие, то перерезающие, – но никак не ярлыки “плохо” или “хорошо”»<sup>22</sup>. Давая отзывы, «критик над каждым из них ставит вопросительный знак. Он себе верит, но не знает поверит ли ему время»<sup>23</sup>. Таким образом, согласно Адамовичу, в процессе комментирования и интерпретации авторских произведений для критика на первом месте – создание собственного мира, тогда как момент оценки вторичен. Ибо основная задача критики – писать о «самой жизни», о «самом главном», и критики сродни писателям. Однако, по мысли критика, «в теперешние времена по многим причинам... действительно чаще всего раздаются рукоплескания и восторги»<sup>24</sup>.

Размышляя над ненужностью оценки в критической деятельности, Г. Адамович пишет о том, что «формалисты очень остро почувствовали условность и даже вздорность «оценки». Они заменили ее изучением, выяснением. Перечислением приемов и отказались от выводов». «Формалисты оглянулись на прошлое и поняли, что время ни с какими авторитетами не считается... Но все же формализм, – в понимании Г. Адамовича, – не критика. Это не творчество, а откровенный отказ от него: в формализме отсутствует *воля*. И, например, самый одаренный из формалистов Шкловский, никак в свою теорию не вмещается»<sup>25</sup>. В каждой своей статье «он перерастает ее».

В. Ходасевич стремился дополнить статью А. Крайнего, сказать о том, что ускользнуло от его внимания<sup>26</sup>. Он выдвигал положение о том, что независимая критика (или критики независимые) в эмиграции имеются. Именно добросовестность и правдивость вынуждают крити-

ка быть независимым. Осоргин, а за ним и А. Крайний готовы считать критикой то, что ею не является – «все без исключения высказывания на литературные темы, кем бы и где бы они ни произносились. А это вовсе не так», – пишет Ходасевич. «Задача критики – вовсе не расстановка отметок писателям»<sup>27</sup>. Он также высказал мысль о том, что «критика есть творчество». Критик, как и художник, прежде всего, творит для себя, уясняет разбираемого автора, прежде всего, себе самому. «В сущности, только это вызывает и составляет смысл и ценность критики», согласно мысли Ходасевича. Тогда как «оценки» разбираемого произведения может и не быть. Свои суждения критик основывает на личном художественном опыте, на познаниях в области теории или истории литературы. Примерами таких критиков для Ходасевича становятся критики-профессионалы Ю. Айхенвальд, П.П. Бицилли, В.В. Вейдле, Н.К. Кузьман.

Три статьи «Письма о литературе: О критике и критиках» посвятил этой проблеме А.Л. Бем<sup>28</sup>. Он отметил такую черту эмигрантской критики, как преобладание газетной критики (не журнальной!). «Решающую роль для книги играет отзыв газетный», где и «бьется пульс эмигрантской литературной жизни»; статьи и книжные рецензии постоянно присутствовали в газетах. Следует заметить, что этот вывод Бема полностью подтверждается материалами этой дискуссии о критике, где газетные статьи преобладают. Хотя в других важнейших дискуссиях русского зарубежья роль журнальной критики была не менее важной (например, о классическом наследии).

Другая особенность эмигрантской критики, на которую обратил внимание А. Бем, – преобладание не критиков-профессионалов (Ю. Айхенвальд (в Берлине), но он умер в 1928), П. Пильский (в Риге), М. Слоним и А. Бем (в Праге), а критиков-писателей и преимущественно поэтов (два самых влиятельных критика зарубежья, оппонировавших друг другу –

В. Ходасевич и Г. Адамович). Бем определил разницу подходов в выборе произведений критика-профессионала и критика-писателя. «Критик-профессионал часто останавливает свое внимание на явлениях литературного порядка не по своему вкусу, а просто по своему вкусу критика. В выборе критикуемого материала он не так зависит от своих личных вкусов, как критик-писатель». «Тогда как для критика-писателя, особенно поэта, выбор определяется прежде всего его эстетическими вкусами». Он может «легко пройти мимо того, что его не задело, что выходит за пределы его художественного восприятия»<sup>29</sup>.

Еще одна особенность, на которую указал А. Бем, – писатели в эмиграции печатались, не обращая внимания на общественно-политическую позицию журнала. Но в центре журналов оказалось «политическое ядро», к которому «писательская периферия» имела слабое отношение. Последствием, по мнению Бема, стало «отсутствие надлежащего руководства отделом журнала или газеты». При таких условиях печатный орган имел «выдержанное политическое лицо», а литературное направление отсутствовало.

В 1930-е годы (уже в начале 30-х) наступил новый период: ушли споры о возможности и оправданности существования литературы в эмиграции. Жизнь решила эти вопросы. Появились и заявили о себе молодые писатели и поэты, занимая свое место в литературе. Пришло общее понимание того, что в литературе метрополии также имеются талантливые писатели, «выдвинувшиеся» в послереволюционные годы. Но если раньше в 1920-е годы отстаивалось мнение, что «само деление русской литературы на «советскую» и «эмигрантскую» неверно, что существует *единая русская литература* (курсив мой. – Т. П.), идущая своими особыми путями», то в 1930-е точка зрения поменялась – общим становилось мнение, что резко обозначился «подлинный разрыв между литературой подсоветской и

литературой зарубежной» (т.е. русского зарубежья), перед которой ставилась особенно серьезная и ответственная задача «отвечать за всю русскую литературу». Поэтому вопрос был уточнен, может ли литература это осознать и «оказаться на высоте поставленной перед ней задачей без надлежащей литературной критики?» Как и в литературе, в критике появлялись новые силы – талантливая молодежь – «вслед за молодой эмигрантской литера-

турой» – молодая эмигрантская критика. Молодежь внесла независимость мнений и оценок.

Возникали новые полемики, среди них наиболее значительные – о молодой эмигрантской литературе и о классическом наследии. Именно разнообразие и богатство интерпретаций русской классической литературы и стали наиболее значительным вкладом эмигрантской критики. Но это уже другая тема.

### *Примечания*

- <sup>1</sup> Иваск Ю. Четыре критика // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 1 марта. – № 14918. – С. 3.
- <sup>2</sup> Там же. – С. 8.
- <sup>3</sup> Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики // Воля России. – Прага, 1924. – № 4. – С. 59.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> Там же. – С. 60.
- <sup>6</sup> Слоним М. Литературные отклики: Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. – Прага, 1926. – № 8/9. – С. 98.
- <sup>7</sup> Там же. – С. 99.
- <sup>8</sup> Там же. – С. 88.
- <sup>9</sup> Святополк-Мирский Д. О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – Брюссель, 1926. – № 1. – С. 90–97.
- <sup>10</sup> Цит. по: Критика русского зарубежья. – М., 1998. – Т. 1. – С. 387.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 391.
- <sup>12</sup> Там же. – С. 392.
- <sup>13</sup> Цветаева М. Поэт о критике // Благонамеренный. – Брюссель, 1926. – № 2. – С. 94–125.
- <sup>14</sup> Там же. – С. 103.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> Цетлин М. О литературной критике // Новый корабль. – Париж, 1927. – № 1. – С. 31–35.
- <sup>17</sup> Там же. – С. 35.
- <sup>18</sup> Там же.
- <sup>19</sup> Ходасевич В. О формализме и формалистах // Возрождение. – Париж, 1927. – 10 марта.
- <sup>20</sup> Осоргин М. Литературная неделя // Дни. – Париж, 1928. – 29 апр.
- <sup>21</sup> Крайний А. Положение литературной критики // Возрождение. – Париж, 1928. – 24 мая. – С. 2.
- <sup>22</sup> Адамович Г. О критике и дружбе // Дни. – Париж, 1928. – 27 мая.
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> Ходасевич В. Еще о критике // Возрождение. – Париж. 1928. – 31 мая. – С. 3–4.
- <sup>27</sup> Там же.
- <sup>28</sup> Бем А.Л. Письма о литературе: О критике и критиках // Руль. – Берлин, 1931. – 29 апр., 6 мая, 18 мая.
- <sup>29</sup> Там же. – 6 мая.

---

## ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

*Н.И. Голубева-Монаткина*

### О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Русское Зарубежье, или иначе Зарубежная Россия, этот крупный историко-культурный феномен XX в., возник благодаря первой волне эмиграции и, исчезнув после сравнительно недолгого существования (1919–1939), оставил после себя не только внушительное культурное наследие, но и уже не одно поколение в разной степени владеющих русской речью американцев и французов, бразильцев и австралийцев, англичан и итальянцев... В нашей стране достаточно активное изучение этой речи началось с начала 1990-х годов<sup>1</sup>. В этой статье проблематика эмигрантской языковой культуры будет рассмотрена на примере русской речи во Франции и Канаде, где в 1990-е годы автор смог вести полевые исследования и, в частности, сделать магнитофонные записи интервью с представителями четырех поколений эмигрантов первой «волны»<sup>2</sup>.

Известно, что даже при самых благоприятных условиях адаптация в чужой стране является трудной, стрессогенной, поскольку для мигранта меняется все (природа, климат, социальные, экономические и психологические отношения с миром, отношения внутри семьи), причем самая важная часть изменений – культурно-языковые. Существование Русского Зарубежья стало возможным благодаря тому, что у покинувших Россию в связи с Гражданской войной была установка на возвращение в родную страну и поэтому на временность своего пребывания вне ее. Собранный языковой материал показывает, что из четырех возможных стратегий адаптации в новых жизненных условиях русские первой «волны» избрали ту, которую некоторые представители современной кросс-культурной психологии называют сепаратизмом, или сегрегацией, и которая заключается в том, что меньшинство отвергает культуру большинства и сохраняет свои ценности. Эти тексты свидетельствуют также и том, что со временем эта стратегия заместилась стратегией интеграции,

*ГОЛУБЕВА-  
МОНАТКИНА  
Наталья  
Ивановна,  
доктор  
филологических  
наук, МГУ*

идентификации и со старой и с новой культурой – у многих представителей второго поколения еще сохранялось собственное культурное наследие и есть благожелательность к культуре большинства, т.е. к культуре, например, французской.

Установка на возвращение в Россию предопределила постоянную и разнообразную по формам и методам борьбу Русского Зарубежья за сохранение национального самосознания, одним из самых очевидных проявлений которого является осознание своей этнической принадлежности, национальная идентификация. В этой борьбе культура в целом и ее языковые аспекты в частности имели первостепенное значение.

Роль русского языка в эмиграции хорошо осознавалась самими эмигрантами. Профессор Пио-Ульский, обращаясь к молодежи в 1939 г., говорил: «Гордитесь, что вы русские, гордитесь Великим Отечеством, гордитесь этой чудной культурной страной и не берите примера с тех наших соотечественников, которые, усвоив хорошо местный язык, стараются забыть, что они – русские. Эти люди не достойны своего Отечества. Кличка “русский” – кличка почетная и к ней с вполне оправданным уважением должны относиться не только славянские народы, но и иноземцы...»<sup>3</sup>.

Языковые проблемы были и до сих пор остаются очень важными для представителей русской послереволюционной эмиграции и ее потомков, говорящих по-русски. Желая оставаться русскими и в течение долгого времени надеясь на скорое возвращение в Россию, эмигранты первой волны стремились сохранить «в чистоте» как свой собственный русский язык, так и язык следующих поколений. Все новое рассматривалось ими как извращение великого русского языка, нашествия XIX в. Языковые проблемы активно обсуждаются в среде эмигрантов,

статьи и брошюры на эту тему публикуются в разных странах.

Прежде в России теперешние эмигранты не проявляли такого интереса к языку, и на это вскоре уже обращает внимание ироничная Н.А. Тэффи: «Очень много писалось о том, что надо беречь русский язык, обращаться с ним осторожно, не портить, не искажать, не вводить новшества. Призыв этот действует. Все стараются. Многие теперь только и делают, что берегут русский язык. Прислушиваются, исправляют и учат. Думал ли кто-нибудь в России, правильно ли он говорит? Приходило ли кому-нибудь в голову сомневаться в законности своего произношения или оборота фразы?»<sup>4</sup>.

Еще в 1920-е годы в Русском Зарубежье постоянно подчеркивается роль русского языка в существовании русского народа и России. Так, герцог Г. Лейхтенбергский предварил сборник статей С. и А. Волконских «В защиту русского языка», в частности, следующими словами: «Уже брезжит вдали рассвет новой России. В огне войны и революции сгорели все противоречия прошлого... Будущая Россия – христианская и национальная – будет строиться на двух главных основах: вере и языке. За веру нам бояться не приходится: – уже ясно нам, что она жива и торжествует, несмотря на все испытания. С языком – хуже. Он испорчен, засорен, запoганен разными наростами, начиная с словосокращений военного времени и кончая словоблудием большевизма. Его надо лечить, очищать для того, чтобы он вновь стал достойным великого будущего великого Русского народа».

Язык – это «залог единства стомиллионного народа», «немолчный свидетель былой славы», «условие его возрождения», у народа и отдельного гражданина можно отнять землю и дома, деньги и вещи, лишить всех прав и привилегий, свободы, но нельзя отнять у него язык<sup>5</sup>. Однако язык можно «искалечить» (это

«сознательно» делают большевики), «искажить» (это «невольно» делают эмигранты). «Опасной болезни» русского языка способствовали не только большевизм, но и война 1914 г., позиция Российской академии наук, которая лишь «выдавала премии», не занимаясь «эстетически-воспитательной цензурой в области языка». Свою отрицательную роль сыграл и атеизм.

А.Л. Бем в 1944 г. подчеркивает: «Борьба с Церковью в советской России и насаждение безбожия имело своим следствием осуждение русского языка, подрыв в нем одного из существенных элементов, связанного с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи с ослаблением Церкви, являющейся на протяжении веков новой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка»<sup>6</sup>.

Каковы симптомы «опасной болезни» русского языка, по мнению эмигрантов?

Во-первых, это «ошибки против ударения», неправильность которого хотя и «не искажает смысла, но... придает некую классовость, известный провинциализм, который не совместим с настоящей безотносительной правильностью речи». Например, в словах *возбудить*, *ходатайство*, а «вся Москва уже говорит "Он мне позвонит" (вм. *позвонит*)»<sup>7</sup>.

Во-вторых, имеется много «искажений смысла» (*одеть* вм. *надеть*; *он упорно не хочет*; *он определенно не знает*), особо неприятны «гнусный паразит» *обязательно* и «уродливое слово» *подвезло*; кроме того, существуют «ужаснейшее слово *извиняюсь* и ужаснейшее с ним вместе поведение», «маленькая пилюля советской обходительности *пока*», а «прекрасное, священное слово *товарищ*... превратилось в совершенно бессодержательное обращение, выдуманное, выпотрошенное слово»<sup>8</sup>.

В-третьих, существует «вопрос об иностранных словах», важный «не только с точки зрения засорения языка, но и с точки зрения искажения мыслительного

аппарата и... слуховой чувствительности к речевой правильности»<sup>9</sup>. Зачем слово *пресса*, когда есть *печать*? Зачем *детальный*, когда есть *подробный*? Зачем *ориентироваться*, когда есть *разобраться*, *осмотреться*? Зачем *аргумент*, *депрессия*, *монумент*, *эксперимент*, когда есть соответственно *довод*, *подавленность*, *памятник*, *опыт*? Ведь «непринемлемо иногда слово, имеющее уже в русском языке соответствующее ему и тождественное слово»<sup>10</sup>. Такие слова, как *анкета*, *аромат*, *аспект*, *варьировать*, *доминировать*, *конфликт*, *опубликовать*, *режим*, *реконструкция*, *скрупулезный*, *солидный*, *суммарный*, *фронт*, *шевелюра* и ряд других являются «оскорблением русскому языку», поскольку не имеют «одного равнозначного по-русски», а выражаются «в каждом данном случае одним из целого ряда слов»<sup>11</sup>. Правда, что касается тех понятий «до коих русский народ сам не додумался», кроме искусственного создания нового слова можно заимствовать чужое. Но все же это слово должно употребляться лишь в данной области, как, например, *ситуация* в философском языке...

Но и в Зарубежной России, и позже, в 1950–1960-е годы, эмигранты особенно внимательны к изменениям в собственном языке, фиксируют их на страницах печати, их пародируют писатели. Так, в 1926 г. газета «Возрождение» печатает такие поговорки, бытующие во Франции: *Как аукнется, так ажан и откликнется* (франц. agent 'полицейский'); *На Бога надейся, а в бюро d'анбош все же зайди* (франц. bureau d'embauche 'бюро по трудоустройству'); *Не красна изба углами, а красна шафажем* (франц. chauffage 'отопление'). Размышления о будущем русского языка вне пределов России находят свое отражение также в эмигрантской художественной литературе – в конце 1920-х годов в рассказе «Русский интернационал» бытописатель эмиграции А. Ренников насмешливо описывает то, как будут говорить в Петербурге вернувшиеся из самых разных стран русские эмигранты: «После сверже-



ния большевиков, когда эмиграция вернется в Россию, в Петербурге можно будет наблюдать любопытные бытовые сценки... Вагон трамвая № 3 по-прежнему ходит от Новой Деревни до Балтийского Вокзала. Народу много. Душно. Среди стука колес и звона окон слышны отрывки бесед, отдельные фразы.

– Ох, как жарко! Будто не Петербург, а Лемнос.

– Что Лемнос! Наш Сиди-Бишр вспомнишь.

– Мсье! Вы уронили пакет. Вот.

– Хвала лепо.

– Что? Сербской эвакуации? Вот приятно! Позвольте познакомиться: Журавлев. Тоже эсхаесен.

– Врло доволен ... Птичкин. Давно в Петербурге?

– Еденаедцать месяцев. Вы – белградец?

– Нет. Вранячкой Бани. А вы? Сараевский? Как же, бывал в Сараеве. Лепо. Прекрасный городок. Лукина, случайно, не знали?

– Господи! Как не знать. Приятели. Вместе в кинематографе в оркестре играли. Он на флейте, а я капельдинером.

– Доннер веттер! – раздается рядом с сербскими пассажирами сердитый голос. – Не толкайтесь, майн герр, когда разговариваете. Это вам не Тиргартен во время альгемайна штрайка.

– Действительно, субъект! Ляля, отодвинься: Сао джип, дингай геби чака дед-жазмах.

– Бер мыгаф, мама, не обращай внимания. Беребеви альфа ферендж чыки чыки.

– Сударыня, прошу вас не ругаться. Я не виноват, что тесно.

– Никто вас не трогает, мсье. Я просто разговариваю с дочерью по-абиссински.

– Мсье! Эй! ла бонтэ, передайте деньги ресевверу. Мерси бьен. Плетиль? Десять сантимов? Виноват – копеек? А я думал пять. Эскюзоз муа.

– Битте шен.

– Кому еще билеты? Господа! Прошу билеты! – раздается зычный возглас кондуктора.

– До краю, – сует деньги старушка.

– А мне до гар Монпарнасс. Пардон. До Балтийского [...]»<sup>12</sup>.

Однако вплоть до периода после Второй мировой войны язык, на котором говорило «рассеяние», и язык России представляется эмигрантам единым русским языком. И вот этот общий для всех русский язык находится в опасности, его необходимо спасать. Кто же, по мнению эмигрантов, может это сделать? Только образованные слои населения, т.е. после 1917 г. сами эмигранты. Это является их «ежечасной миссией», «долгом перед народом»: «Если бы вся зарубежная Россия сознательно встала в вопросе языка на сторону охранительных начал (*force conservatrice*), она смогла бы удержать его от скольжения в пропасть. Ведь когда-нибудь да мы вернемся, и тогда наш русский язык будет языком высшей культуры и потому неизбежно будет влиять на язык послебольшевицкой России»<sup>13</sup>. В целом же перед эмигрантами стоит «захватывающая задача разобраться в отвратительном языковом наследстве большевиков, в этих, по приказу рожденных словами, сляпанных из обрубков нескольких слов или склеенных из двух, с полным пренебрежением к законам русского языка, – без соединительной гласной»<sup>14</sup>.

Но среди эмигрантов были образованные филологи, которые в своем отношении к современному им языку старались подняться над политическими и бытовыми эмоциями пуристов-обывателей и сделать научный анализ изменений в русском языке послереволюционного периода. Это, прежде всего, С.И. Карцевский. Признавая, что он работает «вдали от родины по устаревшим личным воспоминаниям, а еще на основании чужих работ или же отражений языковых новшеств в литературном языке», он пишет, что так резко

отвергаемые «широкой русской публикой» (имеющей, впрочем, «чрезвычайно смутные представления о языке») так называемые новые слова представляют собой (за исключением заимствований) «видоизменение уже существующих»<sup>15</sup>. Анализ языковых фактов дал Карцевскому возможность утверждать, что серьезно говорить о какой-то «революции» в языке России не приходится, «ибо все процессы, наблюдающиеся в русском языке являются обыденными, нормальными процессами, но с ускоренным темпом»<sup>16</sup>.

Но все же, поскольку революция и гражданская война оказали, по мнению Карцевского, большое влияние на русский язык, и «именно в событиях социально-политических последних лет нужно искать причину всех новшеств, проникших в русский словарь за период 1905–1922 гг.». Каких новшеств? А вот каких. В 1905 году в жаргоне партий появилось слово *товарищ*, *летчик* вытеснило *авиатор*; родилось много сокращений, в частности, *ЦК*. В 1914–1922 гг. начинают свою жизнь слова *командарм*, *главоверх* (верховный главнокомандующий), *земгор* (союз земств и городов), *угробиться* 'разбиться', *наркомпоморе* (народный комиссар по морских делам), миллион зовется *лимон*. Появляются сокращения (*М.В.Д.*; *Вр. и.о.*) по начальным буквам (что очень распространено в 1905 г.), сокращения звуковые (*НЭП*, *ГПУ*), слоговые (редко отдельные слова – *зам*, *спец*; чаще целые выражения – *Коминтерн*, *Донбасс*), смешанные (*зубчека*) (этот тип появился во время войны, но «проявился слабо»), сложные (*продналог*, *компартия*).

Столь же взвешенной была точка зрения Карцевского на другой «больной» для русских эмигрантов вопрос – введение в России новой орфографии. Эта «вечная» тема для обсуждения (и осуждения) возникает с первых лет существования Зарубежья, которое протестует против «упрощенного письма» и делом, используя старую орфографию, и словом: «...правильное правописание является результа-

том мышления правильного, неправильное правописание становится причиной мышления, и мышления неправильного... Однообразное письмо таких слов, как "ее" и "ея", приводит к тому, что сглаживается в нас сознание тех различных двух грамматических категорий, к которым эти слова принадлежат. Происходит своего рода оскудение запаса логических понятий. Ум беднеет, когда пересекаются пути его разветвления... русское мышление в опасности»<sup>17</sup>.

С.И. Карцевский же подчеркивал, что «орфография не есть язык, и как бы "революционна" она не была, к языку революции она не имеет никакого отношения»<sup>18</sup>. Он рассказывает историю самой реформы, раскрывает причины отрицательного отношения к новой орфографии со стороны эмигрантов: «Публика по-прежнему до сих убеждена, что новая орфография есть одно из дьявольских изобретений большевизма, почему и заслуживает всяческого осуждения. Люди более сведущие знают, конечно, что это не так и что новое правописание является правописанием академическим, но их огорчает то обстоятельство, что большевики тоже пользуются новой орфографией»<sup>19</sup>. Сделав достаточно подробный научный анализ, лингвист подводит итог: «...новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского правописания; русский алфавит, как система, ничуть не пострадал... О "ненаучности" и "безграмотности" новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание "безобразным", "неэстетичным" – дело вкуса и привычки»<sup>20</sup>.

В 1926 году свой прозорливый и очень «лингвистичный» взгляд на состояние русского языка высказала Тэффи, чем вызвала недовольство некоторых кругов эмиграции – например, в сборнике Волконских опубликована достаточно резкая статья «Об "охранителях" (По поводу одной статьи г-жи Тэффи)». Писательница напомнила, что вся «огромная Россия со-

четала сотни наречий, тысячи акцентов», что «тот сухой академический язык, который рекомендуется... сейчас, существовал лишь в литературе», что литературный язык в разговоре безобразен, потому что мертв и что «в России будущие эмигранты говорили “на живом языке”, “никто никого не одергивал, не поправлял, не останавливал». Тэффи обращала внимание на то, что в России язык уже отошел «от старого русла»: «Разве он тот, каким мы его оставили. Почитайте их разговорную литературу. Поговорите с приезжими. Прислушайтесь». Что же будет с русским языком рассеяния? По мнению Тэффи, вот что: «Какие бы шлюзы ни ставили сейчас нашему бедному эмигрантскому языку, он прорвет их и если суждено ему стать уродом, то и станет, а будет живым».

Но все же в Русском Зарубежье возобладали взгляды, декларированные Волконскими, причем их влияние было столь сильно, что его отголоски слышны и сейчас (об этом см. ниже). Итак, за русский язык надо «держаться», как держатся за свой язык другие народы, — «с остервенением, руками, ногами и зубами»<sup>21</sup>. Необходимо бороться не только «словесными излияниями», но и активной объединенной деятельностью.

Для этого в середине 1930-х годов в Югославии, например, создается «Союз ревнителей чистоты русского языка», который «упорно вызывает о необходимости всячески бороться за сохранение чистоты родного разговорного и письменного языка»<sup>22</sup>. Кроме ставших уже обычными для эмигрантов высказываний о том, что русский язык «искажают не только распыленные среди других народов несчастные беженцы, но и владеющие всею печатью в России коммунисты и “иже с ними”, в “Памятке” союза уже содержится признание неизбежности “порчи родного языка” у людей, “длительно живущих вне своей родины, для поколения, подрастающего

на чужбине». Хотя это “прикорбное явление” и известно русским, живущим на чужбине, оно их “еще недостаточно устрашает”, а оно ужасно. Человек, не говорящий и не думающий по-русски, перестает быть русским»<sup>23</sup>.

К середине 1940-х годов, по-видимому, у эмигрантов нарастает ощущение того, что за рубежом по-русски говорят иначе, чем в России. Вот отрывок из одного частного письма, написанного в США по поводу редактирования одного из эмигрантских русскоязычных журналов (небесполезно также обратить внимание на сам язык письма): «Вы привыкли к этим постоянным искажениям-переводам, и Вам больше не режет глаз это убожество газетного языка русскоамериканской печати. Над нами определенно смеются приезжие из Советского Союза. Приходится мириться с кошмарными словечками... Это уже жаргон местных людей, но в сообщениях и статьях мы не можем пользоваться набором стандартных выражений из рубрики русско-американских объявлений. Газета ответственна за судьбу языка, представительницей которого она является... Если в моих доводах немало смешливости, это не должно искажать моего намерения. Намерение же это в том, чтобы воззвать к Вам... дабы Вы взяли на себя дополнительную и нелегкую заботу о борьбе за чистоту русского языка, сначала у нас же в газете, затем и вообще среди русских американцев, поскольку они еще хотят пользоваться языком отцов. Так как тут вообще книг широкая публика не читает, на газету, как таковую, ложится гораздо более обширная ответственность за общий культурный уровень».

В начале 1950-х годов в зарубежье уже пишут о существовании двух русских языковых ветвей — языков «эмигрантского» и «советского», поскольку представители «рассеяния» познакомились с тем, как говорит вторая волна эмиграции, т.е. те, кто более 20 лет уже прожил в СССР,

получил там образование и по разным причинам в 1940-х годах оказался вне родины. Для многих представителей старой эмиграции язык новой России – это «внутренне убогий, надуманный, художочный, бескровный, лживый, трескучий, пошлый и технически неряшливый советский жаргон»<sup>24</sup>, портящий тот язык, на котором говорят они сами (и это – вторая большая опасность для эмигрантского языка, наряду с его денационализацией): эмигрантский язык взял из «советского» много сокращений и «по советскому образцу» создает свои (атомбомба, соцзубры, партдворяне, совпатриоты, НТС), заимствует много переосмысленных слов (боец (солдат)), командир (офицер)), «пошлых советских словечек» (агитка, фальшивка, радиопередача, автотранспорт, торговая точка, частный сектор) и неуместно их употребляет (например, исполком той или иной эмигрантской организации, классово-сознательный комсомол дворянского союза).

Небезынтересно привести также следующие рассуждения того же автора: «Вот несколько образцов, часто неуклюже русифицированных иностранных слов, прочно вошедших в наш эмигрантский язык: пресса, импорт, экспорт, продукция, индустрия, тред-юнион, конгрессмен, менаджер, бизнес, лейбористы, форейн-офис, стейт-департамент, фарма, чартер, собвей, техникolor, шортсторн, челленджер, аррондисман, ажан, рефрижератор, офензива дефензива, экзекутива, камион, дубляж, экселанс, униформа, сигнатор, интуит, рация, инсигнин, профет, автографивать, ветировать, регентировать, магазинировать, примат, трансатлантин, анальфabet, полицай, бауэр, рекламатор (в смысле объявитель) и бесчисленное множество других. Кому, кроме лиц, живущих в странах испанского языка, может быть понятна такая фраза: “площадь в пять квадров”».

При этом часть этих благоприобретенных словечек сохранила чисто местный характер, т.е.: употребляется только той

группой эмиграции, которая жила в той стране, из языка коей заимствованы эти слова. Но нельзя забывать, что чуть ли не вся эмиграция в своих скитаниях перебивала во многих странах и они все оставили свои следы в ее языке, слоями накапливавшиеся. Значительная же доля этих слов стала общеэмигрантским достоянием и употребляется нашими соотечественниками во всех местах их проживания, непрерывно меняющихся.

Всей эмиграцией принято также неуклюжее и, к тому же, нерусским способом образованное слово – пресс-конференция. Кстати, это заполняющее в последнее время столбцы нашей печати слово носит столь нерусский характер, что некоторые эмигранты стали его заменять выражением – конференция прессы, что, пожалуй, еще хуже, ибо вносит путаницу, так как обозначает нечто иное, а именно: собрание, заседание, совещание деятелей печати.

В этом бурном потоке иностранных слов десятилетиями почти невозбранно наводняющих наш язык мы постепенно теряем чуткость к родному языку, понимание его духа, оставляем свои родные слова и без нужды заменяем их иностранными или же забываем точный смысл наших слов и часто произвольно даем им другой смысл и значение, нередко противоположное основному.

Так, в частности, вместо хороших русских или прочно обрусевших слов: договор, сообщение, празднество, концерт, мы теперь без всяких оснований говорим – соответственно: пакт, коммюнике, фестиваль, реситаль, – быть может, для придания своим словам большей важности и значения, так как иное основание даже и подыскать невозможно.

Когда я слышу эти замысловатые словечки, мне каждый раз неизменно вспоминается следующий случай. – Во дни моей далекой юности, я в одном из южнорусских городов знал некоего парикмахера. У него было скромное помещение с одностворчатой дверью, на которой было кратко написано: “Вход”. Когда же дела

улучшились, он принимая соседнее помещение, отделал его и заново оборудовал. Широкую двустворчатую дверь он снабдил вращающимися створками, вставил в них зеркальные стекла, а старую дверь закрыл и на ней поместил плакат с перстом, указывающим на новую, роскошную дверь и с надписью: “Вход в антрэ”, так как простое и общепотребительное слово “вход” казалось ему теперь уже слишком скромным и недостаточным для обозначения такой пышной двери.

Словно нарочно придуманной иллюстрацией к моим обличениям кажется заглавие статьи в одном эмигрантском журнале: “Коммюнике Пресс-бюро СОНР”. Что-то неладное творится и с некоторыми другими словами, которым настойчиво дается другое значение. Напр., слово – рекомендация теперь, особенно в статьях политического характера, обозначает: – предложение, массировать – собирать в массы, конвой – караван кораблей. Автор одного рассказа на протяжении всего лишь нескольких строк дважды употребляет слово вестовой в смысле – вестник, т.е.: приносящий вести, известия.

В связи с этим хочется упомянуть своеобразные причуды памяти, которая под всесторонним и долговременным влиянием границы заставляет нас часто забывать то, что забывать постыдно и недопустимо. Так пушкинская “Капитанская дочка” превращается у нас в – “Дочь капитана”, гоголевская “Женитьба”, в “Свадьбу”, а “Свадьба Кречинского” в “Женитьбу Кречинского”, чеховский же “Архиерей” – в “Епископа”.

Забыв, а иногда – как часть нашей молодежи – и не зная, подлинные названия многих русских художественных произведений, мы их заглавия восстанавливаем, вторично переводя уже с иностранного языка на русский. По этим же причинам, вместо – мирный договор, мы нередко пишем: контракт мира. Небрежность наша в языке дошла сейчас до такой степени,

что мы перестали уже обращать внимание на слова, вдумываться в их смысл и делать отбор при пользовании ими, а говорим обычно то слово, которое первым попало на язык. Оттого-то нередко можно встретить выражения: индустрия и промышленность, пакт и договор, координирование и согласование, где преподносятся как различные совершенно однозначные слова. А недавно мне довелось прочесть: На складе – магазинируется., и даже – производство продукции.

В наших речах – и устных и письменных – наши слова теряют точный, определенный и ясный смысл и превращаются в слована мекки, с расплывчатым и приблизительным лишь значением.

Но мы не только загрязнили наш словарь словесным мусором. У нас уже в значительной мере притупилось языковое чутье, снизился вкус. Мы затуманиваем нашу мысль, ослабляем внимание и уже не контролируем наши слова с необходимой бдительностью и тщательностью. И мудрено ли, что при подобной небрежности в пользовании словом, наша речь пестрит такими выражениями, как:

Рыбья похлебка, Безусые плечи, Удобоваримый карандаш, Собственноручно съесть, Матинэ от 16 до 21 часа.

А один поэт и серьезный литературный исследователь, сам решительно и умело борющийся за чистоту языка, написал: Слышавшего почти из первых рук.

Приведу только один пример крайнего опошления языка. – Некоторая, довольно определенная, часть нашей эмигрантской печати в последние годы – после Второй мировой войны – упорно и настойчиво, с какой-то несомненной, хотя нам и неясной, намеренностью пользуется собирательным именем И в а н для обозначения русского человека вообще, в частности же и в особенности русского солдата.

Наши эмигранты так увлеклись этой пошлой кличкой “Иван”, усиленно кем-то вводимой, что начинают придавать ей

даже всеобщее, международное значение, – У одного журналиста, наряду с “Иваном” – просто – появился уже и *Турецкий Иван*. Этот чрезмерно увлекающийся журналист уступает здесь в логике и здравом смысле даже знаменитому герою оперы “Запорожец за Дунаем”. Злосчастный Иван Карась, когда силою обстоятельств “у турка перевернувшись”, то вполне основательно замечает, что тогда “з Ивана я зробывсь Урхан”. А мы, оплевывая свой родной народ, уже и другие народы награждаем столь полюбившейся нам омерзительной кличкой “Иван”. Эта отвратительная кличка, достойно продолжающая линию о с т а, остоваца, до сих пор, остающихся в нашем языке, и Д и – П и. И этой кличкой иные стремятся заменить славное историческое имя нашего великого народа...

Непонятым является пристрастие эмиграции к созданному большевиками слову – разукрупнение, где взаимно противоположные – первая и вторая – части слова, соединенные вместе, лишают это слово всякого смысла. Еще большее недоумение вызывает почему-то полюбившееся некоторой части эмиграции слово – присвоить, в том смысле, который ему безграмотно дали большевики. Как показывает состав этого слова, – присвоить можно только самому себе, а не кому-либо другому. Несмотря на это приходится в наших эмигрантских газетах иногда читать, что звание генерала (полковника, майора и т.д.) присвоено полковнику (капитану, старшему лейтенанту и т.д.). В иных случаях это слово, особенно когда оно относится к эмигрантским людям и фактам, против воли и сознания пользующегося им, коварно само обнаруживает свой истинный смысл, в каковом оно употреблялось, между прочим, и в добольшевическом русском законодательстве, где “присвоение” считалось противозаконным, наказуемым деянием. Пользование большевиками данным ими ему значением, может быть понято. Они здесь бессознательно обнаружили самое свою сущность. Ведь у них все, начиная от идеи

и способа приобретения материальных средств для своей деятельности и кончая именами вождей, – чужое, ими присвоенное. Принятие же эмиграцией этого, большевиками обезображенного и обесмысленного слова, совершенно непонятно и заслуживает самого строгого осуждения с точки зрения как языковой, так и принципиально-моральной...

Итак мы видим, что эмигрантский язык находится во власти созданного большевиками советского языка. Причем это влияние уже десятилетиями продолжается и непрерывно – в главном – усиливается, хотя напряженность этого влияния не всегда одинакова и нередко меняется, в зависимости от разного рода обстоятельств, с языком, как таковым, часто не имеющих ничего общего.

Чтобы яснее стали причины этого печального явления, нужно напомнить его историю.

Советизация эмигрантского языка началась очень давно, едва ли не с первых же дней нашего прибытия за родные рубежи. К этому времени на покинутой нами родине в мучительных судорогах заканчивалась гражданская война, во всяком случае, тот ее период, когда в ней деятельно и самоотверженно участвовали добровольческие “белые” армии. Большевики, упоенные успехом, развивая бешеную энергию, стремились к полному искоренению остатков прошлого – во всех его видах, в том числе и в области языка. Полные еще неостывших впечатлений недавно пережитого, эмигранты стали в свой язык вводить наиболее характерные советские словечки и выражения, только что начавшие появляться. В начале это делалось преимущественно в шутку, для смеха или же для придания своей речи особой красочности и типичности, особенно же при описании советской действительности, эти слова и выражения создавшей и в них ярко отразившей свою сущность и страшное своеобразие. Так продолжалось до Второй мировой войны – в ее русском отрезке: 1941–1945 гг. Мно-

гие эмигранты, истосковавшиеся по родине, любовь к которой часто принимала болезненный характер и затмевала нередко доводы разума, были введены в заблуждение и в некоторых отношениях стали советское считать русским, сливая их воедино. А это советизации эмигрантского языка дало новый и сильный толчок. Окончание войны и очередная перемена политики советской власти, снова вернувшейся на свои старые пути, внесли значительную ясность в положение и отрезвили многих эмигрантов, часть которых после многолетней непримиримости к большевикам, неожиданно превратилась в советских патриотов. Это могло бы поддержать, а то и совсем прекратить советизацию эмигрантского языка. Но к этому времени в эмиграцию влились миллионы бежавших от большевицкого ига недавних советских граждан, приток которых не прекращается и до ныне. Эти новые эмигранты принесли с собою тот язык, которым они вынуждены были пользоваться в течение нескольких десятилетий. Они сознательно порвали с большевиками и заняли по отношению к ним непримиримо враждебную политическую позицию, но они остаются, часто и до сих пор еще, в плену прочно внушенных им искусной и длительной советской пропагандой мыслей, представлений, фактов и, особенно, — слов и выражений, от которых многие из них — надеемся, покамест только! — не в силах отказаться, ибо это требует большого и сознательного напряжения силы воли да нужды и соответствующие знания, не у всех имеющиеся. А к тому же, между старыми и новыми эмигрантами сразу установились хорошие, дружеские, часто сердечные отношения. Оторванные от родины, и измученные этой слишком продолжительной разлукой, старые эмигранты все, приносимое с родной земли, часто принимали за подлинно русское, народное и с сентиментальным умлением воспринимали, как свое собствен-

ное, родное, не давая себе труда вдуматься в это и по-настоящему разобраться в происходящем. Кроме того, новые эмигранты, принесшие самые последние, непосредственно, на месте добытые неизяснимой ценности сведения о нашем народе, о его мыслях, настроениях и жизни, принимают теперь очень деятельное участие в эмигрантской журналистике и невольно вводят в наш язык множество советских словечек и выражений и тем бессознательно способствуя его советизации.

Таковы — в общих чертах — причины и ход советизации языка русского зарубежья...». Но самая большая опасность состоит в том, что, «говоря советизированным языком», эмигранты высказывают и «советизированные мысли»: «Приняв и усвоив советские словечки, мы, сами того не замечая, невольно видоизменили и свою психику, ибо за словами неизбежно следуют и мысли. Здесь мы уже от морали переходим к политике.

Среди взятых эмигрантами у большевиков слов и выражений есть, с языковой точки зрения, — *безобидные*, есть *ненужные*, но есть и *вредные*.

К словам первых двух видов мы причисляем те, в которых нет никакой нужды, так как они, будучи бледными, тусклыми, невыразительными, являются словесным мусором, которым мы никак не смеем засорять наш язык. Они, к тому же, часто русскому языку несвойственны и чужды. Вредными же мы считаем те, которые русскому языку, его духу, строю враждебны. И все эти словечки должны быть безжалостно выброшены и не только по причинам филологическим и моральным, но и потому, что они созданы большевиками, нашими непримиримыми врагами. У врага нужно учиться, т.е. брать у него то, что само по себе ценно и что нам может быть полезно. Но ни в коем случае нельзя у врага заимствовать плохое и отрицательное, от чего нам никакой пользы быть не может, особенно же, если сам

враг желает это свое сомнительного качества достояние нам всучить с определенной целью нанесения нам ущерба. От каждого произносимого человеком слова у него в сознании всегда что-то остается. Особенно, если это слово произносится часто и становится привычным. Кроме того, язык является выражением и отражением мысли, внутреннего мира человека, всего его духовного содержания. Усваивая советский язык, мы невольно, бессознательно и неизбежно сближаем наши взгляды, настроения, представления, убеждения с большевистскими и духовно самоубийственно сами стираем ту грань, которая нас разделяет. Мы сами добровольно лезем в петлю, которую нам лукаво и умело расставляют большевики. Советизмы не только снижают, мельчат, опустошают, выхолащивают наш язык, но и внутренне приближают нас к большевикам, глубоко поражая нашу мысль, нашу психику, медленно, но неуклонно видоизменяющиеся в желательном для большевиков направлении. Говоря советизированным языком, – мы часто, сами того не сознавая – высказываем и советизированные мысли...

В непрекращающейся советизации эмигрантского языка заключается гораздо большая опасность, чем может это показаться на первый взгляд и чем многие из нас это себе представляют. Языковое советофильство легко может превратиться в политическое примирение и даже сближение с большевизмом, что многими из увлекающихся советскими словечками и беспечно вносящими их в свой язык, даже и не подозревается. Они искренно, но легкомысленно считают, что возмущение советизацией нашего языка основано исключительно на искусственно поддерживаемом излишнем и ненужном языковом снобизме...

Советизация эмигрантского языка – страшная болезнь. Подобно раковому образованию, она неуклонно и неотразимо развивается и своими смертоносными щупальцами все шире и глубже захватывает

наш язык. А это болезнь, которую не вылечить припарками и слабительными. Здесь необходимо хирургическое вмешательство, – немедленное и решительное. И тогда только мы спасем наш язык, переживающий сейчас болезнь, угрожающую ему смертельной опасностью.

Необходимо трезво и серьезно подойти к вопросу советизации эмигрантского языка. Необходимо осознать и оценить всю опасность, заключающуюся в ней. Положение серьезно. Нужно поднять тревогу и призвать всех на борьбу с этой опасностью, угрожающей нашему языку при большевистском воздействии и при нашем, по меньшей мере, попустительстве...»<sup>25</sup>.

Именно поэтому даже в конце 1950-х годов за пределами России продолжается «борьба за русский язык». Во Франции по призыву газеты «Русское Воскресение» создается «Союз для защиты чистоты русского языка», который издает небольшой журнал «Русская речь» с эпиграфом: «Защита чистоты русского языка не реакция, не проповедь неизменяемости однажды принятых форм, не противодействие органическому развитию русского слова. Она противодействует внедрению в русскую речь большевистского [sic! – Н. Г.-М.] жаргона, эмигрантских заимствований и ничем не обоснованных претенциозных искажений». В «Русской речи» довольно много места уделяется проблемам старой и новой орфографии, поскольку еще с 1920-х годов для эмигрантов старая орфография есть «подлинное русское правописание», «кусочек прежней русской культуры», а «новая орфография – явление политическое» (сам журнал использовал только «русское правописание» и принимал к рассмотрению только те труды и печатал только те объявления, которые «написаны по русскому правописанию».

В «Русской речи», руководимой Н. Майером, появляются статьи о русских эмигрантских писателях, например о Ремизове. Печатается «Эмигрантская повесть» Н. Майера «Крест на груди», рус-



ские былины и, самое главное, материалы «В защиту русского языка». Но таких, собственно лингвистических, публикаций мало. И в этом читатели упрекают журнал. В ответ «Русская речь» так излагает свою программу: «Защищать русский язык, превращая журнал в учебник грамматики и синтаксиса для взрослых не входит в планы. Лучшим способом защиты она («Русская речь». — Н. Г.-М.) считает печатание статей на любую общественную тему, равно как и художественной литературы, не опоганенных ни советской орфографией, ни пошлым творчеством некоторых современных авторов. «Филологический» материал печатается в тех случаях, когда для него остается место».

Вот для чего осталось место в нескольких номерах журнала: приводятся «слова, уродующие русскую речь» (в частности, *бойцы, учеба* вм. *учение, отображать* вм. *изобразить, отразить*), предлагается не смешивать *одевать и надевать, провожать и проводить, провести*, не употреблять *займите мне* вм. *дайте мне* *взаимы, страшно, ужасно* (а также *зверски, адски, безумно, ахово*) вм. *очень*, и выражения: *вагон был буквально полон; согласно указания; вести работу; все ж таки; он разорился благодаря пожару*.

«Русская речь» следила за публикациями о культуре речи в России, нередко иронически на них откликалась. Как реакция на одну из статей К. Паустовского в журнале напечатана заметка под названием «Защита русского языка в... СССР», где, в частности, говорится о том, что «на поверхности советских текущих дней стали появляться темы, о которых советские граждане и русские эмигранты говорят одним и тем же языком, высказывают одни и те же мысли».

По поводу статьи Чуковского «О размерности и соответствии», опубликованной в 1961 г. в «Новом мире», в двух номерах «Русской речи» можно прочитать статью «О несурзности и нелепости», где

подчеркивается признание Чуковским «верных примет бескультурия» в русском языке. Журнал язвительно комментирует эти слова: «...удивляться этому не приходится, помня, какая огромная часть населения прошла через называемые так туманно “исправительно-трудовые лагеря”, где пребывали в теснейшем соприкосновении с уголовными преступниками и ворами (урками), говорившими на своем блатном языке. А безпризорные, их быт и язык!».

В этом парижском журнале довольно много места уделялось проблемам старой и новой орфографии — для эмигрантов старая орфография есть «подлинное русское правописание», «кусочек прежней русской культуры». «Новая орфография — явление политическое». Сама «Русская речь» использовала только «русское правописание», принимала к рассмотрению и рецензировала только те труды и печатала только те объявления, которые «написаны по русскому правописанию». Журнал публиковал список эмигрантских изданий, «печатающихся по правилам русского правописания». Эмигрантские журналы и газеты, перешедшие на новую орфографию, осуждались — см., например, статью «Наши герои».

«Русская речь» полагала, что «наиболее культурная часть русской эмиграции ревниво бережет духовное достояние русского народа, унесенное ею за границу, в том числе и наш великолепный язык, не смущаясь тем, что “двести миллионов” стали безграмотными, примирившись с советской “орфографией”». И это написано в 1962 г.!

В 1990-е годы старая русская диаспора была лучше, чем в прошлые десятилетия знакома с тем, как говорят в России. Интерес к языковым проблемам у потомков «первой волны» жив и сейчас.

У некоторых представителей старшего поколения еще живо возмущение русским языком России: «это какой-то говор, уж

не знаю, как вам объяснить, простецкий, что ли»; это ужасный язык, засорили его в современной России»; «в нем раздражает невероятное количество слов, переделанных на русский лад»; (из впечатлений информанта о языке Москвы 1956 г.) «это был какой-то воляпук с predominанием (с преобладанием. – Н. Г.-М.) Юга». Последняя оценка вызывает в памяти высказывания 1920-х годов (см. выше).

Что же конкретно плохо в этом языке? То, например, что параллельно употребляются слова «одного значения» – *положение* и *ситуация*, *выставка* и *экспозиция*, *область* и *регион*; что используются *мэр* («Ведь есть прекрасное русское *городской голова!*»), *основоположник*, выражение *в адрес кого-то* или *чего-то*, *кроссворд* (тогда как существует «очень русская» *крестословица*. Общий же вывод-оценка самых пожилых «русских французов»: «Настоящий русский язык сохранился в нашем поколении». В связи с этим любопытно вспомнить такое высказывание 1920-х годов: слово *ситуация* употребляется в философском языке, но «если вы в жизни попали в трудное, опасное или глупое положение, то и пишете “положение”, а не “ситуация”» (Волконские 1928, 55).

Другие представители старшего поколения стараются выйти за пределы традиционного эмигрантского пуризма: «мы сразу узнавали, откуда эти люди приехали, т.е. они не эмигранты. Потому что они говорят на совершенно особом языке... произношение совершенно другое»; «мы сразу слышим, что они оттуда, из России». Третьи считают, что эмигранты говорят так же, как русские из России. Иногда в разговоре русский язык России называли «советским».

Некоторые представители среднего поколения и часть тех представителей младшего поколения, которые говорят по-русски, утверждают, что различают жителей Москвы и Петербурга, отмечают «сильно выраженное» аканье первых, упоминают «советскую манеру говорить».

Один преподаватель русского языка, ежегодно, хотя и недолго, бывающий в нашей стране, признает, что в России, как и во Франции, есть различия в языке в зависимости от социального происхождения говорящего: «Мы нашли много людей, которые говорят, как мы». Он не согласен с выражением «советский акцент»: «Это не то, что “советский”. Это просто акцент простых людей». Некоторые даже отмечают, что в России «была эволюция в языке, пока нас не было...».

В среднем поколении еще проявляются пуристические тенденции: «Мы в какой-то степени вычистили его (язык, загрязненный “четырёхэтажной бранью”, который “привезли офицеры”. – Н. Г.-М.) и нашим детям не передали уже. Потому что нам надо было сохранять (чистоту русского языка. – Н. Г.-М.), мы являемся консерваторией чего-то наиболее лучшего. Мы постепенно старались его очистить, он загрязняется теперь Западом, выражениями местными и т.д., мы стараемся из поколения в поколение передавать то, что мы получили. Мы стараемся очистить от того, что было неблагоприятно». Вообще «у москвичей акцент какой-то жуткий, говор какой-то жуткий в произношении». Те, кто вырос в семьях «очень русских», отмечают иногда свой русский акцент во французском языке: «Мне очень часто говорят, что по-французски у меня русские интонации». Они с грустью замечают: «Наше поколение почти не говорит» (по-русски. – Н. Г.-М.).

Представители среднего поколения иногда более детально обсуждают русский язык России (записано в марте 1992 г.): *несколько месяцев тому назад/начались появляться/ по télévision... новые руководители России/ которые/ очевидно/ либо они из другого общества/ или же... не знаю как это можно объяснить но они.... говорят теперь/ на русском/ который мне более фамильярный/ более понятлив/ т.е. я всегда понимал но как-то более близкий/ ближе//*. Этот же информант рассказывает о своей первой поездке

в Петербург: *Несмотря конечно/ на... некоторые слова/ мне показалось/ что... в Петербурге говорят... на русском языке который я уже слышал от бабушки// Бабушка родилась в Гатчине/ в общем/ прабабушка тоже жила в Петербурге/(...)но...конечно/ некоторые выражения/ кажутся иногда странными/ чтобы не говорить гумористичными//*

Многие потомки первой волны считают, что представители этой эмиграции говорят «все хуже и хуже», а «по-французски отлично говорят». Они отмечают, что «языки (русский в России и во Франции. – Н. Г.-М.) очень разошлись», что они не понимают, когда речь «о политике по русскому телевидению», что «*langue morte* (мертвый язык. – Н. Г.-М.) для нас можно сказать русский язык».

Что касается представителей младших поколений, то они языковые проблемы не обсуждают – ведь русский язык является для них практически выученным языком, языком иностранным...

Самые старшие «русские канадцы» обсуждают проблемы русского языка с таким же интересом, как и самые старшие «русские французы». Вот ответ семидесятирехлетнего информанта на вопрос о его впечатлении о русском языке России, где он недавно впервые побывал: *Ну что вообще конечно язык... больше... не совсем наш // Заметьте что у меня было... довольно много сношений с советскими представителями в Вене/ уже (после 1945 г. – Н. Г.-М.) // Так что там я видно и почувствовал вся... все что произошло в общем-то/ вся разница которая/ как сказать? образовалась между... нашим способом говорить и... и ну всякие н[эоло]гизмы и я не знаю что // (...)и потом были такие которые/ в общем не слишком по-русски говорили// Как например/ там... какой-то был полковник... украинский... который говорил что «Решение комитета неза'конно» (смеется) //*

Необходимо подчеркнуть, в «рассеянии» русская речь просуществовала до наших дней во многом благодаря деятельности православных церковных приходов и тем усилиям, которые эмигранты самого первого поколения отдали созданию целой сети русских учебных заведений вне России начиная с 1918–1919 гг. Роль русской школы в сохранении русской культуры, русского языка была подтверждена и «со стороны», когда по указанию французского правительства Национальный институт демографии анкетировал «русскую среду» во Франции для выяснения причин, которые препятствовали или, напротив, способствовали ассимиляции русских. Опрос выявил, что среди противоассимиляционных факторов были не только национальное чувство русских и их убеждение в своей принадлежности к великой нации, не только русские общества и их объединения (именно поэтому русские мало общались с окружающими их французами), не только принадлежность большинства к религиозным общинам, но и русские школы, пансионы, а также организации детей и молодежи («Витязи», «Сокола», скаутское движение, «Разведчики»...)»<sup>26</sup>.

Сами же представители Русского Зарубежья неоднократно подчеркивали, что именно русским педагогам-подвижникам принадлежит главная роль в том, что многие потомки первой эмиграции сохранили русский язык, русскую культуру.

Известно, что в эмиграцию попало очень много детей. Из России уезжали целыми семьями. Вот одно из свидетельств: «Семья Булацель вывезла двух детей, Звегинцевы – четверых, Базаровы – трех, Курловы – двух, Широких – четверых, Аршинеvские – одного, Барановские – четверых, Васильевы – пятерых, Снарские – двух, Белогрудовы – трех, Давыдовы – одного, Радищевы – одного, Потаповы – шестерых, Херасковы – трех, Баженовы – двух, Скобцовы – одного...

Нансеновский паспорт 1923 г. выдавался на взрослого и следовавших с ним детей. Один документ на несколько человек. Россия утратила не только дееспособную часть населения в несколько миллионов человек, но и потомство этих миллионов...»<sup>27</sup>.

Уезжали также детскими и юношескими учебными заведениями (кадетскими корпусами, т.н. девичьими институтами), страну покинуло немало одиноких детей, детей-сирот. Современники отмечали, что почти все дети выезжали в самых ужасных условиях, среди всеобщей паники и смятения, и что именно для детей ситуация беженства была чрезвычайно тяжелой и физически, и психологически. Маленькие эмигранты нуждались в быстрой помощи, которой реально могла стать только школа: «Школа, спасающая их от голодной смерти, заменяющая сиротам родителей, успокаивающая и целящая их душевные раны (...) – это то, без чего они погибнут»<sup>28</sup>.

Большинство русских детских школ и приютов появилось в 1920–1921 гг. Так, в Константинополе еще в начале 1920 г., когда многие беженцы жили в сырых землянках, палатках, полуразрушенных домах и даже в прибрежных пещерах (и это было еще до прибытия основной массы русских из Крыма!), началась работа по организации гимназии. Первая Константинопольская гимназия открылась уже 5 декабря 1920 г. Ее директор, обращаясь к педагогам и воспитателям, сказал, что эта гимназия должна стать школой-семьей, где жизнь педагога неразрывна с жизнью детей, что она должна залечить душевные раны детей, сохранить и зажечь «святой огонь любви к утраченной отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы – словом, дать знание и понимание родного края»<sup>29</sup>. В дальнейшем это сделало задачей всей русской зарубежной школы в целом.

История русских учебных заведений за границей тесно связана с историей самой

послереволюционной эмиграции. Вынужденный отъезд эмигрантов из Турции повлек за собой переезд в октябре 1921 г., в Моравскую Тржебову (Чехословакия) и Первой Константинопольской гимназии, в которой к тому времени было 550 учеников, 11 воспитателей и 24 преподавателя. Другая русская школа в Турции с ноября 1921 г. переехала в Пловдив (Болгария) и позже стала называться Русской Галлипольской гимназией. Вот только одна деталь первых дней ее существования: интернат для мальчиков был устроен в палатке, подаренной французскими военными. А в целом общая картина русских детских учебных заведений в Турции 1920–1922 гг., по сведениям П.Е. Ковалевского, такова: Российским Земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей (Земгор) были созданы три гимназии, три прогимназии, десять начальных школ, два детских дома. Параллельно с Земгором основывали школы и интернаты также другие организации и частные лица – были созданы гимназия В.В. Нератовой, гимназия прихода св. Николая Чудотворца в Харбине, начальная школа баронессы Врангель, приют-школа Британского благотворительного общества в Буюк Дерё, католическая школа-интернат и многие другие.

Учебные заведения были открыты и в других странах, например, прогимназия и гимназия в Греции, ряд средних школ в Болгарии, Польше, Германии. В Чехословакии, кроме упомянутой тржебовской гимназии, постепенно сложилась русская гимназия в Праге: уже осенью 1921 г. Земгор открывает здесь начальную школу, которая в 1922 г., когда приток эмигрантов увеличивается, реорганизуется в прогимназию и затем становится полноправным учебным заведением по типу чешских, но с русским языком преподавания. Огромную помощь русской зарубежной школе оказало Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где в начале 1920-х годов, кроме предоставления русским учебным заведениям больших субсидий и

прав соответствующих сербских школ, правительство полностью содержало восемь русских школ: Крымский, Донской и Русский кадетские корпуса, Харьковский и Донской институты, русско-сербскую женскую и русско-сербскую смешанные гимназии, реальное училище. Только в этой стране велась статистика детей и по ее данным в 1924 г. здесь было 3005 русских мальчиков и 2312 девочек, из которых школьного возраста (т.е. от 6 до 18 лет) – 4025 человек.

С 1921 и, особенно, 1922 г. волна практически целиком «пролетаризированного русского беженства» (а беднеют и разоряются к этому времени даже большинство из тех эмигрантов, которые в начале еще сохраняли остатки своего состояния) покидает Грецию, Болгарию, Польшу, Германию. Испытывая большую потребность в рабочей силе, в 1922–1923 гг. право более свободного въезда дает русским Франция. В истории русской школы пример этой страны интересен тем, что при огромном количестве русских эмигрантов в стране было всего два полных средних учебных заведения – гимназия в Париже и школа «Александрино» в Ницце (она была основана А.И. Яхонтовым и называлась «школа Яхонтова»). Приравнять к среднему учебному заведению можно также интернат для девочек в Кэнси под Парижем.

Русская гимназия в Париже основана в 1920 г. Ее возглавил бывший директор одной из лучших московских гимназий В.П. Недачин. По сведениям выходившего в Праге журнала «Русская школа за рубежом», в 1923/1924 учебном году в ней было до 200 учеников (треть которых составляли девочки) и 18 преподавателей с большим стажем (в том числе несколько профессоров). Школа работала «в наемном помещении, не приспособленном специально для учебных целей и тесном», и едва сводила концы с концами: на одну треть школьный бюджет формировался

платой за обучение, часть бюджета давали французское правительство и Парижский муниципалитет, Земгор платил за завтраки и обучение неимущих учеников, были частные пожертвования, сборы с концертов и вечеров... Занятия продолжались с 9 часов утра до 3–4-х часов. В своей основе обучение опиралось на программы гимназий и реальных училищ до 1917 г., хотя учитывались и программы французского министерства народного образования. Было расширено преподавание французского языка, географии и истории Франции. Эти предметы, а также химия и математика в старших классах преподавались на французском языке. К 1927/1928 учебному году материальное положение гимназии было настолько тяжелым, что ей угрожало закрытие. Однако весной 1929 г. гимназия получила в подарок от Лидии Павловны Детерлинг участок земли и большой дом в Булони. Теперь в школе – «десять классных комнат, рекреационный зал, физический кабинет, две столовые (...). Идя навстречу родителям, живущим в плохих жилищных условиях, школа теперь разрешает учащимся оставаться и после уроков, до 6 часов вечера». Школа просуществовала до 1961 г. и выдала за 40 лет 900 аттестатов зрелости, причем учащиеся аттестовывались особой комиссией с участием представителей французского Министерства просвещения, а аттестаты давали право поступления в вузы Франции<sup>30</sup>.

Нельзя не упомянуть и о другой школе – интернате в Кэнси, начальницей которого стала О.Е. Головина. Княгиня Ирина Палей (старшая дочь великого князя Павла Александровича, сына Александра II «Освободителя»), сняла в 25 км от Парижа, в Бюнуа, небольшой дом и открыла там русскую женскую школу. Первые 11 девочек стали пансионерками этой школы в июле 1925 г.

К 1928 г. граф Конкере де Монбризон подарил школе так называемый Замок

Кэнси, который ценой больших усилий был переоборудован под школу-пансион. Из Брюнуа в Кэнси русская школа переехала в 1929 г. «Замок» был довольно большой и это позволило увеличить число пансионеров, которые имели теперь не только еду и кров, но и получали хорошее образование. Было приглашено много преподавателей, среди которых бывшие профессора Московского, Одесского и Санкт-Петербургского университетов, а некоторые имели докторские степени университетов Парижа и Берлина. Каждый год комиссия, составленная из преподавателей и профессоров парижской русской гимназии контролировала знания пансионеров, проводила экзамены. Уроки готовили под наблюдением классных дам, которые обращали особое внимание на манеры девочек, их речь, но не только – они читали им вслух русских классиков, сопровождали на прогулках... Девочки учились любить «старую Россию и Россию вообще»<sup>31</sup>.

Программа обучения была создана с учетом программ как русской гимназии в Париже, так и французских лицеев. Обучение велось на русском языке, но изучались также французский и, позже, английский языки. В школе преподавали священники кафедрального собора Александра Невского. ученицы приобщались к музыке, танцам, пению. Устраивались праздники по случаю приезда именитых гостей, ставились спектакли, девочек иногда возили в оперу. Особое внимание уделялось физическому развитию пансионеров, в школе была сильная баскетбольная команда.

Целью создания интерната в Кэнси было не только спасти детей от нищеты и от отчаяния, но и воспитать их характер, развить их интеллект, дать им серьезные основы знаний. Школа-пансион была открыта для любого ребенка, независимо от его социальной или конфессиональной принадлежности. Хотя большинство девочек были православными, здесь учились католички, протестантки, мусульманки и исповедующие иудаизм. Это было обу-

словлено общей концепцией школы, созданной Ириной Палей: Брюнуа-Кэнси не является ни светской, ни какой-то «нейтральной» школой, все дети должны жить в братстве и полном уважении разных вероисповеданий, именно это даст им необходимый опыт, а их религиозное сознание в такой «плюралистической» среде только лишь окрепнет, и они, научившись понимать людей другой веры, никогда не будут нетерпимы в религиозном отношении. Ирина Палей подчеркивала, что именно эта ситуация «вне родины», ситуация эмиграции, в которой оказались дети, обязывала их наставников стремиться объяснить им максимально объективно то, что происходило в России.

Школа Брюнуа-Кэнси с ее достаточно ограниченным бюджетом оказалась в тяжелом положении в период кризиса 1930-х годов. Из-за резкого уменьшения пожертвований на школу с 1934 г. пансионеры стали посещать французские начальные школы. Но все же эта русская школа под Парижем просуществовала вплоть до объявления Второй мировой войны, хотя ни французские, ни международные организации материальной помощи ей не оказывали.

Наличие лишь двух действительно полных средних учебных заведений в таком центре Русского Зарубежья как Франция объясняется не только отсутствием у «беженства» достаточных материальных средств (постепенно, когда эмиграция становится «длющимся процессом», иностранная помощь русским эмигрантам делается практически случайной, часто принимает форму дарения и русские школы существуют преимущественно на сборы с самих эмигрантов<sup>32</sup>), но и большими преимуществами французских учебных заведений перед эмигрантскими: французские школы, давая полезные навыки, умения и права, были к тому же либо бесплатными (начальные школы), либо, как это было в начале 1920-х годов в средней школе, учеба в них стоила в два раза

меньше, чем в русской школе, не имеющей правительственных субсидий.

Однако учеба русских детей во французских школах, в особенности если это были школы-пансионы, очень быстро приводит к тому, что эти дети «сначала начинают коверкать русскую речь и через некоторое время совсем ее забывают» (из доклада князя П.Д. Долгорукова на Съезде русских академических организаций в 1922 г. в Праге). Тэффи так описывает в рассказе «Гурон» проблемы одиннадцатилетнего русского мальчика, который ходил во французский лицей: «Серго учился старательно. Скоро отделался от русского акцента и всей душой окупился в славную историю Хлодвигов и Шарлеманей гордую зарю Франции. Серго любил свою школу и как-то угостил заглянувшего к нему дядюшку вызубренной длинной тирадой из учебника... Но дядюшка восторга не выказал и даже приуныл.

– Как они все скоро забывают! – сказал он... – Совсем офранцузились. Надо будет ему хоть русских книг добыть. Нельзя же так.

Серго растерялся. Ему было больно, что его не хвалили, а он ведь старался. В школе долго бились с его акцентом и говорили, что хорошо, что он теперь выговаривает как француз, а вот выходит, что это-то и нехорошо. В чем-то он, как будто, вышел виноват.

Через несколько дней дядя привез три книги.

– Вот тебе русская литература. Я в твоём возрасте увлекался этими книгами. Читай в свободные минуты. Нельзя забывать родину.

...Серго смутился и замолчал... Все на свете вообще так сложно. В школе одно, дома другое. В школе лучшая в мире страна Франция. И так все ясно, действительно лучшая. Дома надо любить Россию, из которой все убежали. Большие что-то помнят о ней. Линет (сестра Серго. – *Н. Г.-М.*) каталась на коньках, и в имении

у них были жеребята, а дядюшка говорил, что в России были Горячие закуски. Серго не знал ни жеребят, ни закусок, а другого ничего про Россию не слышал, и свою национальную гордость опереть ему было не на что»<sup>33</sup>.

Все это осознавалось педагогической общественностью русской эмиграции. Так, в статье П.Д. Долгорукова «Чувство родины у детей» (1925) отмечается: старшие дети, те, кто не забыл Россию, болезненно о ней тоскуют и поэтому необходимо «наблюдать, чтобы это чувство не приняло нежелательного направления». Что касается младших детей, которые не помнят или не могут помнить Россию, то их «следует заражать чувством родины...». Русские учителя, чье материальное и правовое положение оставляло желать много лучшего, должны были выполнять новые требования, предъявляемые школе условиями «беженского существования». Но главное – это «неустанная борьба с денационализацией учащихся, охранение национального лика русской школы и защита основных начал русской национальной культуры».

В связи с этим немедленно ставится вопрос об организации дополнительных курсов по Закону Божию, русскому языку и литературе, по русской истории и географии, а также по широкой внешкольной работе среди русских детей, по созданию детских клубов, библиотек, журналов для чтения по русской истории и литературе, летних лагерей-колоний, кружков по изучению России, а также музыкальных, театральных, спортивных.

Вот несколько примеров внешкольной работы среди русских по происхождению детей, которая проводилась, в частности, во Франции. В хронике культурной жизни русской эмиграции можно прочесть, например: «1921 год. 13 февраля. – Литературные утра для детей, устраиваемые редакцией сборников “Дети – детям”. Первое литературное утро. Тема: Александр Сер-

геевич Пушкин, при участии: А.С. Бек-Назарьян, М.Д. Прохорова, С.Г. Свастикова, гр. Ал.Н. Толстого – чтение, Л.А. Коварской – слово о Пушкине. Гр. А.Н. Толстой – Сказка о рыбаке и рыбке. М.Д. Прохорова – Сказка о царе Салтане. С.Г. Свастиков – Глава о воспитании юного Гринёва (из “Капитанской дочки”). Стихи, посвященные Петербургу (из “Медного всадника”) и Москве (из “Евгения Онегина”). В том же году 15 марта – литературное утро на тему: М.Ю. Лермонтов, 10 апреля – на тему: Н.В. Гоголь, 8 мая – И.С. Тургенев. В 1922 году, 11 марта – Вечер, устраиваемый Русской Гимназией в Париже. В программе: 1. Инсценировка басен Крылова. 2. Постановка одноактной пьесы А.П. Чехова “Свадьба”. 3 февраля 1923 года – Вечер Русской Гимназии. В качестве исполнителей выступают только ученицы и ученики гимназии. Исполняются “Юбилей” Чехова и “Смотрины”, в постановке А.И. Куприна»<sup>34</sup>.

Хотя объем такой внешкольной работы представителей первой эмиграции среди русских по происхождению детей в наши дни значительно уменьшился, она проводится во Франции и сейчас. Так, русские «витязи» (эта патриотическая организация с девизом «За Русь, за веру» была основана в 1934 г. Н.Н. Федоровым) приходят на свои сборы-учебу два-три раза в месяц, могут провести каникулы в зимних, пасхальных и летних русских лагерях, где к ним присоединяются их сверстники «с русскими корнями» из других стран, например из Канады. «Витязи» издают журнал «Костер», выпущен справочник по «родиноведению» «Россия – родина отцов наших»...

В эмиграции были созданы замечательные исторические книги для детей, книги, без которых, как заметил один из современных представителей первой волны, «русского человека не сделаешь». Такие как, например, сборник «Русская Земля, Альманах для юношества (ко дню русской культуры)» (Париж, 1928), среди

авторов которого И. Бунин, А. Куприн, И. Шмелев, А. Ремизов, М. Осоргин, А. Черный, Г. Флоровский, И. Билибин, В.В. Зеньковский, Б. Вышеславцев. Альманах проникнут любовью к России. Вот как заканчивается, в частности, рассказ «Римский-Корсаков»: «Но главное, слушайте его музыку. Ищите случая послушать ее и приобщиться к ней. Ищите особенно здесь, – за границей, – в переживаемое нами тяжелое время оторванности от Родины. Вы не только не пожалеете о потраченном времени, но вы увидите в его Музыке Р О С С И Ю!».

Для борьбы с денационализацией русских детей многие эмигрантские культурно-просветительские организации открывали курсы или отделения по «русским предметам» при местных лицеях и школах другого типа. Во Франции такое обучение было организовано еще в 1920 г. Русские предметы преподавались в четырех лицеях Парижа и трех Ниццы, нескольких колледжах вокруг Парижа, в Лионе и Марселе. В Версале под руководством В.В. Римско-Корсакова работал так называемый корпус-лицей для юношей (они посещали французские учебные заведения, а в этом лицее изучали только национальные предметы). Кроме того, по всей Франции, там, где возникли православные приходы, были организованы церковноприходские школы, которых до 1939 г. было 65. Именно этот тип русских учебных заведений сохранился, в частности, во Франции и Канаде до сих пор.

В конце 1927 г. было проведено анкетирование эмигрантов в 12 странах русского рассеяния с целью узнать, каковы условия жизни и учебы эмигрантских детей. Оказалось, что жилищные условия русских семей очень тяжелы, дети часто предоставлены сами себе. Поэтому, по мнению видного деятеля русского просвещения в эмиграции В.В. Руднева, «как ни примитивна, сурова и подчас убога обстановка существующей эмигрантской школы и интерната, – по сравнению с безотрадной обстановкой дома ребенок на-



ходит в них, по крайней мере, необходимые детскому организму свет, тепло, чистоту. В этом – одна из многих причин, почему дети эмиграции усиленно тянутся из семьи – в школу, а родители, скрепя сердце, в интересах детей, сами стремятся поместить детей в интернаты. (...) положение интернатных детей – верх благополучия по сравнению с детьми приходящими»<sup>35</sup>.

А как учились эмигрантские дети? Приведем еще одно свидетельство: «Русские дети в эмиграции учатся так, как никогда и никакие дети у себя на родине. Причина этому – передающееся им от взрослых убеждение, что только через знание, науку они, дети русской интеллигенции, смогут спастись от неминуемого деклассирования в изгнании и в наибольшей степени могут быть полезными своей родине в будущем. Неудивительно поэтому, что русские дети, попадая в местные иностранные школы, начиная от начальной и кончая университетами, неизменно занимают в них первые места и по своему усердию в работе, и по своим успехам. Этот факт неоднократно отмечают не без удивления иностранные учителя и профессора»<sup>36</sup>.

К сожалению, русская зарубежная школа не могла охватить всех детей эмигрантов. К концу 1928/29 учебного года в западноевропейских странах было около 120 русских школ и дошкольных учреждений, где училось 7500 детей (из них «на полном содержании» в интернатах и приютах – 3900). Всего же русских детей в возрасте 5–18 лет было 50–60 тысяч, причем в славянских странах в школьную сферу было вовлечено не менее 80% всех детей, а в Западной Европе (где эмигрантов было больше, а русских школ меньше) – менее 10% детей школьного возраста<sup>37</sup>.

В разных странах русского «расеяния» ведется не только практическая, но и теоретическая педагогическая работа, учителя осознают общность своих целей, за-

дач и проблем. В Праге в октябре 1922 г. собирается Съезд русских академических организаций, в апреле 1923 г. – Съезд деятелей средней и низшей школы за границей под председательством В.В. Зеньковского. На этом съезде отмечается, что свое существование за границей русская школа ведет с величайшим трудом, при неимоверных жертвах со стороны педагогического персонала, при отсутствии прочных правовых гарантий, под угрозой закрытия за недостатком помещений и денег.

Какова же, по мнению участников съезда, должна быть эта школа? Ее необходимо приспособить к общим условиям «беженской жизни» (совместное обучение мальчиков и девочек, восьмиклассный курс, два новых, т.е. не древних, языка, введение «трудового метода» и «практических предметов») и местным условиям (местный язык, география и история страны, где школа нашла приют, согласование программ с требованиями местного министерства просвещения). Что касается программ, то в их основе лежали программы бывшего Министерства народного просвещения России, приспособленные к требованиям высшей школы за границей таким образом, чтобы окончившие русскую гимназию имели возможность получить высшее образование.

Съезд отклонил принудительность в преподавании Закона Божия, учредил Центральное педагогическое бюро по делам русской средней и низшей школы за границей, которое должно было координировать работу школ, и закончился такими словами В.В. Зеньковского: «Ей одной – нашей родине – все помыслы наши». В 1925 г. русские учителя приехали в Прагу на другой съезд для того, чтобы рассмотреть программы и учебные планы. Были совещания, посвященные методам внешкольного русского образования.

Однако время шло, и накануне Второй мировой войны русские гимназии в Бер-

лине и Чехословакии перестали существовать, такая гимназия оставалась лишь в Париже. И все же русские школы Зарубежной России выполнили свою миссию: «...благодаря... эмигрантской школе не один десяток тысяч русских детей смог сохранить на чужбине свой национальный облик, не одна тысяча окончивших ее юношей и девушек с успехом, а нередко и с блеском завершают свое образование в высших учебных заведениях Зап. Европы. Это – далеко не малая культурная и моральная ценность, могущая еще пригодиться матери-Родине»<sup>38</sup>.

Работали в «рассеянии» также и русские высшие учебные заведения, которые, занимаясь обучением молодых эмигрантов, проводили нередко и научно-исследовательскую работу. В Париже это были русские отделения при Парижском университете (с 1921 г.), Франко-русский институт (с 1925 г.), Народный университет, Православный богословский институт (с 1925 г.), Коммерческий институт (с 1920 г.), Русский политехнический институт, Русский высший технический институт (1931–1962), Русская консерватория имени С. Рахманинова, Высшие женские богословские курсы (1949–1966), а также такие, по выражению П.Е. Ковалевского, «просветительские начинания», как Высшие военные курсы и курсы «Лекции о России». В Праге существовали Русский юридический факультет (1922–1929), Педагогический институт имени Яна Амоса Коменского (1922–1926), Институт сельскохозяйственной кооперации (с 1921 г.), Коммерческий институт (в 1922–1925), Русский народный (затем переименованный в «свободный») университет (1920–1938), а в Харбине – Юридический факультет (1920–1935), Политехнический институт (с 1920 г.), Педагогический институт (1920–1931), Институт восточных и коммерческих наук (с 1925 г.), Высшая медицинская школа, Богословский факультет.... Работали также Берлинский научный институт (с 1923 г., но недолго) и Белградский научный институт, просу-

ществовавший до Второй мировой войны и издавший более 10 томов научных работ<sup>39</sup>.

Но все же «местный» язык все больше вступал в свои права. Как же происходило «одвуязычивание» первой русской эмиграции во Франции? Проследим это по тем косвенным свидетельствам, которые имеются.

Степень влияния французского языка на речь русских «беженцев» (так они себя называли) и овладения ими языком жителей Франции в первые годы эмиграции была разной. Это определялось рядом факторов, среди которых важную роль играл «образовательный ценз» эмигранта. Полагают, что значительный процент выехавших из России были люди с высшим образованием, почти три четверти приехавших во Францию – со средним, а большинство принадлежало к «среднему интеллигентному классу»<sup>40</sup>.

Далеко не все русские беженцы (даже те, кто имел высшее образование) знали французский язык, который постепенно «проникал» в их русскую речь. Вот как это показано в пьесе эмигрантского журналиста и писателя А. Ренникова «Сказка жизни», действие которой происходит в Париже через несколько лет после «эвакуации» и главный герой которой – представитель «среднего интеллигентного класса» в России и рабочий во Франции:

«(Бедно обставленная комната.) Павел Петрович. (Входит одетый в домашнюю куртку. В руках грязная синяя рабочая блуза и брюки.) Вот вымазал свое bleu! Ужас. Не bleu, можно сказать, а parbleu. (Рассматривает костюм.) Поставили черти в отдел réparation, а там столько грязи и масла...

Анна Николаевна. (испуганно.) Ради Бога, отойди. Запачкаешь. ... Странно, почему нянюшка не возвращается?

Павел Петрович. Нашла чему удивляться. Наверное на улице вместо ажана порядок наводит»<sup>41</sup> (перевод соответственно: 'рабочий костюм', 'черт возьми', 'ремонт', ажан ← agent 'полицейский').

См. также сценку «Встреча» А. Ренникова: «Вагон парижского пригородного трамвая. Народу мало. На скамьях, друг против друга, неинтеллигентного вида господин и дама. Дама задумчиво смотрит в окно.

К о н д у к т о р. Places, s'il vous plaît! («Оплачивайте места, пожалуйста!»)

Д а м а. *(Очнувшись)* А? Билет? Ту де сюить... *(Протягивает деньги. Говорит, с трудом подбирая французские слова.)* Ванв-Малаков... Жюска... Жюска сизьем стасион (иск. франц. «До... До шестой станции»).

К о н д у к т о р. Comment? («Как?»)

Д а м а. Сизьем стасион. Компрене-ву? Ен, де, труа, катр, сенк, сиз (искаж. франц. «Шестая станция. Понимаете? Один, два, три, четыре, пять, шесть»).

К о н д у к т о р. Je ne vous comprends pas, madame. Quelle rue désirez-vous? («Я вас не понимаю, мадам. Какую улицу вы желаете?»)

Д а м а. *(Расстерянно)* Рю? Же ву дирэ. Ен момент. (иск. франц. «Улицу? Я вам скажу. Один момент») *(Роется в сумочке)* Господи, куда я задевала адрес? Ту де сюнт («Сейчас»).

Г о с п о д и н. *(Нагибается, поднимает выпавшую из сумочки бумажку.)* Изволили обронить бумажку, мадам. Вот.

Д а м а. Ах, вы русский? Благодарю вас. *(Рассматривает.)* Ага. Как раз то, что нужно. *(Кондуктору.)* Экуте... Ванв, нумеро дис, рю Сади Карно... Конпрене? (иск. франц. «Послушайте... Ванв, дом десять, улица Сади Карно»).

К о н д у к т о р. Quand on parle français, je comprends toujours. *(Дает билет.)* Tenez. *(Уходит.)* («Когда говорят по-французски, я всегда понимаю. Держите»)

Д а м а. Удивительный невежа. Не трудно, кажется, понять, что мне нужна шестая остановка. Погодите: а где записочка?

Г о с п о д и н. *(Снова нагибается, поднимает.)* Извольте-с. Действительно, неделикатная публика, что и говорить. Никогда не желает вникнуть, чего русский человек хочет. *(Пауза.)* А вы, должно быть, в первый раз в этих краях?

Д а м а. Да. Моя квартира в Париже. В Пассах.

Г о с п о д и н. Так-с. Я тоже в Париже. Только не в Пассах, а возле Клишей...»<sup>42</sup>.

Отражает в определенной степени манеру говорить этого слоя эмигрантов и следующий диалог: «Что делают в метре эти две дамы – молодая княгиня-вандез и старая княгиня-ливрез? – Обе солидируют прекрасные вещи мэзон де кутюра своей доброй патронши» (вандез ← vendeuse ‘продащица’; ливрез ← livreuse ‘женщина, поставляющая товар на дом’; солидировать ← solder ‘продавать по сниженным ценам’; мэзон де кутюр ← maison de couture ‘швейное ателье’)<sup>43</sup>. Также приведем несколько употреблявшихся в 1930–1940 годы фраз, о которых в 1991–1992 гг. вспоминали как о курьезах самые пожилые информанты: он саксиданил ‘попал в аварию’ ← accident ‘авария’; Не могли бы вы мне претировать стило? ← prêter ‘одолжить’; ← stylo ‘ручка’; Денеишсь! Денеишесь! ← se dépêcher ‘спешить’; Давайте гутекать! ← goûter ‘перекусить, выпить чаю’.

В первые два-три десятилетия после отъезда из России в эмигрантской речи еще встречались «плоды» языковой игры, подобные тем, о которых вспоминала одна представительница старшего поколения: хвостить «стоять в очереди» ← faire la queue «стоять в очереди», дословно «делать хвост» и хвостизация «очередь, стояние в очереди». Был возможен следующий диалог:

– Как дела?

– Не совсем, но савее (ça va ‘дела идут’).

Есть также свидетельства о том, что в Медоне, под Парижем, русские были так

многочисленны в 1920-х годах, что городок в шутку стали именовать Медонском (Meudonsk).

Эмигранты без образования «завезли» во Францию элементы просторечия, говоров и жаргонов, и свидетельство этому – рассказ Тэффи «Разговор»: «А знаете, зашел ко мне недавно солдатик, наш русский солдатик, лудильщиком он здесь. Адреса спрашивал. Я его послал к Фрикам, объяснил, как пройти, а он говорит: “Ладно, я до собору доеду, а оттентелева рукой подать”. Понимаете, – “оттентелева”! Да вы подумайте только! В Париже живет человек, который говорит “оттентелева”. Как сказал, верите ли, словно березовым духом на меня пахнуло...»<sup>44</sup>. Вот и другое свидетельство Тэффи: «Это – вилла в окрестностях Парижа, занятая русским пансиончиком... но была она “виллой в окрестностях Парижа” только до прошлого года, пока не оборудовала ее под пансион мадам Яроменко. С тех пор она стала не виллой, а дачей в окрестностях Тамбова. Потому что в каком жарде-не какой виллы услышите вы звонкие слова: – Манька, где крышка? А-а? Под кадушкой?»<sup>45</sup> (*жарден* ← *jardin* ‘сад, парк’).

Как эти люди овладевали французским языком? По-видимому, в первые годы вот в такой степени, как няня Федотовна из той же пьесы А. Ренникова:

«Федотовна. Принесла. Ух! Насилу добилась. (Кладет плиссированный комбинезон на стол.) Что за бестолковый народ, прости Господи. Никакого порядка. (...) Прихожу я, это, к ним в прачешную, вижу – за дверью перед тарелками сидят, чего-то жуют, а дверь замкнули на ключ. Я уж им стучу, грохочу, в стекло показываю, что барыне, мол, срочно комбинезон нужен. А они хоть бы что. Не двигаются, ручками только отмахиваются, да отвечают: «ферме». Ферме? кричу я. Какое такое ферме, когда нам нужно плиссе? Открывайте кордон, говорю, барыня Нину Николаевну задерживать не может. (...) Понятно, открыли. Попробо-

вали бы не открыть. Покричали свое ферме, покричали, да и выпустили. Лопотали только что-то неподобное, должно быть очень обидное. Аржана хотели звать. А тут еще, понимаете, собаченка, которая у них, тоже нахально лаять на меня начала. (...) Ну, а я, разумеется, себя в обиду не дала. Поглядела, это, на хозяина, на хозяйку, на собаченку, да и говорю так, чтобы по-французски выходило: вы, мусью, говорю, да вы, мадам, говорю, да ваша эта самая шьена, все вы, говорю, как у вас называется, – ла мен шоз»<sup>46</sup> (*комбинезон* ← *combinaison* ‘комбинация (женское белье)’; *ферме* ← *fermé* ‘закрыто’; *кордон* ← *cordon* ‘цепочка, веревка’; *аржан* иск. *agent* ‘полицейский’; *мусью* иск. *monsieur* ‘господин’, *шьена* иск. *chien* ‘собака’; *ла мен шоз* иск. *la même chose* ‘одно и то же, то же самое’)...

Эх, батюшка, и вы тоже за ней: нервы расшатались. Небось, когда работать целый день приходилось, никаких шатаний не было. А теперь деньги есть, делать нечего, так она с Холдовским нервы накручивает. Позавчера, вот, я француза доктора спрашивала, когда уходил, что с барыней. Так тот только смеется, на голову показывает да говорит: «вертишь». И правильно, раз с кавалерами вертись, вертишь и будет. Как вертишу не быть? (*вертишь* иск. *vertige* ‘головокружение’).

Павел Петрович. (*Вздыхает.*) Эх-хе-хе... Возьмите-ка молоток. (*Слезает.*)

Федотовна. Меня, старую, за последнее время тоже, нет-нет, да обидит. Говорить – понимай свое место. А какое такое место у меня, позвольте спросить? Что я, в наймах служу? Ежели она меня за прислугу считает, то лучше я к Краснобоковым нянькой пойду. Они когда угодно меня к своему сыну возьмут. Жалование обещают двести рублей, да еще отдельную комнату, с соважем центральным (*соваж* *центральный* иск. *chauffage central* ‘центральное отопление’).

Павел Петрович. Плюньте, Федотовна. Стоит обращать внимание. Видите, я тоже пока что терплю»<sup>47</sup>.

Фрагменты из сценки «Жених» Ренникова в юмористической форме свидетельствуют о том, как происходило овладение французским языком у русских казаков: (Пахомов – казак, недавно прибывший во Францию; Аксаев – его приятель, живущий во Франции давно; Мадам Рише – молодая вдова, квартирная хозяйка Аксаева) [...].

ЯВЛЕНИЕ 3. [...]

Рише. (*Входит принарядившаяся, накрашенная*) Me voilà ('Вот и я') [...]. Je crois que vous voulez me parler d'une affaire quelconque? ('Кажется, вы хотите со мной поговорить о каком-то деле?')

Пахомов. (*Испуганно*) Афер? Нон, мадам. (*Аксаеву*.) Что она? А?

Аксаев. Стой, дурак. (*Ей*.) Cette affaire est très sérieuse. Il va vous dire lui-même ('Это дело очень серьезное. Он сам вам скажет') (*Пахомову*.) Jean, parle à madame tout. Comprends? А я viendrai ('приду') после, когда вы, это самое, столкнетесь. В случае чего, Иван, ежели затруднение выйдет, кликни меня. Я у себя в комнате буду. (*Кланяется*.) Alors, messieurs-dames. Bonne chance! ('Ну, дамы-господа. Удачи!') (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ 4 [...].

Рише. Vous êtes un cosaque? ('Вы ведь казак?')

Пахомов. Казак? Уй. Казак.

Рише. J'aime bien les cosaques russes. Ils sont les plus braves de tous les chinois. Pendant la Grande Guerre mon pauvre mari a constaté beaucoup de bravoure de la part des cosaques russes, qui se trouvaient dans nos troupes ('Я очень люблю русских казаков. Они самые храбрые из всех китайцев. Во время мировой войны видел много храбрости у русских казаков, которые были в наших войсках').

Пахомов. (*Обиженно*.) Труп? Кто-с? Казак?

Рише. Oui, monsieur. Les troupes de cosaques. Et vous savez, monsieur, ce qui est étonnant: bien que vous soyez des chinois vos figures sont parfois régulières et jolies. ('Да, мсье. Казацки войска. И вы знаете, что удивительно: хотя вы и китайцы, ваши лица иногда имеют правильные и красивые черты')

[...]

Пахомов. (*Не выдерживая*.) Мадам! Же не сюи... Же не сюи ла Франс, а потому не имею возможности этого самого – парле. ('Я не ... Я не Франция; говорить') Но я скажу вам по-русски, по-нашему.

Рише. (*Удивленно*.) Pardon?

Пахомов. [...] Мадам! Я совсем одинокий человек. Л'ом. Родины я лишился, родных ни в Париже, ни в окрестностях никого. С'э фини. Среди русских барышень-мамзель для меня подходящих невест совсем нет, потому – человек я малообразованный, маневр специализирую, нигде особенно не учился, а оне все из высокопоставленных семейств, ни к одной не подступишься. У них, нужно вам сказать, парле, от жениха обязательно требуется ави фаворабль, чтобы и по-французскому разговаривал, и науки всякие знал. А где, скажите, я мог чему научиться... Исходя, значит, из этого, мадам, я вот и говорю, что мне, маневру, само собой разумеется, никуда нельзя податься, кроме как к иностранке. Франсе. С вами, мадам, мне не потребуется ни французского языка знать, ни географии изучать, или романы прочитывать. Са ва. Мы можем жить с вами просто по любви, по хорошему, не расспрашивая друг друга насчет образования и прочих подробностей. Вы, вот, мало знаете меня, видели два раза всего, Тужур. Но Аксаев, камарад мой, который живет в вашей квартире два года, апартаман, тот может вполне удостовериться, что человек я непьющий, иногда один бок выпью или деми и всего. Характер у меня в высшей степени тихий,

спокойный; женщин, ля фамм, и животных я вообще уважаю. И, наконец, никто никогда не может сказать, что я где-либо буянил в Париже в ресторане или в бистро. Аксидан – нон (л'ом ← l'homme 'человек, мужчина'; с'э фини ← c'est fini 'кончено'; маневр специализе ← manœuvre spécialisé 'рабочий, прошедший подготовку для некоторых видов работ'; ави фаворабль ← avis favorable 'благоприятный отзыв'; франсе иск. ← Française 'француженка'; са ва ← ça va 'дела идут хорошо'; тужур ← toujours 'всегда'; ап-партеман иск. ← appartement 'квартира'; бок ← bock 'кружка пива'; деми ← demi 'половина'; ля фамм ← la femme 'женщина'; аксидан иск. ← accident 'неприятность'; нон иск. ← non 'нет').

Р и ш е. (Радостно.) Bistro? Ah oui, monsieur. C'est le rêve de toute ma vie de monter un bistro [...] Vontre camarade Axayeff a demandé un jour au propriétaire du bistro voisin – celui qui est au coin de notre rue – pour combien qu'il céderait son fonds. Mais c'est absolument fou ce qu'il veut! C'est 50 milles francs qu'il exige qu'on lui donne! ('Бистро? Ну да. Это мечта всей моей жизни иметь бистро... Ваш товарищ Аксаев однажды спросил у владельца соседнего бистро – того, что у нас на углу – за сколько он уступит свое заведение. Но это просто безумную сумму он хочет! Он требует, чтобы ему дали 50 тысяч франков!')

П а х о м о в. (Оживляясь.) Дон?

Р и ш е. Oui, qu'on lui donne... ('Да, чтобы ему дали...')

П а х о м о в. Не знаю, может Аксаев и рассказывал вам про Дон. Но разве можно наш Дон представить тому, кто его никогда не видал? (Мечтательно.) Эх-хе-хе, край наш чудесный, родной тихий Дон! Станицы, вы не поверите, мадам, как города – раскинулись, разбросались .... (Меняет тон.) А вы говорите: казак труп. Нет-с, мадам. Никогда казак трупом не будет, куда его ни кинь, как его ни гони. Разумеется, здесь у вас мы вовсе не то, что у себя на Дону ...<sup>48</sup>.

158

Попав во Франции в совершенно отличный от прежнего мир, выполняя здесь обычно самую неквалифицированную работу, казаки составили в русской эмигрантской среде особую группу, члены которой сумели сохранить особые взаимоотношения. Кроме того, казаки были яркими «этнографически», любили национальную одежду... Приведем примеры из речи казаков, о которых в 1990-е годы вспоминал один «русский парижанин»: *Ко мне сегодня мутоны в батиман залезли* (мутоны иск. moutons 'овцы', батиман иск. bâtiment 'дом, строение'); *Дай я оксигеном присудорю!* (оксиген ← oxygène 'кислород', souder 'паять').

«Одвуязычиванию» русских эмигрантов способствовали смешанные браки. Как известно, до Первой мировой войны отношение французов к иммигрантам и к смешанным бракам было негативным, но затем диспропорция мужчин и женщин в стране (в 1921 г. на 120 женщин от 20 до 40 лет приходилось лишь 100 мужчин) изменило это отношение. Что касается самих русских, то они, «сядя на чемоданах», стремились заключать браки с русскими и православными – другие браки в 1920-х годах практически осуждались. Однако демографическая ситуация в русской диаспоре этому не способствовала: было очень много одиноких (чаще разлученных с женами) мужчин от 18 до 40 лет. В Югославии, например, в 1921 году 70% всех мужчин были одинокими, большинство же женщин были замужем, рождалось мало детей. Созданию семей отнюдь не способствовали бедность эмигрантов, отсутствие финансовой стабильности, а вступавшие в брак из-за этого же сознательно ограничивали количество детей в семье. Была очень высокая смертность, и, кроме того, многие эмигранты выехали из России уже немолодыми людьми (и в эмигрантских общинах была постоянная проблема помощи стареющим русским). Известно, что «за 12 лет (с 1920 по 1931 г.) в законный брак с французскими женщинами вступило 5239 российских мужчин...

за тот же период лишь 789 российских женщин вышли замуж за французских мужчин... Кроме того за период с 1927 по 1931 г. во Франции было зарегистрировано еще 5612 браков между россиянами и представителями других национальных групп...»<sup>49</sup>.

Вначале в русской среде во Франции отношение к смешанным (по национальности и вероисповеданию) бракам было насмешливым, и оно нашло отражение, например, в пьесе А. Ренникова «Пестрая семья» (1931) с такими действующими лицами: Николай Алексеевич Раевский, старый профессор; Надежда Петровна, его жена; Людмила и Светлана, их дочери; Петр, старший сын Раевских; Удаде, его жена, негритянка; Владимир, младший сын Раевских; Мэнэко, его жена, японка; Жан Романеску; Аматал и др. Небезынтересно заметить, что пьеса «Пестрая семья» (а ее еще в начале 1990-х гг. помнили пожилые русские в Париже) является, очевидно, переработанным вариантом пьесы того же автора «Беженцы всех стран (Индийский бог)», изданной в 1925 г. в Софии. В этом первом варианте дочь русского профессора Светлана из бедности вынуждена вступить в очень несчастливый брак с говорящим по-русски французским буржуа Жаном Куртуа. См., например, такую домашнюю сценку: «Куртуа: (Крича). Опять! Я не могу позволить такой dépense ('расход')! Вы в два дня на три francs ('франки') истратили papier ('бумага')! И вы не закрываете епсе ('чернила')! Надо закрывать! Сколько раз я говорил вам русским и французским языком! Это не есть вода! Это не должно идти на воздух!

Ник. Андр.: Я закрываю чернильницу, мсье.

Куртуа: А я вам говорю, вы не закрываете чернильницу! Я для этого не работаю своим честным трудом французского буржуа, чтобы русский профессор

писал на мой счет по бумаге диссертации в две тысячи метров! (...)

Светлана: (В дверях.) Жан! Не смейте кричать на моего отца!

Куртуа: (Кричит.) Что? Я хорошо говорю с вашим отцом, мадам! Но я не желаю лишний dépense! Сегодня я вижу, весь анкр ушел на воздух! Завтра я вижу, весь папье ушел на манускрипт! После-завтра я вижу, ваша tataan скушала весь мармелад! Вчера я вижу ваш рара сломал вазу за douze francs ('двенадцать франков')! Я не могу на пустоту зарабатывать свои честные деньги! Я не Ротшильд! Я – Куртуа! Я за четыре месяца тратил лишние две тысячи francs за каждый. Я не женился на вашей папе и на вашей маме, мадам! (...) И все портят мои тапи (tapis 'ковер')! И все портят мой пол!»<sup>50</sup>. В изданной в 1931 г. в Париже «Пестрой семье», хотя «действие происходит во Франции, несколько лет спустя после эвакуации»<sup>51</sup>, нет ни одного действующего лица – француза, а жених Светлана, на брак с которым она вынуждена согласиться, тоже говорит по-французски, его тоже зовут Жан, но он – Романеску.

О том, как говорили по-французски представители первого поколения эмигрантов первой волны в конце 1970-х годов, можно судить по их рассказам о жизни маленького русского анклава в Крезе, который теперь уже не существует. Он исчез к началу 1980-х годов, когда в этом французском городе умерли последние русские старики-эмигранты. В 1920-е годы в Крезе жили 38 тысяч человек, из которых от 10 до 15 тысяч работали на сталелитейных заводах Шнейдера. Город был задуман и построен для «замкнутого цикла» – так, чтобы Шнейдеры могли «выращивать» здесь своих рабочих, обучая их и контролируя всю жизнь города. До середины XX в. в Крезе функционировали казармы для рабочих, куда впоследствии и поселили несемейных русских

эмигрантов, сменивших рабочих из Индокитая.

Русские начинают приезжать на заводы в Крезю с 1920 г., и на 1 февраля 1926 г. их было 942 человека (по другим данным – 1300). Это, в основном, не имеющие средств к существованию офицеры белых армий, казаки; все они уже «хлебнули» эмигрантской жизни в Греции, Югославии, Словакии, Польше, Болгарии, где их наняли эмиссары Шнейдеров – после войны Франция нуждалась в рабочей силе. Вот как более 50 лет спустя они рассказывали на французском языке (свидетельствующем о том, что они, несмотря на свое почти пятидесятилетнее пребывание в стране, так по-настоящему им и не овладели – ведь на первом плане у них было физическое выживание на чужбине) о своих первых впечатлениях (цитируется по материалам [Dumontet, 1980]): *J'ai venu ici en France et j'ai signé un contrat pour travailler. Mais beaucoup de gens qui ne connaissaient pas. C'est Schneider qui nous a fait venir et que c'est pas nous qui sommes venus... A mairie déjà des gens doit comprendre mais ils ne connaissait rien du tout: comment vous êtes venus ici? J'ai contrat c'est le monsieur Schneider qui nous fait venir... 'Я приехал сюда во Францию и подписал контракт чтобы работать. Но многие люди не знали. Это Шнейдер нас заставил приехать и что не мы сами приехали... В мэрии уже люди должны понимать, но они совсем ничего не знали: как вы сюда приехали? У меня контракт это господин Шнейдер заставляет нас приезжать...'; Pour prendre c'est pas regarder comment vous êtes, un p'tit peu au-dessus les ouvriers ou pas: c'est étranger et pour eux c'était tout le monde pareil. Et même en arrivant ici au Creusot on demandait sur le papier: qu'est-ce que vous faites en Russie, et puis on vous engageait comme manoeuvre. Pour eux c'était le manoeuvre et c'est tout. 'Когда нанимали, не смотрели, кто вы, немножко выше рабочих или нет: это иностранец и для них все были одинаковы. И даже приехав сю-*

да в Крезю требовали написать: кто вы в России, а потом вас нанимали как черно-рабочего. Для них это был чернорабочий и все'»<sup>52</sup>.

В 1990-е годы представителями первого поколения эмигрантов первой волны можно считать (с определенными оговорками) тех русских, которые родились еще в России, были привезены во Францию в возрасте от 1 месяца до 18 лет и которым сейчас за 70–80 лет. Они росли преимущественно в русской среде в лоне православной церкви, в семьях родителей все говорили по-русски, сохранению их русского языка способствовали браки с русскими, профессиональные занятия русским языком (преподавательская и/или переводческая работа), деятельность в области православия (среди информантов – несколько священников, теологов). Их первым языком был русский, и многие родители предпочитали отдавать детей не в местные, а в эмигрантские учебные заведения (которые, однако, были фактически двуязычными).

Многие русские дети учились во французских учебных заведениях. Вот любопытное свидетельство: «Писать по-русски почти никто из них не умел: учились они во французских лицеях. "Нормальным" языком они считали французский. Между собою говорили только по-французски. Дома в русскую речь поминутно вставляли французские слова и предложения: ...Сегодня у нас было диктэ (диктант). (...) Я еду делать зимний спорт». В конце XX в., состарившись, они в своих собственных семьях старались говорить по-русски, но легко, по их словам, переходили на французский: *я по-французски никогда себе не позволял говорить дома; нам с женой безразлично / думаем также одинаково на русском и на французском языках*»<sup>53</sup>.

Представители первого поколения обычно много читали по-русски (художественную и религиозную литературу), иногда выписывали русские периодические издания, зарубежные или россий-



ские. Большинство считали себя безусловно русскими. Представляясь русскому из России, говорили свои имя, отчество и фамилию, а в разговорах между собой называли друг друга по имени и отчеству. Но уже среди старшего поколения были те, кто очень плохо владеет русской речью или по-русски не говорит вовсе, например, прожившие в смешанном браке и в отрыве от «русской среды» в течение нескольких десятилетий.

Как известно, в конце XX в. эмигрантская русская речь была неоднородна, имела свою специфику в зависимости от того, когда выехали из России ее носители и к какой волне они принадлежат. Речь наших информантов, речь староэмигрантская, стала стабильной основой национальной идентификации русских в разных странах мира на протяжении почти восьмидесяти лет и, на наш взгляд, является частью культурного достояния нашей страны. Это – тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной, волны, жившие в разных странах русского «рассеяния». История этой речи и история ее носителей напоминают, в частности, о том, что «национальность есть явление по преимуществу интеллектуального порядка... национальный психический уклад личности растет и выявляется вместе с ее умственным развитием – и та среда, которая занята умственным трудом, т.е. интеллигенция, ярче и полнее других слоев, выражает характерную национальную “подоплеку” народа»<sup>54</sup>.

Как известно, староэмигрантская речь является достоянием не только потомков первой волны. В Дальнем Зарубежье ее влияние ощущается у представителей как других русских эмиграций конца XIX – первой половины XX в. (канадских духовных, второго поколения эмигрантов второй волны), так и более ранних исходов из России (например, у потомков казаков-некрасовцев, которые поселились в

Турции в начале XVIII в. и часть которых переехала в США в 1963 г., а некоторые живут в Канаде). Все они могли изучать русский язык в учебных заведениях стран «рассеяния» именно под руководством эмигрантов первой волны и/или долгое время тесно с ними общаться. Здесь важно также упомянуть об огромной роли первой волны в изучении русского языка в странах «рассеяния», в развитии западной русистики и назвать лишь одно известное изучавшим русский язык французам имя – Юрий Константинович Давыдов (1924–1986). Этот представитель второго поколения родился в Париже, был автором и соавтором более 20 учебников русского языка для Франции и Англии, сам преподавал русский язык и с начала 1960-х годов занимал важный пост генерального инспектора по русскому языку в министерстве народного образования Франции.

Одной из современных особенностей языковой культуры первой волны является то, что просторечно-региональная речь, носители которой (например, казаки) также были среди покинувших Россию в 1920-е годы, здесь не сохранилась, как не сохранилась она и в других странах «рассеяния». Это объясняется, в основном, характерным для эмигрантов вообще и представителей Русского Зарубежья, в частности, языковым пуризмом.

Кроме того, дети малообразованных русских эмигрантов первой волны, если они стремились говорить по-русски, овладевали (в приходских школах, на курсах «русских предметов» средних учебных заведений стран «рассеяния» и просто в общении) литературным языком либо вообще не говорили по-русски. Последнее нередко бывало в смешанных браках, где именно жены чаще бывали не русскоговорящими, что обычно негативно отражалось на знании русского языка у ребенка, и иногда даже русский мужчина, находившийся в семье и на работе вне русской среды, забывал язык своей родины (в осо-

бенности, в том случае, когда по тем или иным причинам он не ходил в православную церковь и не участвовал в жизни русскоговорящего прихода).

Анализ магнитофонных записей интервью с представителями Русского Зарубежья и их потомками во Франции 1990-х годов позволяет говорить о том, что особенности речи наших информантов, старомигрантской речи, зависят, главным образом, от возраста, уровня и характера образования информанта, от его профессии, степени участия в русских детских и молодежных организациях, от того, были ли родители информанта русскоговорящими или он родился в смешанном браке (особенно велика роль языка матери), от уровня образования родителей, от сознательных усилий самого информанта и/или его родителей по овладению русским языком, от наличия русскоязычной среды в месте проживания информанта, от его принадлежности к православию, от того, каким по счету ребенком был он в родительской семье. Основным же фактором является возраст информанта, т.е. его принадлежность к определенному поколению потомков Русского Зарубежья.

Тексты нескольких интервью, которые удалось взять у представителей самого первого поколения показывают, что самые пожилые «русские французы» говорят по-русски свободно и непринужденно, но в несколько замедленном темпе (что, в основном, обусловлено их возрастом). Это – речь литературная, в которой можно отметить следы как литературной нормы России конца XIX – начала XX в., так и длительного контакта русского и французского языков. Именно это делает их речь отличной от речи самых пожилых носителей русского литературного языка, проживших всю свою жизнь в России. По сравнению с речью представителей второго и третьего поколений речь эмигрантов первого поколения воспринимается носителем русского языка из России как более естественная...

Многие представители второго поколения Русского Зарубежья, некоторые из которых родились еще в России (или вне ее) и были привезены во Францию детьми, в равной мере хорошо говорят по-русски и по-французски (пишут же по-русски практически все, по-видимому, плохо), но некоторые признавались, что французский знают хуже, чем русский, а другие русским владеют, как об этом свидетельствуют интервью, в недостаточной степени.

Среди тех, кто плохо владеет русским языком или по-русски не говорит вовсе, есть, например, прожившие в смешанном браке и в отрыве от русской среды в течение нескольких десятилетий. Иногда это – дети тех родителей, которые, по словам одного информанта, *может быть раньше других поняли что это (эмиграция. – Н. Г.-М.) надолго/ которые решили/ что если уж так/ тогда (тада) пускай лучше дети будут французы/ настоящие/ чем неизвестно что// (...) и теперь очень многие* (те, кто не умеют говорить по-русски. – Н. Г.-М.) *жалеют//*. О подобных случаях один из информантов заметил, что этих детей «отдали на съедение французской культуре».

Обычно информанты из второго поколения много читали и/или читали по-русски (художественную и религиозную литературу), иногда выписывают русские периодические издания, зарубежные или российские. Многие считают себя безусловно русскими. Как и представители первого поколения, представляясь автору данной публикации, они обычно говорили имя, отчество и фамилию, а в разговорах между собой нередко называют друг друга по имени и отчеству.

Однако культивировать русский язык в семье было не всегда просто. Вот рассказ 58-летнего (на момент записи) парижанина, выросшего в маленьком французском городке: *мой отец умер в 40-м году/ она (мать. – Н. Г.-М.) была одна с двумя детьми/ французское это самое окружение/ все говорят по-французски/ в школе по-*

*французски/ так что постепенно переходили с русского на французский/ сперва мешанный разговор/ а потом больше французского/ меньше русского/ вот так// (...)мама старалась настаивать чтобы мы говорили по-русски/ читали по-русски/ старалась как-то научить писать по-русски//.* Участь во французском лицее, эти информанты нередко переставали говорить по-русски, забывали этот язык, но позже, обычно в силу различных обстоятельств, вновь начинали им заниматься, иногда специально изучали русский во французских учебных заведениях, русской гимназии в Париже, участвовали в деятельности русских детских и молодежных организаций. Они утверждали, что в своей семье «старались говорить по-русски», но нередко переходят на французский язык как между собой, так и со своими детьми, причем выбор языка нередко зависит от темы разговора. О постепенной утрате русского языка в каждом следующем поколении «русских французов» говорили с сожалением, но находили ее естественной.

Представители этого поколения нередко состоят в смешанных браках и возможностей говорить по-русски у них становится все меньше, к тому же постепенно ушли из жизни представители старшего поколения и вне старых центров русской эмиграции (Парижа, Ниццы) говорить по-русски в начале 1990-х годов было уже просто не с кем. Именно в этом поколении, как свидетельствует материал, уже происходят изменения в этническом самосознании: некоторые информанты считают себя «русскими, живущими во Франции», «французами русского происхождения», полагают, что обладают двумя культурами, и отмечают, что они как бы «сидят между двух стульев». Такие информанты, знакомясь, называют имя и фамилию, а иногда и отчество, но поясняя, что по отчеству их никто и никогда не называет. Замужние женщины иногда

добавляют «урожденная Х». Нередко представляются в соответствии с французскими обычаями, при этом иногда русские «домашние» имена (Лиза, Катя) становятся вполне официальными и могут фигурировать на визитных карточках.

Информанты первого и второго поколений отмечали, что русский язык может употребляться ими как тайный язык вне дома, причем представители второго поколения говорили об использовании русского в такой функции и в семье в том случае, когда имеются не говорящие по-русски родственники-французы или когда собственные дети плохо знают этот язык.

Представители третьего поколения Русского Зарубежья, проинтервьюированные автором, родились вне пределов России, многие из них двуязычны, но владеют русской речью хуже, чем французской. Эти информанты начинали говорить по-русски в родительских семьях, но очень быстро (и младшие дети раньше, чем старшие) переходили на французский как со своими братьями и сестрами, так и с родителями. Они могли изучать русский как второй или третий иностранный в лицее и одновременно посещать русские приходские школы, а затем занимались русским языком в университете, Школе восточных языков, на различных курсах. У родившихся в смешанных браках интерес к русскому языку пробуждался иногда достаточно поздно, для них это был иностранный язык, но все же не полностью чужой, поскольку в детстве они слышали русскую речь от своих родственников, знакомых одного из родителей. В целом же, овладение в той или иной степени русской речью потребовало от этих информантов значительных усилий.

Представители третьего поколения, в основном, мало читали и читают по-русски. Вот два характерных признания информантов: *Вначале когда я начинал по-русски читать/ очень трудно было/ очень трудно и я часто бросал книги и*

*переходил на французский язык// Я помню/ я «Войну и мир» начал читать/ решил/ что я должен дойти до сороковой страницы/ хоть до этого// (...) я не дошел/ (...) все надоело//; Достоевского я по-французски/ Чехова по-русски// Потому что легко читать//(...) и просто тренировался читать Чехова/ потому что легко// (...) да/ без словаря/ уже/ а теперь каждую неделю читаю хоть одну статью из «Русской мысли»/ такая «тренировка»//.*

Неплохо владеющие русским языком информанты стараются говорить со своими детьми по-русски и по-французски, причем выбор языка может зависеть, например, от темы разговора (по их словам, *как только на серьезный разговор пойти или объяснить с ними/ все-таки немножко легче по-французски//*). Представители этого поколения Русского Зарубежья чувствуют себя настоящими французами, но с гордостью подчеркивают, что несут элементы русской культуры, и своих подрастающих детей стараются тем или иным образом приобщить к русскому языку...

В начале 1990-х годов представители второго поколения (такие, как Серго из рассказа Н.А. Тэффи «Гурон») уже составились и в большинстве своем в равной мере владеют русским и французским языками, хотя некоторые признаются, что французский знают хуже, чем русский. Характер их франко-русского двуязычия во многом зависит от образования и профессии, которые предопределили их круг общения – французскую или двуязычную русско-французскую среду. Непосредственно французские вкрапления используются ими минимально (это, по-видимому, отчасти обусловлено желанием информантов показать приехавшему из России филологу «чистоту» своего русского языка), причем количество этих вкраплений представляется обратно пропорциональным образовательному уровню информанта. Кроме того, нужно отметить, что количество французских вкраплений увеличивается в том случае, когда информан-

ты, разговаривая между собой, называют, в частности, улицы, площади, станции метро, профессии, нерусские имена лиц (причем у одного и того же информанта параллельно могут употребляться французские и русские варианты: *мы видели Дрюона; мы говорили с Дрюон*).

Современная староземлянская речь во Франции несет отпечаток произносительных, грамматических и лексических норм русского литературного языка конца XIX – начала XX в., в ней видны разрушительные для фонетической, грамматической и лексической систем следы многолетнего «погружения» носителей русского языка во франкоязычную среду. Последнее осознается самими представителями старой эмиграции. В их произношении наблюдаются, в частности, отклонения от российских норм словесного ударения (*комплéкс*с вм. *кóмплéкс*с), тенденция не редуцировать безударные гласные в заимствованных словах (*би[о]графия*, *к[о]мпо́т*) и не оглушать звонкие согласные в конечной позиции (типа *францу[з]* вм. *францу[с]*), нарушения привычного для современного жителя России чередования интонаций незавершенности и завершенности за счет увеличения количества незавершенных интонационных контуров. Кроме того, отметим, что если самые старшие «русские французы» почти не грассируют, то некоторым из желающих избавиться в своей русской речи от французского [г] (именно так этот звук обозначается в некоторых текстах интервью) представителям третьего поколения пришлось специально учиться произносить русское [р].

В словаре староземлянской речи можно выделить, по крайней мере, несколько особенных групп слов, в том числе, слова с устаревшим значением (*госпиталь* 'больница': *и пришел наш знакомый/священник/ в госпиталь/ и начал читать молитву//; отставка* 'увольнение с гражданской службы': *(говорит библиотекарь) скорее в отставку уйдем*), слова, которые в современном

русском языке считаются просторечными (*откуда* 'откуда': *откуда* *они деньги берут?*; *утрешний* 'происшедший, бывший и т.п. в прошедшее утро': *утрешний чай*), слова современного русского языка, значение которых калькировано с их французских соответствий (*автокар* 'междугородный автобус' <autocar: *а что/вы ехали автокаром?*; *радио* 'рентген (ография)' <radio: *в четверг мне будут делать радио*; *фельетон* 'многосерийный телефильм, телеспектакль' <feuilleton: *люблю смотреть фельетоны*!); такие слова используются почти всеми потомками эмигрантов первой волны, но их несколько меньше в речи самых старших информантов, а также тех представителей среднего и младшего поколений, которые изучали русский язык в высших учебных заведениях Франции). Нередки варваризмы (их внешняя форма и значение воспроизводят французские слова, а словоизменение следует русским образцам) (*аксидан* 'несчастный случай' <accident: *одна сестра поизбла в аксидане автомобилном*; *бебешка* 'младенец' (<bébé): *вот я лично с бебешкой/я только по-русски*!)), которые встречаются в речи информантов самого разного уровня образованности — от получившей четырехклассное гимназическое образование в Севастополе бывшей парижской консьержки до доктора наук.

В эмигрантской речи некоторые слова современного русского языка употребляются вместо других, более уместных в данном контексте, например: *даровой* и *даром* вместо *бесплатный* и *бесплатно* (*к этой моей пенсии я имею право/на даровое лечение*!; *я училась даром здесь/моя сестра тоже даром училась*!); *гулаг* вместо *концлагерь*: (об отце информанта, арестованном немцами в 1940 г. в Париже) *сидел там в гулаге*. Встречаются неудачные образования, искажения слов (*здесь был мой дантистический кабинет*; *руководительские курсы*). Очевидную труд-

ность даже для хорошо говорящих представляют старшего поколения представляют паронимы (*республики наклонны к диктатуре* (вм. *склонны*); *они говорят теперь/на русском языке/который мне (...)* *более понятлив* (вм. *понятен*); *ветряное стекло* (вм. *ветровое*)).

Словарный запас потомков Русского Зарубежья представляется значительно меньшим, чем тот, которым обладают имеющие аналогичный уровень образованности русские из России. Эмигранты смогли свободно говорить не на все темы (затруднения вызывают, в частности, разговоры о профессиональной деятельности), достаточно ограничен набор оценочных слов. Информанты, в особенности те, которые владеют русской речью, по их выражению, «из семьи» и не изучали этот язык в учебных заведениях Франции, в начале 1990-х годов не знали такие слова, как, например, *холодильник*, *телевидение*, *телевизионная программа*, *отпуск*, *пенсия*.

Под влиянием многолетнего «погружения» в неславянскую языковую среду в речи представителей первой волны происходит «расшатывание» категории вида русского глагола, что обусловлено расхождениями в передаче свойств действия, имеющимися между французским и русским языками (*у нас дача // (...) значит мы не хотели ее продать/когда мы развелись —* вм. *продавать*; *десять лет я совсем не употребила это —* вм. *не употребляла*). Конструкции с инфинитивом иногда заменяют придаточные предложения: *я был очень удивлен узнать* (вм. *удивился, когда*); *я страдаю говорить с ней по-русски* (вм. *страдаю, когда говорю*), прямообъектные конструкции нередко используются вместо обстоятельственных (*возьмите лифт* вм. *поезжайте на лифте*; *он имел там чрезвычайно интересную жизнь* вм. *у него была*; *лучше оставить русский язык русским/которые его хорошо говорят*!).

В речи третьего поколения и сравнительно нечасто поколения второго встре-

чаются случаи неверного выбора русского эквивалента французского широкозначного предлога (*ее семья от Баку; они играли в церкви гитарой*), союза, союзного слова (*да я даже не знаю/ если для всех советских все сокращения понятны; тем более/ как моя прабабушка скончалась/ моя мысль очень офранцузилась//*), ошибки в согласовании (*так вот она голосовал исключительно для этого*), управлении (*я делаю очень много ошибки*). Под влиянием французского языка (иногда и других языков, если информант родился и/или долго жил не во Франции) может неверно употребляться род существительного (*они строят такие... кажется две фрегаты*).

Что касается особенностей так называемого логического выделения слова или группы слов в высказывании, то даже представители второго поколения, а также их дети и внуки используют для этого

русские кальки французских выделительных конструкций (*их было двести которые на этой секции представлялись* (т.е. поступали на это отделение)). Однако самые старшие информанты, родившиеся и выросшие в России, совершенно свободно употребляют интонационные средства логического и экспрессивного выделения слова.

В начале 1970-х годов П.Е. Ковалевский, оглядывая полувековую историю русской эмиграции, с полным основанием написал о трех задачах, которые выполняла русская эмиграция – охранительной, осведомительной и творческой (через участие в культурной и научной жизни других стран). Он подчеркнул, что борьба за русскую культуру, русский язык, русские исторические традиции была не явлением только бытовым, но имела «глубокие моральные и духовные основы и задания»<sup>55</sup>.

### Примечания

- <sup>1</sup> Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография. М.; Вена, 2001. Библиографию, куда включены исследования иностранных авторов, см., например, в кн.: Русский язык зарубежья. – М., 2001.
- <sup>2</sup> Расшифровки этих записей и комментарии см.: Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века: Тексты и комментарии. – М., 2004; Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. – М., 2004.
- <sup>3</sup> Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. – Белград, 1939. – С. 60.
- <sup>4</sup> Тэффи Н. О русском языке // Возрождение. – Париж, 1926. – 19 дек., № 565. Перепечатка: Русская речь. – М., 1988. – № 5.
- <sup>5</sup> Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. ст. – Берлин: Медный всадник, 1928. – С. 5.
- <sup>6</sup> Бем А.Л. Церковь и русский литературный язык. – Прага, 1944. – С. 10.
- <sup>7</sup> Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. ст. – Берлин: Медный всадник, 1928. – С. 5.
- <sup>8</sup> Там же. – С. 19–23.
- <sup>9</sup> Там же. – С. 32.
- <sup>10</sup> Там же. – С. 50.
- <sup>11</sup> Там же. – С. 52.
- <sup>12</sup> Ренников А. Незванные варяги. – Париж, 1929. – С. 35–39.
- <sup>13</sup> Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. ст. – Берлин: Медный всадник, 1928. – С. 61.
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом. – Париж, 1923. – № 1. – С. 12.

- <sup>16</sup> Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом. – Париж, 1923. – № 1. – С. 69–70.
- <sup>17</sup> Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. ст. – Берлин: Медный всадник, 1928. – С. 8–9.
- <sup>18</sup> Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом – Париж, 1923. – № 1. – С. 71.
- <sup>19</sup> Карцевский С.И. Язык, война и революция. – Берлин, 1923. – С. 2.
- <sup>20</sup> Там же. – С. 7.
- <sup>21</sup> Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка: Сб. ст. – Берлин: Медный всадник, 1928. – С. 59.
- <sup>22</sup> Русская речь. – Париж, 1958. – № 1. – С. 1.
- <sup>23</sup> Там же. – С. 2.
- <sup>24</sup> Федоров Н. Советизация эмигрантского языка. – Буэнос-Айрес, 1952. – С. 11.
- <sup>25</sup> Там же. – С. 19.
- <sup>26</sup> Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия – история и культурнопросветительская работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. – Paris, 1971. – С. 28.
- <sup>27</sup> Васильева А.А. (Без названия) // Эмиграция. – 1993. – № 4. – С. 3.
- <sup>28</sup> Дети эмиграции. – Прага, 1925. – С. 135.
- <sup>29</sup> Петров А. Первая Константинопольская гимназия Всероссийского Союза Городов // Русская школа за рубежом. – 1924. – № 9. – С. 96.
- <sup>30</sup> Русская школа за рубежом. – 1931. – № 34. – С. 511–512.
- <sup>31</sup> Efimovsky O. Il était une fois... Bruno... Quincy. – Paris, 1991. – P. 58.
- <sup>32</sup> Руднев В.В. Финансовое положение и перспективы беженской школы. – Прага, 1925.
- <sup>33</sup> Тэффи Н.А. Книга Июнь. Рассказы. – Белград, 1931. – С. 114.
- <sup>34</sup> Beysac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920–1930). – Paris, 1971. – P. 53.
- <sup>35</sup> Руднев В.В. Условия жизни детей в эмиграции. – Прага, 1928. – С. 6.
- <sup>36</sup> Там же. – С. 17.
- <sup>37</sup> Руднев В.В. Судьбы эмигрантской школы. – Прага, 1930. – С. 36.
- <sup>38</sup> Там же. – С. 3.
- <sup>39</sup> Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия – история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970. – Paris, 1971. – С. 85–109.
- <sup>40</sup> Там же. – С. 13.
- <sup>41</sup> Ренников А. Комедии. – Париж, 1931. – С. 9.
- <sup>42</sup> Там же. – С. 15.
- <sup>43</sup> Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918–1992). – М., 1993. – С. 40.
- <sup>44</sup> Тэффи Н.А. Городок. Новые рассказы. – Париж, 1927. – С. 41.
- <sup>45</sup> Тэффи Н.А. Зимняя радуга. – Нью-Йорк, 1953. – С. 222.
- <sup>46</sup> Ренников А. Комедии. – Париж, 1931. – С. 10–11.
- <sup>47</sup> Там же. – С. 56.
- <sup>48</sup> Там же. – С. 45–46.
- <sup>49</sup> Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. – С. 107–110.
- <sup>50</sup> Ренников А. Беженцы всех стран ( Индейский бог): Комедия в 3 д. – София, 1925. – С. 34–35.
- <sup>51</sup> Ренников А. 1931. Комедии. – Париж, 1931. – С. 76.
- <sup>52</sup> Dumontet C. Vie et problèmes de quelques éléments de l'émigration russe blanche au Creusot, de 1924 à 1980. – Lyon: Université Lyon, 1980.
- <sup>53</sup> Цит. по: Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918–1992). – М., 1993. – С. 40.
- <sup>54</sup> Овсянко-Куликовский Д.Н. Психология национальности. – СПб., 1922. – С. 17.
- <sup>55</sup> Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия – история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970. – Paris, 1971. – С. 15.

---

## ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

*Александр Чжичэн Ван*

### МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ШАНХАЯ

#### Музыкальное русское искусство – полцарства международного искусства Шанхая

В Шанхае русские жители появились в 1865 году, о чем упоминалось в опубликованной Шанхайским муниципальным советом переписи населения. Тем не менее до начала 1890-х годов, в среднем, ежегодно сюда переехали только четверо граждан Российской империи. С конца XIX в. количество русских в Шанхае стало постепенно увеличиваться: в 1895 г. оно составляло 28 человек, в 1900 году – 47 человек. До и после русско-японской войны их число значительно выросло за счет офицеров и солдат российской армии. В течение десяти последующих лет, вплоть до Первой мировой войны, количество русских эмигрантов в общей концессии было 360 человек. По сравнению с эмигрантами из других стран, количество выходцев из России было по-прежнему мало, и большинство из них никогда не общались друг с другом, у них не было ни общественных организаций, ни представителей культуры, живших в Шанхае.

После Октябрьской революции 1917 г. многие подданные бывшей Российской империи непрерывно пополняли иностранную колонию в Шанхае. В октябре 1922 г. сопротивление белоэмигрантов новой власти на Дальнем Востоке было окончательно подавлено.

Генерал Старк (Stark, G.K.)<sup>1</sup> и генерал Глебов (Glebov, F.L.)<sup>2</sup> в декабре 1922 г. и сентябре 1923 г. возглавили эвакуацию русских беженцев (около 3200 человек) на кораблях императорского флота.

В 1925 г. после забастовки шанхайских рабочих, более чем 1500 русских эмигрантов с севера переехали в Шанхай в надежде занять временно освободившиеся рабочие места. В 1929 г. после китайско-советских вооруженных столкновений на северо-востоке Китая около 1400 русских эмигрантов из-за соображений безопасности

*ВАН  
Александр  
Чжичэн,  
профессор  
Академии  
общественных  
наук  
г. Шанхай*



перебрались в Шанхай. Общее количество русских эмигрантов в Шанхае в конце 1920-х было больше десяти тысяч, многие из них были представителями культуры, в том числе музыкантами, и именно благодаря им с 1923 г. Шанхай стал музыкальной столицей.

Без преувеличения можно сказать, что к середине 1930-х годов в Шанхае русская эмигрантская культура и искусство вступили в период расцвета. В газете «Шанхайская Заря» был сделан следующий анализ ситуации, сложившийся в городе к началу 1935 г.:

«Российская культура и искусство всего за несколько лет завоевали себе прочное положение в Шанхае. Здесь проживает много деятелей русского искусства. Их имена в мире культуры и искусства пользуются заслуженным уважением. Распространение европейской музыки в Шанхае в значительной степени обязано музыкантам из среды русской эмиграции. А русские артисты (драматические, оперные и балетные), певцы и художники покорили шанхайских зрителей. В трудных условиях эмигрантской жизни русские беженцы создали в Шанхае “Русский театр” и “Русскую оперетту”. Если мы говорим, что в центре проживания русской эмиграции на Дальнем Востоке – в Харбине – есть прочная основа для расцвета российского искусства, то хорошо знаем, что в Шанхае, этом огромном торговом городе, где царил доллар и расчет, прокладывать путь искусству среди торговцев и праздно публики почти невозможно.

Крайне зажигательный джаз в барах удачно конкурирует с серьезной классической музыкой. На сценических площадках в кафе импровизированные выступления ансамблей более привлекательны, нежели представления драматических артистов. Художники рекламы и создающие витрины художники-дизайнеры легко побеждают серьезных живописцев, а тра-

диционную литературу вытесняет детективно-эротическое чтиво.

Но деятели искусства из среды русских эмигрантов мужественно подняли свой крест и высоко несут его. Они борются за свое существование и одновременно делают множество успехов на поприще искусства. Русское искусство наконец-то в Шанхае пустило свои корни и постоянно завоевывает авторитет. И соответственно становится все больше его любителей и почитателей. Ибо искусство бессмертно, искусство непобедимо»<sup>3</sup>.

Редакцией газеты «Шанхайская Заря» было получено письмо от известной на Дальнем Востоке исполнительницы интимных песен М.А. Садовской<sup>4</sup>, которая гастролировала в Шанхае и пользовалась у публики симпатиями. Мария Алексеевна писала, что, несмотря на то, что Харбин ее встретил очень тепло, он, после Шанхая, не произвел на певицу прежнего впечатления. «Шанхай оставил во мне след большего, интересного города, вызвал на поверхность памяти заглушенные воспоминания о Петербурге. Харбин после Шанхая показался скучным и серым, а харбинцы не такими интересными, как шанхайцы. Весь темп шанхайской жизни необычен. А в Харбине – депрессия. Мечтаю вырваться отсюда, когда представится возможность. Атмосфера здесь нездоровая. Поешь, имеешь успех, а материальный результат ничтожный. Вот уже три месяца я в Харбине и все никак не могу опять к нему привыкнуть», – писала Садовская своим поклонникам в Китае. После этой публикации редакция газеты высказала такое мнение: «Шанхайцы с удовольствием прочтут эти строки. Совсем еще недавно Харбин нам представлялся «Русскими Афинами» на Дальнем Востоке. Там была опера, была драма, чудесные рестораны и кабаре, богатая, питавшая край, железная дорога, были высшие учебные заведения, толпы сту-

денческой молодежи, веселый русский город.

Но теперь, по всем данным, обстановка для русских в Харбине меняется. Оперы уже нет, драмы тоже, на железной дороге могут служить из русских только верные советскому правительству, рестораны перекочевали в Шанхай, веселье русское также переселяется сюда. И пройдет еще два, три года и «Русскими Афинами», вероятно, станет Шанхай вместо Харбина. Письмо М.А. Садовской косвенно подтверждает это»<sup>5</sup>.

10 августа 1944 г. в день, когда первая группа советских эмигрантов уезжала в СССР в ежедневной газете «Эпоха» была опубликована статья под названием «Советские деятели искусства возвращаются на Родину, оставляя арену международно-го искусства в Шанхае значительно опустевшей и поскуцневшей»<sup>6</sup>. В частности в ней было сказано: «Когда речь идет о советских деятелях искусства, возвращающихся на Родину, невольно вспоминается то положение, которое они занимали в прошлом в культурной жизни. Среди советских эмигрантов с большим волнением отправляющихся в этот рейс на родину по призыву советского правительства деятели культуры и искусства составляют подавляющую часть.

В Шанхае, этом крупнейшем городе международного значения, насчитывается 30 тысяч иностранных резидентов, а русские эмигранты – 16 тысяч. Они составляют половину численности всех иностранцев в Шанхае. Именно они являются тем столпом в культурной жизни, который украшает этот крупный международный город. Теперь по призыву своей Родины они покидают Шанхай – город, в котором прожили несколько десятилетий. Из-за этого в таких областях, как европейская музыка, драматургия, опера, балет, оперетта, живопись наступает оскудение. Советские деятели искусства в Шанхае, можно сказать, даже в культурную среду всего Китая внесли огромный вклад. На прощание они говорят китайскому

народу: «Благодарим Китай за прием». А мы должны им сказать: «Благодарим вас за вклад, внесенный вами в искусство Китая»<sup>7</sup>.

### **Музыкальная деятельность художественных объединений русских эмигрантов**

С конца 20-х годов XX в. экономическое состояние у русских эмигрантов в Шанхае стало улучшаться, и одним из признаков этого являлось процветание русской культуры. Литераторы, художники, музыканты и актеры один за другим создавали различные художественные объединения, что создало условия для использования их таланта и обогащения их жизни после работы. Музыкальная деятельность всегда является основой таких художественных групп и объединений.

1. Содружество «Понедельник», сокращенное название «СП» – было создано в октябре 1929 г. Инициаторами его создания в основном, являлись русские молодые литераторы и поэты-эмигранты: поэт В.С. Валь, поэт Л.В. Гроссе, драматург П.А. Северный, поэтесса О.А. Скопиченко, художник Н.К. Соколовский и поэт М.Ц. Спургот. Первым директором содружества стал Н.К. Соколовский. Члены кружка собирались каждый понедельник, поэтому называли его «Понедельник». Они проводили работу, в основном, осенью каждого года. Очень быстро содружество привлекло широкое внимание круга русских эмигрантов и людей, желающих в него вступить, и с каждым днем таких становилось все больше и больше. До конца 1929 г. объединение деятелей культуры значительно расширило свои масштабы. Его новым директором стал литератор М.В. Щербаков., занимавший этот пост четыре года подряд. В 1933 г. после частичного распада содружества старейший его член В.С. Валь вступил на должность директора, но на следующий

год молодой художник М.А. Кичигин возглавил преобразованный «Понедельник».

Содружество часто устраивало литературные вечеринки и также активно вело издательскую деятельность: выпустило пять номеров сборников статей под именем «Понедельник». Несмотря на то, что большинство членов состояли из известных литераторов, немало различных работников искусства вступило в него, и среди них можно назвать художника В.А. Засыпкина, журналиста К.В. Батурина, художницу С. Мосцепан и т.д.

В 1934 г. общепризнанный лидер в литературном кругу русских эмигрантов русский писатель И.А. Бунин установил контакт с «Понедельником» и стал почетным директором содружества. Хотя большая часть деятельности, развернутой содружеством, была связана с литературой, в нее всегда были включены музыкальные мероприятия. Например, на встрече 3 апреля 1933 г. К.И. Лаврентьев выступил с научным докладом под названием «О симфонической балладе»<sup>8</sup>; на открытую встречу 16 октября 1933 г. приглашен оперный певец Д.В. Кудинов, чтобы исполнить несколько песен<sup>9</sup>; на мероприятии 13-го числа этого месяца П.М. Шидловский спел с большой любовью русские народные песни, а затем лучший ученик профессора Б.С. Захарова дал сольное исполнение на фортепиано<sup>10</sup>; на очередной встрече 24 октября 1938 г. певица А.Г. Миямура и пианист Л.В. Введенская завоевали большую симпатию публики за замечательное выступление<sup>11</sup>.

2. Объединение «Вторник» – было создано при Русском общественном собрании 4 октября 1936 г. (во вторник). В большой степени необходимо отнести его создание и популярность к заслугам почетного секретаря РОС Д.А. Петрухина.

Русское общественное собрание каждый год устраивало разные вечеринки, маскарады, совместные обеды, рождественские вечера, празднование Нового го-

да, коктейли и концерты. Однако самое успешное мероприятие Собрания – это, несомненно, «Вторник», потому что он устраивался регулярно каждую неделю, подходил и молодым, и старым, и не только его члены, но и гости могли принимать участие во встречах. Чтобы удовлетворить желания нуждающихся в деньгах русских эмигрантов к культуре и отдыху, Собрание установило очень низкую цену за входной билет. Руководство РОС старалось привлекать русскую молодежь, давая ей возможность знакомиться с русской культурой и искусством и избавить их от соблазнов «шататься» по кабакам, барам и танцулкам.

Русское общественное собрание предоставило всем русским эмигрантам возможность продемонстрировать свои таланты в искусстве. Многие молодые поэты стали показывать себя, среди них М.Н. Володченко, М.Ц. Спургот, О.А. Скориченко, М.И. Колосова и другие. Они читали вслух свои стихи под музыку, что приводило слушателей в восторг.

Большой популярностью пользовались на мероприятии «Вторника» выступления балерин Р. Браунинг, Н. Загайной, К. Сергеевой. Они часто исполняли эффектные хореографические номера из балетов.

На «Вторниках» проходили и вокальные вечера, в которых принимали участия В. Кочергин, М. Рубин, С.И. Якимов, Введенский, Мерлин, А.Т. Миллер, Л.Д. Лаврова, М.Н. Новицкая, Марковская, Трофимова.

В драматических постановках и музыкальных спектаклях были задействованы актеры: А.М. Шумский, М.А. Ласковский, Владимиров, Венская, Барвинская, Южанова.

Публика искренне веселилась, слушая юмористические рассказы Н.Ф. Тарасова и Сухотина. Во время исполнения сценок они любили нажимать ту или иную клавишу фортепиано, чтобы усилить юмористический эффект.

Овациями и непрекращающимися аплодисментами заканчивались выступления музыкантов Сильницкого и Введенской<sup>12</sup>.

Афиша: Вторник 13 февраля 1940 г.

1. Юмористические рассказы – Юрий Савельев: «Китайцы русского происхождения».

2. Лирическое пение тенора – Хованс Э.

3. Выступление артистов балеты – Мура Тарасова и Алла Кошман.

4. Джазовая музыка – Оркестр П.И. Шевцова.

Как правило, представления начинались в 10:30 вечера. Режиссёром программ являлся Евгений Мунцев.

Очевидно, что в отличие от других художественных объединений, большинство членов которых были знаменитостями, «Вторник» стал колыбелью молодых представителей русского искусства и пользовался большой популярностью. На каждом мероприятии в зале не оставалось ни одного свободного места. Обычно после окончания мероприятия многим зрителям не хотелось расходиться<sup>13</sup>.

Кроме «Вторника» в РОС было создано художественное объединение с таким же названием при Лиге русских женщин (ЛРЖ). Оно открылось раньше, в начале 1930-х годов, и не было таким масштабным и влиятельным, как его «тезка». Встречи при ЛРЖ носили литературно-музыкальный характер и проходили по вторникам в 5:30 вечера на улице Кардинал Мерсье, 339 (соврем. Шэньсинаньлу). В этих мероприятиях участвовали по рекомендациям его членов, а вход был бесплатным. Примером может служить краткий отчет о «Вторнике» 28 марта 1933 г., состоявшем из двух частей.

Часть 1. Музыкальные номера:

– Н.Н. Янковская. Лирическая песня.

– Молодой музыкант Петров Б.Н. Соло на фортепиано.

– Студент Кацен А.П. Фортепиано. Исполнение музыкальных пьес левой рукой.

172

Часть 2. Доклады о музыке. Дронникова О.П. «О музыкальном дошкольном образовании Монтессори».

Большую часть мероприятий «Вторника» Лиги русских женщин составляли музыкальные номера, и в меньшем объеме – литературные<sup>14</sup>.

3. ХЛАМ (Содружество Художников, Литераторов, Артистов и Музыкантов). Содружество собиралось каждую среду, поэтому также его называли Содружество «Среда». Оно было создано осенью 1933 года, инициаторами являлись известные представители разных сфер литературных кругов русских эмигрантов в Шанхае.

Среди его постоянных членов можно назвать: режиссера-постановщика балетных спектаклей Э.И. Элирова, журналиста А.В. Петрова, музыканта А.Г. Бершадского, А.О. Кирсанова, художника Л.В. Сквирского, а также певца В.Г. Шушлина, драматических актрис В.В. Панову-Рихтер и З.А. Прибыткову, драматического актера П.А. Дьякова, главного редактора газеты «Шанхайская заря» Л.В. Арнольдова, поэта М.Ц. Спургот, писателя В.С. Валь.

1 ноября 1933 г. содружество провело первое мероприятие и после этого собиралось на встречу каждую среду. Вскоре содружество привлекло большое внимание, и количество его членов возросло до 70 человек.

17 февраля 1934 г. ХЛАМ зарегистрировалось в генеральном консульстве Франции в Шанхае. Элиров, Петров и Спургот стали его пожизненными руководителями и члены клуба называли их «Тройка ХЛАМа»<sup>15</sup>.

Свободная, веселая и романтическая атмосфера, шуточные анекдоты – все это привлекло большую часть членов содружества. Главный конферансье Эдуард Элиров вносил большой вклад в успех каждого вечера. Названия встреч часто проходили под разными названиями, например:

«Весёлые эстрадниги».

«Улыбка Терпсихоры (одна из девяти муз древнегреческих мифов, муза танца)».

«Вечер стихов».

«Шестая держава» и т.д.<sup>16</sup>

Вечера ХЛАМа пользовались большой популярностью не только среди русских жителей в Шанхае, но иностранцы также часто бывали на них. Содружество ХЛАМ обычно проводило работу осенью и зимой, т.е. с начала октября каждого года до начала мая следующего года, однако оно не полностью прекращало деятельность в летнее время отдыха (с начала мая до конца сентября каждого года).

Только в течение трех лет с ноября 1933 г. до мая 1936 г. ХЛАМ устраивал 70 встреч по средам, среднее количество людей, участвовавших в зимней деятельности, составляло 1500 человек. Каждый год к началу зимы составлялся план мероприятий, например, встречи по средам 1936–1937 гг.:

«Ночь в Холливуде»,

«Воспоминания о лете»,

«В царстве сказок»,

«Амур (бог любви древнегреческих мифов) в окно стучится»,

«Век нынешний и век минувший»,

«Вечер накануне Рождества на Мон-мартре»,

«Юбилей Флегонта Дадыкина»,

«Через сто лет».

Художественный вечер ХЛАМа «ярмарка в деревне» носил характер капустника.

Сообщество также много раз устраивало вернисажи литературных знаменитостей и бенефисы популярных артистов, например, известной актрисы В.В. Пановой, Э.И. Элирова и других<sup>17</sup>. ХЛАМ, в основном, проводил деятельность в известных кафе и ресторанах, открытых русскими бизнесменами, например: кафе Клейнерманн, кафе-ресторан братьев Ткаченко, ресторан «Омон», ресторан «Ренессанс».

В конце 1930-х годов XX в. много молодых оперных и балетных артистов на вечерах ХЛАМа стали показывать себя и

проявлять свои таланты, благодаря чему они завоевали большую группу поклонников. Среди них были Татьяна Невская и Владимир Андреев. Чтобы наградить их за вклад в содружество «Среда», было устроено специальное выступление в ресторане «Кавказ» 13 апреля 1938 г.<sup>18</sup>

12 декабря 1940 г. ХЛАМ организовал фестиваль искусств русских эмигрантов в Шанхае в театре «Luceum Theatre», в котором приняли участие более 60 известных звезд литературных и музыкальных кругов русских эмигрантов.

1. Серов Б.А., Валин В.А., Варгина М., Винер А., Манжелей О., Невская Татьяна и Смолина А. показали известные картины оперных спектаклей.

2. Кожевникова Н.В. исполнила сцену из балетной композиции на музыку романа «Ночь» А. Рубинштейна.

3. В различных номерах участвовали: Валин В.А., Вертинский А.Н., Жозеф Шейх, Кирсанов А.О., Кларин В.В., Миллэр Гленн, Невская Татьяна, Ненцинский А.Д., Прибыткова З., Розен Л.И. и Туренин В. Их выступления вызвали у публики интерес и пользовались успехом. Было много веселых шуток и юмористических находок.

4. Выступление балета под управлением Князева Н.А.

5. Труппа Русский балет: Баранова Е.П., Бобынина Е.В., Виннер А., Ельник О., Кожевникова Н.В., Ланцов С., Никитина Л.К., Сокольский Н.М., Шевлюгин Ф.Ф., Элиров Е., Янов Д. и так далее.

6. Прочие номера: инструментальный дуэт, инструментальное трио, инструментальный квартет, инструментальный квинтет, шутки, шарж, среди выступающих: Туренин В., Бирюлин П.Д., Битнер З.А., Вертинский А.Н., госпожа Франциска, Кудинов Г.В., господин Ларго, Лоренц-Петров В.В., Маклецов С., Менаи М., Мунцев Евгений, Прибыткова З., Реджи С.А., Рихтер А.Я., Слободской А., Тонов Н.А., Хавский С. и др.<sup>19</sup>

4. Литературно-художественный кружок (ЛХК) «Четверг» при Еврейском клубе был создан в Шанхае в ноябре 1933 г. Обычно встречи проходили по четвергам, отчего кружок и получил свое название. Его главная задача состояла в том, чтобы еженедельно устраивать вечера, в программе которых были бы и музыкальные, и художественные номера. Его идея не имела никаких коммерческих целей, только культурное обогащение. Бесплатный вход для всех желающих и участие в представлениях каждого пожелавшего сделали эти вечера очень популярными. Обычно гости собирались к десяти вечера в Еврейский клуб, расположенный в центре Французской концессии в доме 83 на рут Пишон (соврем. Фэньянлу). Многие члены «Четвергов» являлись известными актерами и музыкантами<sup>20</sup>.

После того, как в Клубе была построена сцена, все выступления проводились на ней. Каждый пришедший на вечер проводил свободное время в дружественной атмосфере и имел возможность проявить свой художественный талант, объединяя всех любителей искусства. Количество членов Кружка превысило 60 человек, и они разделились на три категории в соответствии в уставом:

- официальный член – лицо, принимающее участие в деятельности какой-либо художественной или музыкальной студии,
- неофициальный член – лицо, поддерживающее выполнение задач, но не принимающее участие в повседневной деятельности,
- постоянный гость – лицо, любящее искусство, часто принимающее участие в мероприятиях «Четверга», но не вступающее в кружок и не вмешивающееся в его внутренние дела.

Хотя ЛХК находился в здании Еврейского клуба, он проводил работу самостоятельно. Члены кружка пользовались всеми правами членов Еврейского клуба (кроме игры в карты). Руководителем «Четверга» являлся начальник Комитета

по культуре и образованию Еврейского клуба Я.Л. Брик, а его заместителем и казначеем – Д.В. Рабинович. Орлов А.С. был назначен секретарем.

Устраиваемые «Четверги» имели разную программу. Кроме развлекательных мероприятий, здесь организовывались и научные доклады и лекции.

Внутренняя работа Художественного кружка проходила в семи исследовательских студиях, причем каждая секция состояла из любителей какого-либо конкретного вида искусства.

Литературная секция – заведующий секцией: Рабинович Д.Б.;

Художественная секция – заведующий секцией: Засыпкин В.А.;

Музыкальная секция – заведующий секцией: Хэгнер Д.И.;

Вокальная секция – заведующий секцией: Гравцев А.Н.;

Хореографическая секция – заведующий секцией: Гравцев А.Н.;

Драматическая секция – заведующий секцией: Орлов А.И.;

Шахматная секция – заведующий секцией: Финланд С.;

Дирижер оркестра и хора Слуцкий А.Ю.

Главными членами Кружка также являлись известный драматический актер Томский С., художник Покровский К.К., пианистка Левина В.В.<sup>21</sup>

Особой популярностью пользовалась мелодекламация, т.е. поэтическое чтение, которое проходило под музыкальное сопровождение. Летом 1934 г. для встреч использовали и открытые площадки Еврейского клуба. Программа одного из «Четвергов», состоявшегося 21 декабря 1933 г., была следующей:

Ведущий и режиссер вечера: Орлов А.И.;

Женское соло: госпожа Бент;

Вокальный квартет: господин Рискин, Тарнопольский В, Фрумсон Д. и Ступел И.;

Поэтическое чтение (произведения Маяковского): господин Фелтгер;

Поэтическое чтение: господин Воиковский и Баратынский Г.<sup>22</sup>

5. Шанхайская «Чураевка» или «Пятница». Эта молодая организация была создана в 1925 г., стала широко признана в очень короткое время, превратившись в центр литературных кругов русских эмигрантов сначала в Харбине. Молодые люди начали проявлять свой талант и постепенно заслужили уважение за свои успехи в культурной деятельности.

В 1933 г. некоторые члены Харбинской «Чураевки», т.е. Светлов Н.Ф., Скориченко О.А., господин Сухатин и Петров А.В., после переезда в Шанхай создали там организацию с таким же названием – «Чураевка». Инициатором был хорошо знакомый русским эмигрантам в Харбине поэт, являющийся и одним из ответственных лиц Харбинской «Чураевки» – Николай Светлов. 1 августа 1933 г. Шанхайская «Пятница» провела первое собрание, на котором определила свою главную цель: на основе литературного творчества осуществлять широкое объединение литературы, музыки и драмы. На собрании также было принято решение создать литературную студию, возглавленную поэтом Петерем Н., который одновременно нес ответственность за организацию вечеров «Пятницы» один раз в неделю. Впоследствии одна за другой создались научная студия, драматическая студия и музыкальная студия. Мероприятия каждой студии постепенно стали проводиться один раз в неделю, а не два раза в месяц, как в первые дни создания.

Клуб «Чураевка».

В соответствии с обычаем Харбинской «Чураевки» официальные мероприятия клуба начинались с сентября каждого года. Сначала в них принимали участие только десятки человек, однако по мере роста его популярности количество желающих увеличилось до нескольких сотен. Среди них было не только много молодежи, увлекающейся литературой, но и немало представителей богемы русской эмиграции в Шанхае. На мероприятиях

обсуждались литературные теории, стихи и рассказы, проводились концерты, делались научные доклады. Несмотря на трудности, количество членов Шанхайской «Чураевки» постоянно росло. Участие в «Пятницах» привлекало молодых людей. Мероприятия Пятницы отличались разнообразными темами программы. Например:

30 сентября 1930 г. поэт Петерек Н.В. выступил с научным докладом «О Тургеневе»;

9 ноября 1933 г. состоялся радио-концерт «Чураевка»;

19 января 1934 г. Криворучко М.Г. выступил с докладом под названием «Рождество».

Кроме серьезных научных докладов, большинство других мероприятий проводили под музыку. Исполнение на музыкальных инструментах, сольное пение, хоровое пение, арии из опер и выступление балета предоставили многим молодым художникам возможность проявить свой талант и приобрести известность<sup>23</sup>.

6. Литературно-художественное содружество «Восток». Это содружество носило похожий характер и имело аналогичные цели с Шанхайской «Чураевкой». Оно было основано в 1933 г. При нем имелись Литературный отдел, возглавляемый М.В. Щербаковым, и музыкальный отдел, заведующим которого работал Аксаков С.С. С весны 1934 г. «Восток» стал составлять и печатать художественный ежегодник под названием «Ворота», а с осени 1935 г. – активно сотрудничать с Шанхайской «Чураевкой». 14 октября 1935 г. все официальные члены «Чураевки» приняли единое решение присоединиться к Содружеству «Восток». Члены объединений смогли свободно принимать участие во внутренних мероприятиях друг друга. По сравнению с «Чураевкой» содружество «Восток» обращало больше внимания на музыкальные мероприятия. Жаль, что информация о конкретных ме-

роприятиях редко появлялась в сообщениях прессы<sup>24</sup>.

7. Объединение «Искусство и Творчество», одна из первых организаций-объединений, было создано 24 сентября 1929 г. М.Ц. Спургот работал секретарем. Главная цель объединения была в том, чтобы его члены помогали друг другу материальными средствами, и для этого был создан сберегательный фонд взаимопомощи. С целью улучшения экономического состояния безработных актеров объединение также организовало труппу таким образом, чтобы они получали возможность выступать каждую неделю.

Был также учрежден артистический клуб при объединении, расположенный в доме 55 (сегодняшнее название улицы – Чангделу Дюбайль). В ноября 1929 г. количество членов музыкального клуба при объединении составляло 30 человек. Был основан музыкальный комитет, председателем которого избрали профессора Б.С. Захарова, а его постоянными членами стали З.А. Прибыткова, г-н Ш. Гробуа, г-н Комар, г-н Флин и архитектор А.И. Ярон – всего пять человек. Каждую неделю комитет проводил музыкальное собрание, ставшее культурным центром Шанхая<sup>25</sup>.

«28 апреля 1930 г. четвертый в этом сезоне и последний камерный концерт из цикла камерных концертов, организованных музыкальной секцией местного “Артиклуба” и проходящих при участии лучших местных, главным образом русских музыкальных сил. Концерт, как и три предыдущих, состоялся в 9.15 вечера в помещении Клуба американских женщин на Бабблинг Велл роад № 113. В программе концерта: струнный квартет Грига в исполнении господ Фоа, Лившиц, Герцовского и Шевцова. Затем соло на рояле выступил композитор и пианист С. Аксаков, который исполнил свои последние композиции “Прелюдия” и “Этюд”, а также транскрипцию произведений “Града Китежа” по известной опере Римского-Корсакова. Последнюю вещь г-н Аксаков исполнил по просьбе публики.

176

Известная певица г-жа М. Апвель-Марнич исполнила восемь цыганских танцев Брамса, один из вокальных шедевров этого прославленного композитора.

Б.С. Захаров и П.Н. Бирюлин исполнили знаменитую Седьмую сюиту Аренского для двух роялей. Интерес к этому концерту со стороны любителей серьезной музыки отмечался повышенный и в их исключительной посещаемости камерных концертов»<sup>26</sup>.

В конце 1929 г. Объединение «Искусство и Творчество» и шанхайская газета «Время» совместно провели конкурс артистов Шанхая и потребовали от читателей, чтобы они выбрали любимых пианистов, скрипачей, виолончелистов, балетных артистов и музыкантов, играющих на других инструментах. До 6 января 1930 г. редакция выбрала 21 человека и в соответствии с полученными бюллетенями, кроме двух итальянцев, все остальные были русскими.

Фоа (скрипка, 254 голоса, итальянец), Захаров Б.С. (рояль, 249 голосов), Бирюлин П.Д. (сольная игра на музыкальных инструментах, 217 голосов), Шевцов И.П. (виолончель, 201 голос), Владимирова-Бурская (певица, 171 голос), Селиванов П.Ф. (певец, 133 голоса), Шушлин В.Г. (певец, 120 голосов), Шульстан И.М. (виолончель, 111 голосов), Марио Паси (рояль, 108 голосов, итальянец), Кармелинский А.З. (певец, 103 голоса), Крылова М.Г. (певица, 101 голос), Подушка И.Р. (скрипка, 82 голоса), госпожа Теляковская (певица, 64 голоса), Слуцкий А.Ю. (дирижер, 56 голосов), госпожа Панова (балетная актриса, 44 голоса), Сизякова А. (балетная актриса, 44 голоса), Чернецкая В.А. (рояль, 43 голоса), Суворин Е. (актер, 43 голоса), Аксаков С.С. (рояль, 41 голос), Шиллер Я.М. (виолончель, 40 голосов) и Фёдоров (скрипка, 38 голосов)<sup>27</sup>.

8. Русское профессиональное театральное Общество. Устав общества был утвержден и зарегистрирован Шанхайской международной концессией 19 янва-



ря 1939 г. Данный устав охватывал всех русских и украинских актеров, музыкантов, певцов и балетных артистов в Шанхае. Председателем общества являлся заслуженный оперный певец Блохин В.П. Главные члены общества:

оперный режиссер – актер Ульянов С.М.,  
 оперный режиссер – актер Томский В.И.,  
 дирижер оркестра – Сарычев В.В.,  
 оперный режиссер – актер Пидлужный И.Д. (Украина),  
 хоровой дирижер – Машин П.Н.,  
 вокальный руководитель – Шуляковский М.А.,  
 музыкальный руководитель – дирижер Бирюлин П.Д.,  
 оперный режиссер – Сулженко В.Л. (Украина).

Общество было расположено в доме № 9 пассажа № 199 по улице рут Валлон (совр. Наньчан лу). Все зарегистрированные в комитете русских эмигрантов русские и украинские актеры-эмигранты могли подать заявку о желании вступить в официальные члены, другие актеры славянских национальностей имели право стать неофициальными членами Общества. Ещё до начала деятельности всем актерам, музыкантам, певцам и танцовщикам требовалось зарегистрироваться в комитете.

Русское профессиональное театральное общество развертывало деятельность по следующим задачам:

1) объединение всех русских эмигрантов, являющихся театральными, музыкальными и балетными актерами, совместное служение искусству, обеспечение всех отдающих себя искусству актеров материальными средствами;

2) оказание помощи русским молодым эмигрантам, наделенным музыкальным талантом, предоставление им возможности продолжать обучение музыке, театру и балету в самых благоприятных условиях;

3) открытие первой Высшей консерватории русских эмигрантов в Шанхае, проведение мероприятий по вокальной музыке, инструментальной музыке, театру и балету, а также приглашение на должность преподавателей лиц, получивших высокие художественные достижения и соответствующее образование;

4) объединение сил всех театральных, музыкальных и балетных актеров, проведение разных благотворительных выступлений и концертов с целью сбора средств на помощь бедным русским актерам-эмигрантам и оказания им материальной поддержки;

5) проведение благотворительных развлекательных мероприятий оказание помощи разным общественным организациям русских эмигрантов;

6) оказание помощи русским профессиональным актерам-эмигрантам и любителям-эмигрантам, привлечение их к участию в выступлении;

7) распространение славы русской песни, музыки, театра и балета<sup>28</sup>.

9. Товарищество украинских артистов было основано летом 1938 г. Оно часто организовывало показ драматических произведений украинских и русских драматургов в актовом зале Французского муниципального коллежа (дом 11 на рут Валлон) и других местах. Например, 8 июня 1938 г. шла пьеса-феерия «Вий». Известный украинский драматург М.Л. Крапивницкий интерпретировал одноименное произведение Н.В. Гоголя. Декорации пьесы были великолепны, одежда актеров роскошна и музыка прекрасна.

Главные члены Товарищества украинских артистов:

режиссер – Гайдаров Л.Л.;  
 дирижер струнного оркестра – Закс Д.Г.;

артистки: Василенко – главная героиня (сопрано), Гай М.А. (контральто), Золотниченко А.А. (характерная роль), Киселе-

ва Л.Г. (сопрано), Любченко В.И. (сопрано), Усанкова З.Б. (сопрано);

артисты – Гайдаров Л.Л. (баритон), Дубовский В.И. (театральный тенор), Ласкавий М.А. (резонер и характерная роль), Колумбовский Ю.С. (в роли невежи), Лоренц-Петров В.В. (характерная роль), Михайленко А.М. (комик, бас), Мусийчук А.В. (актер на второстепенные роли, входная роль), Полтавец М.Н. (вторая роль, баритон), Романюк Н.И. (в роли невежи, тенор) и Янковский С.И. (разнохарактерная роль). Большинство актеров являлись певцами<sup>29</sup>.

10. Украинское культурно-просветительное общество имени Н. Лисенко, оно также называлось Украинская оперно-драматическая труппа имени Н. Лисенко. Общество было основано украинскими эмигрантами в Шанхае весной 1938 г., чтобы представить украинские народные и классические песни, древние украинские известные драмы и замечательные произведения современных драматургов. Данное Общество носило имя знаменитого украинского композитора Николая Витальевича Лисенко. Общество было создано для того, чтобы укрепить национальное единство и братское сотрудничество украинских эмигрантов. Общество провело концерт в память Н.В. Лисенко, а также показало украинские оперы в театре «Luceum Theatre» и в других местах.

9 июня 1938 г. общество показало бесмертное произведение известного украинского композитора Семёна Гулака-Артемовского, комическую оперу «Запорожец за Дунаем» в театре «Luceum Theatre». Таков был состав актеров.

Оперный режиссер – певец-бас Кумановский.

Дирижер оркестра – Сарычев В.В.

Балетный режиссер – Шевлюгин Ф.Ф.

Менеджер по постановочной технике – Бутенко-Браун Г.

Главные актеры – Кумановский А. (бас), Кумановская В.Т. (сопрано)

Актрисы – госпожа Оксана, Лебеденская А.В., Ага Селим, Наталочка Кривенко;

Актеры – господин Андрей (оперный актер), Хованс Е. (тенор), Якимов С.И. (баритон), Тоцкий Г., Иман Г., Васильев А. и господин Хасан<sup>30</sup>.

11. Пушкинский комитет. В феврале 1937 г. исполнилось сто лет со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина. Для проведения подготовительной работы по организации мемориальной церемонии в сентябре 1936 г. русские эмигранты в Шанхае создали Пушкинский комитет. Его председателем стал К.Э. Мешлер, вице-председателем – профессор В.В. Ламанский, в члены комитета вошли 102 человека, в том числе известный русский музыкант-эмигрант А.А. Авшаломов. При комитете были учреждены шесть отделов: отдел финансов, отдел мониторинга, отдел по возведению памятника, отдел по музыке и живописи и отдел по литературе и изданию.

Украинская оперно-драматическая труппа устроила концерт в память А.С. Пушкина. Далее указаны мероприятия к столетию со дня смерти Пушкина:

1) 9 сентября 1937 г. – собрание во Французском Клубе;

2) 2 февраля – в театре «Luceum Theatre» был проведен концерт и показана опера «Алеко»;

3) 17 февраля – в Кафедральном Богородицком соборе состоялась панихида. В школах и колледжах были проведены мемориальные выступления школьников и учащихся детей русских эмигрантов;

4) 10 февраля – в клубе «Русский Сокол» прошел вечер в память А.С. Пушкина;

5) 11 февраля – утром на перекрестке (потом это место называлось Пушкинская площадь) улиц рут Пишон (сегодняшняя улица Фэньянлу) и Цицилу (сегодняшняя улица Юэянлу) состоялась церемония открытия бронзового бюста поэта. Вечером во Французском муниципальном колледже прошло торжественное собрание, посвященное столетию со дня смерти Пушкина. Зрители посмотрели документальное кино и послушали хоровое выступление;

6) 13 февраля – Русский театр в Шанхае показал известную драму А.С. Пушкина «Борис Годунов»;

7) 14 февраля – в театре «Grand Theatre» состоялся концерт из произведений А.С. Пушкина.

Кроме этого, все школы для русских эмигрантов одна за другой провели мемориальные мероприятия. Среди них событием, привлекающим самое большое внимание, стал музыкальный вечер памяти А.С. Пушкина. Выступление Муниципального симфонического и духового ор-

кестра международного селтльмента стало сенсационным событием.

Пушкинский комитет издал сборник о памятных мероприятиях «Пушкинские дни в Шанхае», который вышел из печати на четырех языках: на русском, английском, французском и китайском. В сборник были включены более ста картин о А.С. Пушкине, отрывки из его произведений, комментарии известных людей и фотографии разных художественных мероприятий, проводимых в этот период<sup>31</sup>.

## Примечания

- <sup>1</sup> Старк.
- <sup>2</sup> Глебов.
- <sup>3</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1935. – 1 января. – С. 14.
- <sup>4</sup> Садовская (Куренкова) Мария Алексеевна (род. ок. 1898) – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано). Выступала в Московском Народном доме (до 1911 г.). В 1911 гастролировала вместе с Д.Х. Южиным по городам России. После революции в эмиграции.
- <sup>5</sup> Шанхайская Заря. – 1930. – 1 ноября. – С. 6.
- <sup>6</sup> Эпоха. – Шанхай, 1947. – 11 августа.
- <sup>7</sup> Эпоха. – Шанхай, 1947. – 11 августа.
- <sup>8</sup> Шанхайская Заря. – 1933. – 6 апреля. – С. 5.
- <sup>9</sup> Шанхайская Заря. – 1933. – 18 октября. – С. 4.
- <sup>10</sup> Шанхайская Заря. – 1933. – 15 ноября. – С. 5.
- <sup>11</sup> Слово. – Шанхай, 1938. – 26 октября. – С. 4.
- <sup>12</sup> Слово. – 1938. – 3 октября. – С. 3.
- <sup>13</sup> Слово. – 1940. – 13 февраля. – С. 4; 15 февраля. – С. 4.
- <sup>14</sup> Шанхайская заря. – 1933. – 26 марта. – С. 9.
- <sup>15</sup> Жиганов В.Д. Русские в Шанхае: Альбом / Подготовка издания и предисловие В.П. Леонова и Ю.В. Шестакова; вступительная статья Н.П. Рождественской. Китай. Русская эмиграция. – СПб.: БАН – Альфарет, 2008. – С. 74–75.
- <sup>16</sup> Новое русское слово. – 1938. – 9 января. – С. 6.
- <sup>17</sup> Рубеж. – 1937. – № 19. – С. 9.
- <sup>18</sup> Слово. – 1938. – 7 апреля. – С. 7.
- <sup>19</sup> Слово. – 1940. – 8 декабря. – С. 6.
- <sup>20</sup> Шанхайская заря. – 1933. – 30 ноября. – С. 5.
- <sup>21</sup> Шанхайская заря. – 1934. – 30 марта. – С. 8.
- <sup>22</sup> Шанхайская заря. – 1933. – 23 декабря. – С. 6.
- <sup>23</sup> Шанхайская заря. – 1933. – 2 августа. – С. 5; 3 сентября. – С. 14; 30 сентября – С. 6; 2 октября. – С. 3; 1934. – 5 января. – С. 8.
- <sup>24</sup> Шанхайская заря: 1934. – 5 мая. – С. 6; 1935. – 10 октября. – С. 6; 1935. – 15 октября. – С. 6; Слово. – 1938. – 22 апреля. – С. 3.
- <sup>25</sup> Шанхайская Заря. – 1929. – 22 сентября. – С. 9; 25 сентября. – С. 5; 26 октября. – С. 5; 15 ноября. – С. 5, 22.
- <sup>26</sup> Шанхайская Заря. – 1930. – 18 апреля. – С. 4.
- <sup>27</sup> Время. – 1930. – 7 января. – С. 9; 22 января. – С. 4.

<sup>28</sup> Слово. – 1940. – 6 октября. – С. 9.

<sup>29</sup> Слово. – 1938. – 1 июня. – С. 3.

<sup>30</sup> Слово. – 1938. – 2 июня. – С. 2–3.

<sup>31</sup> Слово. – 1936. – 30 октября. – С. 6; 9 декабря. – С. 4; 1937. 13 февраля. – С. 6; Новости Северного ежедневного Китая. – 1936. – 28 декабря.

# СУДЬБЫ И МИФЫ

В.Я. Вульф

## ТАЙНЫ ОЛЬГИ ЧЕХОВОЙ

Свои воспоминания знаменитая кинозвезда гитлеровской Германии Ольга Чехова назвала «Мои часы идут иначе»<sup>1</sup>. Актриса опубликовала их в 1973 г. Книга полна вымысла и фантазии, в ней много фактических неточностей, но читается она как увлекательный роман и оторваться от нее почти невозможно.

Известно, что легенда и биография часто не совпадают. Реальная история жизни Ольги Чеховой полна тайн, в мемуарах они едва намечены, и постичь секреты ее биографии по ним очень трудно.

Немцы боготворили свою звезду. Ольга Чехова – это слава, обольстительная красота, женщина-вамп. Она получала баснословные гонорары. Гитлер обожал ленты с ее участием. Она снималась в роскошных немецких боевиках, пустых и сентиментальных. Ее фантастическая красота, воля и ум позволяли ей соединять на экране культуру манекенщиц и культуру аристократок. Снималась много. «Маскарад», «Мир без маски», «Ханнерль и ее любовник», «Красивые орхидеи», «Опасная весна» – типичные названия фильмов с ее участием. Она была как бы частью немецкой мечты. В годы Второй мировой войны на фронтах немцы ждали ленты с Ольгой Чеховой.

И никто не догадывался о том, что Ольга Чехова была сверхсекретным агентом НКВД. Когда развязалась Вторая мировая война, ее природный патриотизм взял верх.

В не очень достоверной книге генерала Павла Судоплатова «Разведка и Кремль», изданной в 1996 г., утверждается, что она была связана с Берией и поддерживала регулярные контакты с НКВД, что существовал план убийства Гитлера, и именно Ольга Чехова должна была с помощью своих друзей обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов уже была заброшена в Германию и находилась в Берлине в подполье, когда Сталин отказался от этого проекта.

<sup>1</sup> Чехова О. Мои часы идут иначе / Авт. вступ. ст. Вульф В. – М.: Вагриус, 1998. – 270 с., ил. Воспоминания русской актрисы (после 1917 г.).

ВУЛЬФ  
Виталий  
Яковлевич  
(1930–2011),  
доктор  
исторических  
наук, автор и  
ведущий  
телевизионной  
программы  
«Мой  
серебряный  
шар»

В мемуарах Ольга Чехова отрицает связи с русской разведкой, там есть лишь туманное упоминание о «шпионской истории», раздутой вокруг ее имени, поводом для которой послужил материал в лондонском журнале «Пипл», где речь шла о том, что она была лично знакома со Сталиным и получила орден за свои заслуги перед Советской Россией.

«Я не воспринимаю всерьез эти сомнительные “сообщения”, потому что за годы жизни в свете раппы научилась не обращать внимания на сплетни и пересуды. Немецкие газеты подхватывают “сенсационное” сообщение. Я мешками получаю письма с угрозами, к тому же теперь еще и запущен слух, будто я награждена орденом Ленина. На улице ко мне подбегает молодая девушка, плnoет мне в лицо и кричит: “Вот тебе, изменница!”

Я вытираю лицо и молчу», — пишет она.

Однако слухи об ее разведывательной деятельности в годы войны в пользу русских не утихали.

«Еще в 1955 г. одна пожилая женщина, дрожа от жадного любопытства, спрашивает меня: “Ах, дорогая фрау Чехова, теперь-то скажите мне, пожалуйста, только мне одной, — так вы были шпионкой или нет?”» — заканчивает этим вопросительным знаком одну из глав книги Ольга Чехова.

Ответа на этот вопрос она не дает.

Скрытая энергия ее жизни, загадка ее женского магнетизма объясняются силой и неординарностью ее человеческой натуры. Даже в юности, когда ее актерские способности никто не ставил ни в грош, родные догадывались о тающихся в ней стихиях.

Она родилась в России в 1897 г. в семье Константина Леонардовича Книппера, родного брата прославленной актрисы Художественного театра Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. В семье было трое детей: две девочки, Ада и Ольга, и сын Лев, впоследствии известный советский композитор Лев Книппер, автор знаменитой в советские времена песни «По-

люшко-поле». С детства Ольга мечтала быть актрисой, но ее театральная карьера в России не состоялась. В конце мемуаров она перечисляет пьесы, в которых якобы играла главные роли, живя в Москве, и называет спектакли Первой студии Художественного театра: «Потоп» Бергера, «Сверчок на печи» по Диккенсу, знаменитые мхатовские спектакли «Вишневый сад» и «Три сестры». Однако никто этого не подтверждает.

Природа наградила Ольгу Чехову красотой и изрядным запасом скепсиса относительно самой себя. Она была умна, самолюбива, и всем казалось, что она сумеет прожить свою жизнь легко и ненапряженно. Стройная длинноногая девочка с поразительно красивым лицом, нежным и властным. Жила с родителями в Петербурге, летом 1914 г. они решили ее отправить в Москву к любимой «тете Оле».

В нее сразу влюбились двоюродные братья Чеховы: Владимир, сын Ивана Павловича, и Михаил, сын Александра Павловича. Михаил был артист Первой студии Художественного театра. Еще до Художественного театра он сыграл царя Федора Иоанновича в Суворинском театре. По словам Ольги Чеховой, их знакомство состоялось давно, и еще ребенком она была к нему неравнодушна. «Меня всегда глубоко ранило, когда я замечала, что я для него — просто маленькая девочка... Михаил Чехов для меня красивее и пленительнее всех актеров и даже всех мужчин. Я схожу по нему с ума и рисую себе в своих ежедневных и еженочных грезах, какое это было бы счастье — всегда-всегда быть с ним вместе...» — вспоминает она свое душевное состояние в ранней юности.

В то давнее лето Михаил Чехов увидел красивую семнадцатилетнюю девушку и влюбился в нее. В письме к Марии Павловне Чеховой он писал в сентябре 1914 г.: «Машечка, хочу поделиться с тобой происшедшими за последние дни в моей жизни событиями. Дело в том, что я, Маша, женился на Оле, никому предварительно

не сказав. Когда мы с Олей шли на это, то были готовы к разного рода неприятным последствиям, но того, что произошло, мы все-таки не ждали... В вечер свадьбы, узнав о происшедшем, приехала Ольга Леонардовна и с истерикой и обмороками на лестнице, перед дверью моей квартиры, требовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней...

Сохранившееся письмо Михаила Чехова подтверждает ту картину, какую подробно живописует Ольга Чехова, — в отличие от многих иных случаев в этой книге, которые расходятся с другими свидетельствами.

Венчались молодые в деревне в десяти километрах от Москвы.

Этот брак не был одобрен не только знаменитой тетей Ольгой Леонардовной, чувствовавшей себя крайне неловко перед родителями Ольги, доверившими ей дочь. Отец Оли занимал довольно важный пост в Петрограде, а Миша тогда был, с их точки зрения, всего лишь актером «на выходах». Прошло немного времени, и семья поняла, что была к нему несправедлива.

Спустя четыре года после женитьбы Чехов был уже первой знаменитостью России.

Михаил Чехов был принят в Художественный театр Станиславским. На вопрос, что осталось у него в памяти от первой встречи с Михаилом Чеховым, Станиславский задумался и потом сказал: «Мне стало его жалко. Что-то в его глазах было доброе и беспомощное», — вспоминала Мария Иосифовна Кнебель, актриса и режиссер МХАТа, боготворившая Михаила Чехова. Только из уважения к Ольге Леонардовне Книппер и к памяти великого русского писателя Станиславский согласился послушать юношу. О том, чем завершился визит к Константину Сергеевичу, Михаил Чехов говорил кратко: «Станиславский сказал мне несколько слов и объявил, что я принят в Художественный театр». После встречи с племян-

ником Чехова Станиславский заметил Немировичу-Данченко: «Миша Чехов — гений». Это было в 1912 г.

О нем сразу стали слагать легенды. В ближайшие же годы он сыграл своих великолепных и абсолютно разных стариков: Кобуса в «Гибели «Надежды»», Гейерманса, Калеба в «Сверчке на печи» Диккенса, Фрибэ в «Празднике мира» Гауптмана, замечательно играл Епиходова в «Вишневом саде» на сцене МХТ. Когда он играл Калеба в «Сверчке на печи», ему было всего 22 года. Кстати, это было за год до женитьбы, потому довольно странно выглядит мнение родных его жены, что он был маленьким актером. На гастролях в Петрограде в 1915 г. о силе его таланта говорили с восторгом, и он сам иронически писал Марии Павловне Чеховой: «Твой гениальный племянник приветствует тебя и желает сказать, что принят он здесь у Олиных родных чудесно...»

Итак, Олина семья уже примирилась с ее замужеством. Она к тому времени поступила в Училище живописи, ваяния и зодчества. Михаил Чехов писал в этот период: «Капсулке моей не особо приятно сидеть в городе, ибо она мечтала о набросках где-нибудь этак в полях и лесах, но что делать, было бы ей не выходить за меня».

В своей книге Ольга Чехова пишет, что «она посещала школу-студию при Московском Художественном театре» и что ее учителем был Константин Сергеевич Станиславский. Когда в Германии впервые появились мемуары Ольги Чеховой и она прислала экземпляр своей книги Евгении Михайловне Чеховой (двоюродной сестре ее первого мужа), первые московские читатели удивлялись многим неточностям в описании ее жизни в России. Что касается именно этого факта, то сын Качалова Вадим Васильевич Шверубович, автор замечательных мемуаров «В старом Художественном театре», хорошо знавший Ольгу Чехову в молодости, подтвер-

ждает: она действительно посещала занятия Первой студии Художественного театра – на правах вольнослушательницы, а вот на его сцене никогда не играла. Швербювич вспоминает также, что летом у кого-то в имении разыгрывали любительский спектакль «Гамлет», в котором Михаил Чехов дурачился, играя Гамлета, а Ольга Чехова изображала Офелию. Она была пленительна, но совсем неталантлива, да и всерьез к этому представлению никто не относился. Как известно, Чехов впервые сыграл Гамлета в 1924 г. на сцене МХАТа 2-го и, как в любом спектакле, где он играл, затмевал всех других исполнителей. Ольга Чехова в это время уже жила в Германии.

Спустя десятилетия Ольга Чехова называет свой брак «сумасбродством, за которое впоследствии пришлось дорого расплачиваться». С матерью Михаила Александровича отношения не сложились. «Я тосковала по свежему воздуху моей девичьей комнаты в Царском Селе», – пишет она в своей книге. От этого периода сохранились в ее памяти «полумрак, теснота, спертый воздух, брюзжащая, больная свекровь с иссохшей, порабощенной няней». Обе относились к ней неприязненно. После спектаклей муж приводил в дом своих поклонниц, его мать потворствовала этому.

Ситуация осложнялась еще тем, что в молоденькую Ольгу Книппер-Чехову (по иронии судьбы она стала «второй» Книппер-Чеховой) был безнадежно влюблен двоюродный брат Михаила Александровича Владимир, делавший ей предложения и мучивший ее даже после замужества своими признаниями. По просьбе Михаила Чехова Владимир Чехов (сын Ивана Павловича) был в сентябре 1917 г. принят в сотрудники Художественного театра, а в декабре застрелился, похитив браунинг из письменного стола Михаила Александровича. Это произвело на Ольгу Константиновну сильнейшее впечатление. Судя по всему, Владимир был психически очень болен.

184

Ольга Чехова до конца дней была убеждена в неуравновешенности и своего первого мужа. В подтверждение этой своей мысли она приводит, например, следующую эпизод, имевший место в годы революции. Увидев по пути в театр на площади солдат, Михаил Александрович так испугался, что после первого акта спектакля «Потоп» убежал в гриме домой. Спектакль был сорван, и публике пришлось возвращать деньги.

Свой брак с Михаилом Чеховым Ольга Константиновна в книге вспоминает мало, но звонкую фамилию первого мужа оставила до конца своих дней. «Она предпочла разделить со мной мою славу», – посмеивался Михаил Александрович, еще будучи ее мужем и гордясь, что она выбрала именно его среди сонма молодых людей, сходивших по ней с ума. Уж очень была красива и обольстительна.

В 1916 г. у молодых родилась дочь, при крещении ей дали имя Ольга, но вскоре все стали ее называть Ада (отец называл ее Ольгой всегда).

Михаил Чехов был очень привязан к своей красавице жене. Однако это не мешало ему пить и, как уже было упомянуто, приводить в дом нравящихся молодых девиц. Надо отдать Ольге Константиновне должное: со свойственным ей чутьем она угадывала, в какой душевной муке постоянно жил ее гениально одаренный муж, и многое ему прощала, старалась наладить дом. Но из этого ничего не вышло, и брак распался.

После четырехлетнего замужества она ушла от Михаила Чехова к некоему Фридриху Яроши, австро-венгерскому офицеру, красивому, обаятельному авантюристу, обладавшему, по-видимому, большой силой внушения. Во всяком случае, его влияние на Ольгу Чехову было велико. Она вышла за него замуж и в январе 1921 г. уехала с ним в Германию.

В своих воспоминаниях Михаил Чехов так описывает сцену прощания: «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала



меня и сказала: «Какой ты некрасивый, ну, прощай. Скоро забудешь», – и, поцеловав меня дружески, ушла»).

Уход жены был воспринят Чеховым столь остро, что опасались за его душевное здоровье. Он и вообще-то был склонен все преувеличивать и драматизировать; развод же был для него ударом, от которого он не скоро оправился.

Годы жизни с Михаилом Чеховым дали Ольге Константиновне очень много: она находилась рядом с интереснейшими людьми, дружила с сыном Станиславского, с сыном Качалова, вращалась в среде Художественного театра. Общалась с прославленными мхатовскими актерами, самим Станиславским, Немировичем-Данченко, Суллержицким. Она знала Горького и Вахтангова, Добужинского и Балиева, создателя театра «Летучая мышь», часто бывала на спектаклях Художественного театра и Первой студии. Очень хорошо понимала, как окружающие ценят великий талант ее мужа и ее любимой тети, которую она почитала всю свою жизнь. Такой среды, такого окружения у нее уже никогда больше не будет.

В Берлине Ольга Константиновна рассталась со своим вторым мужем и старалась наладить актерскую карьеру. Путь на сцену был далеко не прост. Сначала она играла в маленьких театриках (в 20-х годах в Берлине было множество небольших театров, входивших в империю прославленного немецкого режиссера Макса Рейнхардта). Это давало возможность сводить концы с концами. Потом начала сниматься в кино. Ее красивое, бесстрастное, непроницаемое лицо таило в себе загадку. Роли были похожие друг на друга: аристократки и авантюристки. Обычно роскошный интерьер и элегантные туалеты. Ее первый фильм, в котором она обратила на себя внимание, назывался «Замок Фогельод», в 1923 г. она снялась в «Норе» по пьесе Ибсена и после этого ежегодно снималась в шести-семи картинах. Шум-

ный успех имела лента «Мулен Руж», но это уж было позже, в 1929 г. Какое-то актерское дарование в ней было. Ольга Леонардовна, очень любя племянниц, особенно Аду, большого таланта в Ольге, правда, не находила, хотя всегда удивлялась ее жизненной силе.

Но Ольга Чехова была настойчива и целеустремленна. Уже в марте 1924 г. она писала Ольге Леонардовне в Москву: «Вчера совершилось мое крещение! Вперед появились плакаты с моим именем, потом заметки в газетах. Я впервые играла в драме... Я только помню, никак не могла понять, что я этим прыжком на сцену стану артисткой. Ведь я, кроме занятий с Мишей, никакой школы не имею. Разве только влияние его и студии, где мы дни и ночи проводили».

Через несколько дней она докладывала тете: «Эти дни вышли все критики обо мне. У меня самый большой настоящий успех. Театр вечно полон».

Мне самой так смешно. Я здесь стала известна. Люди из-за меня идут в театр, в меня верят.

Я в руках очень хорошего режиссера, так что ты не бойся. Ни немецкой школы, ни пафоса мне не перенять. Я каждый вечер играю с такой радостью, с таким волнением, плачу, вся моя жизнь сконцентрирована на сцене». (Письма Ольги Чеховой и ее сестры, Ады Книппер, к Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой хранятся в Музее МХАТа).

В пьесе Осипа Дымова «Бабые лето» Чехова играла уже главную роль. К ней пришел успех, но она была слишком умна, чтобы не понимать, что это только начало. В тот ее первый успешный сезон 1924 г. у нее был ангажемент до середины июля. Она играла по-немецки русские пьесы: «Мизерере» Юшкевича и «Бабые лето». Приглашение в Мюнхен и Вену не приняла, потому что твердо решила серьезно работать. («Я работаю с энергией ста лошадей. Другая жизнь»). С фильмами

успела съездить в Рим и Флоренцию и в 1925 г. уже снялась в семи лентах. Предложений в кино было гораздо больше, чем в театре. «Пылающая граница», «Крест на болоте», «Мельница под Сан-Суси», «Город соблазнов» делают имя Ольги Чеховой очень известным.

Она постоянно писала в Москву Ольге Леонардовне. «Дорогая тетя Оля! Я в Париже, поехала среди двух фильмов на десять дней сюда отдыхать, а главное, другой темп жизни вдохнуть для новой картины. В ресторане встретила Балиева. Господи, до чего он обрюзг, постарел и потолстел! Поехал отдыхать в Ниццу... Масса знакомых. Каждый вечер в театре. Буду играть у Рейнхардта будущую зиму» (23 апреля 1926 г.).

Жизнь проходила в работе, росла дочь («стала такая хорошенькая и умная»), добились приезда в Германию матери и сестры Ады с дочерью. «Живем тихо, хорошо и уютно. Теперь сама себе хозяйка».

Но мысли были постоянно связаны с Россией. Ждала приезда в Германию Вл.И. Немировича-Данченко, радовалась, когда ее посетил Москвин, великий артист Художественного театра.

К Западу привыкала нелегко. «Запад я где-то принимаю, а где-то отталкиваю всеми силами. Людей сторонюсь, чужие все, ископаемые какие-то». (Из письма к О.Л. Книппер-Чеховой 10 декабря 1931 г.) Она довольно долго чувствовала себя чужой, говорила с сильным русским акцентом и трезво смотрела на мир. «Здесь каждое слово — деньги, каждый день — деньги... Зовут в Америку, но я не поеду, не могу я среди людей без сердца и души работать». (Из письма к О.Л. Книппер-Чеховой 27 сентября 1927 г.)

Теперь у нее была в центре Берлина роскошная квартира, уютная, большая, дочь воспитывала англичанка. С каждым годом снималась все больше и больше. В одном из фильмов ее увидел находящийся в Голливуде Владимир Иванович Немирович-Данченко. Ада Книппер в июле 1927 г. писала в Москву: «Он прислал Оле

письмо, что убедился в том, что она стала большая артистка. Бертенсон такие влюбленные письма пишет, что ой!! Вообще насчет разбитых сердец мужских — это не пересчитать». (Сергей Бертенсон был членом администрации Художественного театра и близким человеком к Вл.И. Немировичу-Данченко, с ним дружила О.Л. Книппер-Чехова; вскоре остался за границей.)

Сезон 1927 г. в Берлине был шумный. Макс Рейнхардт поставил «Генриха Четвертого», Пискатор «Гоп-ля, мы живем» Эрнста Толлера. Толлер имел самый большой успех. Его пьесы были проникнуты ужасом перед городской обыденностью и городскими соблазнами. Социальная дневная, прагматически организованная жизнь в его пьесах казалась безумием. Ночная — с ее общедоступными балаганными аттракционами и кутежами в дорогих ресторанах выглядела отвратительной. Толлер угадал, как будут развиваться события в Германии, какие силы выйдут на социальную арену. Он раньше многих почувствовал решительную поступь немецкого нацизма. Его прозрения были поразительны. Когда в 1933 г. Гитлер пришел к власти, и Макс Рейнхардт, и Эрнст Толлер покинули Германию. Незадолго до начала Второй мировой войны Толлер покончил жизнь самоубийством.

В театре у Ольги Чеховой в этот период возникла пауза, и она практически полностью переключилась на работу в кино. Звук в кинематографе ее не испугал, наоборот, она продолжала сниматься еще более интенсивно. Съездила в Америку, быстро сообразила, что карьеру ей там не сделать, и, вернувшись в Германию, за два года снялась в 18 фильмах (всего за жизнь их было 145). «Имя» было заработано. Придавала большое значение тому, что Михаил Чехов мог наблюдать ее успех. «Миша был доволен, что я — Чехова — хорошая актриса», — писала она О.Л. Книппер-Чеховой в конце 1931 г.

С приходом Гитлера к власти Ольга Чехова становится звездой первой вели-

чины. Геббельс ее не любил. Но ее любил Гитлер.

С Михаилом Чеховым она встретилась в июле 1928 г., когда он с женой приехал в Берлин. Они встретились дружелюбно, хотя находились отнюдь не в равном положении: он имел намерение остаться в Германии, не желал возвращаться в Советский Союз, но немецкого языка не знал, и работы у него не было, а Ольга Чехова была актриса немецкого кино, играла на сцене и в Германии была достаточно известна. Она захотела помочь своему бывшему мужу, сняла для него и его жены неподалеку от себя уютную трехкомнатную квартиру и устроила очередную «авантюру»: решила снимать фильм как режиссер, пригласив на одну из ролей Михаила Чехова. Фильм назывался «Паяц собственной любви» по французской комедии Батайля.

Она познакомила его с Максом Рейнхардтом, и вскоре Чехов начал репетировать у немецкого режиссера роль в пьесе «Артисты» Уоттерса и Хопкинса. Премьера была сыграна в Вене в ноябре 1928 г. В 1930 г. в огромном берлинском кинотеатре «Капитал» состоялась премьера фильма «Тройка». Чехов играл в этой картине роль Пашки, деревенского дурачка. Алиса Коонен, первая актриса знаменитого Камерного театра, писала в своих «Страницах жизни»: «Как-то по приезде в Берлин, выйдя вечером на Курфюрстендамм, мы увидели идущего нам навстречу Михаила Чехова – в цилиндре и фракной накидке... Он очень обрадовался нашей встрече, расспрашивал о Москве, о театральных делах и тут же пригласил нас на премьеру фильма, в котором ведущую роль играла Ольга Чехова, а он сам участвовал в эпизоде. И была в этом маленьком человеке удивительная детская трогательность. Какой-то сложный и прекрасный внутренний мир скрывался за его невнятным бормотанием. И сразу повеяло настоящим, большим искусством».

Круг замкнулся вновь. «Кто мог предположить это в те дни, когда я в московской клинике находилась между жизнью и смертью, рожая его дочь, а он тем временем флиртовал с “девушкой с теннисного корта”? Наше расставание казалось окончательным. И вот теперь его дочь Ада ходит к нему в гости, в чужой стране они впервые знакомятся друг с другом», – пишет Ольга Чехова в своих воспоминаниях. Дочери – двенадцать лет.

«Это моя большая радость и утешение. Есть в ней что-то, чего я никак не могу угадать и даже не догадываюсь, хорошее оно или плохое. Должно быть, хорошее», – делится Михаил Чехов мыслями о дочери с Андреем Белым в письме, направленном в Советскую Россию.

Дочь Ольга (Ада) до конца дней жизни отца поддерживала с ним связь и сына своего назвала Мишей.

Его воспитывала Ольга Чехова. Он был еще мальчиком, когда его мать погибла в авиационной катастрофе в 1966 г. Ольге Чеховой пришлось пережить и это.

«Моя внутренняя связь с Адой не оборвана смертью. Я, как и прежде, слышу ее чистый звонкий голос, слышу ее радостное “зайчик” (так она звала меня с детских лет), слышу его днем, но чаще по ночам в сновидениях», – пишет она в своей книге.

С Михаилом Чеховым отношения сохранялись всю жизнь, она всегда ценила его и помнила, что он – отец ее единственной дочери. Когда Михаил Чехов умер, Ольга Константиновна отправила телеграмму в Москву на имя Ольги Леонардовны: «Москва. Камергерский переулок. МХАТ. Ольге Книппер-Чеховой. Миша умер вчера ночью в Калифорнии. Оля». Ему было 64 года. Она не писала в Москву до этого много лет.

Ее сестра Ада Константиновна сообщала Книппер-Чеховой: «Пишу тебе опять, чтобы сообщить, что в ночь с 30 сентября на 1-е октября внезапно скончался Миша

Чехов... Трагично, что он страшно хотел увидеть Оличку с мужем и сыном (они были в очень большой и оживленной переписке) – 5 октября хотела Оличка с семьей лететь к Мише – все было готово... Миша все оставил Оличке и детям. Она мне прислала отчаянное письмо – отец для нее был все».

А вот отношения двух Ольг – матери и дочери – были к тому времени непростыми. Уже после окончания войны летом 1946 г. Ада Константиновна с грустью писала Ольге Леонардовне: «Я очень, очень, редко бываю у сестры, три раза за год. Да мне как-то там холодно и неуютно, хотя каждый раз у всех радость большая, когда я появляюсь. Тянет меня из-за Верочки, чудная девочка, мягкая, добрая, занятая и чудная мордашка. Живут очень живописно, у самого озера вилла... Но все как-то не ладят друг с другом, вечно ссоры, обиды, оскорбления».

Вера Чехова, внучка Ольги Константиновны, стала немецкой киноактрисой. В недавние годы часто приезжала в Россию. Присутствовала в Мелихове, когда отмечалось 80-летие со дня кончины великого русского писателя. Рассказывала, как бабушка, прожившая в Германии почти 60 лет – с 1921 г. по 1980-й, – горячо отговаривала ее от поездки в Москву. Вера Чехова приехала в Россию уже после смерти Ольги Чеховой.

Умирала Ольга Константиновна очень тяжело – от рака мозга. Перед смертью почему-то боялась России и никогда не вспоминала о том, что делала в годы войны. Хотя Россия постоянно жила в ее душе: и акцент у нее остался, и дома говорила по-русски.

Жизнь была прожита со вкусом, разнообразно. В 1936 г. Ольга Чехова решила выйти замуж за миллионера, бельгийца, ему был сорок один год. В Брюсселе жила в роскоши. Она приехала в Бельгию звездой немецкого кино. В 1936 г. на экраны вышел фильм «Бургтеатр».

«Успех у Оли потрясающий, изумительно снята и играет по-настоящему, как

большая актриса», – писала тете в Москву Ада Книппер.

Но мужа своего Ольга не очень любила, хоть он был богат и обаятелен. Безвольные люди не занимали ее.

Из письма Ады Константиновны О.Л. Книппер-Чеховой: «Я в Брюсселе и в восторге от города. Здесь жить приятнее, чем в Париже. Ольга живет в самой лучшей части города, чудесная квартира, очень элегантная... Едим на черном стекле и под тарелками салфетки из настоящих кружев. Шофер, кухарка, прислуга, судомойка, все для двоих. Всегда народ – все деловые люди и разговоры ведутся по-французски, немецки, английски, голландски, фламандски и по-русски. Муж Ольги очень хороший и порядочный человек, изумительно выглядит, очень избалован, но черствый, сухой дедец. С ним весьма нелегко. И как-то при всем внешнем здесь неуютно. Ольга, говорят, поселилась, так как я здесь, и хочет ехать со мной в Берлин недели на две, ей там уютнее» (29 января 1937 г.).

Жизнь с мужем явно не залаживалась. «Зачем Ольга вышла замуж – не знаю. Деньги на все тратит она сама», – писала Ада Книппер. Она вообще всю жизнь все делала сама, была решительным и независимым человеком.

О.Л. Книппер-Чехова побаивалась поступков своей знаменитой племянницы и полусерьезно называла ее авантюристкой. Она никак не могла забыть, как в 1937 г., возвращаясь из Парижа после триумфальных гастролей МХАТа, добилась разрешения остановиться в Берлине повидать родных. Она поселилась в доме Ольги Чеховой. В честь Ольги Леонардовны звезда экрана устроила прием, после него О.Л. Книппер-Чехова вернулась в Москву раньше намеченного срока. Приехав домой, она доверила тайну только Софье Ивановне Баклановой, своему самому близкому другу, с которой жила вместе: в квартире Ольги Константиновны Книппер-Чехова встретилась с вернушкой «третьего рейха». Она была очень

напугана. На дворе стоял 1937 г. Спустя 30 лет уже после смерти Ольги Леонардовны Софья Ивановна рассказала об этом самым близким доверенным людям, с которыми дружила.

Для Ольги Чеховой это был мир, в котором она жила. В книге известного журналиста, переводчика, работавшего в свое время со Сталиным и Молотовым, Валентина Бережкова «С дипломатической миссией в Берлине. 1940–1941», в частности, рассказывается, что на всех правительственных раутах в честь Молотова во время его визита в Берлин рядом с вождями нацизма постоянно бывали киноактрисы Ольга Чехова, Цара Леандр и Пола Негри. Ольга Чехова встречалась с Гитлером и Муссолини (о последнем она говорит, что «он был образованный и начитанный собеседник»), Герингом и Геббельсом, дружила с женой Геринга, актрисой Эмми Зоннеман, и пользовалась покровительством ее мужа. Положение примадонны нацистского экрана устраивало ее.

Можно себе представить, как ее артистическая карьера пугала О.Л. Книппер-Чехову. Сразу после окончания войны, спустя две-три недели в квартире Ольги Леонардовны по улице Немировича-Данченко, дом 5–7, раздался телефонный звонок. Мужской голос просил прийти за письмом, которое было послано ей Ольгой Чеховой. Старая актриса попросила пойти за ним своего близкого друга, актрису МХАТа С.С. Пилявскую.

Дома обнаружилось, что на конверте письма значилось: «О.К. Книппер-Чеховой». Письмо было от дочери Ольги Константиновны и адресовано матери. Дочь беспокоилась, что мать, спешно вылетая на гастроли в Москву, не успела захватить с собой концертное платье и перчатки, интересовалась, как проходят гастроли во МХАТе и состоялась ли встреча с тетей Олей.

Ольга Леонардовна была озадачена. Никаких гастролей Ольги Чеховой в Мо-

скве не было, никто понятия не имел о ее приезде. Переполюх в доме был большой. Ольга Леонардовна кинулась к Василию Ивановичу Качалову, ближайшему своему другу. Качалов был знаком с комендантом Берлина генералом Берзариним и решил позвонить ему. Всегда очень любезный генерал на этот раз был холоден и посоветовал Качалову никогда никому никаких вопросов об Ольге Чеховой не задавать. Все было непонятно и таинственно.

Но в Москве она действительно была, только ни с братом, ни с любимой тетей Олей ей повидаться не разрешили. О своей поездке в Москву в мемуарах Ольга Чехова пишет глухо: «Сначала офицеры доставляют меня в ставку Красной Армии в предместье Берлина – Карлсхорст... и ночью меня сопровождающие везут в Позен. Из Позена советский военный самолет увозит меня в Москву».

Согласно этим запискам, 26 июля 1945 г. она вернулась в Берлин. Дата неточна, поскольку из секретных донесений на имя Абакумова очевидно, что 30 июня Ольга Чехова уже была в Берлине. В Москве ее допрашивали. Папка допросов Ольги Чеховой ныне бережно хранится в Чеховском музее в Мелихове. Читаешь их – и остаются одни вопросы. Вряд ли только для рассказов о светской жизни нацистской Германии привезли прославленную немецкую звезду, не разрешив ей не только посетить родных, но даже позвонить им.

По слухам, именно Ольга Константиновна спасла Музей Чехова в Ялте, и по ее просьбе немецкие оккупационные войска не тронули чеховский дом. (Ведь они сожгли Ясную Поляну, разрушили Спаское-Лутовиново, где жил Тургенев.)

Летом 1945 г. Ольга Леонардовна и Софья Ивановна Бакланова приехали в Ялту к Марии Павловне Чеховой. Эти старые благородные женщины стали судорожно уничтожать письма и фотографии Ольги Чеховой, полученные Марией Павловной из Берлина в годы оккупации.

А в соседней кухне еще хранились посылки с мясными консервами, присланные из Германии.

Загадка преследовала актрису, все, что было связано с ее жизнью, нуждается в проверке.

Сохранилось письмо Ольги Чеховой, адресованное О.Л. Книппер-Чеховой уже после возвращения из Москвы. «Моя дорогая и милая тетя Оля! Наконец-то собралась тебе написать. Я застряла в Вене. Олечка с мужем и Верочкой живут со мной. Доктор Руст начинает работать здесь, в больнице (муж дочери. — В. В.). Сегодня я навещала Аду с Мариной — и насмеялась до слез, как Ада доит корову. Ведь у них целое хозяйство. При твоей подвижности тебе ведь не трудно нас навестить, и все мы тебя ждем с нетерпением. От Ады, Олечки и Марины ты знаешь все события последних лет. Бедная мама не пережила того, что так ждала — победы русских. О себе еще мало могу написать, так как переезд меня совершенно замучил. У нас в гостях был Симонов и рассказывал много о Леве. Где ты будешь в следующие месяцы? Пиши и, самое лучшее, прокатись к нам. Так хочется тебя обнять. Олечка и Верочка, Ада и Марина присоединяются к моим сердечным поцелуям. Твоя Оля» (2 августа 1945 г.). Это письмо застряло в недрах КГБ и О.Л. Книппер-Чеховой доставлено не было.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Ольга Чехова была отправлена в Москву 30 апреля 1945 г., когда еще шли бои за Берлин. Ею непосредственно занимался начальник Главного управления контрразведки «Смерш» комиссар государственной безопасности Виктор Абакумов, впоследствии заместитель председателя и одно время — в послевоенные годы при Сталине — возглавлявший КГБ. Протоколы допросов сохранились. Написаны они от руки. Подробные рассказы о приемах, устраиваемых Гитлером, Риббентропом, о встречах с Гитлером, Геббельсом. Вот отрывок.

«Точно не помню, в котором это было году, когда приезжал из Югославии король с женой. Кажется, в 1938-м, были большие чествования: четыре дня подряд. Весь Берлин был украшен и освещен как никогда. Первый день их принимал Гитлер у себя, потом спектакль (опера Вагнера), второй день на даче Геббельса в Ланке (по дороге в Шорфхейде — 60 км от Берлина по шоссе на Пренцлау), на третьем приеме я была — это было вечером в 11 часов, и хоть я отказывалась (для меня это было всегда утомительно), пришлось поехать — королевская чета видела меня в фильмах, а королева как русская хотела со мной познакомиться. Прием в Шарлоттенбургском дворце был дан Герингом — значит, все было очень богато. В прусском старинном дворце комнаты были освещены свечами в старых люстрах, все присутствующие были в костюмах времен Фридриха Великого. Геринг с женой встречали гостей. После ужина я сидела с королевской парой в саду, говорили о моих фильмах, о моих гастролях, о Художественном театре...»

В интересной книге Владимира Книппера «Пора галлюцинаций» приводится документ, подписанный начальником четвертого отдела Главного управления «Смерш»: «О.К. Чехова в настоящее время проживает в гор. Берлине, Фридрихсхаген, Шпрештрассе, 2. Вместе с ней проживают: Чехова-Руст Ольга Михайловна, 1916 года рождения, дочь О.К. Чеховой, актриса. Руст Вильгельм, немец, врач-гинеколог, с апреля 1945 года в германской армии, был в плену у англичан, муж О.М. Чеховой, и некто Зумзер Альберт Германович, 1913 года, немец, преподаватель физкультурной академии в Берлине, чемпион по легкой атлетике. Живет у Чеховой О.К. и находится с ней в близких отношениях».

Он был моложе Ольги Чеховой на шестнадцать лет. По хозяйству им помогала домработница. Этот документ был написан в ноябре 1945 г., а 22 ноября 1945-го Берия начертил:

«Тов. Абакумову, что предлагается делать в отношении Чеховой?» Ответа на этот вопрос нет.

Виктор Абакумов проявлял заботу о быте Ольги Чеховой. По его распоряжению ей помогали с продовольствием, бензином для автомобиля, строительными материалами для ремонта дома. В послевоенном Берлине жизнь была очень трудной. Сохранилась докладная записка на имя Абакумова о том, что «Чехова Ольга Константиновна вместе с семьей и принадлежащим ей имуществом переселена из местечка Гросс-Глинике в восточную часть Берлина – город Фридрихсхаген. Переселение произведено силами и средствами управления контрразведки «Смерш» Группы Советских оккупационных войск в Германии... Чехова выражает большое удовлетворение нашей заботой и вниманием к ней», – сообщал начальник управления контрразведки «Смерш» Группы Советских оккупационных войск генерал-лейтенант А. Вадис.

Сохранились письма Ольги Чеховой на имя *Абакумова*, его она называет «дорогой Виктор Семенович» и спрашивает: «Когда встретимся?» Дело в том, что местечко Гросс-Глинике отходило в зону оккупации американцев, а Чехова хотела переехать под русское крыло, хотя, как докладывали в донесениях с шифром «совершенно секретно», она с 6 июля стала выезжать на прежнее место жительства в местечко Гросс-Глинике. «Поездки совершает одна или вместе с дочерью, и каждый раз просит выделить для сопровождения красноармейца, опасаясь возможного хищения автомашины. Под благовидным предлогом сопровождающие Чеховой нами не выделяются. О своих намерениях и перспективах на будущее разговоров не ведет», – сообщалось в докладных Абакумову. В доме, где она проживала, была выставлена охрана из личного состава 17-го отделения строительного

батальона, писал генерал-лейтенант А. Вадис.

Какие действия в пользу России в годы войны совершала Ольга Чехова, конкретно сказать трудно. Руководство прессы бюро службы внешней разведки упорно утверждает, что «каких-либо сведений о том, что она являлась агентом НКВД, в материалах не обнаружено». Между тем внимание к ней руководства КГБ, личная заинтересованность Берии не оставляют никаких сомнений в том, что и ее приезд в Москву в 1945 г., и забота о ней Абакумова были не случайны.

Поселившись в восточной зоне Германии, Ольга Чехова с дочерью часто выезжала на гастроли. Как всегда, работала очень много и никому не раскрывала, что было у нее на душе. Даже с любимой сестрой Адой виделась один-два раза в год. «Чудно, но всем некогда», – писала Ада Константиновна.

В 1949 г., после почти пятилетнего перерыва, снялась в фильме «Ночь в Сепарее», лента была малоудачной. Но уже в 1950-м снималась в семи фильмах, выполняя свою прежнюю «норму».

«Ее здесь называют женщиной, которая изобрела вечную молодость. Красива, молода, лет на 35, не больше, только очень тяжелый у нее характер стал, говорят, мучает окружающих изрядно, а в Олечке (племяннице моей) кровь Мишенькина, и мне жаль, что она не работает как следует», – писала Ада Книппер О.Л. Книппер-Чеховой 29 октября 1949 г.

В конце жизни сестры были очень близки, но даже Ада Константиновна могла только догадываться, какую трудную двойную жизнь вела Ольга Чехова в последние годы гитлеровской Германии. «Кровь у нас у всех книпперовская, так что годы как-то мало касаются нас», – заметила она в одном из писем в Москву.

Сниматься Чехова перестала в 1954 г., но еще какое-то время играла на сцене. В 1950-х годах – «Веер леди Уиндермир»

Уайльда и «Виктория» Моэма, а в 1962 г. в последний раз вышла на сцену. Очень тяжело приняла известие о смерти «тети Оли».

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова умерла в 1959 г., так до конца и не узнав еще об одной роли – на сцене политической жизни, которую сыграла ее «авантюристка», как любовно называла свою племянницу одна из самых благородных и замечательных женщин XX в. Много тайн осталось и поныне.

После смерти О.Л. Книппер-Чеховой сразу потеряли смысл все мечты Ольги Константиновны о поездке в Москву. И она, и Ада писали Софье Ивановне Баклановой.

Старая, умная «Софа» была «уплотнена», в одну из комнат небольшой квартиры О.Л. Книппер-Чеховой вселили семью артиста МХАТа Л. Губанова. Единственной радостью были письма из Германии. Ада, ее близкая подруга в молодости, через нее она и познакомилась с Ольгой Леонардовной, писала часто, Ольга – редко.

В 1964 г. Ольга Константиновна все-таки решает с дочерью приехать в Москву – «совсем по-домашнему»: заказать апартаменты в «Национале» и привезти с собой только секретаря, доктора и массажиста. Хотела посетить могилы «дяди Антона и тети Оли» и повидать друзей юности Аллу Тарасову и Павла Маркова, ставшего ведущим театральным критиком страны. Но Алла Константиновна Тарасова испугалась при одном упоминании имени Ольги Чеховой, а Маркову Софья Ивановна уже не звонила. Впрочем, она и сама не очень хотела, чтобы Ольга Константиновна увидела порушенную квартиру, ставшую коммунальной, ее старость и неустойчивость, и написала в Мюнхен письмо о том, что «еще не время приезжать». В 1966 г. Софья Ивановна умерла. Теперь Ольга Чехова изредка переписывалась только с Ю.К. Авдеевым – директором Чеховского музея в Мелихове и Евгенией

Михайловной Чеховой, племянницей великого писателя.

В 1965 г. Ольга Чехова основала фирму «Ольга Чехова-косметик», дела ее пошли очень успешно. Каким-то чудом в ней сохранились красота, русская широта натуры и неизъяснимая жесткость. Она как бы вела безмолвный диалог с собственной судьбой, которой всегда распоряжалась сама. Никто не умел, как это умела она, прямо смотреть в глаза и скрывать истину. В сознании старого немецкого поколения она осталась звездой экрана, вокруг которой было много выдумок и слухов.

Перед смертью просила выключать телевизор, когда показывали кадры военных лет, до болезненности боялась России, хотя в доме соблюдались все православные праздники. Умирая, она завещала похоронить ее с отпеванием. На похороны собралось очень много народу, у гроба – семья: внуки Вера и Миша (он стал художником-графиком), племянница Марина и любимая сестра Ада Константиновна, не отходившая от нее во время ее мучительной долгой болезни. Газеты наперебой сообщали о смерти знаменитой кинозвезды. Ей было 83 года.

Соперниц у нее было немало и на сцене, и на экране, но никому не удалось одержать столько жизненных побед: одну из них – войну с возрастом, который никогда не скрывала, она выиграла победоносно и легко. Другие победы дались ей значительно труднее. Неутомимая, стройная, с улыбкой на лице, она подавала пример того, как можно самой «обустроить» свою жизнь, полную опасностей и приключений.

За 10 лет до своего конца она решила написать воспоминания. Спустя четверть века они были опубликованы и в нашей стране, мемуары о том, что было и чего не было в ее жизни. Тайны биографии Ольги Чеховой питают легенду ее имени.



---

## ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РОССЫПЬ

### ЛУБЯНКА ПРОТИВ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Из секретных материалов ОГПУ – НКВД – НКГБ  
(Центральный архив ФСБ России. Дело № 1332. 150 с.).

*Перед нами большая картонная потертая папка серо-кофейного цвета.*

*В правом верхнем углу надпись: «Совершенно секретно. Хранить вечно».*

Управление (Отдел) контрразведки «СМЕРШ»

ДЕЛО № 1332  
по обвинению САВИЦКОГО Петра Николаевича

начато: «11»/VI \_\_\_\_ 1945 г.

окончено: ..... даты нет

*Савицкий Петр Николаевич (3/15 мая 1895 г. Чернигов – 13 апреля 1968, Прага) – экономист, социолог, востоковед, искусствовед. Ученик П.Б. Струве. Вместе с Н.С. Трубецким выступил с евразийской идеей. В декабре 1921 г. переехал в Прагу. Соредактор сборника «Евразийский временник» (1923–1927), журнала «Евразийская хроника» (1925–1928; 1935–1937), «Евразийского сборника» (1929). После освобождения Праги от немецких войск арестован СМЕРШ 21 мая 1945 г., 4 июня арестован повторно. ОСО при НКВД СССР 20 октября 1945 г. осужден по ст. 58-4, 11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. После отбытия срока в ИТЛ Мордовии (до 7 апреля 1955 г.) в январе 1956 г. вернулся в Прагу.*

*В нижнем левом углу папки несколько зачеркнутых номеров и красный полустертый штамп:*

*«В Секретариате Особого совещания НКВД СССР»*

*Открываем папку. Почти 150 страниц следственного дела, машинописные, рукописные документы: протоколы допросов, постановления, анкеты и т.д.  
Прочитаем некоторые из них.*

[Из] анкеты арестованного:

Передавать анкету для заполнения арестованному запрещается.  
Заполняется со слов арестованного и проверяется по документам.

Пункт 14. Состав семьи:

Отец    Савицкий Николай Петрович  
Мать    Савицкая Ульяна Андреевна  
Жена    Савицкая Вера Ивановна  
Дети    Савицкий Николай, 1935 г. р.  
          Савицкий Иван, 1937 г. р.  
Братья    Савицкий Георгий Николаевич, 1898 г. р., в Нью-Йорке  
Сестры    Кренке Анна Николаевна, 1900 г. р., в СССР.

Анкета заполнена при приеме арестованного во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР г. Москва.

*Слева на бланке:*

*Фото, оттиск, печать.*

Помощник Начальника  
внутренней тюрьмы  
подпись (*неразборчиво*)

*Подпись:* П.Н. Савицкий

Протокол допроса от 15 июня 1945 г.

г. Прага.

(Заславский – сотрудник Пражской опергруппы, ст. лейтенант.)

Допросил арестованного Савицкого Петра Николаевича, 1895 г. рождения, уроженец г. Чернигова, русский без подданства, имеет 2 детей, из дворянской семьи, образование высшее, профессор, кандидат экономических наук, член организации «Евразийцы», проживал: Прага, Папарац Подпилкова, 200, в здании русской гимназии.

**194**

## Автобиография

«Родился я в 1895 г., в Чернигове в семье Черниговского дворянина. Отец мой, Савицкий Николай Петрович, имел одно имение при деревне (Ушивка) в Черниговской области в 300 га земли. Отец являлся председателем Черниговской губернской земской управы, умер в 1942 г. в Праге, эмигрировал вместе со мной из Крыма в 1920 г. В период 1918 г. он занимал пост помощника министра внутренних дел в правительстве Скоропадского. При Временном Правительстве он занимал должность губернатора в Архангельске. Мать моя, Савицкая Ульяна Андреевна, урожд. Ходот из дворянской семьи Черниговской губернии умерла в 1944 г., эмигрировала вместе с отцом. У родителей было 3 детей: я, сестра и брат. Сестра Анна Николаевна Кренке<sup>1</sup>, в СССР, жена биолога Кренке<sup>2</sup>, связь имел с ней до 1938 г., тогда она жила в Москве, работала в Тимирязевской академии.

Брат, Савицкий Георгий Николаевич, холост, 1898 г. рождения, проживал до 1927 г. в Праге, потом эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке, работал на спичечной фабрике. Он был офицером царской армии, был в армии Деникина, по болезни был эвакуирован из Новороссийска в Константинополь. Оттуда выехал в Прагу.

В 1913 г. я окончил Черниговскую гимназию... поступил на экономический факультет Петроградского политехнического института (Ленинградский индустриальный институт), который окончил в 1917 г. со званием кандидата экономических наук. По окончании института вернулся домой в Чернигов, где жил до лета 1918 г... писал диссертацию «Метафизика хозяйства и опытное его познание» для профессорского звания.

Осенью 1918 г., будучи враждебно настроенным к Октябрьской революции, коммунистам и советской власти, я, по предложению бывшего своего учителя по институту профессора Струве, приехал в

Ростов, занятый деникинскими войсками, и поступил добровольцем на службу к Деникину, чтобы принять участие в борьбе с советской властью. Так как я был нестроевым, то я принял предложение Струве, который был у Деникина членом Особого совещания, войти в качестве эксперта по экономическим вопросам в делегацию, которая отправлялась от деникинского правительства в Соединенные Штаты Америки для того, чтобы наладить связь с Америкой и просить ее помощи в борьбе с Советской властью. Возглавлял эту делегацию профессор Гронский<sup>3</sup>. В составе этой делегации я доехал до Парижа. Здесь мы получили телеграмму от Деникина... обратно я приехал в Константинополь, к этому времени Деникин советской властью был разбит, его сменил Врангель. Профессор Струве был у Врангеля министром иностранных дел и предложил пост начальника экономического отдела департамента внешних сношений «правительства». Я согласился и до эмиграции из Крыма занимал этот пост. В ноябре 1920 г. Врангель был разбит, и я... эмигрировал за границу.

...в Константинополе прожил около двух месяцев, занимался подготовкой к магистерскому экзамену. В январе принял предложение Струве поступить на должность тех. редактора антисоветского журнала «Русская мысль», который Струве начал издавать в г. Софии. В январе месяце 1921 г. я переехал из Константинополя в Софию... там написал две статьи «Европа и Евразия» и «Патриотические мотивы в советской поэзии», эту статью я подписал своим псевдонимом «Петроник». В Софии я пробыл до сентября 1921 г. Здесь же я отошел от Струве, вышел из состава редакции «Русская мысль» и основал свою антисоветскую организацию, которую назвал «Евразийцы» и вместе с группой своих единомышленников издал антисоветский сборник «Исход к Востоку». В сентябре 1921 г. я выехал обратно в

Константинополь, где жили мои родители, прожил у них до них до декабря 1921 г., потом поехал на жительство в Прагу. Женился я в Праге в 1926 г. Жена русская – Савицкая Вера Ивановна, урожденная Симонова, эмигрантка из России. У меня двое детей, два сына 10 и 8 лет.

...Звание магистра я не получил, а получил звание магистранта, и как приват-доцент начал вести курс «политической экономики» на русском юридическом факультете в Праге. В 1925 г. я был избран профессором экономической географии в Русском институте с/х кооперации в Праге и эту должность занимал до декабря 1931 г. ...поступил на службу в качестве библиотекаря в немецкое общество славяноведения, основанное Чехословацким правительством.

...в апреле 1935 г. Ч/х правительством я был назначен лектором русского и украинского языков в немецком университете в Праге... в июле 1940 г. я был назначен директором русской гимназии в Праге. Эту должность занимал до 2 сентября 1944 г., когда был отстранен, научная работа мне была запрещена немцами, и в качестве рабочего я был направлен в распоряжение т. наз. «Арбайтсамте» и до мая 1945 г. жил в Праге без работы... на пенсию, которую получал от чешского правительства за свою 23-летнюю педагогическую работу.

...В 1927 г. от Евразийского Совета нелегально ездил в Москву, где связался с антисоветской организацией «Трест».

(С. 23).

#### ПОСТАНОВЛЕНИЕ (О предъявлении обвинения)

«23 июня» 1945 г.

г. Прага.

Постановили:

Савицкого Петра Николаевича привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58–

2, 58–11 УК РСФСР, о чем объявить ему под расписку в настоящем постановлении. сотр. опергруппы контрразведки «Смерш» по г. Прага, старший лейтенант. (Заславский).

[Из] протокола допроса от 23 июня 1945 г.

«Предъявленное мне обвинение понятно. В предъявленном мне обвинении я себя полностью признаю виновным. Действительно... “Евразийцы” ставили своей целью свержение Советской власти и уничтожение коммунистической партии. Я являлся основателем этого антисоветского движения в Праге и одним из руководителей евразийских организаций.

В 1927 г. я по заданию Евразийского Совета нелегально ездил в Советский Союз, в Москву, где устанавливал контакт с евразийской группой Лангового, который также был и в контрреволюционной организации «Трест». С этим Ланговым в Москве я выработал программу совместной борьбы с Советской властью.

Проживая в Праге, я напечатал в прессе ряд статей антисоветского содержания, которые неразрывно связаны с моими Евразийскими взглядами.

Во всем этом я полностью признаю себя виновным...»

/П. Савицкий/

*Постановление о принятии дела к производству (19 июля 1945 г. в Москве) старшим следователем ГУ контрразведки «СМЕРШ» майором Чеворынкиным.*

[Из] протокола допроса Савицкого от 13.08.1945 г.

«...Знаком с ним [Чхеидзе Константин Александрович] с конца 1924 г. — офицер белой армии Врангеля... проживал на о. Лемнос (Греция), затем прибыл в Чехословакию. До 1927 г. учился на юридическом факультете при Пражском университете, затем занимался литературной деятельностью. В 1924 г. был привлечен

мною в организацию “Евразийское движение”, занимался пропагандой и вербовкой новых членов.

...В 1929–30 гг. ЧХЕИДЗЕ был введен в центральный орган “Евразийского движения”, где и возглавил отдел пропаганды... редактор газет и сборников, автор ряда антисоветских книг... до 1939 г., т.е. до момента оккупации... после наша организация распалась».

Протокол допроса Савицкого от 27 августа 1945 г.

*м/н текст (рукоп. текст л. 49–74).*

«Организация “Евразийское движение” была создана в 1921 г. эмигрантами: бывшим князем Трубецким Николаем Сергеевичем, Сувчинским Петром Петровичем и мною, Савицким.

...проживая в Софии, в начале 1921 г. познакомился с Трубецким и Сувчинским, вели беседы на политические темы.

В одной из бесед Трубецкой заявил, что борьба против Советской власти еще не окончена и что ее необходимо продолжать за границей, причем он прямо предложил нам создать антисоветскую организацию, приступив к активной борьбе с советской властью.

Осенью 1921 г. с согласия Трубецкого я из Болгарии выехал на постоянное жительство в Чехословакию, и спустя два месяца оттуда выехали и сам Трубецкой с Сувчинским. Трубецкой уехал в Австрию, а Сувчинский — в Германию.

Должен сказать, что, уезжая из Софии, как я, так и Сувчинский получили от Трубецкого задание создать в названных странах антисоветские белогвардейские организации, подготавливая кадры для борьбы за свержение советской власти.

...по прибытии в Прагу сразу же приступил к созданию антисоветской организации, так называемая “Евразийская группа”, и к концу 1924 г. завербовал в нее

около 50 человек, из которых и начал подготавливать кадры, способные с оружием в руках выступить на борьбу с Советской властью».

«Для более активной пропаганды мною в 1924 г. был выпущен так называемый сборник “Евразийская хроника”... утверждавший, что советское правительство привело народы России к обнищанию.

В к. 1924 г. по приглашению Трубецкого я прибыл к нему в Вену на совещание...

...На совещании в Вене были поставлены Трубецким два вопроса – это вопрос о создании белогвардейской организации “Евразийское движение” и о руководящем органе этой организации... после доклада Трубецкого был создан ...“Евразийский Совет”, возглавляемый Трубецким Н.С. и находившийся в Вене. Его ближайшими помощниками являлись Сувчинский Петр

Петрович, Арапов Петр Семенович, Малевский-Малевич Петр Николаевич и я – Савицкий.

Основной отдел “Евразийского движения” размещался в Париже и возглавлялся Сувчинским. Филиалы этой организации находились в разных городах Европы, а именно: в Берлине (Германия), Праге (Чехословакия), Лондоне (Англия), Белграде (Югославия) и в Нью-Йорке (Америка).

Берлинским филиалом “Евразийского движения” руководил белоэмигрант Арапов, Пражским – я – Савицкий, Лондонским и Нью-Йоркским – Малевский-Малевич, Белградским – братья Стороженко».

(ЦА ФСБ, дело № 1332, с. 22–40)

*Составитель и автор комментария*

*Ю.В. Мухачёв*

## Примечания

- <sup>1</sup> Кренке (Савицкая) Анна Николаевна (1900–1984,†Москва, Ново-Девич. кл.-ще, 4-уч.) Науч. сотр. Ботанического сада АН СССР, жена Н. Кренке.
- <sup>2</sup> Кренке Николай Петрович (21.7(2.8).1892, Тбилиси, – 25.11.1939, Москва), советский ботаник. С 1936 г. заведующий Лабораторией морфологии развития растений АН СССР.
- <sup>3</sup> Гронский Павел Павлович (1883–1937) – общественно-политический деятель, правовед, историк, прозаик. Окончил юридический факультет Петербургского университета, приват-доцент того же университета, профессор административного права Политехнического института (Петроград), член ЦК партии кадетов, член IV Государственной думы.

Н.С. Трубецкой

### ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ<sup>1</sup>

#### I

До революции Россия была страной, в которой официальным хозяином всей государственной территории признавался русский народ. При этом не делалось никакой принципиальной разницы между областями с исконно русским и областями с «иноподчужным» коренным населением: русский народ считался собственником и хозяином как тех, так и других, а «иноподчужцы» не хозяевами, а только домочадцами.

За время революции положение дела изменилось. В закономерном для известного периода революции процессе всеобщего анархического разложения Россия грозила распасться на отдельные части, если бы русский народ не спас государственного единства, пожертвовав ради этого своим положением единственного хозяина государства. Таким образом, в силу неумолимой логики истории прежнее соотношение между русским народом и «иноподчужцами» было нарушено. Нерусские народы бывшей Российской империи приобрели положение, которого они не имели ранее. Русский народ оказался не единственным господствующим, а *одним из* равноправных народов, населяющих государственную территорию. Правда, превосходя все прочие народы своею численностью и имея за собой многовековую традицию государственности, русский народ, естественно, играет и должен играть первую роль среди всех народов государственной территории. Но, это все же уже не хозяин среди домочадцев, а только *первый между равными*.

ТРУБЕЦКОЙ  
Николай  
Сергеевич, князь  
(1890–1938),  
лингвист,  
философ,  
один из  
основоположников  
и идеологов  
евразийства

Описанная перемена, наступившая в положении русского народа, должна быть учтена всеми, кто задумывается над будущим нашей родины. Никак нельзя предполагать, чтобы создавшееся в процессе революции новое положение русского народа среди других народов бывшей Российской империи и нынешнего СССР было лишь временным, преходящим. Те права, которыми теперь наделены нерусские народы СССР, уже не могут быть отняты. Время укрепляет существующее положение. В будущем попытка отнять или

хотя бы умалить эти права вызвала бы самое ожесточенное сопротивление. Если русский народ когда-нибудь вступит на путь такого насильственного отбирания или умаления прав других народов государственной территории, то тем самым обречет себя на длительную и тяжелую борьбу со всеми этими народами, на постоянное состояние то явной, то скрытой войны со всеми ними. Не подлежит сомнению, что такая война чрезвычайно желательна для врагов России, и что в своей борьбе против притязаний русского народа отдельные самоопределившиеся народы прежней Российской империи и нынешнего СССР найдут себе поддержку и союзников среди иностранных держав. И это тем более, что с моральной точки зрения позиция русского народа, пытающегося отобрать или умалить национальные прерогативы других народов государственной территории, будет крайне невыгодной, почти незащитимой. В силу этой же моральной необоснованности борьбы за отобрание прав у нерусских народов бывшей Российской империи борьба эта окажется непопулярной прежде всего в среде самого русского народа. Каков бы ни был исход этой борьбы, самый факт ее означал бы утрату русским народом государственного чувства в угоду шовинистическому самоутверждению, а это было бы, во всяком случае, признаком близкого распада государства.

Таким образом, об отобрании или умалении прав, приобретенных за время революции разными народами бывшей Российской империи, не должно быть и речи. Та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ, — эта Россия отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею.

Эта перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде *самый крайний* русский националист все же был патриотом. Теперь же то государство, в котором живет русский народ, уже не является исключительной его собственностью, *исключительный* русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. *Чрезмерное* повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, т.е. обособить русский народ от других. Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие было фактором, на который государство могло опираться, то теперь это же самолюбие, *повысившись до известного предела*, может оказаться фактором антигосударственным, не созидающим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, что прежде было бы nonsensum. Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве и чтобы самое это государство принадлежало на правах полной и нераздельной собственности одному русскому народу, — такой националист при современных условиях должен примириться с тем, чтобы от его «России» отпали все «окраины», т.е. чтобы границы этой «России» совпали приблизительно с границами сплошного великорусского населения в пределах доуральской России: только в таких суженных географических пределах эта радикально-националистическая мечта и осуществима. Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником — совер-

шенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты-сепаратисты.

## II

Если прежде основным фактором, спаивавшим Российскую империю в одно целое являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем, то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое?

В качестве такого объединяющего фактора революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик *социалистических*, т.е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала объединяет все эти республики в одно целое.

Общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным объединительным фактором. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей воленправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР. Но спрашивается, достаточно ли одного этого фактора для объединения разных народов в одно государство. В самом деле, ведь из того факта, что Узбекская республика и Белорусская республика обе руководствуются в своей внутренней политике стремлением к достижению одного и того же социального идеала, вовсе еще не следует, чтобы обе эти республики обязательно должны были объединиться под сенью одного государства. Мало того,

из этого факта даже не следует, чтобы эти две республики не могли враждовать или воевать между собой. Ясно, что одной общности социального идеала недостаточно и что националистически-сепаратистским стремлениям отдельных частей СССР должно быть противопоставлено что-то еще.

В современном СССР таким противоядием против национализма и сепаратизма является классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности. В каждом из народов, входящих в состав СССР, полноправными гражданами признаются только пролетарии, и, в сущности, самый Советский Союз составляют не столько народы, сколько именно пролетарии этих народов. Захватив власть и осуществляя свою диктатуру, пролетариат разных народов СССР в то же время постоянно чувствует себя под угрозой своих врагов как внутренних (ибо социализм еще не наступил, и в переживаемую «переходную» эпоху приходится допускать существование капиталистов и буржуев даже внутри СССР), так и внешних (в лице всего прочего мира, пребывающего всецело во власти международного капитализма и империализма). И вот для того, чтобы успешно отстаивать захваченную власть против происков врагов, пролетариям всех народов СССР и необходимо объединиться в одно государство.

Благодаря этому взгляду на смысл существования СССР, советскому правительству оказывается возможным бороться с сепаратизмом: сепаратисты стремятся к разрушению государственного единства СССР, но это единство необходимо пролетариату для отстаивания захваченной им власти; следовательно, сепаратисты являются врагами пролетариата. По той же причине оказывается возможным и необходимым бороться и с национализмом, так как этот последний легко может быть истолкован как скрытый сепаратизм. К тому же, согласно марксистской доктрине, пролетариат лишен националисти-



ческих инстинктов, которые являются атрибутами буржуазии и плодом буржуазного строя. Борьба против национализма осуществляется уже самим фактом перенесения центра народного внимания из сферы национальных эмоций в сферу эмоций социальных. Сознание национального единства, являющееся предпосылкой всякого национализма, оказывается подорванным обостренной классовой враждой, а большинство национальных традиций опорочено связью с буржуазным строем, с аристократической культурой или с «религиозными предрассудками». При всем том честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему ее народу.

Итак, можно сказать, что фактором, связывающим все части нынешнего СССР в одно государственное целое, опять является наличие официально признанного единого хозяина всей государственной территории: только прежде таковым хозяином признавался русский народ, возглавляемый своим царем, а теперь таковым хозяином считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

### III

Недостатки только что описанного временного решения вопроса сами собой очевидны. Не говоря уже о том, что деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР либо вовсе непроводимо, либо совершенно малосущественно и искусственно; следует особенно подчеркнуть, что все это решение вопроса само в себе несет указание на свою *временность*. В самом деле, ведь

государственное объединение народов и стран, в которых власть захвачена пролетариатом, является целесообразным только с точки зрения данного этапа борьбы пролетариата со своими врагами. Да и самый пролетариат, как угнетаемый класс, согласно марксизму, есть явление временное и подлежащее преодолению. То же следует сказать и о классовой борьбе. Таким образом, при описанном выше решении вопроса единство государства оказывается покоящимся не на каком-нибудь принципиально постоянном основании, а на основании принципиально временном, преходящем. Это создает нелепое положение и целый ряд совершенно нездоровых явлений. Чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится самому создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии, с тем чтобы направлять пролетариат на этот класс, и т.д. ...Словом, приходится все время поддерживать в сознании пролетариата представление о том, что положение его в качестве единого хозяина государства крайне непрочно.

В задачу этой статьи не входит критиковать коммунистическую концепцию государства по существу. Мы рассматриваем здесь идею диктатуры пролетариата только в одном ее аспекте, именно – как фактор, объединяющий все народы СССР в одно государственное целое, и противостоящий националистически-сепаратистическим течениям. И следует признать, что в этом своем аспекте идея диктатуры пролетариата, хотя до сих пор и оказывалась действенной, не может стать прочным, непреходящим решением вопроса. Национализм отдельных народов СССР развивается по мере того, как эти народы все более свыкаются со своим новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных

должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией «пришлых элементов» и желание попрочнее закрепить свое положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Все это создает самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном. Против этого идея диктатуры пролетариата оказывается бессильной. Пролетарий, попавший к власти, оказывается обладающим, при этом иногда даже в очень сильной дозе, теми националистическими инстинктами, которые согласно доктрине коммунизма у настоящего пролетария должны отсутствовать. И такого попавшего к власти пролетария интересы мирового пролетариата, оказывается, волнуют гораздо меньше, чем это полагается по доктрине коммунизма...

Таким образом, идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистских стремлений народов СССР.

#### IV

Современное решение вопроса о принципе государственного объединения частей бывшей Российской империи логически вытекает из марксистского учения о классовой природе государства и из свойственного марксизму пренебрежения к национальному субстрату государственности. Но следует признать, что для сторонников этого учения ничего и не остается другого, как заменить идею господства одного народа идеей диктатуры одного класса, т.е. подменить национальный субстрат государственности субстратом классовым. А из этой подмены все дальней-

202

шее вытекает само собой. Таким образом, коммунисты во всяком случае гораздо более правы и последовательны, чем те демократы, которые, отрицая единый национальный субстрат русской государственности, проповедают широкую областную автономию или федерацию без классовой диктатуры, не понимая, что при таких условиях существование единого государства немислимо.

Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом, классовый субстрат, как мы видели выше, способен объединить отдельные части бывшей Российской империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь, как указано выше, уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роли такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, *национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.*

Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию – *Евразией*, ее национализм – *евразийством*.

#### V

Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной приро-

ды данной этнической единицы и потому прежде всего утверждает органическое *единство* и *своеобразие* этой этнической единицы (народа, группы народов или части народа). Но фактически нет (или почти нет) на свете народов вполне единых или однородных; во всяком народе, даже в очень маленьком, всегда существует несколько племенных разновидностей, нередко довольно значительно отличающихся друг от друга по языку, по физическому типу, по характеру, по обычаям и проч. ... Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую-нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду – в другую группу народов. Можно сказать, что единство этнической единицы обратно пропорционально, а своеобразие этнической единицы прямо пропорционально величине этой единицы: к полной однородности, к полному единству приближаются только самые маленькие этнические единицы (например, какая-нибудь мелкая племенная разновидность одного народа), к полному своеобразию приближаются только большие этнические единицы (например, какая-нибудь группа народов). Таким образом, национализм всегда в известной мере отвлекается от фактической неоднородности и неодобственности данной этнической единицы и, смотря по степени этого отвлечения, можно различать разные виды национализма.

Из сказанного явствует, что в каждом национализме наличествуют одновременно элементы *централистические* (утверждение единства данной этнической единицы) и *сепаратистские* (утверждение своеобразия данной этнической единицы и ее обособления от более широкой единицы). Далее ясно, что благодаря вхождению одной этнической единицы в другую

(народ входит в группу народов, но сам, в свою очередь, заключает в себе несколько племенных или краевых разновидностей) могут существовать национализмы разной амплитуды, разной ширины, причем эти национализмы тоже «входят» друг в друга, подобно концентрическим кругам, сообразно тем этническим единицам, на которые они направлены. Наконец, ясно, что централистские и сепаратистские элементы одного и того же национализма не противоречат друг другу, но централистские и сепаратистские элементы двух концентрических национализмов друг друга исключают: т.е. если этническая единица А «входит» как часть в этническую единицу В, то сепаратистский элемент национализма А и централистский элемент национализма В друг друга исключают.

Таким образом, для того, чтобы национализм данной этнической единицы не вырождался в чистый сепаратизм, необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица «входит». В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т.е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

## VI

Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи, т.е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов. Ведь по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов, татары, чуваша, черемисы и проч. — в группу так называемых «туранских» народов, татары, башкиры, сарты и проч. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов. Но эти связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, объединяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должны быть на первом плане, а — евразийство. Ибо все эти «пан-измы», усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими-то другими народами только по одному ряду признаков и потому неспособны создать из этих народов никакой реальной и живой

204

многонародной нации — личности. В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности *своих исторических судеб*<sup>1</sup>. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям. Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма: ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих «пан-измов» не является прагматически ценным в той мере, как общевразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданиям всех ее частей.

Для того чтобы общевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, объединяющего евразийское государство, необходимо соответственно перевоспитать самосознание народов Евразии. Конечно, можно сказать, что таким перевоспитанием занимается уже сама жизнь. Уже один тот факт, что все евразийские народы (и, кроме них, ни один другой народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, — уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать

общность их исторических судеб. Но это, конечно, мало. Необходимо, чтобы те отдельные люди, которые уже сейчас ясно и ярко сознали единство многонациональной евразийской нации, проповедовали это свое убеждение, – каждый в той евразийской нации, в которой он работает. Здесь – непечатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей. С точки зрения единства многонациональной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по-новому приходится строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...

Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонациональной нации Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во-первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками зрения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А, во-вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим.

Работа евразийцев по перевоспитанию национального самосознания в настоящее время протекает в исключительно тяжелых условиях. На территории СССР такая работа открыто вестись, конечно, не может. В эмиграции же преобладают люди, неспособные в своем сознании реализо-

вать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия как совокупность территориальных единиц, завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания обще-евразийского национализма и утверждения единства многонациональной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы – изменники, потому что понятие «России» заменили понятием «Евразии». Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту «замену», не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы «возродить», реально возможна только при отделении всех «окраин», т.е. – в границах этнографической Великороссии. Другие эмиграционные течения нападают на евразийство с противоположной стороны, требуют отказа от утверждения какой бы то ни было национальной самобытности и полагают, что Россию можно построить на началах европейской демократии, не выдвигая ни единого национального, ни единого классового субстрата русской государственности. Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди не хотят понять, что для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что поэтому при современных условиях возможно только два решения – либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонациональной евразийской нации и общеевразийский национализм.

*Примечания*

<sup>1</sup> Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. 9.

<sup>2</sup> См. статью кн. К.А. Чхеидзе в «Евразийской хронике», вып. 4.

Публикация подготовлена  
*Л. Новиковой и И. Сиземской*

*Д.М. Шаховской*

### ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА БАКУНИНА-ОСОРГИНА

Татьяна Алексеевна Осоргина родилась 22 января 1904 г. и была одной из участниц и свидетельниц культурной жизни русской эмиграции на протяжении почти всего XX в. Как взыскательный ученый, она оставила заметный след в науке, а как исключительной доброты человек – неизгладимую память в сердцах друзей.

С Татьяной Алексеевной я познакомился в пятидесятых годах, когда меня потянуло в Национальную (Тургеневскую) библиотеку. Разрешения заниматься там у меня не было. Но вмешалась Татьяна Алексеевна, отвела мне место в отдельном кабинете и взяла для меня на свое имя книги. С благодарностью я запомнил эти минуты и неоднократно вспоминал их при наших последующих встречах. А потом она пригласила меня в правление Тургеневской библиотеки. Встречаясь, мы говорили о многом. При исключительной доброте, жертвенности и отзывчивости, ее оценки и суждения были хотя и строгими, но всегда объективными. Все сказанное оживляла молодость ума, украшала постоянная улыбка и ласка голубых глаз. Светлый ум все расставлял по местам и окрашивал легкой иронией и остроумными словечками. Она уделяла большое внимание актуальности, на вопросы, касающиеся прошлого или личного, отвечала сжато, и друзьям запрещала писать о себе, но можно не сомневаться – упоминание о ее научном наследии, о ее творческом пути, при всей ее скромности, не может ей быть неприятным.

\* \* \*

Она училась в гимназии Свентицкой, где придерживались теории свободного воспитания, и в гимназии Алферовых. Именно тогда с ней подружилась Ирина Николаевна Угрюмова. «/.../ С Таней Бакуниной я познакомилась в школе, /.../, – вспоминала Ирина Николаевна. – [...] Мы подошли к двум последним классам (шестой и седьмой второй ступени), – это бывшая Алферовская гимназия, а

*ШАХОВСКОЙ  
Дмитрий  
Михайлович,  
доктор  
историко-  
философских  
наук,  
профессор,  
Свято-  
Сергиевский  
богословский  
институт  
(Париж)*

тогда это была 75 школа второй ступени, и у нас было много учеников и почему-то очень мало учителей. После ареста Алферовых [...] не хватало учителей [...]. А в той школе, где Т.Б. училась, у них почти не было учеников. И тогда нас соединили вместе, причем мы были в последнем, старшем классе, тогда это, по-моему, шестой или седьмой, я уже не помню. И она тоже. Но наш 6-й класс, бывший алферовский, отказался соединиться с ними, а они отказались соединиться с нами, так что были два параллельных класса. Ну, а мы с Таней, когда шли домой из школы, у нас был одинаковый путь; ходили, естественно, пешком – и мы с Таней стали как-то всегда вместе возвращаться: она шла на Остоженку, а я в Чистый переулок, на Кропоткинской. Так началась наша дружба. Потом мы уже вместе поступили в университет; поступили на исторический факультет, который потом переименовался в ФОН – факультет общественных наук».

В статье «Четыре года в Московском университете» Татьяна Алексеевна поделилась воспоминаниями о тех трудностях, которые испытало ее поколение, о настроении студентов, о нарастающем давлении партийной администрации, начиная с того, что «никто, связанный раньше с Московским университетом, не забывает упомянуть его хорошим словом, несмотря на все тяжелое, что сопровождало годы ученья. У всех со словами “Московский университет” связано представление о корпорации, товариществе, о чистой науке».

Профессура того времени, как и друзья, оставили неизгладимый след в жизни молодой студентки. Всех она вспомнила в предисловии к своей диссертации, но особое отношение к ней было к А.А. Кизеветтеру, которое она ярко выразила в статье, посвященной его памяти. Впоследствии мимоходом, слушая рассказы о современной Москве, Татьяна Алексеевна припомнила друзей и знакомых, таких как Татьяну Павловну Рудневу, рожденную Васильчикову, и просила передать им привет.

**208**

Татьяна Алексеевна кончила Московский университет в 1924 г. и сразу приступила к научной работе. «Началось все в Москве в Историческом музее. Я закончила университет. Дипломы нам тогда выдали почему-то только через год. Но как только я получила его на руки, я тотчас же побежала в Исторический музей. Сначала я поступила туда для моей собственной работы. Один профессор [Кизеветтер] [...], к которому я обратилась за советом, сказал мне: “Идите в архив и разбирайте архив Куракина”.

А через несколько месяцев директор архива предложил ввести меня в состав служащих, где я потом и работала почти до самого дня отъезда моей семьи из Москвы.

Дело в том, что у моих родителей была лечебница, в которой осмелились принять больного Патриарха Тихона. Власти не могли им это простить и закрыли лечебницу. Это было в 1926 г. Мы были вынуждены уехать сначала в Италию, где прожили несколько месяцев, а осенью уже осели в Париже [...].

«До выезда за границу, – вспоминала И.Н. Угримова, – жизнь носила своеобразный дворянский патриархально-либеральный характер: у них на Остоженке, как раз напротив Барыковского переулка была своя больница. И тогда я впервые познакомилась с родителями [Т.А.] Бакуниными; совершенно великолепная была семья – они были земские врачи Тверской губернии, работали в Торжке [...]. Потом [...] переехали в Москву; сначала у них была с кем-то другим больница, а потом уже своя собственная на Остоженке. Оба они были хирурги и гинекологи, оба имели одинаковую специальность.

– Он Алексей Ильич?

И.Н.: Алексей Ильич. Он племянник этого известного Бакунина – анархиста, сын его брата. Великолепная совершенно была пара.

– А ее как звали?

И.Н.: Эмилия Николаевна. Там же с ними жила мать Эмилии Николаевны,



Ольга Христофоровна, у нее какая-то польская была кровь, я точно не знаю [...] очень милая, трогательная, совершенно замечательная бабушка такая, которая очень любила и Таню, и ее младшую сестру Наташу, и вообще очень дружная семья. И больница у них была великолепная совершенно. Но потом на них, уже в 24-м или 25-м г., стали уже очень нажимать; это, между прочим, было после того, как у них лежал патриарх Тихон, в больнице. Они, кстати, сами были совершенно неверующими и нецерковными людьми, но как врачи, конечно, никак не могли отказать и положили к себе, в общем, тяжело больного патриарха Тихона, который и скончался в том же году. И после этого почему-то начали их притеснять, хотели реквизируют больницу; в общем, короче говоря, они собрались уехать тогда. А в те годы ведь очень спокойно уезжали — до конца двадцатых годов уезжали спокойно и просто. И тогда они, всей семьей: бабушка, Эмилия Николаевна... Алексей Ильич, Катя — у них была такая бывшая няня, которая вынянчила их двух дочерей — Таню и Наташу; Таня и Наташа, естественно, два великолепных сеттера — вот все это огромное семейство решило уезжать.

А я в это время училась в Берлине, значит, я их там как-то встретила; да в 1926-м г. я училась в Берлине, нашла там какое-то помещение, чтобы переночевать одну ночь, и... встретила все это огромное семейство с двумя собаками, и потом, я не помню, сколько они пробыли, — день-два, и поехали в Италию. В Италии они поселились не так далеко от Генуи, на берегу Средиземного моря, в маленьком местечке Кари де ля Ванте, сняли там хорошее помещение, и летом 26-го г., в первое же время их пребывания, к ним масса приезжала и молодежи, и вообще знакомых, [...] дети эмигрантов, конечно. Там была дочь профессора Яковлева, московского, который был в Москве, — Наташа, которая там

училась в медицинском; потом Нина Фалковская, дочь московского адвоката, — ну, они-то были эмигранты; я тоже поехала и другие знакомые. И там жил, снимал себе комнату где-то неподалеку Михаил Андреевич Осоргин; там с ним я и познакомилась. [...] А он уехал в 1922-м г., он уже был выслан в этой группе — вместе с Бердяевым, Франком... тогда же, кстати, мой свекор выехал в этой группе, хотя он не был философ, а ученый агроном, все равно он был там же; и Михаил Андреевич тоже с этой группой выехал тогда. [...] Да, он очень хорошо был знаком с семьей Бакуниных, и почему они поехали тогда прямо из Берлина в Италию, — потому что М.А. очень хорошо знал Италию. Он еще до революции, в царское время, жил в Италии тоже в качестве эмигранта. [...]

Таким образом, Михаил Андреевич там уже начал вливаться в семью Бакуниных, потому что он развелся со своей женой, до того еще, и они должны были с Таней пожениться.

[...] к осени они перебрались в Париж, нашли себе квартиру [...], сейчас не помню улицу; в общем обосновались там. Эмилия Николаевна принимала, была такая поликлиника в Париже, там были русские врачи, и Эмилия Николаевна тоже начала там работать, принимать, но это, конечно, было слишком для нее мало. И вот вскоре, я сейчас только не помню, в каком году, ее пригласили в этот русский дом для престарелых, в Сент-Женевьев де Буа, [...] уже ей полагалась казенная квартира, и Бакунины, родители, жили там. А Таня и Михаил Андреевич, которые уже поженились, на лето всегда снимали себе там комнату. [...] мы переехали в тот дом на рзю де ля Сантэ, знаменитой, потому что там же находилась тюрьма, но, правда, далеко от нас, [...] и Михаил Андреевич с Таней жили в том же доме. [...] Да, в одном доме, и мы постоянно, конечно, очень часто встречались, и я видела, как у Михаила Андреевича страшно мно-

го бывало молодых писателей, он очень, очень внимательно к ним относился /.../ Там я помню и Газданова, которого теперь уже печатают; и Вадима Андреева /.../. Работали они оба, но эта была, между прочим, общественная нагрузка: оба они работали в Тургеневской библиотеке – это такой очаг русской культуры там, организованный самим Тургеневым; Михаил Андреевич был в правлении. Я не помню, была ли тогда и Таня в правлении, – я не помню, может, да. Но они очень [...] интенсивную работу вели в то время в библиотеке, это я отлично помню. Причем Тургеневская библиотека для сбора средств – ну что они брали с подписчиков, с читателей, так сказать, какую-то страшно скромную сумму, я уже сейчас не помню, какую, но очень скромную, и, конечно, нуждались для приобретения, скажем, новых книг и так далее. И устраивали Рождественские елки, это был такой сбор. /.../ Жизнь этой Тургеневской библиотеки была в их руках, у них было очень много и в правлении интеллигенции, большое количество читателей; как-то надо было это все организовывать, потом добывать новые книги по возможности /.../. Много было читателей. Ну, потом приходили французские русисты, которые занимались... но это главным образом уже после войны. Тогда после окончания войны /.../ вспыхнул безумный интерес к русскому языку, и во всех почти, т.е. во многих местах ввели русский язык как иностранный, и в университетах. /.../ да, я еще не сказала интересную вещь. Таня и Михаил Андреевич всегда снимали себе комнату или домик на лето в С.Ж., а в 30-м или может быть в 31-м году – я сейчас точно не помню, книга Михаила Андреевича “Сивцев Вражек”, /.../ одна из его крупных вещей уже вышла в свет и на русском языке, и была переведена на многие языки: /.../ И помимо этого, всё вылилось в какую-то крупную сумму, которую я сейчас, конечно, уже не помню совершенно. И тогда первое, что он сделал, купил себе участок земли в Сент-Женевьев де Буа; но

на стройку дома уже не хватило денег, потому что, между прочим, Михаил Андреевич, я как сейчас помню, меня это страшно поразило: когда к нему приходили так называемые «стрелки», т.е. просто звонили в дверь квартиры – русские, и просили помочь чем-то. И Михаил Андреевич никогда не отказывал, никогда!».

Первый исторический труд Татьяны Алексеевны, посвященный истории русского землевладения, можно рассматривать как дань, отданную профессорам Московского университета. Начатый в России по совету профессора А.А. Кизеветтера, он получил поддержку целого ряда профессоров. Это были С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, А.И. Яковлев. Работа была выполнена на основе архива князей Куракиных в Московском государственном историческом музее, под шифром 323. С самого начала Татьяна Алексеевна подчеркивала, что ограничивается лишь внутренним экономическим устройством крупной русской вотчины XIX в., не рассматривая сложный контекст экономических и политических отношений. Зато ею был дан общий обзор самого архива, его истории, и его частичного издания М.И. Семевским и В.Н. Смоляниновым. Уже в 1926 г. автор поделился некоторыми частями своей работы на конференциях при Обществе друзей Московского Исторического музея и в секции общей истории того же музея.

Защитившись в Сорбонне, Татьяна Алексеевна всецело погрузилась в исследование о русском масонстве. За последние годы нам известны лишь две незаконченные статьи, в этом уже проявляется ее отличительная черта характера – исключительная скромность: воспоминания о ее пребывании в Московском университете в 1927 г. и по случаю кончины А.А. Кизеветтера в 1933 г.

Можно считать, что в 1934 г. Татьяна Алексеевна закончила работу, пожалуй, более ей близкую по духу, знаменитый словарь русского масонства, который вышел в свет много лет спустя. Ему предше-

ствовала маленькая книжка, посвященная этой же теме. На первых страницах Татьяна Алексеевна сообщала о своей работе над словарем. Для русского читателя эта книжка не утеряла своего интереса и до сих пор, так как предисловие к словарю, как и весь словарь, были опубликованы на французском языке. Несмотря на то что издание предназначалось широкой публике, оно не утеряло подлинного научного характера, так как снабжено подстрочными ссылками на основную библиографию.

Об успехе этой книжки свидетельствует то, что в 1987 г. возник вопрос о ее переиздании, в связи с чем Татьяна Алексеевна отмечала в письме С.Г. Асланову: «Ну вот, прочла брошюру, убедилась в том, что она неплохо (!) написана; вероятно, 50 лет назад я писала лучше, чем сейчас.

Добавлять в нее куски из французского текста совершенно невозможно. Хотя содержание то же самое, но изложение различно, что и естественно: одно дело научный труд, другое – брошюра для широкого чтения. Есть кое-какие поправки, которые я хотела бы сделать. Трудности начинаются со стр. 34, когда появляются цифры, которые необходимо заменить теми, которые я привожу во французском тексте. Переделать это не составит большого труда.

Повторяю: я специально в этом предпринятии не заинтересована, и если у Вас есть какое-нибудь “но”, только скажите, и я это остановлю...» Отчасти, как предполагала Татьяна Алексеевна, человек, взявшись за это дело, не довел его до конца.

Об успехе книжки свидетельствует то, что, может быть, по настоянию ее мужа М.А. Осоргина, вышла вторая ее книга, посвященная видным русским масонам, уже скорее популярного характера. Особенно любопытно предисловие, подписанное инициалами В.К. с тремя звездочками за каждой буквой /М.А. Осоргина?/. Для автора труды Татьяны Алексеевны

первая попытка объективно взглянуть на масонство, особенно на фоне постоянной полемики по этому поводу в русской эмиграции.

Работа над словарем продолжалась. Закончив ее в 1938 г. и посвятив своим учителям и однокашникам по Московскому университету, Татьяна Алексеевна снабдила его обстоятельным вступлением, которое до сих пор является лучшим изложением истории русского масонства за этот период. В него полностью вошла книга о Русских вольных каменщиках, дополненная целым рядом сравнений и статистическими данными. Статьи словаря выглядят следующим образом, – даются краткие биографические данные и библиография, позволяющая в дальнейшем, когда это возможно, воссоздать среду, из которой вышло то или иное лицо. Например, среди источников указана генеалогическая литература.

Словарю не повезло. Изданный в 1940 г. в Брюсселе, его тираж полностью сгорел. Долго приписывали это дело немцам, но в конечном итоге оказалось, что пожар был случайным. Словарь был полностью переиздан в первоначальном виде Парижским Институтом славяноведения.

Все те, кто общался с Татьяной Алексеевной, знают ее отношение к Церкви. Многим оно казалась резким, но при более близком знакомстве поражала всех чистота ее души, глубина мысли и исключительная доброта, а также непримиримость к любой косности. Свою цель она видела в том, чтобы подчеркнуть светлую роль русского масонства в рассматриваемую эпоху. Свое отношение к этому течению, она обосновала целым рядом цитат, особенно настаивая на его духовном значении.

Словарь является одним из первых опытов введения транслитерации в научных изданиях. Предварительная заметка русского медиевиста А. Эска объясняет преимущество этой системы, которая те-

перь, с некоторыми изменениями, широко применяется. Она заключается в том, что каждой букве русского алфавита соответствует определенный знак.

Словарю предшествует основательное вступление. По существу это сжатая история русского масонства с целым рядом уточнений и статистических данных. Конечно, возможны дополнения по недоступным тогда архивам, но вряд ли они существенно изменят картину. Татьяна Алексеевна зарегистрировала 3267 масонов и считала, что их общее число доходило до 4000 или 5000 тысяч. За XVIII в. было больше 100 лож, в начале XIX в. – 70. Но на ее взгляд, большее значение имели не эти общие цифры, а состав масонских лож. Татьяна Алексеевна дала таблицу, в которой представлены не только все категории населения, но и профессии. Среди них выделены лица иностранного происхождения и иностранцы, что дает возможность установить процентное соотношение между ними. Татьяна Алексеевна также учитывала иностранные ложи, в которых встречались русские. Несмотря на ценность этих наблюдений, Татьяна Алексеевна подчеркивала, что они недостаточны. Например, она сожалела, что невозможно уточнить возрастные категории и масонскую деятельность многих лиц. Главное для нее заключается в том, что словарь «представляет живых лиц, чьи имена гораздо выразительнее статистических таблиц. Относительные сведения об этих масонах, об их характере, о составе масонских лож в столицах и более отдаленных провинциях, достаточны, чтобы мы могли, не обобщая, сформулировать наши идеи». В своем кратком заключении Татьяне Алексеевне удалось дать ясную картину русского масонства, разъяснить и поставить основные вопросы, связанные с его историей. Русский читатель оценит, что все выделенные ею высказывания масонов (цитаты даны в примечаниях на русском языке). Татьяна Алексеевна создавала их важность, и они заслуживают

особенного внимания при учете духовного значения масонства.

После примечаний в словаре идет подробная библиография, которая заново приводится по отношению к каждому лицу. Статья в словаре состоит из следующих частей: фамилия, имя, отчество; годы жизни; биографические сведения; данные о принадлежности масонству; библиография со ссылкой на страницы. При сомнениях в принадлежности того или иного лица масонству перед фамилией поставлен вопросительный знак. Транслитерация полностью учитывает старую орфографию.

Словарь можно рассматривать как основу будущих исследований по истории российского масонства.

Судить о жизни Татьяны Алексеевны накануне и во время войны можно по словам И.Н. Угримовой о Михаиле Андреевиче: «*.../.* Он купил этот участок, сумму я не могу назвать, но порядочный участок, и единственное, что сделали, – это маленький такой навесик, сарайчик с навесом – все это М.А. сам мастерил: он стол сделал, потом скамейку; и если они, скажем, работали в саду, они все со страшным увлечением это делали, – родители Бакунины и Таня с М.А. Они посадили массу кустов: малину, смородину, крыжовник, там был огород, тоже клубника; они вскопали – М.А. сам это делал, потом осенью делал даже компот. И все со страшным рвением и удовольствием приходили туда, как только было свободное время, возились с тем, что там росло, а если шел дождь, то все садились под этот навесик и пережидали дождь. И потом там, я помню очень хорошо, все пили чай под этим навесиком *.../.*»

Потом 39-й год, там началась уже война, но сначала она шла все-таки не так близко; потом к весне сорокового года немцы прошли Бельгию и стали уже идти на Париж, во Францию. И вот тогда-то мы в этот дом в Шабри въехали сами с Горбовыми, с Кривошеинными, с детьми и с Вяземской; и тогда вот к нам бежали вся-

кие люди, которым нужно было покинуть Париж, и в том числе, приехали тоже и Алексей Ильич, и Эмилия Николаевна, и Таня, и М.А. Но они, Бакунины, как только стало возможным, т.е. как только немцы заняли Шабри, довольно быстро, не сразу, но все-таки вернулись. А Михаил Андреевич с Таней тоже поехали к себе на квартиру, и буквально через день Таня мне сказала: две ночи они провели у друзей в Париже, потому что вернувшись к себе в квартиру они обнаружили, что она запечатана; она была опечатана немцами, и потом им консержка или друзья сказали, что немцы сделали форменный налет на их квартиру; увели всю великолепную библиотеку М.А. /.../ и вплоть до мебели они выхватили /.../. Вернулись опять в Шабри, прожили в нашем большом и страшно набитом людьми доме сколько-то времени, и потом они решили остаться там, потому что куда им было вернуться? Там были немцы, оккупированный Париж, и они нашли себе, сняли там маленький домик и поселились; там М.А. очень много работал; единственное у него там было – это мне Таня уже потом рассказывала, – свободное, когда он, страстный рыболов, ходил на рыбалку /.../. И так они жили до 42-го года, а в 42-м году, в конце ноября, М.А. скончался. И тогда Таня, – между двумя зонами контакта не было, конечно, – переехала к своим родителям в багажнике какого-то француза, который имел право пересекать эту грань оккупированной и неоккупированной зоны; у него был пропуск, потому что /.../ ну, по роду его работы. /.../ И тогда Таня поступила уже на работу – она сначала преподавала /.../. А потом /.../ я уже не помню когда, в каком году, Таня пошла работать в Парижскую Национальную библиотеку, в русский отдел /.../. Там она проработала несколько лет и взяла себе ссуду в банке, /.../ для квартиры или для дома. /.../ она построила себе на этом участке, который приобрел М.А., домик: там две комнаты в

этом домике, телефон, ванная, отопление – вообще все удобства /.../ большая очень кухня. Когда я к ней приезжаю, мы всегда там с ней обедаем, пьем кофе /.../. У нее есть квартира в Париже, однокомнатная, и она теперь часть недели живет там /.../». Чаще всего Татьяна Алексеевна предпочитала жить в своем домике, а квартиру одалживала друзьям или иностранным исследователям, чтобы облегчить им пребывание в Париже.

Много лет спустя Татьяна Алексеевна вернулась к своей старой масонской теме. Это была библиография русского масонства, вышедшая в 1967 г. с предисловием Р. Порталы. В нем подчеркивалось, что «заканчивая библиографию, посвященную русскому масонству, уже давно начатую, а до нее лишь намеченную, г-жа Татьяна Бакунина оказывает значительную услугу историческому делу /cause/». В своем вступлении, представив вкратце историю русского масонства, Татьяна Алексеевна с присущей ей скромностью отмечала, что библиография была начата Бурышкиным. Но самая тяжелая часть работы была выполнена Татьяной Алексеевной с той дотошностью, которая отличает и другие ее публикации о русской эмиграции.

Татьяна Алексеевна представила труд П. Бурышкина как первый опыт библиографии по русскому масонству, даже не упомянув собственную библиографию, помещенную в ее словаре. Не будучи профессиональным библиографом, П. Бурышкин хотел составить общую библиографию, а поэтому перелистал всю доступную ему в Париже литературу, касающуюся масонства, включая библиографические справочники. Он хотел учесть публикации не только о самом масонстве и по отдельным масонам, но и той эпохе, к которой они принадлежали. С точки зрения Татьяны Алексеевны, главная его заслуга заключалась в том,

что он том за томом просмотрел главные исторические журналы XIX и начала XX в.

П. Бурыйшкін скончался в 1955 г., тогда, когда первый этап работы, просмотр источников – был завершен. Со своей стороны Татьяне Алексеевне пришлось все проверять и исправлять, она определила четкие хронологические рамки указателя и сочла возможным ограничиться XVIII–XIX вв. Все, что не касалось в прямом смысле истории масонства, как и сочинения общего и историко-литературного характера, генеалогические издания и антимасонские брошюры, как не представляющие большого интереса для исследователей, было устранено Татьяной Алексеевной. Она также дополнила указатель и довела включенные в него публикации до 1955 г. Следует также отметить некоторые редакционные особенности этой библиографии. Каждая книга, каждая статья были указаны под определенным номером. За номером в международной транслитерации следуют фамилия и инициалы автора. Если автор отсутствует, дается первое слово названия. Затем следуют библиографическое описание на русском языке, по новой орфографии: автор, название (курсивом), место издания, год, формат, количество страниц, затем в скобках перевод на французский язык (курсивом), и в некоторых случаях (мелким шрифтом) аннотация по-французски. В конечном итоге получилось 1030 аннотированных единиц.

Последнее слово Татьяны Алексеевны по этому поводу связано с появлением двух книг Нины Берберовой «Курсив мой» и «Люди и ложи. Русские масоны XX века». Ей Татьяна Алексеевна дала отповедь в статье «Как это было». Помню, как с возмущением она мне рассказывала, что, прочитав кое-что из ее воспоминаний, Марк Слоним говорил, что опубликовать их немислимо из-за количества исправлений, которые было бы необходимо внести. Недаром Татьяна Алексеевна отметила, что решила, на уточнения «не ради полемики, а с единственной це-

лью установить правду»... Берберова воспользовалась «тем, что никого из свидетелей больше не осталось. Если сейчас не ответить, за ней будет последнее слово».

В данном случае ответ Татьяны Алексеевны ценен так же, как пример критики. Вместе с тем он позволяет полнее представить ее вклад в историю русского масонства. Сказав свое слово о книге «Курсив мой», Татьяна Алексеевна писала: «Еще хуже обстоит дело с книгой “Люди и ложи. Русские масоны XX века”, требующей хорошей исторической подготовки. Она составлена из отдельных кусков различных исторических документов, разработка которых в рамках этой сложной темы Н. Берберовой явно не по плечу; она только испортила их. Главной ее целью было привести в книге наибольшее число имен, и это было сделано без всякого разбора и проверки. Она не захотела – или не смогла – определить для себя различие, которое существовало в России начала XX в., между масонством регулярным, связанным с Великим Востоком Франции, и масонством карбонарского типа, которое образовалось явочным порядком в последние годы перед Революцией 1917 года. /.../

Автора книги все это не интересовало: лишь было только ввести в нее как можно больше непроверенных сведений. /.../

Различные течения, существовавшие в то время в Парижских ложах, представлены совершенно превратно; при инсталляции ложи Северная Звезда названы лица, которые никак не могли при этом присутствовать; употребительный масонский словарь не точен: “досточтимый” это председатель ложи, избранный на срок, а не масон третьей степени, и место работы ложи обычно помечалось как “на Востоке” такого-то города, а не на восток от города. Список неточностей можно продолжать очень долго.

Самое неприятное в этой книге, совершенно недопустимый тон по отношению к Е.Д. Кусковой, без учета того, что Кускова была одной из замечательных

женщин конца XIX и начала XX в. Она всю жизнь занималась помощью другим. В Москве ею была создана Лига спасения детей, во время последней войны громадная часть американской помощи шла для распределения ее руками. Это недоброжелательство к Е.Д. Кусковой, возможно, объясняется тем, что она не захотела принять у себя в Женеве автора книги. После войны это было вполне законно.

Остается сказать несколько слов о ссылках на использованные источники. О них можно судить лишь по условным сокращениям. Все источники поставлены в один ряд, и ссылки на архив Гувера идут параллельно со ссылкой на личные встречи. Вряд ли это правильно.

Список членов масонских лож, который приводится в книге, не поддается изучению. В него входят предполагаемые члены, кандидаты и вообще все лица так или иначе причастные к общественному движению в России в последние годы перед Революцией.

Библиография, напротив, составлена очень основательно [...]. При более подробном разборе приведенных названий, возможно, окажутся и такие, которые можно было и отбросить.

Вывод ясен; эта книга не может служить надежным источником при изучении поставленного вопроса.

Это же касается и книги «Курсив мой», вызвавшей не только возмущение Татьяны Алексеевны. Учитывая вклад Татьяны Алексеевны, посвятившей всю вторую половину своей жизни изучению русской эмиграции, особого внимания заслуживают ее заключительные слова по поводу той, которую некоторые начали называть «Берберихой»: «Ставка на победителя [...] не удалась. После окончания войны Н. Берберова оказалась в очень тяжелом положении. Старые друзья и знакомые отказывались поддерживать с ней отношения. Нужно было уезжать из Франции.

Она и уехала, правда, не сразу (задерживали некоторые личные обстоятельства). В Соединенных Штатах тоже не все ее хорошо приняли, но страна большая, не пострадавшая от войны, в ней все было легче. И не было больших административных трудностей, как во Франции, для получения постоянной работы в университете или в библиотеке.

С переездом в новую страну произошло изменение в поведении Н. Берберовой. Если раньше она только нападала и обвиняла, теперь она должна была еще и защищаться. И вот она постепенно превращается в великого судию всех и вся и пишет автобиографию. Остановившись на разборе этой первой ее книги «Курсив мой» – нет оснований. Р. Гуль в своей рецензии достаточно подробно ее разбирает и указывает на основной ее недостаток: на полное отсутствие правдивости и точности. А это ведь главное достоинство мемуаров. К этому нужно прибавить голословные обвинения, очень неприятные характеристики людей».

Татьяна Алексеевна очень редко высказывалась письменно так резко. Ей был свойственен спокойный научный язык. Но характер ее был горячий, она не могла терпеть любую фальшь и в данном случае клеймила с возмущением всякое отклонение от правды. К концу своей жизни она испытала большую радость, познакомившись с молодым исследователем русского масонства А.И. Серковым, который в своей работе как бы подвел итоги ее научного наследия в этой области.

Из всего сказанного ярко вырисовывается светлый образ Татьяны Алексеевны Бакуниной-Осоргиной, верной наследницы горячих деятелей и мыслителей русской дворянской интеллигенции. Простая и ласковая в обращении, она отличалась аристократизмом и строгостью к себе. Проявляя доброту и юмор, соединяя невероятные трудоспособность и жертвенность она всегда была готова помочь дру-

гим. Будучи последней представительницей своего поколения, воспитавшейся в Московском университете, заслуженным историком и библиографом, свидетельницей тяжелого пути русской эмиграции, ее борений и надежд, до последней минуты

заботливой и самоотверженной попечительницей Тургеневской библиотеки, скромной помощницей Института Славяноведения в Париже, она высоко подняла стяг идеалов русского прошлого и русской науки за рубежом.



*В.Г. Шаронова*

### ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ

В конце XIX в. число русских, проживающих в Китае, было незначительно. В основном они жили в Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Шанхае и в Синьцзяне.

Многие из них приехали в Китай по делам службы и жили здесь не один десяток лет, занимали солидное положение в обществе, прекрасно знали китайский язык и другие иностранные языки, имели высокий статус. Они чувствовали себя спокойно и уверенно, так как их путь и здешнее жительство были избраны ими не случайно, а намеренно. Их дети учились в престижных иностранных заведениях, а супруги активно вели благотворительную работу.

Менее обеспеченные граждане переселялись в эти края добровольно, в поисках лучшей доли, открывали свое дело или работали на железной дороге и в строительстве. И все они, и те и другие, знали, что в любой момент могут вернуться к себе домой в Россию.

Позже их отнесут к первой волне русской эмиграции в Китае, тем ее представителям, которые оказались за пределами Родины по долгу службы.

По всему Китаю были открыты дипломатические представительства для оказания всяческой поддержки русским людям, представления интересов России, сбора сведений о Китае и его политике. Здесь же находились российские почтовые конторы, банки, торговые палаты и т.д.

По Союзному договору с Китаем 1896 г., правительство России получило возможность построить КВЖД, а также арендовало порты Люйшунькоу (Порт-Артур) и Далянь (Дальний). После чего на китайский Северо-Восток были направлены многочисленные отряды путейцев для освоения территории под строительство дороги и заселения полосы отчуждения.

*ШАРОНОВА  
Виктория  
Геннадьевна,  
кандидат  
исторических  
наук,  
старший  
научный  
сотрудник  
Центра  
комплексных  
исследований  
российской  
эмиграции  
ИНИОН РАН*

В начале XX в. активно начинает развиваться русское торговое пароходство. Русские купцы на судах знаменитого владивостокского судовладельца М. Шевелева ввозили в Россию различные сорта чая и шелк. Обратно везли лес, кожу, пеньку.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. в китайских городах появилось много русских военных, которые следили за ремонтом разбитых судов, или находились на излечении в здешних госпиталях, а также коммерсанты, занимавшиеся снабжением русской армии. Часть из них позже осталась в Китае, найдя себе работу по душе.

Основанный в 1898 г. Харбин, ставший своеобразной культурной столицей русской эмиграции в Китае, в то время называли «дальневосточным Парижем». Его возводили по проекту, присланному из Санкт-Петербурга, поэтому многие дома напоминали знакомые питерские улицы. Старожилы рассказывали, что лес для строительства церквей привозили из России.

К 1917 г. в Харбине проживало 100 тысяч русских. Этот город сплотил русские семьи не на один десяток лет. Своей патриархальностью и бытом Харбин соответствовал провинциальному русскому городу. Помимо многочисленных построек, принадлежавших КВЖД, здесь возводились фабрики и заводы, гражданские и правительственные здания, гимназии и школы. Росло число банков, крупнейшим из которых был Русско-Китайский, позднее ставший Русско-Азиатским банком<sup>1</sup>. Переселенцы занимались и предпринимательской деятельностью, которая распространялась на горное дело, на транспорт и лесное дело. Открывались магазины, рестораны, кинотеатры, городские сады. Издавались газеты, журналы, художественная и научная литература.

В разговорной речи современных харбинцев до сих пор можно услышать русские слова «мама», «папа», «хлеб», «ведро», а любимым развлечением детей является лапта. И сегодня в Харбине

можно купить копченую колбасу, изготовленную на местной фабрике по русским рецептам, сигареты фабрики «Лопато», а знаменитые магазины под вывеской «И.Я. Чурин» – «Цюлинь» – и сейчас являются крупнейшей универсальной торговой сетью в Северо-Восточном Китае. Многие поклонники харбинского пива не догадываются о том, что янтарный напиток получил путевку в жизнь на пивном заводе купца Хренникова, построенном еще в царские годы.

Вторым по популярности расселения русских людей был Шанхай. Город-порт, где были улицы с английскими и французскими названиями, где повсюду можно было услышать разноязычную речь, город, получивший название – «желтый Вавилон». Русские жители, предпочитали селиться в районе Международного селтльмента и припортового района Хонкью.

Началом всех начал было, безусловно, Российское Императорское консульство. Оно было открыто в 1896 г. Дмитриевским П.А., хотя до этого имело нештатных сотрудников. До того как на средства казны было построено собственное здание, русское консульство арендовало служебные помещения то на Нанкин роад, то на Бабблинг велл роад. 1 января 1917 г. было тожественно освящено собственное здание, располагавшееся на Вампу роад. Кроме Российского на этой улочке находились консульства многих стран: Японии, Германии, Греции, Америки.

Как видно из представленных сведений, одни и те же лица в колонии представляли интересы России в различных организациях. В 1919 г. численность русских жителей в Шанхае составляла около 1600 человек.

Спокойствие и размеренный образ жизни русской колонии были нарушены Октябрьской революцией в России. На светских раутах, в различных кружках и обществах обсуждался вопрос последствий драматических событий в России, зачитывались последние новости, звучали надежды на скорое прекращение страш-

ной трагедии. Все ждали побед Белой армии и скорого избавления от власти большевиков. Но вместо этого на китайский Северо-Восток, а затем на Северный и Южный Китай обрушились первые волны беженцев.

Как отмечает в своей книге академик Е.И. Пивовар: «Практически ни у кого не вызывала и не вызывает сомнений правомерность применения определения “беженцы” к тем массам людей, которые хлынули через границы России в 1917 – начале 1920-х годов, спасаясь от физического уничтожения, голода, лишений, тюремного заключения. В то же время для основной массы российских беженцев была абсолютно неприемлемой установившаяся на родине политическая система, что превращало их в эмигрантов в общепринятом политизированном смысле этого слова. После декрета РСФСР 1921 г. о лишении их гражданства, подтвержденного и дополненного в 1924 г., дверь в Россию для них была захлопнута и изнутри»<sup>2</sup>.

По своему составу русская эмиграция в Китае отличалась тем, что в ее среде были, в основном, представители среднего класса и военные. Не было представителей царского дома Романовых, хотя несколько титулованных представителей аристократии и оказались в «азиатском» изгнании.

Харбин стал прибежищем для сотен обездоленных русских людей. Многие переходили границу тайно, ночью, заплатив последние деньги китайцам-проводникам. Среди них были разбитые и уничтоженные морально остатки колчаковской армии, и жители приграничных городов, напуганные новыми лозунгами и рассказами о «всеобщем добре и пролетарском счастье»; это были и интеллигенция, и юные кадеты, и женщины, и дети всех тех, кто был не согласен с новыми идеалами советской России.

Газеты писали: «...состав русской колонии изменился в Харбине ныне до неу-

знаваемости. Вместо богатого железнодорожника, ныне наполовину вытесненного туземцами, вместо целого корпуса хорошо оплачиваемой пограничной стражи, вместо множества русских колониальных чиновников с завидными окладами казенного содержания, и, наконец, вместо огромных кадров тыловых “прожигателей жизни” военного времени, преобладающим типом “покупателя” стал полуголодный “беженец”, питающийся чуть ли не собственными внутренностями»<sup>3</sup>.

Часть беженцев добиралась до заветной страны морским путем из Владивостока, а затем Кореи. Спасением для них стала знаменитая флотилия адмирала Старка. Плыли не в каютах первого класса, а, порой, в трюмах и на палубах, и никто не думал о комфорте и уюте. После тяжелого расставания с родными берегами каждый думал только об одном: что же дальше? На борту кораблей были тысячи пассажиров из России. Среди них были и офицеры, и юные кадеты, казаки и гражданские лица.

Пути проникновения русской эмиграции в Китай были разными, но суть их встречи с новой страной был одна – их тут никто не ждал.

Шанхай встретил беженцев также не приветливо. Русская колония старожилов из состоятельных семей была недовольна появлением нескольких тысяч ободраных нищих беженцев. Несмотря на протесты со стороны представителей Международного Сеттльмента, адмиралу Старку, благодаря ходатайству генерального консула Российской империи Виктора Федоровича Гроссе, удалось высадить на берег значительную часть беженцев. Это были, в основном, кадеты, остатки «белой» армии и гражданское население. Остальные оставались на кораблях, нередко погибая от голода и болезней, так как городские власти запретили полуголодным и измученным людям сходить на берег. Такое положение сохранялось два года. Только в

1924 г., когда войска Чан Кай-ши подошли к Шанхаю, китайские власти вспомнили о тысячах доблестных русских солдат, казаков и моряков, томящихся на кораблях.

Те же, кому посчастливилось сойти на берег, очередной раз осознали весь ужас своего положения. Положение русских эмигрантов было крайне тяжелым. Во-первых, они не могли конкурировать с китайцами в области физического труда, так как китайский труженик работал подчас за плоску риса и пару медяков. Во-вторых, многие не знали английского языка. И здесь на помощь пришли свои, те, кто первоначально отворачивался от нищих и оборванных людей, считая, что они позорят имя России и нации.

Русское благотворительное общество, возглавляемое бывшим генеральным консулом в Шанхае В.Ф. Гроссе, работало на износ. Благодаря его заботам, многие беженцы находили себе работу. Было роздано около 20 000 обедов. Новые шанхайцы не опускали руки, с усердием изучая иностранные языки и берясь за любой труд. Русские офицеры и русская интеллигенция работали за гроши на выгрузке пароходов, служили сторожами, телохранителями. К примеру, князь Ухтомский стоял швейцаром во Французском клубе. Знаменитый историк Шанхая, дипломат Г. Сюнненберг писал: «Как ни тяжело было русским в Шанхае в эти годы, но все же духом они не пали и своего честного имени и имени России не посрамили»<sup>4</sup>.

Серьезные трудности с размещением на новом месте испытывали кадеты. Живейшее участие в устройстве кадетского корпуса приняло бывшее Русское консульство и Дамский благотворительный комитет. Спустя некоторое время, кадетов разместили на Джессфилд роад, а затем на Французской концессии в особняке на Авеню Жоффри. Кроме учебных классов там были устроены приходская церковь и столярные мастерские. Начались регулярные занятия и были произведены два выпуска в 1923 и 1924 гг.

**220**

В сентябре 1923 г. Шанхай вновь был потрясен, увидев стоящими на рейде в порту тронутые бурями пятнами ржавчины корабли под трехцветными русскими флагами. Это была эскадра генерала Ф.Л. Глебова, состоявшая из нескольких кораблей с амурскими и уссурийскими казаками на борту. В русскую колонию должны были влиться новые потоки беженцев.

В это же время в Харбине тоже произошли неприятные для русской колонии события. В 1924 г. было подписано соглашение о передаче управления КВЖД в руки администрации из представителей Китая и СССР. Одним из условий сохранения рабочего места являлось принятие китайского или советского гражданства, в результате чего многие русские служащие КВЖД остались без работы. Последствия не заставили себя ждать: потерявшие работу харбинцы в поисках лучшей доли устремились в Шанхай. По сведениям местной русской прессы количество прибывших составило примерно две тысячи человек.

«За последние полгода-год положение русских стало крепнуть. Надо отдать должное русским в плане инициативы и предприимчивости и указать на особую приспособляемость. Все это говорит об улучшении положения эмигрантов в Шанхае. Особенно это подмечается в Харбине в центре беженского распределения. Там чувствуется давление большевиков на экономическую жизнь, и масса людей остается за бортом по причине новых договорных условий на дороге. Все оставшиеся не у дел ищут выхода и выход один: — на Шанхай...», — сообщали на своих страницах шанхайские передовицы<sup>5</sup>.

В 1925 г. в Шанхае китайские коммунисты устроили всеобщую забастовку. Город замер. Все иностранные предприятия, включая электростанцию были парализованы. Во время забастовки иностранцы обратились к В.Ф. Гроссе за помощью, и его Комитет сразу же направил на предприятия сотни русских, нуж-

давших в работе. Главным результатом забастовки для русских было то, что они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. С тех пор их стали принимать на работу на различные ответственные должности и посты, и не только в Шанхае.

В одной из своих речей Архиепископ Пекинский Иннокентий сказал: «Русские работают в качестве советников при китайском правительстве. Русские работают в качестве помощников при военных и гражданских китайских администраторах. Русские профессора работают в китайских университетах, специальных школах. Наши инженеры трудятся на многих китайских фабриках и заводах и занимают там ответственные посты, имеется несколько русских военных отрядов. Все мы должны принять самое широкое участие в устройении Китая и работать не за страх, а за совесть»<sup>6</sup>.

Оставшиеся наедине со своими бедами русские люди стали осваивать новые профессии. Учиться новым ремеслам, торговому делу, не теряя время на чужбине в стонах и тоске по Родине, а постараться извлечь пользу из постигнутого их несчастья призывали харбинские газеты: «Разлука лишила нас привычной обстановки, милой и дорогой, слов нет! — но разве от этого погибла русская история?.. Любовь к Родине не только дает нечто, но также и обязывает нас ко многому... На родину мы должны явиться не с “хищными ртами на голодную кутью”, а “добытчиками”, — как называет наш народ людей, вносящих нечто в бюджет семьи и дающих другим возможность заработка... Лишь очень немногим посчастливится вернуться на родину с какими-нибудь денежными сбережениями, но зато почти каждый из нас мог бы оказаться полезным с приобретенным на чужбине опытом, знаниями, знакомствами»<sup>7</sup>. Таков русский человек, негибаемый под бременем своих бед, нищеты, болезни и несчастий, он всегда

продолжает думать о своей Родине и о той пользе, которую может ей принести.

Равнодушных к судьбам тысяч обездоленных русских людей не было ни в самом Китае, ни за его пределами. При Лиге Наций был создан Комитет по делам русских беженцев, возглавляемый г-ном Кено. Вопрос о шанхайских русских беженцах неоднократно поднимался на его заседаниях. Одним из предлагаемых способов решения проблемы был переезд русских беженцев в Аргентину<sup>8</sup>.

Иностранная колония Шанхая активно обсуждала эти предложения в местной печати, попутно предлагая разнообразные средства помощи. Например, «Норд Чайна Дейли Ньюс» писала в 1927 г., что «вероятно сам Шанхай мог бы дать что-нибудь в будущий эмигрантский фонд Лиги Наций для того, чтобы снабдить необходимыми средствами русских беженцев на начало нормальной жизни в новой стране». Попутно газета задавала вопрос о судьбе денежных сумм, полученных от происходившей ежегодно на Французской концессии лотереи в пользу беженцев. Статья заканчивалась горячим призывом помочь Лиге Наций в осуществлении ее плана и дать возможность людям «из шторма войны и большевизма» стать снова на ноги, «на путь самопомощи и самоуважения»<sup>9</sup>.

Иностранный Шанхай щедро и широко откликался на русскую нужду. Проводились различные благотворительные балы, оказывалась необходимая медицинская помощь, устраивались бесплатные обеды для неимущих граждан. Особую заботу у всех вызывали дети. И здесь на помощь так же приходили иностранные образовательные учреждения. Во Французском муниципальном коллеже многие русские дети учились или бесплатно, или имели значительные скидки на плату. Наряду с существующей школьной программой, в коллеже были предметы, которые преподавались на русском языке.

Русские дети получали награды за хорошие отметки наряду с французскими учениками.

Постепенно жизнь русских эмигрантов в Шанхае входила в нормальное русло. Не случайно центральная улица Французской концессии – Авеню Жоффр, имела второе название Невский проспект: «Русский Шанхай растет и ширится. Возьмите авеню Жоффр. Совсем типичная русская провинциальная улица. Не успеет отстроиться дом, как его занимают, то жилыми помещениями, то магазином. Аптеки и кондитерские – русские. Открылся первый на концессии магазин готового платья – тоже русский. О дамских салонах мы уж и не говорим. Эта область труда заполнена только русскими. Многие из владельцев фирм уже не зависят от местного рынка, они уже сами связались с Европой, ездят туда за покупками или выписывают свои товары непосредственно с фабрик или больших контор.

В энергии и умении работать, что наблюдается здесь как-то особенно у русских предпринимателей, им никто не откажет. Сами иностранцы, следящие за развитием в Шанхае торговых предприятий, созданных русскими в большинстве из ничего – подчеркивают наше умение торговать, нашу приспособляемость к новому, доселе незнакомому рынку, нашу любовь к делу.

Русские сделали в Шанхае большие торговые успехи и продолжают идти дальше по пути завоевания рынка. Магазины все открываются и открываются и в процентном отношении неуспевающих в торговле и сходящих со сцены очень мало. Это показывает живучесть русской торговли. Вместе с этим можно сказать и то, что русские мелкие промышленники могли бы достичь еще больших результатов, если бы помимо личной самостоятельности у нас была развита общественность общественной. Под последней мы понимаем здоровые начинания в области проведения в жизнь тех необходимых яче-

ек, которые могли бы дать ход нашей молодой торговле и поддержать ее.

Мы все еще как будто считаем себя в Шанхае временными гостями. Но Шанхай для нас та точка опоры, с которой пока никуда не сдвинешься. События в советской России нарастают, но это еще далеко до того момента, когда можно будет думать о возвращении домой. Всякие опытные передвижения дальше, будь то Канада или Париж все это хуже в большинстве, чем здесь в Китае. Так как живется в Китае нигде нашим эмигрантам не живется. При таких обстоятельствах было бы хорошо если русские коммерсанты и промышленники и ремесленники объединились в организацию чисто экономического характера и создали бы прочную базу для расширения своих дел. Сплоченности у нас нет как и ранее не было. Нужны люди энергичные с общественной жилкой, которые могли бы подвинуть все наболевшие вопросы и дать им оформление. Но активности инициаторов тоже не видно или еще вопросы не наболели и надо ждать более благоприятного времени. Михаил Струйский<sup>10</sup>.

В печати тех лет часто можно встретить статьи, в которых авторы старались поддержать моральный дух русских людей, рассказать о достижениях собратьев в различных городах Китая, объединить и создать ощущение сплоченности и общности русских беженцев: «Русские, занесенные в Китай тайфуном гражданской войны, придя босыми и голыми, усталыми и бесправными, не только сумели обрести средства к существованию, но и обратили на себя должное внимание, как элемент к созидательной и творческой работе. Русские заняли ответственные должности в китайских и иностранных предприятиях, стали советниками китайцев, развернули торговлю. При наличии средств они стали проявлять себя в местной промышленности. Например, в Тяньцзиньне целая огромная и прибыльная отрасль вывоза, пушное дело, находятся в руках русских. И это делалось безо всякой защиты извне, без

опеки со стороны государства, без материальной и даже нравственной поддержки. Явившись нежеланными, часто нежеланными гостями, насильно, русские поставили, однако, себя на одну ногу с теми, кто работает в Китае под охраной дипломатического представительства и за заслгоном особых прав и исключительных привилегий»<sup>11</sup>. Так писали газеты в конце двадцатых годов. Но впереди русских людей ждали новые испытания.

В 1929 г. на КВЖД произошел советско-китайский конфликт, в результате чего между СССР и Китаем были разорваны дипломатические отношения. Это послужило очередным толчком для многих русских жителей Маньчжурии сорваться с насиженных мест. Однако Харбин по-прежнему оставался главным русским городом в Китае. Жизнь в городе продолжалась, несмотря на все перипетии судьбы. Открывались новые магазины на Пристанях, работали кинотеатры, устраивались спектакли в Желсобе. Зимой катались на коньках, летом купались и катались на лодках по Сунгари. Особой популярностью пользовался Яхт-клуб. Работали многочисленные библиотеки, книжные магазины. В Харбине собирались на сезоны лучшие труппы как драматические, так и оперетта и балет. Репертуар местной оперы был насыщенным, сюда в 1930-е годы приезжали на гастроли Ф.И. Шаляпин и С.Я. Лемешев. В 1934 г. Олег Лундстрем основал свой джаз-оркестр.

Здесь насчитывались десятки школ, училищ, гимназий и институтов. Преподавателями были профессора и педагоги из лучших вузов царской России. Выпускники знаменитого Политехнического института до сих пор встречаются и издают журнал «Политехник».

Представители искусства и литературы создавали свои объединения и общества. Наиболее известными были «Молодая Чураевка» и «Лотос». По их примеру подобные организации создаются в Шанхае:

«Понедельник» и Литературно-Артистическое Общество и многие другие.

Приток русских беженцев с территории СССР не прекращался. С середины двадцатых годов русская эмиграция стала прирастать за счет новых поселений вблизи границы. Из забайкальских степей бежали целыми семьями казаки. Много среди них было и молокан и староверов, а также просто верующих людей, страдающих за свою веру на Родине. Иногда снимались с насиженных мест всей станией. Занимались они молочным скотоводством, земледелием, активно взаимодействовали с местным китайским населением. Известный шанхайский журналист Л.В. Арнольд писал об этом: «...Русские наделены даром особенно близкого подхода к китайцам, способностью понять и жить с китайцами в тесном искреннем содружестве. Наша задача – задача мирного сожительства. Созданные в вихре революции русские поселения в Китае не должны умереть»<sup>12</sup>. До сих пор в этих местах можно встретить потомков старинных забайкальских семей, все они, как правило, православные.

В Синьцзяне русские поселенцы работали в пищевом производстве, строили дамбы и дороги, оказывали местному населению квалифицированную медицинскую помощь, открывали школы. Китайское население перенимало опыт в сельском хозяйстве, осваивая его новые виды. Много русских людей работало в качестве военных советников и телохранителей. Это было вызвано тем, что большая часть эмиграции состояла из офицеров и солдат. Русские состояли на военной службе у различных китайских милитаристов, развернувших в двадцатые годы борьбу за власть. Кроме этого, они служили в военных и полицейских подразделениях, охранявших покой мирных граждан Тяньцзиня и Шанхая.

Постепенно к середине 1930-х годов Шанхай становится центром эмигрантско-

го поселения, численный состав которого насчитывал уже более десятка тысяч человек. К этому периоду относится один из наиболее ярких периодов жизни русских людей в городе на реке Хуанпу (Вампу). Открывались театры, приезжали на гастроли известные артисты, девушки из местной колонии становились «Мисс Шанхая». Русские заняли свое прочное место среди иностранцев и пользовались заслуженным авторитетом.

Большее место в жизни колонии занимал вопрос воспитания подрастающего поколения. Вопросы сохранения русского языка и русской культуры активно обсуждались в русском обществе. Автор статьи «Берегите русскую молодежь» писал: «К стыду нашему и позору, в Шанхае немало русских семей, где родной наш чудесный и замечательный русский язык, перед изобразительными богатствами которого преклоняются иностранцы, совершенно изгнан из повседневного употребления. С детства ребенок болтает на любом языке, кроме родного русского... Русской эмиграции, конечно, не по пути с такими родителями. Русская эмиграция должна как бесценную сокровищницу, как святой амулет хранить богатства родного языка на чужой стороне. Это наше единственное неотъемлемое достояние. Язык сберегается от порчи и забвения в родной литературе, которую преподают в школе и поэтому русские школы в изгнании должны быть дороги нам как храмы. Мы же едва помним, что в Шанхае у русской колонии имеются здесь две средних школы, буквально брошенные нами на произвол судьбы. Внимание к ним, забота об их процветании, посильная от каждого помощь сохраняет для будущей России не один десяток полезных граждан, которые вместе с заграничным опытом привезут на родину знание родного языка, русской истории и русской литературы»<sup>13</sup>.

Среди русских учебных заведений следует отметить Коммерческое училище русского православного братства, Женскую гимназию при Лиге русских жен-

щин, католический колледж св. Михаила. Многие учебные заведения существовали только благодаря пожертвованиям. Например, из отчетов Женской гимназии Лиги русских женщин, руководимой супругой одного из лидеров эмиграции, С. Дитерихс, мы узнаем, что от платы освобождались бедные дети, число которых составляло 25%. Одной из своих задач педагогический коллектив считал воспитание интеллигентно мыслящих людей и истинных патриотов своей родины. Эмигранты стремились дать образование всем детям, которые были оторваны от своей исторической Родины и знали о ней только по рассказам взрослых. Для детей устраивались всевозможные утренники, детские спектакли, концерты, конкурсы на лучший маскарадный костюм. В Шанхае действовало два скаутских отрядов, которые воспитывали у детей не только боевой физический дух, но и прививали им чувство патриотизма и любви к Родине.

Под патронажем церкви находились детские приюты Ольгинский и Тихона Задонского, которые содержались на пожертвования. Вот как описывается один из праздников в приюте Тихона Задонского: «На площадке приюта все готово для встречи дорогих гостей. Перед входом в сад красуется надпись “Добро пожаловать!” Перед началом спектакля на площадке царит большое оживление – дети помогают благодетелям установить “Бочку счастья” с призами и подарками, а также поставить на свои места мороженое и прохладительные напитки. Сама площадка декорирована разноцветными флажками. На зеленом фоне красуются киоски, изображающие “Русский терем”, “Малороссийскую хату с огородом” и “Избушку на курьих ножках”»<sup>14</sup>.

Религиозное воспитание имело большое значение в развитии подрастающего поколения. Духовные лидеры эмиграции архиепископ Нестор Камчатский и епископ Иоанн Шанхайский уделяли серьезное внимание этому вопросу. Религия это то, что поддерживало людей в те далекие



годы. Разлученные со своей Родиной люди искали утешение в молитве, тщательно соблюдали все церковные правила и приучали к ним с раннего детства детей. Принятая православием взаимная поддержка помогала в горе и бедах.

Русских храмов на территории современного Китая осталось немного. Основная их часть украшает городской ландшафт Харбина. Трудна и тяжела судьба русских храмов, как и людей их построивших. И нигде больше, ни в одной стране мира не было такого количества православных соборов, как в Китае. К 1949 г. в Китае было построено 106 православных церквей. На сегодняшний день их осталось не более 10.

Жемчужиной русского православия в Китае была открытая в Пекине в первой четверти XVIII в. Российская духовная миссия. В стенах ее шла не только духовная жизнь. Издавна несла она в себе функции учебного заведения для студентов, посвятивших себя синологии. На территории миссии находились чудесные храмы, в которых несколько веков шли православные службы.

1917 год не только коренным образом изменил статус и задачи Миссии, но и поставил ее на край банкротства в связи с прекращением финансирования из России. Для того, чтобы жить и выполнять свои миссионерские функции, а также сохранять веками заложенные православные традиции, духовенству пришлось плотно заняться мирскими заботами. Для получения средств, приходилось продавать имущество, заниматься издательской деятельностью, сдавать дома в аренду, содержать молочную ферму. Проводились многочисленные благотворительные акции. Миссия была духовным убежищем не только для русских людей, большое число православных китайцев ходили сюда молиться. Жили здесь и семьи беженцев, как попавшие в Китай с волной эмиграции, так и бывшие дипломаты и видные

деятели, служившие царской России. Миссия всеми путями пыталась облегчить участь эмигрантов. Сюда же из Харбина переехал глава русского эмигрантского движения в Китае Д.Л. Хорват, здесь он нашел и свой последний приют. Здесь же были захоронены гробы с алапаевскими мучениками. Закрытие миссии произошло в 1954 г., на ее месте сейчас находится посольство Российской Федерации.

Харбин как центр русского проживания славился своими православными храмами. Но только четыре из двадцати шести православных церквей сохранились доныне: Софийский собор, названный музеем русской эмиграции, Алексеевский храм, превращенный в католический приход, Покровский храм, в котором только по праздникам проводится чтение православных молитв на китайском языке, а также плохо сохранившаяся Успенская церковь на Новом кладбище, где теперь находится Городской парк культуры и отдыха. Есть еще маленькая Казанская церковь, которая чудом устояла вдали от массового разрушения, так как она находится на станции Ханьдаохэцзы в 250 км от Харбина. Прихожанами храмов, расположенных в полосе отчуждения КВЖД, были служащие железной дороги и их семьи.

Большую роль в жизни русской молодежи играл в те годы Христианский Союз молодых людей (ХСМЛ) – межконфессиональная организация с центром в США (другое название – YMCA), которая опекала русских беженцев. Словно предвидели тогда христианские миссионеры, что растят будущее поколение для своих стран, что придет время, когда эти дети русской эмиграции отправятся строить свою новую жизнь в чужие края, все дальше и дальше от границ России. Чтобы помочь молодым изгнанникам выжить на чужбине, при отделениях ХСМЛ создавались практические школы, вечерние курсы английского языка, машинописи, шо-

феров-механиков. Были открыты детский сад, колледж и Северо-Маньчжурский политехнический институт им. св. Владимира.

Православная церковь отнеслась к такой помощи своих зарубежных коллег с недоверием и прохладцей. Дать достойное воспитание и образование, не потерять родные корни русской культуры – задача Русской православной церкви. В 1938 г. грандиозно отпраздновали 950 лет крещения Руси. «Большое значение для патриотического воспитания русских эмигрантов имело изучение дальневосточной истории, например, празднование 200-летия со дня основания г. Петропавловска-Камчатского. В своем архипастырском послании по поводу праздничных торжеств Владыка Нестор писал: "...Мы, русские люди, будем верить, что возродится Русская Земля и Русская Церковь, и, очищенное в тяжком испытании и могучем горниле, утвердится Христово Православие по всей Русской Земле и до края Камчатской Земли..."»<sup>15</sup>. Особой радостью для обездоленных эмигрантов были православные праздники, которые широко и с размахом отмечались: Рождество, Крещение, Пасха, Радоница, Троица, Покров Пресвятой Богородицы.

В Шанхай православие пришло в начале XX в. В 1905 г. здесь была построена первая церковь – Богоявленская, погибшая в результате обстрела во время китайско-японского конфликта в 1931 г. Кроме храма на церковном участке был возведен четырехэтажный каменный дом, ставший общежитием для всех нуждающихся. В двадцатые годы именно это здание стало домом для многих беженцев, прибывших из Владивостока. «Этот храм сделался единственным духовным прибежищем эмиграции в первые моменты ее появления здесь. Растерянные и морально подавленные люди являлись в Шанхай совершенно неприспособленными к борьбе за свое существование, и только церковь, где можно было поведать свою печаль Богу, была единственным утешением», –

226

писала газета «Слово» в статье, посвященной 25-летию храма, и далее автор продолжал: «Даже в изгнании, даже в своих несчастьях, не перестают себя чувствовать эмигранты детьми могучей Православной культуры, детьми Великой Российской державы»<sup>16</sup>.

В тридцатых годах прошлого века, когда русские беженцы стали полноправными жителями Шанхая и окрепло их материальное положение, а также в связи с постоянным численным пополнением, встал вопрос о строительстве еще двух храмов. Ранее прихожане пользовались Домовыми храмами и Воскресенским храмом, расположенным в одном из гражданских зданий на Бродвее, в месте, где селились русские, когда еще работало Императорское консульство, находившееся рядом. Теперь же центром сосредоточения русских стала Французская концессия и именно здесь были построены Свято-Николаевский храм и кафедральный Богородицкий Собор.

На территории Китая было около 20 русских кладбищ, во многих городах установлены часовни и памятники в честь погибших русских воинов и моряков. Русские относились к могилам близких с большим вниманием, не пропускали родительские субботы, устраивали военные почести в годовщину великих сражений. Они берегли все, что связывало их с прошлым, с Родиной. И вера помогала им в тяжелые минуты одиночества. А приближались тяжелые годы испытаний, ведь не только изгнание, не только нищета, неизвестность приносили страдание.

Китай жил, постоянно раздираемый войнами и сражениями за власть. В двадцатые годы шла активная борьба между коммунистами и сторонниками Гоминьдана, а потом пришла война и оккупация Японией.

Осенью 1931 г. началось вторжение японских войск в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Китайские войска терпели поражения и, убедившись в своей безнаказанности, японцы решили закре-

пить свои позиции путем агрессии в Шанхае. Все началось с банальной драки у ворот китайской фабрики в Чапее, одном из районов Шанхая. В январский день 1932 г. японцы подожгли фабрику, убили нескольких китайцев и потребовали от мэра Большого Шанхая официальных извинений. Мэр, пытаясь избежать вооруженного конфликта, решил удовлетворить все требования японцев. Несмотря на это, через две недели в Шанхай были вызваны два японских крейсера с морской пехотой и 16 истребителей. Японские войска начали бомбардировку Чапая, где проживало исключительно гражданское население. В этом же районе находился Северный вокзал. Китайское правительство обратилось в Лигу наций. Англичане направили в Шанхай два своих крейсера и предложили проект создания «генеральной зоны» вокруг Международного Сеттльмента.

В это время в самом Шанхае жители объединились для обороны города. Именно этот тяжелый момент продемонстрировал всему миру, как перед лицом опасности люди разных национальностей могут выступить вместе для защиты Шанхая. В знаменитом альбоме В.Д. Жиганова «Русские в Шанхае» этой теме уделен целый раздел. Мы видим на фотографиях стоящих вместе у броневикулов русских и французских «чинов» Шанхайского Волонтерского корпуса, как они строят проволочные заграждения. Рядом с ними сражались итальянские и английские моряки, американские пулеметчики, китайские солдаты. Было создано народное ополчение, развернуты мобильные госпитали. Люди всех национальностей эвакуировались одновременно в одних и тех же машинах. О подвигах, совершенных в этих боях русскими офицерами и солдатами, часто писалось на страницах газет. Два месяца длилась эта борьба, два месяца бушевали пожары, которые никто не тушил. А где-то рядом, всего в паре километров от боев, город жил своей

обычной жизнью. Правда, в душах многих людей опять поселился страх. «Разрывы снарядов, бомб, взрывы фортов и пороховых складов – все это создавало впечатление кромешного ада... Население Шанхая готово было встретить опасность в любую минуту»<sup>17</sup>, – писал В.Д. Жиганов. Военные действия были прекращены только в начале марта. В результате часть северо-восточной территории Шанхая отошла под контроль японских властей.

Успехи японцев по захвату Маньчжурии были очевидны. Стараясь придать этому захвату видимость законности, японские оккупанты провозгласили «независимость» Маньчжурии от Китая. Харбин стал столицей марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японская оккупация полностью изменила жизнь «маленькой России» в Китае. Новой администрацией было взято на учет все русское мужское население. В 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Отделения БРЭМа возникали по всей ветке КВЖД. Часть русских эмигрантов видела в японцах надежную силу для нападения на СССР и полностью им доверяла. Были созданы жандармские отряды, готовились разведчики под видом местного населения. Япония лишь использовала отзвуки национальной трагедии 1917 г. для своих интересов, поскольку тоже планировала захват советских территорий расположенных вдоль границы с Манчжурией.

23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение о продаже Советским правительством властям марионеточного государства Маньчжоу-Го за 140 млн иен КВЖД<sup>18</sup>, что дало толчок великому харбинскому исходу. Часть эмигрантов, имевших советские паспорта, уезжали в СССР, многие отправлялись в Австралию, Корею, Японию, но большая часть оставалась в Китае, переезжая в другие города. Многие устремились в Шанхай, кото-

рый давал больше возможностей для трудоустройства и проживания.

Русская колония Шанхая стремительно пополнялась новыми членами. По сравнению с патриархальным Харбином международный Шанхай казался городом страны чудес, где при желании можно было достичь солидного положения и получить хорошее образование. Для трудоустройства необходимо было владеть английским языком, поскольку в русских предприятиях было мало новых рабочих мест. О жизни русских колонистов в городах Китая узнавали из газет, и уже потом, прочитав все, от корки до корки, принимали решения и рассуждали всей семьей «что делать дальше?», «куда ехать?» и «где же конец этим бесконечным странствиям и разлукам?».

Все новости, происходящие в мире, но особенно в СССР, узнавали из газет и журналов. Пресса играла важную роль, соединяла через скупые строки газетных полос тысячи людей со своей далекой, но по-прежнему любимой страной. Наиболее популярными в те годы были эмигрантские газеты «Шанхайская заря» и «Слово». Что касается литературно-художественной периодики, то ее было очень много: еженедельники «Рубеж», где печатались произведения литераторов русского зарубежья, «Прожектор», журнал «Современная женщина» и т.д. Огромное количество литературы выпускалось для детей: журналы «Ласточка», «Друг гимназиста», «Первые шаги». Церковь также издавала духовную литературу: журналы «Хлеб небесный», «Китайский благовестник», «Светоч» Владимир-Богородицкого монастыря и многие другие.

Кроме периодики выпускалось множество произведений художественной литературы. Издавали произведения классиков, зарубежных авторов и современных эмигрантских писателей. Благодаря этим книгам мы сегодня имеем возможность назвать имена писателей и поэтов, произведения которых и сейчас с удовольствием читают современные читатели: П. Се-

верный, А. Несмелов, В. Слободчиков, Л. Гроссе, Л. Андерсен и др. Обложки книг оформлялись лучшими художниками тех лет, о которых мы, увы, знаем так мало: М. Кичигин, А. Ярон, Я. Лихонос.

Эмиграция высоко чтит великих русских поэтов и писателей. Так в Шанхае к 100-летию со дня гибели поэта на средства эмиграции был воздвигнут памятник А.С. Пушкину. Русским детям читали русские сказки, но дети постепенно начинали делиться на белых и красных (советских).

В эти годы при Генеральном консульстве СССР в Шанхае был создан Советский клуб, в котором демонстрировались советские фильмы, устраивались различные творческие вечера. Советский клуб объединял тех, кто хотел получить советское гражданство. В 1938 г. эта часть эмигрантов организовала «Союз возвращения на родину». В это время русская колония постепенно делится на два лагеря: просоветский и прозападный. В городе работали советские учреждения: были открыты советская школа, отделение народного Банка, различные Торговые представительства, отделение ТАСС. Колония советских граждан занимала свое место в иностранном Шанхае.

А мир стремительно приближался к новой войне. В 1937 г. началась новая война между Японией и Китаем, которая продлилась 8 лет. В Харбине русские люди исчезали прямо с улиц. Одних молодых людей определяли в японский разведотряд «Асано», а на других испытывали новейшее биологическое оружие. После таких медицинских экспериментов многие умирали спустя неделю. По воспоминаниям ныне живущих «харбинцев» жизнь русского населения превратилась в каторгу.

В 1937 г. Шанхай также был оккупирован японцами. В городе было создано марионеточное правительство Ван Цзин-вэя, а в 1938 г. при японском генеральном консульстве был создан Отдел по делам русских, а позже Управление по делам

русских эмигрантов. Советское генеральное консульство было закрыто.

В 1941 г. вся русская эмиграция содрогнулась, узнав о начале Великой Отечественной войны. В Шанхае можно было купить газеты на русском языке, которые печатали Германия и СССР. По-русски вещали и две радиостанции, предлагавшие разные трактовки событий.

Несмотря на опасность быть арестованными, русские жители внимательно следили за ходом войны и переживали, когда немцы подошли к Москве. Как правило, радиопередатчики прятали в надежном месте и новости слушали по ночам. Потом была знаменитая Сталинградская битва. Когда Красная Армия одержала победу, в кинотеатре при Советском клубе крутили новости с театра военных действий. Фильм о Сталинграде показывали раз пятнадцать, а люди все приходили — не только русские, но и иностранцы.

В Шанхае русская эмиграция была по своему духу очень неоднородна. С началом Второй мировой войны русское общество в Шанхае окончательно раскололось. Одни были за СССР, безоговорочно верили во все советское и хотели быстрее вернуться на Родину. Другие, кто не хотел уезжать, а предпочитал ждать, но верил в победу русского оружия в этой войне. Были и те, кто открыто сотрудничал с немцами и японцами.

Во время войны многие русские эмигранты, искренне сопереживая своей Родине, решили вернуться в СССР, и с открытием Генерального консульства в декабре 1945 г. стали обращаться с просьбой о предоставлении гражданства. При советском консульстве был открыт Клуб друзей СССР, в котором сотрудники вели большую пропагандистскую работу, обещая полную амнистию всем желающим уехать на Родину.

В Харбине ситуация развивалась более трагично. В 1945 г. под Харбином СМЕРШ ежедневно производил массовые расстре-

лы. В ноябре советские войска покинули город, где за время их пребывания больше половины русского населения сократилось. Однако об этом мы узнали только много лет спустя. А тогда все собирающиеся в СССР харбинцы верили, что пришло долгожданное освобождение, что Родине нужны рабочие руки, что в России они будут счастливы. В Харбине активно работало советское консульство, многие получали советские паспорта и уезжали на родину, куда ежедневно шли поезда.

Многие эмигранты думали, что после войны в СССР произойдут грандиозные перемены и тоталитарный режим должен смягчиться. Именно эта коллективная вера толкала людей на отъезд.

В 1946 г. вышел Указ Верховного Совета о том, что русские, живущие за границей, могут получить советское гражданство. В Шанхае неожиданно прошел слух, что сейчас в СССР пускают, а скоро пускать не будут. Всего в Советский Союз в те годы отправилось около 6 тыс. шанхайцев. Правительство СССР даже взяло на себя расходы по отправке домой бывших эмигрантов. Уезжавшие были преисполнены патриотизма и веры в светлое будущее.

Из Шанхая в Находку «возвращенцев» везли на трофейном теплоходе «Ильич», а в Находке шанхайцам предлагали выбрать место жительства и пересаживали на теплушки, везли как скот. Размещали в колхозах и совхозах Сибири и Казахстана. Редко кому удавалось попасть поближе к столице.

В 1947 г. в Китае шла очередная гражданская война. Оставшиеся эмигранты не знали, что их ждет впереди. Но люди понимали, что оставаться нельзя, надо уезжать. Так начался конец русского Китая, продлившийся несколько лет. Перед тем как Шанхай был занят коммунистическими войсками, часть эмиграции, которая не хотела возвращаться в СССР, уехала на Филиппины, на остров Тубабао. На ост-

рове людей поселили в джунглях во временные матерчатые палатки, никаких средств для нормального проживания у них не было. Судьба опять проверяла русский народ на прочность и стойкость. Всего на Тубабао отправилось свыше 5 тысяч человек, а оттуда в течение двух лет их уже развозили кого куда. Многих русских скитальцев сразу же забраковали по состоянию здоровья и отправили на принудительное лечение от туберкулеза. Эта болезнь по-прежнему оставалась бичом для русских беженцев. Но и на новом месте их ждали недоверие, трудности, голод и нищета. А тоска по Родине становилась все больнее и сильнее.

В 1949 г. после победы Национально-освободительной армии Китая политическая власть в стране коренным образом изменилась. Китай стал социалистической страной. К концу 1949 г., например, в Шанхае русских осталось около 2 тыс. человек.

В 1950-е годы в Китай приезжали многочисленные советские специалисты. Они помогали строить различные объекты, преподавали в университетах, обучали китайских военных.

В 1954 г. из Харбина русская колония активно разъезжалась по всему миру, но большая часть направлялась в СССР. Как и прежде «переселенцам из Китая» не разрешалось никуда ехать, кроме целинных земель Казахстана. Из письма харбинки Нади Павловой, уехавшей в СССР в 1931 г., ее сестра, оставшаяся в Шанхае, узнала, что в далеком казахском ауле она встретила своих бывших соседей по Пекарной улице, которые приехали туда из Харбина в 1955 г. Надя оказалась на целине после 10 лет лагерей, потеряв мужа, который был расстрелян в 1937 г., и сына Игорька, воспитывавшегося в детдоме в Уфе, которого она так и не нашла после войны. Но тогда, в счастливые послевоенные годы, когда бывшие харбинцы и шан-

хайцы встречали друг друга на родной земле, сколько же было радости и слез! И опять они были вместе, опять начинали с нуля<sup>19</sup>.

В 1962 г. в связи с нарастающими трениями в отношениях между КНР и СССР некоторые дипломатические представительства в Китае были закрыты. Судьба русских, оставшихся жить в Китае, была чрезвычайно тяжелой. В Харбине в годы «культурной революции» проживало около 500 человек, в Шанхае – не больше 10. Многие из них подверглись пыткам и сидели в тюрьмах. В это время уничтожались русские книги, архивы, не пощадили даже памятник А.С. Пушкину в Шанхае. Разрушались церкви, громились кладбища, словно обезумевшие от ненависти люди стирали след русских с китайской земли, оставленный ими за многие годы созидательной работы.

В 1980-е годы дипломатические отношения между КНР и СССР были восстановлены и ряд генеральных консульств были открыты. Вновь зазвучала на китайских улицах русская речь, появились вывески на русском языке, открылись кафедры изучения русского языка в университетах. Сейчас Китай является нашим стратегическим партнером во многих областях деятельности.

Стали возвращаться сюда и бывшие эмигранты. Они приезжают в города своей юности и молодости, с трепетом и слезами на глазах отыскивают среди современных стеклянных громадин родные улочки, подолгу, сняв шапки и шепча молитвы, стоят перед закрытыми дверями соборов. Те, кто приехать не может, жадно ловят рассказы «счастливчиков» о том, что видели, что изменилось, смотрят фотографии и фильмы.

Русская эмиграция в Китае... Символ великого мужества, сплоченности и любви к своей родине.

### Примечания

- <sup>1</sup> Мясников В.С. Русско-китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Мясников В.С. Квадратура китайского круга. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 456–82.
- <sup>2</sup> Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М.: РГГУ, 2008. – С. 85.
- <sup>3</sup> Шанхайская заря. – Шанхай, 1927. – 19 окт.
- <sup>4</sup> Жиганов В.Д. Русские в Шанхае // Слово. – Шанхай, 1936. – С. 10.
- <sup>5</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – нояб.
- <sup>6</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 18 сент.
- <sup>7</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 28 сент.
- <sup>8</sup> В Северной и Южной Америке представители русской диаспоры называли себя «колони-сты». См.: Пивовар Е.И. – Указ. соч. – С.86.
- <sup>9</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 23 сент.
- <sup>10</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 30 нояб.
- <sup>11</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 20 сент.
- <sup>12</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 20 сент.
- <sup>13</sup> Шанхайская Заря. – Шанхай, 1927. – 21 окт.
- <sup>14</sup> Слово. – Шанхай, 1938. – 6 сент.
- <sup>15</sup> Прозорова Г.В. Русская православная церковь и Христианский Союз Молодых Людей в Харбине // Китайский благовестник. – М., 2000. – № 2. – С. 1.
- <sup>16</sup> Слово. – Шанхай, 1930. – 16 февр.
- <sup>17</sup> Жиганов В.Д. Русские в Шанхае // Слово. – Шанхай, 1936. – С. 332.
- <sup>18</sup> Обусловленная сумма была намного ниже стоимости КВЖД.
- <sup>19</sup> Архив семьи Павловых находится у автора.

М.К. Меняйленко

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР

Тема помощи со стороны «старых» русских эмигрантов лицам, оказавшимся за пределами СССР по окончании Второй мировой войны, не разработана в силу отсутствия достаточного количества источников. Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско хранит редкую коллекцию всевозможных свидетельств того времени. На основе этой коллекции и многочисленных интервью удалось восстановить картину деятельности «старых» эмигрантов по спасению их соотечественников, оказавшихся, по выражению бывшего узника Соловецкого лагеря Б. Ширяева<sup>1</sup>, между «Сциллой и Харибдой» исторического процесса.

Итак, весной 1945 г. в оккупационных зонах союзников по антигитлеровской коалиции – на территории Германии, Австрии и Италии – скопилось по разным источникам от двенадцати<sup>2</sup> до двадцати<sup>3</sup> млн людей разных национальностей – передислоцированных военных и беженцев. Последних, с легкой руки американцев, стали именовать перемещенными лицами (displaced persons или DP). Термин ДиПи прижился и в русской эмигрантской печати.

Предвидя необходимость расселения людей в послевоенной Европе, представители 44 государств подписали 9 ноября 1943 г. в США в Белом доме соглашение о создании «Администрации объединенных наций для помощи и восстановления» (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, сокращенно UNRRA)<sup>4</sup>. Страны-участники согласились пожертвовать 1% национального дохода для этой цели. Американское правительство обеспечило финансовую поддержку UNRRA почти наполовину.

МЕНЯЙЛЕНКО  
Маргарита  
Кветославовна,  
кандидат  
исторических  
наук



## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР

Сотрудники UNRRA разместили ДиПи в лагерях – как правило, в бараках или бывших немецких казармах, обеспечили пайком и приступили к организации их возвращения в страны проживания. С мая по сентябрь 1945 г. в свои страны были возвращены, по разным источникам, от 6 до 7 млн человек. Неожиданностью для сотрудников UNRRA стало нежелание миллионов *советских* граждан возвращаться в СССР. Среди них:

- гражданские лица, насильно выведенные нацистами на работы в Германию (так называемые «остовцы»);

- те, кто добровольно пожелал уйти вместе с немцами на запад (невозвращенцы);

- бывшие советские военнопленные, в том числе организованные в Русскую освободительную армию.

В соответствии с соглашением, принятым союзными державами на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 г., граждане, проживавшие в СССР на 1 сентября 1939 г., должны были быть переданы советским властям *независимо от их желания*. По требованию советской делегации насильственной репатриации подлежали также лица, вне зависимости от места проживания на 1 сентября 1939 г., «которые сотрудничали с неприятелем».

Делегация, представлявшая Югославию, поддержала представителей СССР и также потребовала от союзников способствовать насильственной репатриации своих граждан.

В американской, английской и французской оккупационных зонах появились советские комиссии «За возвращение на родину». Нахождение в советской зоне приводило однозначно к отправке в СССР. Те, кто не желал возвращаться в СССР, стремились избежать советской оккупационной зоны. Поэтому советские комиссии устраивали регулярные облавы в оккупационных зонах союзников.

Не подлежали насильственной репатриации лица, получившие советское подданство *после* 1 сентября 1939 г. в результате расширения границ СССР: поляки, латыши, литовцы, эстонцы, галичане (Западная Украина) и жители Западной Белоруссии.

В английской, французской и американской зонах появились лагеря, объединившие людей по языковому признаку – польские, латышские, литовские, эстонские, западно-украинские и западно-белорусские<sup>5</sup>. Из-за угрозы насильственной репатриации русские лагеря практически отсутствовали – известен лишь лагерь «Колорадо», объединивший «старых» русских эмигрантов. Поляки, латыши, литовцы, эстонцы, белорусы помогли многим русским избежать репатриации, «спрятав» их в своих лагерях. Многие русские эмигранты благодарны польским ксендзам, которые выписывали им фиктивные свидетельства о крещении.

Не пожелавшие регистрироваться в лагерях жили на частных квартирах, либо в разрушенных домах. Устраиваясь на временные работы, они сами обеспечивали себе пропитание, не получая паяк от UNRRA.

К этой категории относились, прежде всего, бывшие советские военнопленные, которых выискивало Главное управление контрразведки СССР – СМЕРШ (Смерть шпионам), созданное 19 апреля 1943 г.

Вне лагерей жили также довоенные русские эмигранты и русские «неэмигранты» – те, кто после распада Российской империи оказался за пределами СССР. Хотя по Ялтинскому соглашению они не подлежали насильственной репатриации, однако после советских зачисток 1939 г., когда в Польше, Белоруссии, Западной Украине один за другим исчезали проживавшие там русские, они предпочитали избегать встреч с представителями СССР<sup>6</sup>.

Сотрудники Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации граждан выскивали своих жертв, используя любые средства. Известно о существовании инструкции советских властей главам коммунистических ячеек в Западной Европе о принятии мер для водворения беженцев назад в СССР<sup>7</sup>.

Английские, французские и американские оккупационные власти в течение двух лет содействовали советским властям. По сведениям Н.Д. Толстого «в 1944–1947 гг. западные союзники выдали Сталину более 2 миллионов русских, большинство из которых постигла ужасная участь»<sup>8</sup>.

Из 8,7 млн советских людей, оказавшихся в оккупационных зонах, в СССР вернулось 6 млн. Такова оценка российского исследователя П. Поляна<sup>9</sup>. Исходя из этого можно предположить, что на отъезд в другие страны претендовали 2 млн бывших советских, не считая эмигрантов первой волны.

Довоенные эмигранты, используя свои паспорта, знание языков, западных нравов и имея связи с эмигрантами во многих странах, начали борьбу против участия союзников в насильственной репатриации в СССР.

Оказавшийся в американской зоне в лагере Менхегоф (Германия) К.В. Болдырев, сын расстрелянного в 1933 г. в СССР генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева – участника Русско-японской и Первой мировой войн, неустанно разъяснял представителям американского командования положение русских ДиПи и направил супруге бывшего президента США Элеоноре Рузвельт специальное обращение<sup>10</sup>.

Находившиеся в США русские эмигранты пытались оказать влияние на американские власти, которым принадлежала ключевая роль в деятельности UNRRA. Н.П. Рыбаков, полковник Генерального штаба царской армии, участник Первой мировой войны и Великого сибирского ледяного похода, являвшийся редактором

газеты «Россия», организовал в Нью-Йорке «Временный комитет» по оказанию помощи соотечественникам летом 1945 г. Вскоре комитет перерос в «Русско-американский союз защиты и помощи русским вне России» во главе с князем С.С. Белосельским-Белозерским.

На западе США, в Калифорнии, возникла организация с аналогичными задачами, которая 14 октября 1945 г. вошла в этот Союз в качестве Сан-Францисского отдела под председательством крупного общественного деятеля Н.В. Борзова<sup>11</sup>. «Помочь нашим страждущим братьям решительно некому, за исключением нас, таких же русских беженцев, по случайной случайности осевших в Америке и ставших гражданами США», – было отмечено в обращении Сан-Францисского отдела к русским благотворительным организациям в 1946 г.<sup>12</sup>

Члены «Русско-американского союза защиты и помощи русским вне России» и другие русские организации в США разъясняли американским должностным лицам положение русских людей, ставших жертвами социального эксперимента, направляли обращения в ООН, в Государственный департамент США, сенаторам и конгрессменам. Сан-Францисский отдел наладил контакт с четырьмя десятками влиятельных лиц Америки и ООН.

Законопроект о легализации положения беженцев во всех оккупированных зонах Европы был внесен сенатором А. Ванденбергом в Сенат США, а конгрессменом К.Б. Люсом – в Палату представителей 11 декабря 1945 г. Через несколько месяцев весной 1946 г. генерал Эйзенхауэр подписал указ, в соответствии с которым лица, не совершившие никакого преступления и не желающие возвращения на родину по политическим причинам, либо из опасения возможных репрессий, были легализованы под категорией «бесподанные» (stateless). В Уставе UNRRA категория «бесподанные» была закреплена 15 декабря 1946 г.

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР

Таким образом, более чем полуторагодовое нахождение под страхом насильственной репатриации окончилось, и встал вопрос о расселении. Тем не менее советские агенты продолжали заниматься поиском своих жертв.

В Риме для помощи русским беженцам, ожидавшим легализации, было создано общество «Русское собрание». Оно организовало кухню с дешевыми и бесплатными обедами на 200 человек<sup>13</sup>. По просьбе «Русского собрания» из США в Италию поступили денежные переводы, прибыл транспорт с одеждой.

Пока русские эмигранты не получили легальный статус, председатель Русского собрания князь С.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский не раз посещал в Риме Союзническую комиссию и доказывал, что насильственная выдача является нарушением прав человека<sup>14</sup>.

Секретарем Русского собрания стал выпускник факультета политических наук Римского университета Александр Николаевич Саков<sup>15</sup>. Его отец Николай Ставрович Саков, окончивший в 1911 г. во Франции летную школу А. Депердоссена, преподавал в Императорском Всероссийском аэроклубе в 1913–1914 гг., за заслуги в Первую мировую был награжден двумя Георгиевскими крестами, в Гражданскую войну сражался в авиационном отряде капитана Б.В. Сергиевского в армии генерала Юденича, а в начале 1920-х воевал в Греции с Турцией. Являясь членом Союза русских авиаторов во Франции, Н.С. Саков в конце 1920-х годов установил в Париже в кафедральном соборе Александра Невского икону – памятник Российскому воздушному флоту<sup>16</sup>.

Сын оказался достоин своего отца. В середине 1940-х годов при поддержке Н.Э. Вуича, выпускника 1916 г. Пажеского Его Императорского Величества корпуса<sup>17</sup>, и Б. Ширяева, участника Первой мировой войны, пережившего Соловецкий лагерь и две ссылки<sup>18</sup>, А.Н. Саков

основал для объединения соотечественников первый в Италии русский журнал «Русский клич».

В итальянском отделении ООН около двух лет работал Александр Николаевич Мясоедов – бывший представитель Российского Императорского дипломатического корпуса в Японии, Румынии, Германии, Швеции, Англии и Италии, один из основателей в эмиграции Российского монархического движения. А.Н. Мясоедов спас многих русских, доказывая, что они не «изменники родины», а «жертвы нацистов»<sup>19</sup>.

Для расселения бесподанных в июне 1947 г. при ООН была создана Международная беженская организация (International Refugee Organization, IRO)<sup>20</sup>. ДиПи вызывались на многочисленные отборочные комиссии (Screening) для получения направления на работу в страну нового проживания. В эти комиссии проникло немало агентов советских спецслужб, которые продолжали заниматься выявлением советских подданных. Для советских беженцев оставался один путь – предоставить фальшивые документы, подтверждающие проживание на 1 сентября 1939 г. вне СССР – в Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Западной Украине, Западной Белоруссии, и продемонстрировать знание соответствующего языка. Поиском официальных бланков и оформлением документов стали заниматься специальные группы, созданные довоенными эмигрантами, а также православные организации<sup>21</sup>.

Процесс расселения оказался сложным. Первым предложением IRO была работа на шахтах Бельгии, Франции и Эфиопии. Переселенческие маршруты IRO ориентировались, прежде всего, на сельскохозяйственные работы в Латинской Америке, Канаде и Австралии. Эти страны требовали в основном здоровых и необремененных семьями мужчин. Лиц старше 65 лет не принимала даже либе-

ральная Бельгия. Пожалуй, единственным исключением являлась Аргентина, которая не выставляла подобных ограничений для въезжающих ДиПи. Умственный труд IRO не предлагала.

Многодетные семьи, пожилые и инвалиды оказались перед трудным выбором. «Перемещённые лица», отказавшиеся от предложений IRO, должны были сами искать работу. В Германии могли остаться лишь довоенные эмигранты. В соответствии с планами IRO лагеря бесподанных должны были исчезнуть к началу 1950-х годов.

К.Н. Николаев, получивший юридическое образование в Киевском Императорском университете св. Владимира, известный борец с униатами за чистоту православия в Польше 1930-х годов, создал в американской зоне Общество русских зарубежных юристов. Первым результатом деятельности Общества стал перевод на русский язык устава IRO, опубликованного в декабре 1946 г. вместе с дополнительными материалами правового характера в сборнике «Что нас ждет?»<sup>22</sup>.

Неоценимой для 494 выживших участников<sup>23</sup> Первой русской национальной армии генерала Б.А. Хольмстона-Смысловского стала позиция княжества Лихтенштейн. Именно это государство, которое во время войны держало нейтралитет, было выбрано генералом Б.А. Хольмстоном-Смысловским в качестве спасительной территории. Отказ князя Лихтенштейнского Франца-Иосифа II и парламента уступить требованиям советской репатриационной комиссии был основан на том факте, что решения Ялтинской конференции распространялись только на страны-союзники. Твёрдая позиция княжества объяснялась в значительной степени пониманием истоков белого движения, обусловленным, в частности, давними дружескими отношениями княжеской династии с семьей директора Пажеского Его Императорского Величества корпуса генерала Н.А. Епанчина<sup>24</sup>.

236

Вышеупомянутый К.В. Болдырев, рискуя собственной жизнью, спас множество людей. Он создал фиктивную строительную фирму «Эрбауэр» около Вены, в которую включил группу казаков, двигавшихся на лошадях и повозках в Северную Италию. Это позволило им избежать насильственной выдачи казаков англичанами в г. Лиенце. В Тюрингии, которую американцы решили передать в советскую зону, он спас от выдачи около двух тысяч русских. Незиная на то, что иностранные рабочие не имели права покидать лагерь, К.В. Болдырев вывез их всех в Менхегоф. Около Касселя он спас около ста бойцов Русской освободительной армии, снабдив их гражданской одеждой. Он подготовил переезд более тысячи человек во Французское Марокко – страну, не участвовавшую в Ялтинском соглашении о насильственной репатриации. Неслучайно среди этой группы отъезжающих оказалось значительное число участников Русского освободительного движения.

А.Л. Толстая, младшая дочь русского писателя, еще в Первую мировую войну получила как сестра милосердия три Георгиевских медали за самоотверженность. Оказавшись в США, при поддержке Б.А. Бахметьева (Бахметева), С.В. Рахманинова, Б.В. Сергиевского и Т.А. Шауфуса она основала в 1939 г. Толстовский фонд помощи русским<sup>25</sup>. Для помощи в расселении русских ДиПи Фонд 22 сентября 1947 г. открыл в Мюнхене европейский отдел во главе с Т.А. Шауфусом<sup>26</sup>.

Многие хранят благодарную память о князе А.А. Ливене, образованном, порядочном и мужественном человеке. В 1948 г. А.А. Ливен представлял интересы русскоговорящих граждан в Организации помощи лицам со статусом ДиПи в Фельдкирхе на федеральных землях Форарльберг (Австрия). С 1949 по 1951 г. в Зальцбурге он являлся представителем Австрийского отдела Православного комитета Всемирной церковной службы помощи, созданной в 1946 г., а также представителем Экуменической комиссии по делам бе-

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР

женцев Отдела реконструкции и междоцерковной помощи Всемирного совета церквей, находившегося тогда в стадии создания.

Особая роль в спасении русских ДиПи принадлежит служителям православной церкви. Лишь один пример – архимандрит Нафанаил (Львов). Во время войны он являлся помощником настоятеля монастыря преподобного Иова Почаевского в Ладомировой (Словакия), а в 1945 г. был назначен в Берлин настоятелем Воскресенского собора. Архимандрит Нафанаил предотвратил репатриацию в СССР нескольких сотен человек из английской зоны в районе Гамбурга, подтвердив, что они – польские подданные. Значительную помощь ему оказал иеромонах Виталий (Устинов), будущий митрополит Русской православной церкви за рубежом. Воспитанный в офицерской семье, он в 1920 г. поступил в основанный генералом Врангелем в г. Феодосии Крымский кадетский корпус, но уже в ноябре был вынужден навсегда покинуть Россию в составе Крымской эскадры<sup>27</sup>.

Представители Русской православной церкви за рубежом обратились к правительствам заокеанских стран с ходатайством принять русских эмигрантов. Управляющий православными приходами в Аргентине о. Константин Изразцов, монархист, отличавшийся непримиримостью к большевикам, находился в дружеских отношениях с президентом Аргентины Х.Д. Пероном. Он неоднократно обращался к президенту с просьбой помочь соотечественникам в Европе.

Первыми в Аргентину прибыли около 300 человек, участников армии Б.А. Хольмстона-Смысловского. Они получили визы в сентябре 1947 г., причем транспортные расходы взяло на себя княжество Лихтенштейн<sup>28</sup>.

В 1948 г. Х.Д. Перон издал указ о приеме в страну десяти тысяч русских независимо от их возраста и семейного

положения. Аргентина стала первой страной, предоставившей визы для русских ДиПи безо всяких ограничений.

Священнику Константину Изразцову благодарны не только тысячи русских – на его надгробной плите сделана надпись: «Сия гробница была сделана по особому разрешению президента республики Аргентины генерала Хуана Доминго Перона»<sup>29</sup>.

Советские агенты в надежде на пополнение списка репатриантов в СССР ставили препятствия и при расселении. Так, при посадке на «Санта Круз» – первый транспорт из Италии в Аргентину – итальянская полиция на основании мирного договора СССР с Италией схватила несколько человек и заточила их на о. Липари.

Члены правления «Русского собрания» в Италии А.Н. Саков и С.Г. Романовский обратились в «Русско-американский союз защиты и помощи русским вне России» к князю С.С. Белосельскому-Белозерскому. Выдач удалось избежать благодаря помощи американского адвоката и полученным средствам. Тем не менее, некоторым узникам пришлось провести в итальянских тюрьмах около двух лет<sup>30</sup>.

Чтобы США приняло тысячи беззащитных людей, необходимо было убедить в необходимости этого шага американскую общественность и правительство. В 1947 г. сенатором Фергюсоном в Сенат, а конгрессменом Статоном в Палату представителей вносится законопроект о разрешении на въезд в США сверх иммиграционных квот 400 тысячам беженцев<sup>31</sup>. Акт о перемещенных лицах (Displaced Persons Act) был подписан президентом Трумэном 25 июня 1948 г. В соответствии с ним в США в течение двух лет было допущено 202 тыс. «перемещенных лиц» различных национальностей сверх ежегодной квоты, а также 3 тысячи сирот. Впоследствии срок был продлен до 31 декабря 1951 г., а количество виз увеличено. В 1953 г. в соответствии с Актом помощи

беженцам (Refugee Relief Act) в США смогли въехать сверх квоты еще 214 тыс. человек различных национальностей<sup>32</sup>.

Известность главы Толстовского фонда А.Л. Толстой среди законодателей и в правительственных кругах США позволили ей добиться отмены ограничения на въезд в США калмыков, относимых к выходцам из Азии<sup>33</sup>.

Для въезда в США кроме визы необходимо было иметь гарантийное письмо (affidavit) от граждан или организаций США о финансовом обеспечении и помощи с устройством на работу. Американско-русский союз помощи русским вне России, его отдел в Сан-Франциско, европейский отдел Толстовского фонда, десятки общественных и церковных объединений неустанно готовили гарантийные письма. Отдельные лица также могли присылать гарантийные письма беженцам, но не более 12-ти. Стала легендой история об американском гражданине русского происхождения из Сан-Франциско, который в общей сложности подготовил около 100 гарантийных писем.

В ожидании расселения, которое для некоторых затянулось до начала 1950-х годов, русские ДиПи держались достойно. Во временных лагерях они воссоздали привычную для них жизнь – построили церкви, школы, театры, занимались издательской деятельностью<sup>34</sup>.

ДиПи нуждались в финансовой помощи. Для их поддержки русскими организациями из Сан-Франциско было собрано на различных благотворительных мероприятиях и отправлено в 1947–1949 гг. в Европу 3417 посылок, а также переводов на 11 648 долларов<sup>35</sup>.

В то же время в Китае тысячи русских вынуждены были искать спасения от китайских коммунистов, которые к 1949 г. полностью захватили страну. Акт помощи беженцам в Европе не распространялся на русских беженцев из Китая. Сан-Францисский отдел помощи провел колоссальную работу среди десятков сенаторов и конгрессменов США о включении в спи-

сок беженцев также русских из Китая. Однако для проведения в Сенат и Палату представителей еще одного законопроекта о помощи беженцам требовалось время.

Сенатор от Калифорнии, представитель республиканской партии William F. Knowland предложил двухступенчатый план спасения русских беженцев из Китая с временным их размещением на одном из островов недавно освободившейся от колониальной зависимости республики Филиппины. Он даже посетил временное убежище русских – о. Тубабао, где встретился с последним председателем Российской эмигрантской ассоциации г. Шанхая Г.К. Бологовым.

Около двух лет провели русские эмигранты из Китая на филиппинском острове в ожидании помощи в переселении. Будущий архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский Иоанн (Шанхайский) лично ходатайствовал перед Конгрессом о русских на Филиппинах летом 1949 г. Известным общественным деятелям Сан-Франциско Н.В. Борзову и А.С. Лукашину, который еще до войны с 1921 по 1940 г. являлся сотрудником «Харбинского комитета помощи русским беженцам»<sup>36</sup>, не раз пришлось посетить Вашингтон. В начале 1950 г. законопроект о помощи русским в Китае был одобрен.

Спасение чинов Русского корпуса, ожидавших в течение пяти лет своей участи в английской зоне в лагере Келлерберг (Австрия), было осуществлено благодаря настойчивости основателя Корпуса, генерала царской армии М.Ф. Скородумова и организации «Humanity Calls», созданной в Лос-Анджелесе выходцем из Новочеркасска Л.Н. Кейем. Лишь после запроса сенатора от Калифорнии William F. Knowland председателю ИРО в Женеве генералу Wood о судьбе чинов Русского корпуса в Австрии корпусники получили статус ДиПи и разрешение на въезд в Америку.

Таким образом, развернувшаяся по всему миру деятельность «старых» эмигрантов помогла спасти сотни тысяч и даже миллионы жизней. Настоящая статья –

# ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ПО ЗАЩИТЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ В СССР

это своего рода дань благодарности русской эмиграции за бескорыстные, результативные и достойные восхищения труды

по оказанию помощи оказавшимся в беде соотечественникам.

## Примечания

- <sup>1</sup> Ширяев Б. ДиПи в Италии. – Буэнос-Айрес, 1952.
- <sup>2</sup> Архив University of Notre Dame (USA), PGEN 27/912 Title : Scholars in the D.P. Camps / by Edward Rooney, SJ 1947.
- <sup>3</sup> Human rights and refugees, internally displaced persons and migrant workers: Essays in memory of Joan Fitzpatrick and Arthur Helton / Ed. by A.F. Bayefsky. – Leiden, The Netherlands: Brill, 2006. – P. 11.
- <sup>4</sup> Создание UNRRA стало первым шагом для основания Организации Объединенных Наций (ООН), учрежденной на конференции, проходившей с 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско. 24 октября 1945 г. устав ООН был ратифицирован.
- <sup>5</sup> Пожалуй, единственный белорусский лагерь находился около Брауншвейга.
- <sup>6</sup> Мондич М. (псевд. Н. Синевирский). Смерш. Год в стане врага. – Грани, 1948.
- <sup>7</sup> Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. № 5929: Коллекция документов, рукописей, неперидических печатных изданий ДиПи (displaced persons – DP) в Европе.
- <sup>8</sup> Tolstoy Nikolai. Victims of Yalta. – London: Hodder & Stoughton, 1977; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты / Пер. с англ. Е.С. Гессен. – Париж: YMCA-Press, 1988.
- <sup>9</sup> Полян П. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – Москва, 1996; Демоскоп weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество» / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2001. – № 15–16. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/015/tema01.php>
- <sup>10</sup> Stanford University, Hoover Institution Archives. Collection name. Box 4: Boldyrev K.V.
- <sup>11</sup> Автономов Н.П. Обзор деятельности Сан-Францисского отдела Русско-Американского союза помощи русским вне России. – Сан-Франциско, [не ранее 1968].
- <sup>12</sup> Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция документов, рукописей, неперидических печатных изданий ДиПи (displaced persons – DP) в Европе. № 5929. Циркулярное письмо к русским благотворительным, общественным и церковным организациям. Сан-Франциско. 14 января 1946 года. МРК. Россыпь.
- <sup>13</sup> Талалай М. Борис Ширяев: еще один певец русского Рима // Toronto Slavic Quarterly. – Торонто, 2007. – Summer 2007, № 21.
- <sup>14</sup> Тестааччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. – СПб., 2000.
- <sup>15</sup> Николай Ставрович Саков р. 29 июль 1890 ум. 21 февраль 1930. – Режим доступа: <http://gu.govodiv.org/wk/Запись:827095> (Дата обращения 14 марта 2014).
- <sup>16</sup> Ковалев С. Первый тамбовский летчик // Мичуринская правда. – Мичуринск, 2012. – 25 февраля. – Режим доступа: <http://www.michpravda.ru/articles/pervyy-tambovskiy-lyotchik-6500> (Дата обращения 14 марта 2014).
- <sup>17</sup> Режим доступа: <http://regiment.ru/reg/VI/C/1/1-12.htm> (Дата обращения 14 марта 2014).
- <sup>18</sup> Талалай М. Борис Ширяев: еще один певец русского Рима // Toronto Slavic Quarterly. – Торонто, 2007. – Summer 2007, № 21.
- <sup>19</sup> Ширяев Б. ДиПи в Италии. – Буэнос-Айрес, 1952; Всероссийское генеалогическое древо. Режим доступа: <http://baza.vgdru.com/1/21751/> (Дата обращения 14 марта 2014); Интернет-сайт Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». – Режим доступа: <http://www.dommuzeum.ru/index.php?m=dist&pid=11415&PHPSESSID=da6e293f80df7744931d451004f6ae4b>

- <sup>20</sup> UNRRA была объединена с созданным в 1939 г. Межправительственным комитетом по вопросам эмиграции и переименована в Международную беженскую организацию (International Refugee Organization, IRO).
- <sup>21</sup> Нередко оказывали и немцы, и представители оккупационных властей.
- <sup>22</sup> Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Личный фонд К.Н. Николаева. № 132.
- <sup>23</sup> Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010.
- <sup>24</sup> Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Интервью с бароном Э.А. фон Фальц-Фейном в г. Вадуц (Лихтенштейн) в 2011 году.
- <sup>25</sup> Александров Е.А. Русские в Северной Америке. – Хэмдэн (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Российская Федерация), 2005.
- <sup>26</sup> Ульянкина Т.И. Роль Толстовского фонда (США) в спасении русских ученых-эмигрантов от репатриации в послевоенной Европе, (1944–1952 гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2002 г. – М.: Диполь-Т, 2002.
- <sup>27</sup> Иеродиакон Иона (Сигида). Верный свидетель Христов. Митрополит Виталий (Устинов). 23.09.2011. – Режим доступа: <http://www.eshatologia.org/518-mitropolit-vitaliy-ustinov.html>
- <sup>28</sup> Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. – М.: Вече, 2010.
- <sup>29</sup> Там же.
- <sup>30</sup> Там же.
- <sup>31</sup> Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Личный фонд Р. Полчанинов № 263; Р. Полчанинов От UNRRA до IRO // За свободную Россию. Сообщения местной организации НТС на востоке США. – Нью-Йорк, 2005. – № 29(58), февраль.
- <sup>32</sup> Там же.
- <sup>33</sup> Александров Е.А. Русские в Северной Америке. – Хэмдэн (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); СПб. (Российская Федерация), 2005.
- <sup>34</sup> Меняйленко М. Издательская деятельность «перемещённых лиц» в Германии и Австрии после окончания II Мировой войны в 1945–1953 гг. (из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско) // Зарубежная архивная россика: Материалы международной научно-практической конференции 16–17 ноября 2000 г., Москва. – М., 2001. – С. 114–122.
- <sup>35</sup> Автономов Н.П. Обзор деятельности Сан-Францисского отдела Русско-Американского союза помощи русским вне России. – Сан-Франциско [не ранее 1968].
- <sup>36</sup> Делианич А. Вышел в свет новый научный труд А.С. Лукашкина // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1965. – 5 марта.



### «СИЦИЛИЯ! – ДРУГОЙ НАМ НЕ НАЙТИ!»

РЕЦ. НА КНИГУ: РУССКАЯ СИЦИЛИЯ / Науч. ред. и сост. Талалай М.Г. – М.: Старая Басманная, 2013. – 388 с. – (Серия «Русская Италия» / «Italia dei Russi»).

Коллективная монография, возглавленная историком и литератором, представителем Института всеобщей истории Российской академии наук в Италии М.Г. Талалаем, впервые представляет максимально полную панораму присутствия на Сицилии русских путешественников, ученых, дипломатов, писателей, живописцев, оставивших на протяжении последних трех веков значительные литературно-художественные свидетельства.

Сборник родился благодаря идее Генерального консула Российской Федерации в Палермо В.Л. Короткова, предложившего перевести на русский язык публикацию А. Белломо и М. Нигро «По следам русских на Сицилии» (Палермо, 2012). Однако внимательное изучение этого интересного текста подчеркнуло необходимость представить русскому читателю более широкую ретроспективу, которую могли бы осуществить различные эксперты: искусствоведы, историки, филологи и др.

Таким образом, помимо исследования А. Белломо и М. Нигро в книгу вошли такие разноплановые материалы, как: «Первые русские путешественники на Сицилии: Борис Шереметев и Петр Толстой» А.А. Кара-Мурзы, «“Всё кругом цветет, светится, благоухает”»: Русская Таормина» Г.А. Баутдинова, «Античное наследие Сицилии глазами русских путешественников первой четверти XIX в.» М.Ф. Высокого, «“Не следует упускать такого богатства”»: Русские зоологи в Мессине» С.И. Фокина, «Землетрясение 1908 г. и помощь российских моряков» Т.А. Остаховой, «На Аллее Славы: Художник Билинский и Катания» Р. Клементи-Билинского и Н.В. Рыжак, «Балтийская жена сицилийского классика: Генеалогия и литература» М.Г. Талалай и др.

Во «Вступлении» к изданию М.Г. Талалай упоминает об одном приятном открытии, сделанном иностранными путешественниками по Апеннинам: «Италий – много... Между офранцузенным Туринном и мавританским Палермо лежит еще ряд своеобразных стран. Впрочем, Сицилия настолько своеобразна, что есть мнение – политически некорректное – что это и не Италия вовсе. В самом деле в титулах русских травелогов неоднократно попадается “Путешествия по *Италии и Сицилии*”. Каждая из Италий имеет свой код, образ, миф. Что касается русских, и не только их, Сицилия – это “самое солнечное место в Европе”» (с. 15).

Сицилийское солнце, целебное, жизнеутверждающее совершает чудеса: лечит царицу Александру Федоровну, супругу Николая I, впадшую в депрессию после смерти дочери (статья И.О. Пашинской «Царская семья в Палермо»); просветляет палитру русских художников (статья Л.А. Маркиной «“Мечта о солнце”: Сицилия глазами русских художников XVIII – первой половины XIX вв.»); вдохновляет лиру поэтов (статья Т.А. Быстровой «“Долго жила и навек люблю!”: Марина Цветаева и Сицилия», И.А. Ревякиной «В дни скорби мы были нежнее...»: Иван Бунин на Сицилии», К.Ю. Шиманской «“Стихийных сил не превозмочь”: Сицилийские мотивы у Александра Блока», публикации С. Гардзонио «“Сицилия! – Другой нам не найти!”: Стихи поэтов-эмигрантов» и Н.В. Котрелева «“Серебряный век” в Мессине. Заметки и дневники», куда включены «Дневник путешествия по Италии» Д. Ивановой, «Волшебная страна Italia» Вяч. Иванова, «На берегу Ионического моря» З. Гиппиус).

Первые контакты между Древней Русью и Сицилией, согласно Н.М. Карамзину и В.О. Ключевскому, проявились еще в 964 г., когда князь Святослав в соответствии с союзническими обязательствами направил свою дружину сражаться в составе византийской армии на Сицилию.

Спустя семь веков Петр I отправил в Италию своих первых дипломатических посланников – Б. Шереметьева и П. Толстого.

Знаковым событием прошлого явилось решение Екатерины II уделять должное внимание геополитической роли Сицилии в Средиземноморье.

Между Россией и Сицилией установились прочные связи: торговля, навигация, путешествия.

«Пик путешествий деятелей русской культуры по Италии пришелся на 1890–1910-е годы. Образ прекрасной южной страны, сокровищницы бесчисленных ценностей культуры и искусства, на фоне мрачной русской действительности оказался весьма притягателен для Серебряного века. Результатом путешествий писателей в Италию, как правило, являлось опубликование книги, суммирующей “итальянский опыт” ее автора. Это могло быть описание страны и своих впечатлений на основе дневниковых записей (Розанов, Белый, Волошин); анализ произведений искусства (Перцов, Муратов); стихотворный цикл (Брюсов, Блок, Гумилев); философские размышления (Розанов, Бердяев); или же художественное произведение (Мережковский)», – отмечает Т.А. Быстрова. Она обращается к любопытному факту. Восстановленные по документальным источникам даты пребывания Цветаевой в Италии – с первого по двадцать пятое (возможно, двадцать шестое) апреля 1912 г. Получается не более двадцати шести дней. Но фраза Цветаевой: «Только очень хочется в Сицилию. (Долго жила и навек люблю!)»<sup>1</sup>, – как будто бы отсылает к более продолжительному периоду. Почему же Цветаева написала, что «долго» жила в Сицилии, и в связи с чем «навек полюбила» этот остров?

Большинство русских приезжало в Италию, чтобы найти источник вдохновения в живописи Возрождения, увидеть собственными глазами те места, где жили и творили великие мастера. Одним из этапов подготовки к путешествию былошту-

дирование карт и изучение книг об этой стране, важнейшей из которых стало «Итальянское путешествие» Гёте (1817): «Нередко прочтение этой книги оказывалось для будущего “паломника искусства” толчком для путешествия в Италию» (с. 312). Так, например, это было для М. Волошина, А. Белого. Несмотря на то что Гёте всегда был культовой фигурой для М. Цветаевой и его фраза о том, что только побывав в Сицилии можно понять Италию, не могла пройти мимо ее внимания, цель ее путешествия носила сугубо частный характер. В свадебном путешествии Цветаевой, предпринятом в 1912 г., Италия «как “колыбель сокровищ цивилизации” и Сицилия как “остров Эмпедокла” ее совершенно не интересовали... а “мифологизация Сицилии” началась лишь двадцать лет спустя» (с. 315). В очерке «Пленный дух» Цветаева связывает свое путешествие с именем Аси Тургеневой: «Мое свадебное путешествие, год спустя [после поездки в Сицилию Тургеневой. – Т. Б.], было только хождение по ее – Аси, Кати, Психеи – следам»<sup>2</sup>. На Сицилии Цветаева и С. Эфрон посетили Палермо, Монреале, Катанию и Сиракузы. Однако за время свадебного путешествия Цветаева не написала ни одного стихотворения, все ее записи об Италии – воспоминания, нашедшие отражение в записных книжках, письмах и прозаических очерках. Ее обращение к сицилийским сюжетам связано с весьма конкретными событиями: «Записи 1914 г. относятся к периоду проживания в Феодосии, пейзажи которой напоминают о Сицилии; записи 1923 г. появляются после встречи с Андреем Белым в Берлине; очерк 1934 г. “Пленный дух”, где снова возникают образы Сицилии, написан после получения известия о смерти Андрея Белого. Другие упоминания Сицилии носят у Цветаевой единичный, отрывочный характер» (с. 319). Таким образом, Сицилия становится для нее мифом и переходит из разряда биографи-

ческих фактов в систему творческих образов, что подтверждает следующая запись: «Думаю, что из всего, что на свете видела и не видела, я больше всего люблю Сицилию потому, что воздух в ней – из сна. Странно: Сицилию я помню тускло-радужной... знаю (памятью), что в ней все криком кричит, вижу (когда захочу) бок скалы, ощеренный кактусами, беспощадное небо, того гиганта без имени под которым снималась: крайность природы, природу в непрерывном состоянии фабулы, сплошной исключительный случай, а скажут при мне Сицилия – душевное состояние, тусклота, чайный налет, сонный налет, сон. Запомнила, очевидно, ее случайный день и час, совпавший с моим вечным...»<sup>3</sup>. Сицилия Цветаевой – место «недолгого счастья, безоблачной молодости, и в то же время своеобразные врата в мир вечного и потустороннего» (с. 325).

В период между революциями 1905 и 1917 гг., большую популярность в России приобретают два противоположных философских течения: одно, рациональное, вдохновленное теорией эволюции и верой в прогресс, другое – иррациональное, стихийное и неподвластное разуму, которое живет в ожидании апокалипсиса: «Оба в равной степени повлияли на литературные процессы начала века» (с. 281). К.Ю. Шиманская в статье «“Стихийных сил не превозмочь”»: Сицилийские мотивы у Александра Блока» отмечает, что землетрясение, произошедшее в Калабрии и на западном побережье о. Сицилия 15(28) декабря 1908 г., отозвалось глубоким сочувствием в журналах и газетах всего мира, не оставило равнодушными русских поэтов и писателей: «Чувство обреченности, ожидание трагедии и предчувствие “конца времен” наполняли умы и сердца людей. Судьба города Мессина, разрушенного и погребенного под завалами, казалось, была предвестием приближающейся мировой катастрофы» (с. 281). Спустя два дня после начала землетрясения (30 де-

кабря 1908 г.) А. Блок произносит речь «Стихия и культура» в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. Поэт размышляет о грани, разделяющей народ и интеллигенцию, говорит о бренности старого мира и о предчувствии его грядущего провала, приходит к заключению, что неукротимая сила природы несет смерть цивилизации, считающей себя непобедимой: «Я думаю, что в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы»<sup>4</sup>.

Вместе с другими русскими поэтами и писателями Блок принял участие в создании благотворительного сборника «Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине»<sup>5</sup>, а в мае-июне 1909 г. отправился с женой Л.Д. Менделеевой в путешествие по Венеции, Флоренции, Равенне, Перудже и Сиене: «Вживаясь в свидетельства истории и культуры Италии, осматривая памятники античной цивилизации, поэт все больше и больше укреплялся в убеждении, что человечество стоит на закате» (с. 284).

Предвестниками грядущих изменений в России предстают природные катаклизмы в стихотворении «Скифы» (1918): «Века, века ваш старый горн ковал / И заглушал грома лавины, / И дикой сказкой стал для вас провал / И Лиссабона, и Мессины! / Вы сотни лет глядели на Восток, / Копя и плавя наши перлы, / И вы, глумясь, считали только срок, / Когда наставит пушек жерла! / Вот — срок настал...»<sup>6</sup>.

И.А. Бунин впервые посетил Сицилию в 1909 г. В письме литератору А.Е. Грузинскому он сообщал, что вместе с женой В.Н. Муромцевой-Буниной провел дней восемь на Капри, «но захотелось побольше солнца, зноя — и вот очутились мы в Сицилии... Знаменательно, наконец, и то, что прибыл я сюда в тот же день, что и Гёте в позапрошлом столетии»<sup>7</sup>. И.А. Ревякина в статье «“В дни скорби мы были нежнее...”»: Иван Бунин на Сицилии» акцентирует внимание на последней детали,

поясняя, что дневниковые записи Гёте из книги «Путешествие в Италию»<sup>8</sup> о прибытии в Палермо начинаются с даты 2 апреля 1787 г. Это важно для Бунина. Он любил «перемену мест» и часто брал с собой книги. Отправляясь на Сицилию, писатель не случайно выбрал себе «в собеседники» Гёте с его знаменитыми описаниями путешествий по Италии. Путешествие Бунина стало живым источником познания истории древних цивилизаций, его творческое воображение обогащалось драгоценными образами культуры разных эпох. Через несколько месяцев после сицилийского странствия в стихотворении от начала августа 1909 г. Бунин выразит это так: «...я обречен / Познать тоску всех стран и всех времен» (с. 292).

Эту мысль — о памяти и связи «всех стран» с глубин времен — И.А. Ревякина считает лейтмотивом философского мирозерцания Бунина. Яркое выражение эта идея получила в лирической поэме «Венеция», написанной в 1913 г., и особенно в сонете «В горах» (1916), первоначально названном «В Апеннинах»: «Я говорю себе, почуяв темный след / Того, что прашур мой воспринял в древнем детстве: / — Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»<sup>9</sup>. «Можно предполагать с большой долей очевидности, что эта, одна из самых важных поэтических деклараций Бунина, имеет внутреннюю связь с теми творческими импульсами, которые он получил через знакомство с культурой Сицилии» (с. 296), — подчеркивает автор статьи.

7 апреля 1909 г. Бунины посетили Мессину. О пребывании в разрушенном городе Муромцева писала: «Оттуда [из Сиракуз. — *И. Р.*] поехали в Мессину, где испытали настоящий ужас от того, что сделало землетрясение. Особенно поразила меня уцелевшая стена с портретами, — какой-то домашний уют среди щебня»<sup>10</sup>, «...среди развалин мы увидели высокую широкоплечую седую старуху. Она стояла и, воздев к небу руки и угрожая кому-то сжатыми кулаками, громко проклинала... Это продолжалось долго. Когда мы воз-

вращались на пароход, она все еще что-то выкрикивала»<sup>11</sup>. Откликом Бунина на трагедию стало стихотворение «В Мессинском проливе» с датой 15 апреля, позднее названное «После Мессинского землетрясения», в котором «всего восемь строк, исполненных щемящего лиризма и, как кажется, подлинной реальности увиденного:

На темном рейде струнный лад,  
Огни и песни в Катанес...

В дни скорби любим мы нежнее,  
Канцоны сладостней звучат.

И величаво-одинок

На звездном небе конус Этны,  
Где тает бледный, чуть заметный,  
Чуть розовеющий венок.

Конечно, это не простая пейзажно-городская зарисовка. В ней «спрятан» глубокий смысл тревожных, но и мужественных переживаний» (с. 299).

Стихи поэтов-эмигрантов В. Сумбатова (1893–1977) («В Сицилии»), Г. Эрестова (1902–1977) («Палермо», «Сегеста (Сицилия)», «По дороге в Сиракузы (Сицилия)», «Таормина (Сицилия)»), А. Гейнцельмана (1879–1953) («Сиракузы», «Сад Гесперид», «Скала») вошли в рубрику «Чужбина, она же новая родина».

Сборник дополнен богатым иллюстративным материалом, библиографическими выкладками, сведениями об авторах.

*К.А. Жулькова, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН*

### Примечания

<sup>1</sup> Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1994–1995. – Т. 6. – С. 549.

<sup>2</sup> Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1994–1995. – Т. 4. – С. 233.

<sup>3</sup> Цветаева М.И. Неизданное: Сводные тетради. – М., 1997. – С. 116.

<sup>4</sup> Блок А. Стихия и культура // Собр. соч.: В 6 т. – Л., 1982. – Т. 4. – С. 115.

<sup>5</sup> Италия: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. – СПб., 1909.

<sup>6</sup> Блок А. Скифы // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1960. – Т. 3. – С. 630.

<sup>7</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. / Под общ. ред. Михайлова О.Н. – М., 2007. – С. 107.

<sup>8</sup> Гёте И.В. Путешествие в Италию / Пер. Шидловской З.В. // Гёте И.В. Собр. соч. Гёте в переводе русских писателей / Под ред. Вейнберга П.: В 8 т. – Антикв. изд. – СПб., 1892–1894. – Т. 6. – 1893. – С. 140–142.

<sup>9</sup> Цит. по: Русская Сицилия. – М., 2013. – С. 296.

<sup>10</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906: Беседы с памятью. – М., 1989. – С. 108.

<sup>11</sup> Там же. – С. 438.

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ:  
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник статей  
Выпуск третий**

Верстка и техническое редактирование В.Б. Сумерова

Корректор Л.Н. Казимирова

Гигиеническое заключение  
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 30/IX – 2013 г.

Формат 60х84/8 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 15,5 Уч.-изд.л. 19,9

Тираж 500 экз. Заказ № 114

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:**

**Тел. /Факс 8(499) 120–4514**

**E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru**

**(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,  
Москва, В-418, ГСП-7, 117997  
042(02)9



